УПРАВЛЕНИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ, КУЛЬТУРЫ
И ПО ДЕЛАМ МОЛОДЕЖИ ВИТЕБСКОГО ОБЛИСПОЛКОМА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ «ВИТЕБСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА»

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ «ВИТЕБСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ П. М. МАШЕРОВА»

КАФЕДРА ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ

КНИЖНОЕ НАСЛЕДИЕ А. П. САПУНОВА

Материалы
*республиканской научно-практической
конференции к юбилеям издания А. П. Сапуновым книг
«Витебская старина» (т. 1, 1883)
и «Река Западная Двина» (1893)*

23 декабря 2013 г.

Минск 2014

УДК 947(Р476.5)
ББК 63.3(4Беи-4Вит)5
К53

Редакционная коллегия:
А. И. Сёмкин (гл. ред.), *А. В. Ганчарова, А. Н. Дулов, Н. В. Фенченко, В. М. Овсянникова*

Рецензенты:
кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и истории информационно-документных коммуникаций УО «Белорусский государственный университет культуры и искусств» *А. В. Предеина,*

кандидат культурологии, заместитель директора по научной работе и издательской деятельности Национальной библиотеки Беларуси *А. А. Суша*

К53 **Книжное** наследие А. П. Сапунова : материалы республиканской научно-практической конференции к юбилеям издания А. П. Сапуновым книг «Витебская старина» (т. 1, 1883) и «Река Западная Двина» (1893), 23 декабря 2013 г. / Управление идеологической работы, культуры и по делам молодежи Витебского облисполкома, Государственное учреждение «Витебская областная библиотека имени В. И. Ленина», Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова», Кафедра истории Беларуси ; редкол.: А. И. Сёмкин (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Национальная библиотека Беларуси, 2014. – 289 с.

ISBN 978-985-7039-40-1

В сборник включены доклады и сообщения республиканской научно-практической конференции к юбилеям издания А. П. Сапуновым книг «Витебская старина» (т. 1, 1883) и «Река Западная Двина» (1893), которая состоялась 23 декабря 2013 г. в ГУ «Витебская областная библиотека имени В. И. Ленина».

Издание адресовано историкам, музейным работникам, архивистам, краеведам, библиотекарям, педагогам и студентам.

УДК 947(Р476.5)
ББК 63.3(4Беи-4Вит)5

ISBN 978-985-7039-40-1

© Государственное учреждение «Витебская областная библиотека им. В. И. Ленина», 2014

© Государственное учреждение «Национальная библиотека Беларуси», 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

Алексей Парфенович Сапунов (1851–1924) – один из выдающихся белорусских историков последней четверти XIX – первой четверти XX ст. Всю свою жизнь он посвятил изучению исторического прошлого Полоцко-Витебского края. Приняв эстафету от первого подвижника на этой ниве Александра Сементовского-Курилы (1821–1893), Алексей Парфенович не только достойно продолжил его дело, но и сам внес такой значительный вклад, что никто при жизни не мог с ним сравниться. Перу А. П. Сапунова принадлежит почти 50 книг и брошюр, а также десятки научных статей и заметок, рецензий, публикаций документов, которые были изданы в сборниках, журналах и газетах. Признанием заслуг витебского историка-краеведа стало привлечение его к составлению 9-го тома многотомного труда «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества» (Петербург, 1905).

Первые работы не только вызвали интерес к личности молодого исследователя, но и получили высокую оценку современников: и специалистов, и земляков. Этот успех подтолкнул А. П. Сапунова к созданию самой знаменитой своей работы – сборника «Витебская старина», вышедшего в трех томах в 1883–1888 гг. «Явлением поистине выдающимся» назвали этот трехтомник в одной из рецензий. Столь же высокую оценку получил и другой труд историка «Река Западная Двина» (1893).

Память об А. П. Сапунове сохраняется в Витебске, изучению прошлого которого он отдал всю свою жизнь. Решением Витебского горисполкома в 1987 г. его имя присвоено бывшей 3-й Володарской улице. В марте 1991 г. в Витебске состоялись первые Сапуновские чтения, в 1995–2007 гг. успешно работал Витебский краеведческий фонд имени А. П. Сапунова, который издал более 20 книг, брошюр и альбомов по краеведению, участвовал в сооружении памятного знака на месте бывшего имения историка в Витебском районе, стал инициатором выпуска к 150-летию со дня рождения Алексея Парфеновича маркированного почтового конверта с оригинальной маркой. Сам же фонд выпустил непочтовую сувенирную марку. С апреля 2000 г. имя А. П. Сапунова носит Витебская епархиальная публичная библиотека.

23 декабря 2013 г. в ГУ «Витебская областная библиотека имени В. И. Ленина» состоялась республиканская научно-практическая конференция «Книжное наследие А. П. Сапунова», приуроченная к юбилеям выхода в свет изданий краеведа «Витебская старина» (т. 1, 1883) и «Река Западная Двина» (1893).

Организаторами конференции выступили ГУ «Витебская областная библиотека им. В. И. Ленина», УО «ВГУ им. П. М. Машерова», УК «Витебский областной краеведческий музей», Учреждение «Государственный архив Витебской области». В конференции приняли участие более 70 представителей из Беларуси, России, Украины и Польши. Среди них профессора, кандидаты наук, доценты, магистры, научные сотрудники, музейные, архивные и библиотечные работники, преподаватели высших учебных заведений, аспиранты и студенты.

Материалы сборника сгруппированы по четырем разделам: «Жизнь и исследовательская деятельность А. П. Сапунова», «История и культура Подвинья (от древности до современности)», «История краеведения. Библиотечно-библиографическое и музейное краеведение. Экскурсионное дело», «Источники по истории Подвинья. Церковное краеведение». Представленные в сборнике доклады и сообщения имеют научное и практическое значение. Они освещают малоизвестные факты из истории Подвинья и могут быть использованы в научно-исследовательской деятельности при изучении Витебской области.

ЖИЗНЬ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А. П. САПУНОВА

О. С. Белоусова (Витебск)

ДОКУМЕНТЫ В ФОНДАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ ОБ ИСТОРИКЕ И КРАЕВЕДЕ А. П. САПУНОВЕ

В фондах Государственного архива Витебской области хранится большой комплекс документов, дающих возможность ознакомиться со страницами биографии выдающегося историка и краеведа Алексея Парфёновича Сапунова. Многие из них ранее экспонировались на выставках, были использованы исследователями при написании различных трудов.

Самые ранние из выявленных документов относятся к 1918 г. Имеется много информации за 1921 и 1924 гг.

Документы различаются по степени своей информативности. Наиболее значимые из них иллюстрируют работу А. П. Сапунова в статистическом комитете, губернском архиве, Витебском отделении Московского археологического института, Витебском институте народного образования, а также знакомят нас с судьбой трудов и библиотеки краеведа после его смерти.

В архивном фонде Губернского управления советской рабоче-крестьянской милиции г. Витебска (фонд 7) имеется письмо губернского статистического бюро, подготовленное А. П. Сапуновым, в Витебское губернское управление советской рабоче-крестьянской милиции, в котором предоставляются сведения о религиозном составе населения Витебской губернии за 1915 г. [2, л. 15–16]. К письму прилагаются заполненные ведомости.

Заявления А. П. Сапунова о внесенной им арендной плате в качестве квартиронанимателя находятся в фонде Витебского отдела городского хозяйства (фонд 1001) [20, л. 231].

Среди документов Витебского губернского статистического бюро (фонд 476) есть два интересных прошения заведующего секцией демографической статистики А. П. Сапунова заведующему губернским статистическим бюро. В них сообщается о том, что он вынужден выйти в отставку в связи с болезнью глаз и отсутствием средств на лечение [19, л. 384, 385].

В фонде Государственного архива Витебской области (фонд 289) имеются постановление о назначении А. П. Сапунова заведующим 2-го отдела Витебского губернского фонда губернского архива [11, л. 3 – 3 об.], его коман-

дировочные удостоверения [5, л. 6, 7], письма [5, л. 8], сведения о занимаемой должности архивариуса [7, л. 14], анкета [10, л. 30] и отчет [8, л. 1–4]. Из наиболее интересных документов этого фонда также следует выделить приказ заведующего Витебским губернским архивным управлением об увольнении А. П. Сапунова в связи с распоряжением главного архива о сокращении штатов [18, л. 63] и доверенность на получение жалованья, выданную супруге А. П. Сапунова Марии [1, л. 190].

В архивном фонде Витебского педагогического института (фонд 204) в деле № 130 обращает на себя внимание программа лекций по истории Западной России, составленная А. П. Сапуновым [21, л. 9]. Историк рассчитывал читать по восемь лекций в месяц. В деле № 173 этого же фонда можно найти программу лекций по истории Беларуси и древностям Беларуси с разъяснительной запиской к ней [22, л. 42–43]. Также в этом фонде имеются такие документы, как ходатайство организационной комиссии Витебского педагогического института перед Государственным Советом об утверждении А. П. Сапунова в должности профессора Витебского педагогического института [3, л. 41], сведения о приглашении профессора А. П. Сапунова для проведения эпизодического курса по истории Беларуси [17, л. 19] и др.

На страницах газеты «Известия» Витебского губернского исполнительного комитета и губернского комитета РКП(б) размещены две статьи А. П. Сапунова (в № 45 «Кто такие Белоруссы?» [4, л. 130] и в № 47 «Исторические судьбы Белоруссии» [4, л. 136 об.]).

Существенный интерес для нас представляют документы Витебского окружного отдела народного образования (фонд 170) о приобретении библиотеки А. П. Сапунова и переиздании его трудов [14, л. 7, 7 об., 8, 8 об.], а также информация о выступлении А. П. Сапунова против закрытия педагогического института [14, л. 37] и письмо краеведческого общества о совещании знатоков витебских музеев и старины для разрешения всех вопросов, связанных с организацией единого витебского музея [14, л. 46].

Наибольшее количество документов об А. П. Сапунове содержится в архивном фонде Витебского областного краеведческого музея (фонд 1947). В большинстве своем это постановления Витебской губернской комиссии по охране памятников старины и искусства, являющиеся, на наш взгляд, недостаточно информативными [15, л. 7, 17, 24, 38, 53, 66 об., 76, 76 об., 89 об.]. Однако некоторые постановления представляют значительный интерес. К примеру, информация о пропаже ряда рукописей из квартиры А. П. Сапунова [15, л. 8] и о приобретении в губернский музей его вещей [15, л. 88]. Кроме того, в этом фонде можно найти протокол заседания комиссии по разбору материалов, оставшихся после смерти профессора А. П. Сапунова [6, л. 65], протокол общего собрания культурно-исторической секции Витебского окружного общества краеведения об установлении пенсии вдове

А. П. Сапунова [16, л. 30, 30 об.], доклад для окружного съезда Советов Витебщины о наличии в составе фондов Витебского отделения Белорусского государственного музея книг, рукописей, печатных изданий и фотографий, принадлежащих профессору [9, л. 129], сообщение Витебского отделения Белорусского государственного музея в Главнауку при Наркомпросе БССР о пополнении фондов Витебского отделения Белорусского государственного музея предметами из коллекции А. П. Сапунова (книги, рукописи, фотографии и т. д.) [13, л. 2, 29 об.], опись библиотеки А. П. Сапунова [6, л. 66–70], опись предметов и вещей, которыми пользовался профессор А. П. Сапунов [6, л. 71 – 71 об.], список материалов для биографии А. П. Сапунова, его рукописи и черновые заметки [6, л. 72–73], справку о получении от жены историка, краеведа А. П. Сапунова, 545 научных книг и 48 рукописей из библиотеки мужа [12, л. 12].

Некоторые документы не были включены в обзор как представляющие незначительный интерес и лишь вскользь упоминающие об А. П. Сапунове. Большинство из представленных документов было выявлено давно и использовано в различных исследованиях. Однако они не исчерпывают всей информации из фондов архива, оставляя возможность для поиска новых данных о жизни и деятельности краеведа.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Ведомости** на выдачу зарплаты сотрудникам Витебского окружного отдела Центрального архива БССР за июнь 1919 – декабрь 1925 гг. // Государственный архив Витебской области. – Фонд 289. – Оп. 4. – Д. 1.

2. **Декрет** СНК РСФСР от 5 июня 1918 г. об организации народной рабоче-крестьянской советской милиции, сметы расходов и штаты губернского управления милиции, переписка с уездными исполкомами об организации в уездах милиционных подотделов, удостоверения и списки милиционеров // Государственный архив Витебской области. – Фонд 7. – Оп. 1. – Д. 1.

3. **Дело** об укомплектовании профессорско-преподавательского состава Витпединститута (заявления, письма и переписка) // Государственный архив Витебской области. – Фонд 204. – Оп. 1. – Д. 182.

4. **Известия** Витебского губисполкома и губкома РКП(б) за 1924 г. // Государственный архив Витебской области. – Фонд 2289. – Оп. 2. – Д. 93.

5. **Инструкция** Центрархива РСФСР от [7 марта] 1922 г. по выявлению и учету архивных фондов, план работы губернского архивного бюро на зимний период 1923–1924 гг., отчеты о работе бюро за 1919–1923 гг. // Государственный архив Витебской области. – Фонд 289. – Оп. 1. – Д. 3.

6. **Отчет** о состоянии Витебского отделения Белорусского государственного музея за 1924–1925 г., сведения об итогах разбора коллекции Федоровича, описи рукописей, книг, оставшихся после смерти проф. А. П. Сапунова, за 1925 г. // Государственный архив Витебской области. – Фонд 1947. – Оп. 1. – Д. 11.

7. **Отчеты** о работе губернского архивного управления за 1920–1921 гг. // Государственный архив Витебской области. – Фонд 289. – Оп. 1. – Д. 22.

8. **Отчеты** о работе зав. отделом А. П. Сапунова и помощника архивариуса Е. Фонд Шаровского за январь – июнь 1920 г. // Государственный архив Витебской области. – Фонд 289. – Оп. 1. – Д. 23.

9. **Переписка** с Белорусским государственным музеем, райисполкомами, окрстатбюро о высылке сведений для Всесоюзного общества культурных связей с заграницей, количестве человек, посетивших музей, за 1925 г., ставках сотрудников музея за 1926 г. // Государственный архив Витебской области. – Фонд 1947. – Оп. 1. – Д. 27.

10. **Переписка** с Главным управлением архивным делом о штатном составе служащих и анкеты служащих губернского архивного управления // Государственный архив Витебской области. – Фонд 289. – Оп. 1. – Д. 17.

11. **Постановления** коллегии уполномоченного по Витебской губернии, Витебского губернского архивного управления о разделении управления на секции и отделы, командировании для обследования волостных и церковных архивов А. П. Сапунова // Государственный архив Витебской области. – Фонд 289. – Оп. 1. – Д. 2.

12. **Приказы** директора музея по личному составу, переписка с Ленинградским товариществом художников «ИЗО», Киевским музеем русского искусства о получении музеем картин Бродского, Кузнецова, Репина, список сотрудников музея // Государственный архив Витебской области. – Фонд 1947. – Оп. 1. – Д. 77.

13. **Протокол** заседания совета научных сотрудников музея от 8 февраля 1927 г. об отношении к постановлению музейного совета БССР, перспективный план работы музея на 1928–1932 гг., переписка с главнаукой наркомата просвещения БССР об истории образования и состоянии музея // Государственный архив Витебской области. – Фонд 1947. – Оп. 1. – Д. 38.

14. **Протоколы** заседаний бюро, общих собраний членов, устав и планы работы окружного общества краеведения // Государственный архив Витебской области. – Фонд 170. – Оп. 1. – Д. 13.

15. **Протоколы** заседаний губернской комиссии по охране памятников старины и искусства // Государственный архив Витебской области. – Фонд 1947. – Оп. 1. – Д. 5.

16. **Протоколы** и выписки из протоколов заседаний краеведческого совета // Государственный архив Витебской области. – Фонд 1947. – Оп. 1. – Д. 10.

17. **Протоколы** общих собраний научных сотрудников, представителей студенчества, профессорско-преподавательского состава, заседаний педагогического совета 1 курса Витебского пединститута за январь–июнь 1924 г. Подлинники и копии // Государственный архив Витебской области. – Фонд 204. – Оп. 1. – Д. 199.

18. **Списки**, заявления о приеме на работу, удостоверения служащих губернского архивного управления за 1920–1921 гг. // Государственный архив Витебской области. – Фонд 289. – Оп. 4. – Д. 2.

19. **Списки**, заявления рабочих и служащих губстатбюро // Государственный архив Витебской области. – Фонд 476. – Оп. 2. – Д. 2.

20. **Удостоверения** дворников, заявления об уплате арендной платы квартиросъемщиков // Государственный архив Витебской области. – Фонд 1001. – Оп. 1. – Д. 23.

21. **Учебные** программы Витебского института Народного образования за 1922–1923 учебный год // Государственный архив Витебской области. – Фонд 204. – Оп. 1. – Д. 130.

22. **Учебные** программы Витпединститута на 1923–1924 учебный год // Государственный архив Витебской области. – Фонд 204. – Оп. 1. – Д. 173.

Н. П. Варламова (Витебск)

О ПУБЛИКАЦИЯХ И РУКОПИСЯХ А. П. САПУНОВА 1918–1924 ГГ.

Основанием для написания доклада послужил документ «Библиотека А. П. Сапунова. А также указатель книг, переданных разным учреждениям и лицам (во время болезни глаз и голодания)» [14], который хранится в фондах Витебского областного краеведческого музея (ВОКМ) среди рукописей из архива А. П. Сапунова. Документ датирован 1924 г. и состоит из двух частей – «Список опубликованных изданий» и «Список рукописей, подготовленных к печати».

В первой части документа А. П. Сапунов перечисляет в хронологическом порядке свои опубликованные труды. Список содержит 68 названий статей и отдельных изданий. Список этот далеко не полный, опущены многие статьи из «Витебских губернский ведомостей», «Полоцких епархиальных ведомостей», статьи, которые публиковались в сборниках, а также отдельными оттисками. Следует отметить, что к составлению библиографии по истории Беларуси (куда входила и его личная библиография) А. П. Сапунов приступил еще в 1913 году, когда им был составлен первый выпуск «Белорусской библиографии». Документ этот сохранился и находится в фондах ВОКМ [19]. Библиографический указатель содержит более 920 записей (не включая отдельных томов), выстроенных в алфавитном порядке. Как писал сам А. П. Сапунов, в этой библиографии «отмечено только то, что было у меня под руками и чем я пользовался». В качестве предисловия, как следует из пометки на форзаце рукописи, составитель планировал использовать свою статью «Исторический ход изучения Белоруссии», материалы которой были использованы в лекции по библиографии для Витебского педагогического института в 1920-х гг.

Содержание библиографии выстроено в алфавитном порядке с указанием страниц для каждой буквы, но, очевидно, указатель неоднократно дополнялся, и потому записи на определенные буквы разбиты на несколько частей и помещены на разных страницах. Отдельные издания отмечены составителем как интересные и ценные для изучения истории Витебщины и Беларуси в целом, другие охарактеризованы как бессистемные и упрощенные. Отдельно выделены законодательные акты, а также летописи как источники по истории региона с указанием конкретных томов. А. П. Сапуновым составлены достаточно полные библиографии Е. Р. Романова – 113 библио-

графических записей, М. В. Довнар-Запольского – 32, Д. И. Довгялло – 19, Н. Я. Никифоровского – 19. Диапазон материалов, с которыми работал А. П. Сапунов, широк – от документов рукописного отдела Императорской публичной библиотеки, Московского главного архива Министерства иностранных дел, архива Министерства юстиции, Виленского центрального архива древних актов до местных изданий Витебска, Полоцка, Могилева.

А. П. Сапуновым был составлен и второй (дополнительный) выпуск «Библиографии» (после 1913 г.), который, как указывает историк, был утрачен в 1920 г., когда его квартира была занята П. Н. Брауном и К. Р. Куликовской. Об этом свидетельствует запись на титульном листе первого выпуска «Библиографии», которая была сделана А. П. Сапуновым в 1924 г. [19, с. 1]. Тогда же была сделана пометка и на странице с библиографическими указателями на букву «С», где в 1913 г. Алексей Парфенович отметил, что библиография А. П. Сапунова, а также А. М. Сементовского будет помещена во втором выпуске «Библиографии». В пометке он писал: «Ах! Пропали и все труды мои! В настоящее время они аннулированы. Оценка их в настоящее время такая: с февраля 1923 года я читал лекции в Педагогическом институте и получил: в феврале – мае 1923 г. – 3 р. 60 к. в месяц (по курсу), затем 5 руб., 10 р., в январ. 1924 г. – 17 р. Вот что я стоил? – на моем попечении внучка, студентка Пед <агогического> института, когда в 1924 г. выдавали студ <енческое> пособие, ей было отказано – Вторая оплеуха!!! Очень жаль, что II выпуск пропал, теперь очень трудно будет составить библиографический список трудов А. М. <Сементовского>, а между тем они очень важны для истории Витебской губернии» [19, с. 53].

Возможно, именно утрата второго выпуска «Библиографии» и подтолкнула А. П. Сапунова к составлению нового варианта своей библиографии в 1924 г. Им велась также и дальнейшая работа по составлению библиографии Беларуси: собрано 145 карточек с библиографическими указателями (некоторые повторяются), которые были сброшюрованы в тетрадь под названием «Книги и брошюры, касающиеся Белоруссии вообще и Витебщины в частности» [20], а также еще одна тетрадь без названия, куда вошло 67 карточек [21]. Исходя из того, что в библиографию включены издания за 1923 г. – «Календарь на 1924 г.» (издание Витебского губернского исполнительного комитета), «Крывіч» 1923, – можно сделать вывод, что А. П. Сапунов занимался составлением библиографии вплоть до 1924 г. В отличие от первого выпуска «Библиографии» библиографические записи на карточках не были систематизированы.

Подтверждением того, что А. П. Сапунов планировал напечатать «Библиографию по истории Беларуси в целом и Витебщины в частности», служат его же слова из лекции «Библиография Беларуси», которую он читал в Витебском педагогическом институте в 1923 г. «В настоящей лекции я коснусь Белорусской библиографии, – предмета дов<ольно> скучного, но

весьма необходимого. Конечно, я вовсе не намерен заняться перечислением всех трудов по археологии, этнографии и истории Белорусского края (1-й выпуск такой библиографии будет напечатан мною в следующем [зачеркнуто. – *Н. В.*] одном из [зачеркнуто. – *Н. В.*] 4-м выпуске «Полоцко-Витебской старины». Теперь я только изложу вкратце исторический ход изучения Белоруссии и попутно укажу на важнейшие труды» [25, с. 1].

Четвертый выпуск «Полоцко-Витебской старины» не был напечатан, как не была напечатана и «Библиография» А. П. Сапунова. Частично она использовалась в статье Н. И. Касперовича и Н. Н. Богородского «Бібліяграфія Віцебшчыны», которая была опубликована в 1925 г. в сборнике «Віцебшчына». Во вступительной статье составители отметили: «Выданай бібліографіі Віцебшчыны ня было. Прышлося рабіць беглыя запіскі, шукаць і траціць шмат часу. Усё ж у выніках гэтай працы склаўся сшытак з бібліографічнымі матэр'яламі па Віцебшчыне. Пазьней была напаткана такая ж праца А. П. Сапунова і сшытак быў дапоўнены (каля 70 назваў) з яго матэр'ялаў, а некаторыя запісы былі праверaны» [40, с. 135].

Первый библиографический указатель трудов А. П. Сапунова, который был опубликован, составил в 1905 г. В. К. Стукалич и поместил его в своем очерке «А. П. Сапунов : к 25-летию его ученой и литературной деятельности» [46]. В 1993 г. дополненный и уточненный библиографический указатель составил А. М. Подлипский и опубликовал в своей книге «Летапісец Віцебшчыны» [41]. В 2001 г. указатель публикаций А. П. Сапунова, выстроенный в хронологическом порядке, был составлен Л. В. Хмельницкой [47], а в 2009 г. – Витебской областной библиотекой им. В. И. Ленина [1]. Такова история публикаций библиографии трудов А. П. Сапунова.

Во второй части обозначенного в начале доклада документа – «Список рукописей, подготовленных к печати» – А. П. Сапуновым перечислены следующие рукописи:

• «История г. Витебска» (около 10–12 печатных лент, имеются готовые портреты, рисунки, снимки с древних документов; часть 1);

• «Краткая характеристика белоруса»;

• «Кто такие белорусы?»;

• «Что такое Белоруссия?»;

• «Герсике и Кукенос – удельные полоцкие княжества на берегах Западной Двины и борьба их с немцами (с тремя планами Кокенгузена, извлеченными из шведского государственного архива в Стокгольме и с тремя рисунками)»;

• «Писцовые книги Велижа, Невля, Себежа, Озерища, Усвята, со снимками с рукописей, около 200 писан. листов. Писцовые книги относятся к половине XVII в. (время завоевания Белоруссии царем Алексеем Михайловичем), и извлечены мною из московских архивов б<ывшего> Мин<истерства> иностр<анных> дел и юстиции. Рукописи проверены)»;

• «Инвентарь г. Витебска и экономии Витебской 1667 г., около 20 писан. листов, на польском языке, но мною сделан и русский перевод. Извлечено из Виленского центрального архива. Рукопись проверена.

Постскриптум: №№ 6 и 7 переданы мною Витебскому Педагогическому институту и хранятся в его библиотеке» [14].

Именно об этих рукописях писал в январе 1924 г. М. Мелешко в статье «Новыя працы А. П. Сапунова» в газете «Савецкая Беларусь» с предложением подготовить их к печати [8]. В его списке были отмечены еще две статьи: «Памятники старины Витебской губернии» и «Витебская губерния и ее место в Белоруссии».

Интересно было проследить историю каждой из перечисленных рукописей.

В фондах ВОКМ сохранился подготовленный к печати вариант рукописи книги «История г. Витебска». Подписной лист был подготовлен в 1918 г., и издание книги планировалось приурочить к празднованию 900-летия первого упоминания Витебска в летописи в 1921 г. [11].

На заседании Губернской комиссии по охране памятников старины и искусства 15 марта 1921 г. при обсуждении мероприятий по празднованию 900-летия с момента первого упоминания Витебска был заслушан доклад А. П. Сапунова. Он предложил для юбилейного сборника две статьи «Что такое Белоруссия?» и «Кто такие белорусы?». Отметил также, что рукопись «История г. Витебска» была утрачена вместе с другими рукописями во время проживания в его квартире гражданки Куликовской [36]. И в случае, если она не найдется, придется отказаться от ее издания. На следующих заседаниях комиссии рассматривались уже вопросы о публикации статей «Древний Витебск» (5 апреля 1921 г.) [38] и «Очерк Витебской губернии в географическом и естественноисторическом отношении» (24 мая 1921 г.) [37].

Затем в протоколе от 16 августа 1921 г. № 31 вновь рассматривалось заявление о предоставлении статьи А. П. Сапунова «История г. Витебска». Отмечено, что статья была прочитана Н. Н. Богородским [39]. Трудно предположить, идет ли речь об издании книги или же о популярной статье «Краткий очерк истории Витебска», которая готовилась к 900-летию Витебска. Но очевидно, что рукопись «История г. Витебска» не была утрачена окончательно и находилась в собрании А. П. Сапунова вплоть до его смерти в 1924 г., так как она упоминается в описях, составленных комиссией по разбору материалов А. П. Сапунова. Если сопоставить рукописные и машинописные описи, составленные комиссией в 1924 г., то «История г. Витебска» представляла собой несколько разрозненных частей. В описи «Рукописное собрание А. П. Сапунова», составленной В. Г. Краснянским [15], отмечено: «История г. Витебска» с примечаниями к ней, подготовленная автором к печати беловая рукопись. 1924 г. Количество частей: 6+6, в листах почтовой бумаги большого формата». А в Описи № 1 книг, оставшихся после проф.

А. П. Сапунова записано: «I и II гл. Истории г. Витебска на пишущей машинке, проверен<ы> самим автором» [12]. Если отталкиваться от записей, то получается, что материалы к «Истории г. Витебска» состояли из двух глав, которые были напечатаны на машинке, 6 рукописных тетрадей, а также шести рукописных тетрадей «Примечаний к “Истории г. Витебска”».

«История г. Витебска», которая хранится в фондах ВОКМ сегодня, состоит из двух частей, которые сброшюрованы в книги в твердой обложке красного цвета – «История г. Витебска с древнейших времен до начала XX в.» и «Примечания к “Истории г. Витебска”».

Очевидно, что материал для книги готовился в несколько этапов, так как каждый раздел достаточно самостоятелен. Последние записи были сделаны после 1920 г., так как в главе 5 помещены сведения о количестве жителей Витебска в начале XX в. и последним годом указан 1920 г.

«История г. Витебска» состоит из шести разделов, два первых напечатаны на машинке, остальные рукописные. Первые три главы отражают историю г. Витебска с 1021 до 1772 г. Каждая глава имеет подразделы «Политическая жизнь» и «Внутренняя общественная жизнь». Четвертая глава состоит из четырех листов рукописного текста, вклеенной статьи А. П. Сапунова «Губернаторский дворец» и шести листов, написанных другим почерком. Пятая глава посвящена истории Витебска, шестая – витебским замкам (рукопись о Верхнем замке, Нижнем замке, Взгорье, а также вклеена статья А. П. Сапунова «Чертеж 1664 года»). В конце книги вклеен фрагмент статьи А. П. Сапунова «Исторический очерк 50-летия Витебского губернского статистического комитета» с биографиями К. А. Говорского, А. М. Сементовского. От руки сделана запись о Н. Я. Никифоровском, а также фрагмент предания о Замковой горе.

«Примечания к “Истории г. Витебска”» представляют собой список источников и литературы с пометками и замечаниями автора, а также исправления ошибок при печати и письме. Примечания также писались в несколько этапов и дополнения внесены тем же почерком, что и в «Истории г. Витебска».

В сокращенном виде «История г. Витебска» была опубликована И. А. Абрамовой в газете «Витебский курьер» в 1994 г. [42].

Вторая статья, которую А. П. Сапунов указывает как рукопись, подготовленную к изданию, была напечатана еще в 1922 г. Это статья «Краткая характеристика белоруса» [43]. В фондах ВОКМ сохранилась рукопись лекции А. П. Сапунова под таким же названием «Краткая характеристика белоруса», которую он читал на курсе «Беларусазнаўства» для Витебского педагогического института [29]. Эта рукопись была опубликована в 1991 г. в газете «Віцебскі рабочы» [45].

Вопрос о публикации статей «Кто такие белорусы?» и «Что такое Белоруссия?» более сложный. Эти две статьи были предложены А. П. Сапу-

новым для юбилейного сборника к 900-летию Витебска. Соответственно, материалы для них были подготовлены уже в 1921 г. В 1923/24 учебном году А. П. Сапунов читал в Витебском педагогическом институте лекции под таким же названием [30; 31]. Рукописи этих двух лекций и черновые записки к ним сохранились в фондах ВОКМ. Но помимо них сохранилось и еще несколько вариантов рукописей под названием «Кто такие белорусы?» и «Что такое Белоруссия?» и ни один из них не соответствует опубликованной 23 февраля 1924 г. в № 45 «Известий Витебского губкома РКП и губисполкома» статье «Кто такие белорусы?». В статье выделены следующие разделы: «Множество белорусов и их численность», «Белорусский язык», «Откуда берется название “Белая Русь”?». По содержанию данная статья является сокращенным вариантом опубликованной в 1910 г. статьи «Белоруссия и белорусы» [35]. Более того, сохранилось еще три документа, фактически идентичных по содержанию, под названием «К статье «Кто такие Белорусы?» [26; 27; 28], датированных 8 февраля 1924 г., в которых содержатся дополнения к опубликованной статье. По содержанию дополнения не увязываются с содержанием статьи и более перекликаются с упомянутыми выше рукописями «Кто такие белорусы?». На одной из них [24] на титульном листе сделана приписка «29 (15) октября «Что такое Белоруссия?». Есть также рукопись под названием «Кто такие белорусы и Что такое Белоруссия?» [22], в котором зачеркнута первая часть «Кто такие белорусы и». Можно предположить, что было несколько вариантов статей «Кто такие белорусы?» или же А. П. Сапунов готовил более обширные статьи «Кто такие белорусы?» и «Что такое Белоруссия?», активно используя для них материалы предыдущих статей, а также материалы лекций для Витебского педагогического института.

Подтверждением того, что статья «Что такое Белоруссия?» также готовилась к публикации и, возможно, была опубликована, служит еще один документ [32], в котором А. П. Сапунов указывает места, выброшенные редакцией «Известий» из своих статей «Что такое Белоруссия?» и «Исторические судьбы Белоруссии». Последняя статья была опубликована в № 47 «Известий» от 26 февраля 1924 г. В документе А. П. Сапунов пишет: «В статье I «Что такое Белоруссия?» выброшен весь конец статьи: «Белорусский яз<ык> обладает достаточным богатством и гибкостью для выражения общечеловеческих чувств и высоких мыслей. Описание природы в произведениях новейших белор<усских> поэтов занимает одно из первых мест; при этом надо отметить одну общую черту нов<ейшей> белор<усской> музы, это преобладающие в ее песнях грустные мотивы. Белорус устами одного из своих поэтов (Колоса) в ответ на вопрос, почему он поет так грустно, говорит откровенно:

«Ци ж я сэрцэм не балею?
Ци ж мне смутак легка дауся?
Я спяваю як умею,
А пра радасць пець – не здауся…»

Преобладающий мотив у современных белорусских поэтов – оплакивание бедной доли народа, бессильные порывы его к лучшему будущему. Единственным светлым мотивом является вера в силы народа, на которые он сам должен рассчитывать, не надеясь на помощь извне. Янка Купала (Ива<н> Домин<икович> Луцевич) так обнадеживает своих земляков:

«При ласцэ Божэй
Усе мы зможэм:
Горэ затопчэм сильнай нагой,
Звальчым нядолю,
Звальчым няволю,
Светач запалим шчасця свайго!..»

Речь, мова белорусская, отличается мягкостью и плавностью, она так сказать ласкает слух. Но неустановившаяся, несовершенная транскрипция, изобилующая притом массою полонизмов и неологизмов, положительно отпугивает от современной белор<усской> литературы не только Великороссов и Малороссов, но и самих белорусов разного рода крайностей. Извольте, напр<имер>, понять, что скрывается под словами: цецеруки [неразборчиво. – *Н. В.*]. Фонетическое правописание быть может целесообразно оставить для разного рода этнограф<ических>, чисто научных записей, но не для литер<атурной>, изящной беллетристики, не для газет и журналов. Почти все совр<еменные> белор<усские> поэты вышли из самых недр народа: Янка Купала – быв<ший> батрак, Тишка Гартный – кожевенный рабочий, Галубок – железнод<орожный> сторож, Алесь Гарун – столяр, Гурло – слесарь и т. д.

В ст<атье> «Исторические судьбы Белоруссии» выброшено:

«В Лаврентьевской летописи говорится о вече несколько подробнее: Новгородцы бы изначала, и смольняне, и кыяне, и полочане, и вся власти яко же на думу, на веча сходятся, на что оке старейши сдумають, на том же принужди станутъ». Это последнее известие не совсем точно и вообще, а в особенности по отношению к Полоцку: пригороды его постепенно приобретали все большую и большую независимость и самостоятельность; веча в Витебске, Минске, Друцке и др<угих> гор<одах> действовали совершенно независимо от веча полоцкого.

После слов «где и прежде сеймовались…»

Оригинальною особенностью древне-русского города было его единение с землей, т. е. с целой областью, город собственно б<ыл> центром, где на вече принимали участие жители города и всей области. Но такое единение в Литовск<ое> время мало-по-малу делается слабее и слабее, а наконец и вовсе прекращается».

После слов Александр I не прочь б<ыл> присоединить к Польше Литву и Белоруссию…»

Белорусский крестьянин всегда приходил с «[неразборчиво. – *Н. В.*] на пепелище» (во время почти беспрерывных войн Русских с Поляками); но ни-

когда положение его не было так тяжело, как во вторую половину царствования Александра I, после 1812 г., прозванного народом «Разоренным годом» или просто «Разореннем».

Прибавлено редакцией: «широкою волною стали вливаться польские начала – КУЛЬТУРНЫЕ (последнее слово прибавлено редакцией).

Ошибка: напечатано «Ином воеводу иного им дати». Надо: ино нам воеводу дати».

Из текста очевидно, что А. П. Сапунов вел речь о законченных статьях, в которые вносит правки. К сожалению, в «Известиях» за 1924 г. статья «Что такое Белоруссия?» опубликована не была. Потому можно только предположить, что Алексей Парфенович делал правки в каком-то черновом варианте статьи.

Еще одна рукопись, которая готовилась А. П. Сапуновым к печати, – «Герсике и Кукенос – удельные полоцкие княжества на берегах Западной Двины, и борьба их с немцами». В фондах музея сохранилась рукопись «Исторические судьбы Герсике и Кукеноса, удельных княжеств полоцких на Двине». На титульном листе рукой А. П. Сапунова карандашом подписано: «Герцике и Куконосъ, удельные полоцкие княжества, и борьба их с немцами». Во всем тексте сделаны правки карандашом, страницы наново пронумерованы, очевидно, что текст проверялся и перерабатывался, возможно, готовился к печати (76 листов) [13]. В 1924 г. А. П. Сапунов отмечал, что данная статья готовилась к печати с тремя планами Кокенгузена (1625, 1629, 1701). История крепости Кокенгузен была описана автором в 1893 г. в книге «Река Западная Двина», там же помещен план крепости 1625 г. В примечаниях указано, что вышеназванные планы хранятся в Стокгольме. В фондах ВОКМ сохранились копия плана крепости Кокенгузен в 1629 г., выполненного на кальке с прорисовкой и надписями, а также два документа с расшифровкой надписей [34].

История с приобретением А. П. Сапуновым планов Кокенгузена началась еще в 1892–1893 гг., что прослеживается из писем Б. И. Эпимах-Шипилы к Алексею Парфеновичу, которые хранятся в фондах ВОКМ. В письме от 5 февраля 1893 г. он пишет: «Официально от имени университета за подписью ректора истребовал я из Шведского Государственного Архива план Кокенгузена 1641 года, упомянутый Ширреном в его «Verzeichnis livländischer Geschichte Quellen in schwedischen Archiven und Bibliotheken». Так обыкновенно получали мы из разных заграничных библиотек и архивов редкие книги и рукописи для пользования. Не знаю, теперь пришлют ли из Шведского архива и как скоро? О результате не замедлю Вас уведомить. Если получу, то сняв копию, перешлю ее Вам» [17]. В письме от 4 марта 1893 г.: «25-го прошлого февраля я получил ответ из Стокгольма от директора Шведского королевского архива, копию которого посылаю Вам, подлинник же, как принадлежащий к официальной переписке, должен храниться во вхо-

дящих бумагах Библиотеки. Я рассчитал, что гораздо скорее будет, если послать три рубля на изготовление копии этого плана, нежели хлопотать чрез наше посольство о присылке подлинника и потом в Петербург делать копию с него, поэтому в тот же день выслал три рубля, прося прислать копию как можно скорее. При получении таковой немедленно перешлю Вам» [33].

И наконец, в письме, которое не датировано, но по логике является следующим в переписке: «Упоминать ректора университета нет необходимости, так как он тут совсем почти ничего не сделал. Один раз только в самом начале, давно уже, говорил я с ним о том, что в шведском Королевском архиве есть план Кокенгузена, который мне желательно было бы получить лично для себя, и он тогда же сказал мне просто упомянуть план от имени университета, а после того он совсем и забыл об этом, даже не поинтересовался узнать, получил ли я его или нет. Уже скорее следовало бы упомянуть библиотекаря университета Александра Романовича Крейсбурга, много содействовавшего в получении копии. Не мешало также упомянуть и директора шведского Королевского архива г-на С. Г. Odhner'a, который весьма любезно предложил свое содействие в раздобытии и приготовлении копии плана из совсем неподведомственного ему Архива Шведского Главного Штаба, и несколько раз писал по этому делу к нам. Что касается копий остальных двух планов, т. е.: 1629-го кажется и 1641-го упомянутого Ширреном, то их во всякое время можно будет получить через посредство того же Odhner'a, только я думаю, вместо плана, упомянутого Ширреном, о котором (плане) г. Odhner писал, что он мало интересен, не лучше ли было бы попросить копию какого-либо более позднего плана времен Карла XII, а таковых как писал г. Odhner, тоже есть несколько и вот самого лучшего и интересного из них. Впрочем, как Вы желаете? » [16].

В рукописи с расшифровкой надписей на планах Кокенгузена А. П. Сапунов пишет: «Подлинные планы <…> доставлены мне благодаря [неразборчиво. – *Н. В.*] директора архива г. Odhner при содействии библиотекаря Пертогр<ского> Унив<ерситета> г. Крейсберга и его помощника Б. И. Эпимах-Шипилы. Снимки переданы в 1917 году мною Витебской Ученой архивной комиссии (№ 1 снимок 1625 г., № 2 снимок 1629 г., № 3 снимок 1701 г.») [34]. Снимки планов не сохранились. Но в Витебской типографии был отпечатан литографический оттиск плана крепости Кокенгузена 1629 г. в размер оригинала, а также планы 1625 и 1701 гг. с пометкой «А. П. Сапунов. Герцике и Куконос».

Что касается выписок из «Писцовых книг Велижа, Невля, Себежа, Озерища, Усвята», относящихся к середине XVII в., то они были в собрании музея в 1924 г. В. Г. Краснянским была составлена Опись Писцовых книг из собрания А. П. Сапунова [15]. Копии документов были сняты в Московском главном архиве Министерства иностранных дел при активном содействии профессора А. А. Куника. Некоторые документы были опубликованы в

первом и четвертом томах «Витебской старины». К сожалению, сами копии документов не сохранились. Однако в переписке А. П. Сапунова есть ряд писем, которые освещают этапы работы по сбору информации. Это восемь писем В. А. Цветкова, сотрудника архива Министерства иностранных дел, к А. П. Сапунову (первое – 20 августа 1883 г., последнее – 14 августа 1885 г.), с отчетами о проведенной Цветковым работе по снятию копий с оригинальных документов. Копии снимались с документов, согласно списку, составленному А. П. Сапуновым. В письме от 2 июня 1885 г. В. А. Цветков писал: «Препровождаю к Вам нужные Вам копии, долгом считаю объяснить, что дело «Сказки, взятыя у шляхты г. Невля» <…> 1667 г. списано только наполовину. Вы как-то писали мне, что если оно очень длинно, то чтобы списать его не все. Если оно Вам будет нужно целиком, то потрудитесь уведомить. Всего списано окол<о> 24 л. За лист я полагаю по 60 к., считая тут же наблюдение за переписчиком и считку списанного, следовательно всего следует 14 р., за высылку буду очень признателен» [18]. «Сказки шляхты г. Невля» указаны в описи, составленной В. Г. Краснянским.

Последним в списке рукописей, подготовленных к печати, отмечен «Инвентарь г. Витебска и экономии Витебской 1667 г.». Данный документ сохранился и представляет собой выписки из книг инвентарей за 1635–1747 гг., которые хранились в Виленском центральном архиве древних актовых книг. Копии документов были сделаны в 1882 г. и завизированы архивариусом архива И. Спрогисом, а затем проверены А. П. Сапуновым.

«Инвентарь г. Витебска и экономии Витебской 1667 г.» состоит из трех самостоятельных документов, которые подшиты в одну книгу в кожаном переплете бордово-коричневого цвета:

• «Передаточный инвентарь Витебска, как самого города, так и экономии Витебской, по особому письменному поручению превосходительного Иеронима Крыспина Киршенштейна, подскарбия великого и писаря земского ВКЛ, составленный дворянином Иваном Казимиром Киркором для превосходительного г. Владислава Воловича, воеводы Витебского, гетмана польного ВКЛ, Дисненского и Суражского старосты и пр., в текущем 1667 г. марта 29» (был опубликован А. П. Сапуновым в первом томе «Витебской старины») [4];

• «Инвентарь Витебской экономии, представленный вместе с межевою книгою превосходительному Андрею Казимиру Криспину, воеводе витебскому, старосте Шерешовскому и Пунскому, полковнику е. к. в., мною комиссаром е. к. в. и дворянином скарбовым 1698 г.» [5]. Первый лист этого инвентаря был напечатан в первом томе «Витебской старины» с пометкой, что полный инвентарь Витебской экономии будет напечатан во втором томе «Витебской старины»;

• Выпись суммы доходов всех староств, находящихся в Витебском воеводстве, составленная 27 августа 1765 г. [6]. В фондах ВОКМ хранится перевод этого документа на русский язык (66 листов) [7].

Свое выступление хотелось бы закончить словами Н. Н. Богородского, сказанными в 1925 г.: «Трэба спадзявацца, што Віцебскі дзяржаўны музей і Інбелкульт, атрымаўшыя ад Аляксея Парфенавіча літаратурную спадчыну, не замарудзяць падрыхтоўкаю да выдання нявыйшаўшых пры жыцці яго матэр'ялаў» [2, с. 35]. За последние несколько десятилетий сделано достаточно много для изучения и популяризации наследия А. П. Сапунова: изданы монографии А. М. Подлипского, Л. В. Хмельницкой, написано огромное количество статей с освещением различных аспектов жизни и деятельности известного историка и краеведа. Но вопрос публикации его рукописей остается открытым.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Алексей** Парфенович Сапунов (1851–1924) : биобиблиогр. указ. / Витеб. обл. б-ка им. В. И. Ленина, Сектор краевед. лит. и библиогр. ; [сост.: А. В. Ганчарова, Н. А. Пугачева]. – Витебск : Витебская областная библиотека, 2009. – 43 с.

2. **Багародзскі, М.** Аляксей Парфенавіч Сапуноў і значэньне яго прац па дасьледаванню Віцебшчыны : (прамова на вечары, прысьвечаным Віцебскім Акруговым Таварыствам Краязнаўства успамінам аб А. П. Сапунове) / М. Багародзскі // Віцебшчына : [зборнік] : неперыядычны орган Віцебскага акруговага таварыства краязнаўства / пад рэд. М. І. Касьпяровіча. – Віцебск : выданне Таварыства, 1925. – Т. 1. – 218 с.

3. **Витебский** областной краеведческий музей. – КП 291/2.
4. **Витебский** областной краеведческий музей. – КП 7260/1.
5. **Витебский** областной краеведческий музей. – КП 7260/2.
6. **Витебский** областной краеведческий музей. – КП 7260/3.
7. **Витебский** областной краеведческий музей. – КП 7262.
8. **Витебский** областной краеведческий музей. – КП 7285/3(54).
9. **Витебский** областной краеведческий музей. – КП 7286/1.
10. **Витебский** областной краеведческий музей. – КП 7286/2.
11. **Витебский** областной краеведческий музей. – КП 7286/3.
12. **Витебский** областной краеведческий музей. – КП 7287/6.
13. **Витебский** областной краеведческий музей. – КП 7287/15.
14. **Витебский** областной краеведческий музей. – КП 7288/1.
15. **Витебский** областной краеведческий музей. – КП 7288/3.
16. **Витебский** областной краеведческий музей. – КП 7289/2.
17. **Витебский** областной краеведческий музей. – КП 7289/4.
18. **Витебский** областной краеведческий музей. – КП 7289/23.
19. **Витебский** областной краеведческий музей. – КП 7289/84.
20. **Витебский** областной краеведческий музей. – КП 7289/85.
21. **Витебский** областной краеведческий музей. – КП 7289/86.
22. **Витебский** областной краеведческий музей. – КП 7294(1)/2.
23. **Витебский** областной краеведческий музей. – КП 7294(1)/3.
24. **Витебский** областной краеведческий музей. – КП 7294(1)/4.
25. **Витебский** областной краеведческий музей. – КП 7294(1)/5.
26. **Витебский** областной краеведческий музей. – КП 7294(1)/6.

27. **Витебский** областной краеведческий музей. – КП 7294(1)/7.
28. **Витебский** областной краеведческий музей. – КП 7294(1)/9.
29. **Витебский** областной краеведческий музей. – КП 7294(2)/2.
30. **Витебский** областной краеведческий музей. – КП 7294(2)/3.
31. **Витебский** областной краеведческий музей. – КП 7294(2)/4.
32. **Витебский** областной краеведческий музей. – КП 7295/19.
33. **Витебский** областной краеведческий музей. – КП 7300/8.
34. **Витебский** областной краеведческий музей. – КП 7300/8.
35. **Витебский** областной краеведческий музей. – КП 10965.
36. **Государственный** архив Витебской области. – Фонд 1947. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 8.
37. **Государственный** архив Витебской области. – Фонд 1947. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 17.
38. **Государственный** архив Витебской области. – Фонд 1947. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 14–14 об.
39. **Государственный** архив Витебской области. – Фонд 1947. – Оп. 1. – Д. 436. – Л. 22.
40. **Касьпяровіч, М. І.** Бібліяграфія Віцебшчыны : (матэр'ялы) / М. І. Касьпяровіч, М. М. Багародзскі // Віцебшчына : [зборнік] : неперыядычны орган Віцебскага акруговага таварыства краязнаўства / пад рэд. М. І. Касьпяровіча. – Віцебск : выданне Таварыства, 1925. – Т. 1. – 218 с.
41. **Падліпскі, А. М.** Летапісец Віцебшчыны / А. М. Падліпскі ; пер. з рус. мовы А. Ф. Чарданцавай. – Мінск : Полымя, 1993. – 92 с. – (Нашы славутыя землякі).
42. **Сапунов, А. П.** История г. Витебска / А. П. Сапунов ; публ. подгот. И. Абрамова // Витебский курьер. – 1994. – 5 авг. ; 19 авг. ; 26 авг. ; 2 сент.
43. **Сапунов, А. П.** Краткая характеристика белорусса / А. П. Сапунов // Белорусский этнограф. – 1922. – № 2.
44. **Сапунов, А. П.** Кто такие белоруссы? / А. П. Сапунов // Известия Витебского губкома РКП и губисполкома. – 1924. – № 45.
45. **Сапуноў, А. П.** Кароткая характарыстыка беларуса / А. П. Сапуноў // Віцебскі рабочы. – 1991. – 14 сак. – С. 4.
46. **Стукалич, В. К.** А. П. Сапунов : к 25-летию его ученой и литературной деятельности / В. К. Стукалич. – Витебск : Губернская типолитография, 1905. – [2], 30, 7 с.
47. **Хмяльніцкая, Л. У.** Гісторык з Віцебска : жыццяпіс Аляксея Сапунова / Л. У. Хмяльніцкая. – Мінск : Энцыклапедыкс, 2001. – 255 с.

В. П. Коханко (Витебск)

ДОКУМЕНТЫ ВИТЕБСКОГО ГУБЕРНСКОГО СТАТИСТИЧЕСКОГО БЮРО О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. П. САПУНОВА

Имя Алексея Парфеновича Сапунова как популяризатора истории Витебщины и преподавателя различных учебных заведений сегодня хорошо известно не только специалистам-историкам. Менее известен Алексей Парфенович как статистик, хотя «…делу статистики, – как написал однажды он сам, – прослужил 18 лет».

Служба А. П. Сапунова-статистика проходила в основном в Витебском губернском статистическом комитете, существовавшем до Октябрьской революции 1917 г., однако в послужном списке известного историка и краеведа есть и работа в Витебском губернском статистическом бюро (Витгубстатбюро) с момента образования последнего (то есть с 1 ноября 1918 г.) по апрель 1919 г. Ниже остановимся именно на этом небольшом и малоизученном этапе биографии Алексея Парфеновича, кратко проанализировав наиболее значимые, на наш взгляд, документы Витгубстатбюро, связанные с его деятельностью в данной организации. Место хранения указанных документов – Государственный архив Витебской области.

Один из наиболее ранних документов этой организации с упоминанием А. П. Сапунова – «Список служащих бюро на выдачу служебных удостоверений за декабрь 1918 г.» (точная дата на документе отсутствует). В разделе «Секция демографической статистики» данного документа значатся Алексей Парфенович Сапунов и Моисей Прокофьевич Чашинский [5, л. 179 об.].

Еще в одном списке служащих бюро (также недатированном) указано, что А. П. Сапунов занимает должность заведующего секцией демографической и моральной статистики, не состоит членом РКП(б) или какой-либо другой партии, поступил на службу 1 ноября 1918 г., до этого работал заведующим статистическим отделом губисполкома [5, л. 194].

Коллега Алексея Парфеновича М. П. Чашинский, 1874 г. р., беспартийный, по профессии статистик, работал в секции демографической статистики в должности счетчика с 1 ноября 1918 г. Согласно тому же списку, до этого работал «счетчиком в том же отделе» (что и А. П. Сапунов – В. К.) [5, л. 194]; до Февральской революции 1917 г. являлся письмоводителем Витебского губернского статистического комитета и одновременно служил наблюдателем Витебского водного поста [5, л. 587].

В списке рабочих и служащих Витебского губернского статистического бюро в Витебскую общегородскую больничную кассу по состоянию на 1 января 1919 г. указан возраст Алексея Парфеновича – 65 лет, подтверждена дата поступления на службу – 1 ноября 1918 г. [5, л. 288 об. – 289]. В документе указан адрес Витебского губернского статистического бюро – «Гуторовщина, бывший Крестьянский банк» (сейчас в этом здании размещается Витебская академия ветеринарной медицины). Однако у нас есть сомнения относительно того, что именно в этом здании работал А. П. Сапунов, так как согласно циркулярному письму Витебского губернского статистического бюро в местные исполкомы от 11 апреля 1919 г. секция демографической статистики находилась в доме бывшей Духовной консистории на Консисторской (Нижней) Набережной [6, л. 3].

Сомнения в данном вопросе могли бы снять документы с указанием адреса демографической секции за более ранний период (конец 1918 г.), однако таковых, к сожалению, нам обнаружить не удалось.

Представление о работе Алексея Парфеновича в Витебском губернском статистическом бюро будет, на наш взгляд, неполным без краткого анализа деятельности самого бюро и секции демографической статистики за ноябрь 1918 – март 1919 г. (именно в это время там работал А. П. Сапунов).

3 сентября 1918 г. СНК РСФСР утвердил Положение об организации местных статистических учреждений. В соответствии с § 2 и § 3 названного Положения постановлением Витебского губисполкома от 29 октября 1918 г. отдел статистики губсовнархоза (бывшее статистическое отделение земской управы) преобразован в губернское статистическое бюро (в качестве самостоятельного отдела губисполкома, в служебном отношении не подчиненного другим его отделам).

Статистический отдел Витебского губисполкома, образованный из дореволюционного губернского статистического комитета, как губернская статистическая организация общего значения был упразднен, а его личный состав и дела переданы в губстатбюро. Другие статистические учреждения (ведомственные, существовавшие при комиссариатах земледелия, продовольствия и т. п.) влились в состав бюро, образовав секции (земельную, продовольственную, демографическую и т. д.) [3, л. 33].

Основными задачами секции демографической и моральной статистики являлись регистрация естественного и механического движения населения, а также концентрация и обработка материалов по моральной статистике и статистике выборов [2, л. 43].

Более подробно о деятельности данной секции, а значит и А. П. Сапунова, можно узнать из справки о деятельности секции демографической статистики, составленной, очевидно, самим Алексеем Парфеновичем к первому заседанию губернского Совета по делам статистики, состоявшемуся 19 декабря 1918 г. Правда, его авторство нельзя назвать бесспорным, поскольку документ, на который мы ссылаемся, не подписан.

Из указанной справки следует, что секция начала свою работу с 1 ноября 1918 г., и за месяц с небольшим Алексеем Парфеновичем и Моисеем Прокофьевичем, во-первых, были приведены в порядок дела, находившиеся в канцелярии бывшего статистического комитета (статотдела губисполкома) и составлены их подробные описи. Во-вторых, «всесторонне выяснялись и уточнялись» сведения о местонахождении и состоянии метрических книг, анализировался порядок ведения в них записей о родившихся, бракосочетавшихся и умерших всех вероисповеданий в дореволюционное время, а также изучался новый порядок ведения записей гражданского состояния.

В-третьих, ввиду отсутствия сведений о родившихся, бракосочетавшихся и умерших за 1917 г., несмотря на то, что бывшим статистическим комитетом в свое время были разосланы всем учреждениям и лицам циркуляр и бланки о предоставлении таковых, секция демографической статистики приступила к извлечению этих сведений из метрических книг, доставлен-

ных в нотариальный отдел Народного окружного суда, и к моменту составления справки закончила выборки этих сведений из метрических книг по г. Велижу и Велижскому уезду. Закончить работу по составлению сводки данных о движении населения за 1917 г. планировалось приблизительно в течение 2 месяцев.

Согласно проекту сметы Витгубстатбюро на 2-е полугодие 1919 г., штат секции демографической статистики состоял из заведующего, статистиков 1-го и 2-го разрядов, счетчика и счетчиков 1-го и 2-го разрядов (всего 6 единиц) [3, л. 98], однако в различных списках служащих бюро называются лишь 2 сотрудника секции (А. П. Сапунов и М. П. Чашинский).

Скрупулезное отношение к своему делу А. П. Сапунова и М. П. Чашинского иллюстрируют следующие строки из упомянутой нами выше справки к первому заседанию губернского Совета по делам статистики. «При ознакомлении с материалами органов Народного окружного суда по регистрации актов гражданского состояния выяснилось, что… новые формы недостаточно воплотились в жизнь в том смысле, что далеко не во всех случаях граждане обращаются к новым органам регистрации, а пользуются прежней церковной формой, минуя гражданскую. Ввиду этого, как за истекший год, так и в ближайшем будущем следует пользоваться всеми источниками, как старыми, так и новыми, сличая их в целях уяснения повторений» [2, л. 43].

23 ноября 1918 г., то есть спустя почти месяц после образования губстатбюро, для Центрального статистического управления был подготовлен краткий отчет о работе по организации бюро, из текста которого можно узнать об оценке А. П. Сапунова как специалиста в области статистики заведующим бюро Н. М. Кисляковым. Приведем две цитаты из указанного документа: «[Секция] демографической и моральной статистики. На должность заведующего приглашен [старый?] статистик-этнограф, преподаватель Археологического института и бывший секретарь губерн[ского] статист[ического] комитета А. П. Сапунов» [3, л. 50]. «Из приведенных выше формулярных сведений об основном персонале видно, что кроме Сапунова (демограф[ическая] секция), среди перечисленных лиц нет профессиональных статистиков…» [3, л. 51].

Среди документов о работе секции демографической статистики губстатбюро за апрель – декабрь 1919 г. имеются сведения о ходе работ секции за март 1919 г., то есть за последний месяц работы в бюро Алексея Парфеновича. Из документа, составленного в форме анкеты, следует, что секция получила от прежней организации частичные сведения о движении населения за 1917 г. по Велижскому уезду, которые и были обработаны, а за период с начала своей деятельности (то есть с 1 ноября 1918 г.) начала собирать метрические книги за 1917–1918 гг. За отчетный месяц, в частности, собраны сведения о браках, рождениях и смертях за 1917 г. по 48 приходам различных вероисповеданий [4, л. 1].

31 марта 1919 г. зав. секцией демографической статистики А. П. Сапунов подал на имя заведующего губстатбюро Н. М. Кислякова прошение об отставке: «Вследствие болезни глаз (cataractes), к моему прискорбию, не могу относиться к своим служебным обязанностям вполне добросовестно, а потому вынужден выйти в отставку». В резолюции Н. М. Кислякова, имеющейся на документе, указано: «Считать выбывшим в отставку с 1 апреля 1919 г.» [5, л. 384].

1 апреля 1919 г. Алексей Парфенович написал еще одно, пожалуй, последнее прошение руководству губстатбюро: «Вынужденный вследствие болезни глаз (cataractes) выйти в отставку, я, не имея достаточных средств ни для лечения глаз, ни вообще для дальнейшего существования, решаюсь обратиться к Вам с покорнейшей просьбой: не найдете ли Вы возможным назначить мне единовременное пособие. Делу статистики я прослужил 18 лет». Резолюция Н. М. Кислякова на данном прошении следующего содержания: «Выяснить из каких средств и в какой сумме м[ожет] б[ыть] оказано пособие» [5, л. 385].

Относительно стажа А. П. Сапунова как статистика хотелось бы сделать небольшое пояснение. Биографы А. П. Сапунова обычно приводят сведения о его работе в Витебском губернском статистическом комитете с 1901 по 1907 г. и о 5 месяцах службы в Витебском губстатбюро в конце 1918 – начале 1919 г. [7, с. 121]. В книге «Гісторык з Віцебска» Л. В. Хмельницкая, кроме того, указывает о повторном назначении А. П. Сапунова на должность секретаря Витебского губернского статистического комитета 30 августа 1913 г. [7, с. 162]. Предположим, что в данной организации он проработал вплоть до преобразования комитета в отдел губисполкома и затем – до 1 ноября 1918 г., когда отдел вошел в состав новообразованного губстатбюро (на это указывают данные в ряде списков сотрудников бюро). Суммировав все полученные цифры (6+5+0,5), 18 лет стажа, указанных в прошении Алексея Парфеновича, мы не получим. Тем не менее, объяснить такое расхождение довольно просто. Достаточно ознакомиться с «Памятными книжками Витебской губернии» за 1908–1914 гг. (позже они не издавались), чтобы удостовериться в том, что А. П. Сапунов в период своего пребывания депутатом III Государственной Думы по-прежнему состоял в штате губернского статистического комитета, но с 1908 г. являлся не секретарем, а действительным членом по выбору, с 30 августа 1913 г. совмещал обе должности. К слову, обязанность производства всех дел возлагалась именно на секретаря комитета, а действительные члены лишь содействовали комитету «как своим посредничеством, так и своими личными трудами в собирании, поверке и разработке статистических сведений по губернии, равно как и в составлении и изданий в свет описаний губерний или частей оных и вообще ученых работ комитета» [1, с. 32–33]. Соответственно, секретари за свою работу получали жалованье, а труд действительных членов не оплачивался. Таким образом,

можно сказать, что членство А. П. Сапунова в данном учреждении, по сути, было номинальным, и, будучи депутатом Госдумы, заниматься сбором и обработкой статистических сведений он мог лишь иногда, исходя из личной заинтересованности в исследовании истории края. Тем не менее, вычеркнуть это действительное членство из общего статистического стажа Алексея Парфеновича, на наш взгляд, было бы неправильным, поэтому таковой и составит, с учетом приведенных выше сведений, около 18 лет.

Работа А. П. Сапунова в Витебском губернском статистическом бюро была непродолжительной – всего лишь 5 месяцев, поэтому и документов об этом этапе его жизни сохранилось немного. Тем не менее, надеемся, что представленные в данном обзоре документы дополнят рядом штрихов не только биографию этого человека, но и психологический портрет Алексея Парфеновича как человека высоких моральных принципов и ответственного за свой труд профессионала.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Исторический** очерк 50-летия Витебского губернского статистического комитета (22 сентября 1863 – 22 сентября 1913) // Памятная книжка Витебской губернии на 1914 г. – Витебск : Губерн. типография, 1914.

2. **Отчеты**, доклады, справки, сведения и другие материалы к первому заседанию губернского совета по делам статистики о структуре, времени организации и работе секций губстатбюро, статистических организаций при отделах губисполкома и учреждениях губернии. Списки и удостоверения членов губернского совета по делам статистики // Государственный архив Витебской области. – Фонд 476. – Оп. 1. – Д. 5.

3. **Положения** СНК, циркуляры ЦСУ РСФСР, постановление губисполкома от 29 октября 1918 г. и переписка с ЦСУ РСФСР об организации, структуре и деятельности Центральной государственной статистики и Витебского губернского статистического бюро // Государственный архив Витебской области. – Фонд 476. – Оп. 1. – Д. 2.

4. **Сведения** о работе секции демографической статистики губстатбюро за апрель – декабрь 1919 г. // Государственный архив Витебской области. – Фонд 476. – Оп. 1. – Д. 31.

5. **Списки**, заявления рабочих и служащих губстатбюро // Государственный архив Витебской области. – Фонд 476. – Оп. 2. – Д. 2. – Л. 179 об.

6. **Статистические** сведения и переписка с волисполкомами о регистрации естественного движения населения за 1918 г. // Государственный архив Витебской области. – Фонд 476. – Оп. 1. – Д. 30. – Л. 3.

7. **Хмяльніцкая, Л. У.** Гісторык з Віцебска : жыццяпіс Аляксея Сапунова / Л. У. Хмяльніцкая. – Мінск : Энцыклапедыкс, 2001. – 256 с.

В. М. Лебедзева (Гомель)

КАНТАКТЫ М. В. ДОЎНАР-ЗАПОЛЬСКАГА І А. П. САПУНОВА

Вывучэнне асабістых і навуковых кантактаў выбітных даследчыкаў і грамадскіх дзеячаў на мяжы XIX – пачатку XX ст., што звязаныя з Беларуссю, мае важнасць у кантэксце даследавання генезісу беларусазнаўства як навукі і працэсу кансалідацыі айчынных інтэлектуальных сіл на этапе нацыянальна-культурнага адраджэння. Не з'яўляюцца выключэннем такія знакавыя фігуры, як М. Доўнар-Запольскі і А. Сапуноў. Супастаўленне гэтых персон уяўляецца цікавым і перспектыўным, на наш погляд, для даследавання праблем рэкрутавання прадстаўнікоў беларускага навукова-культурніцкага руху, іх ідэнтыфікацыі і самаідэнтыфікацыі, грамадскай запатрабаванасці. Заўважым, што М. Доўнар-Запольскага і А. Сапунова аб'ядноўвае «перыферыйнае» (як з геаграфічнага, так і сацыяльнага пункта гледжання) паходжанне. Валасны цэнтр Усвяты і павятовая сталіца Рэчыца, дзе нарадзіліся будучыя вучоныя, – пагранічныя пункты Беларусі, якія сталі для іх кропкамі адліку ў асэнсаванні і паглыбленым навуковым асваенні вялікіх этнакультурных рэгіёнаў Беларусі – Падзвіння і Падняпроўя. Абодва дзеячы прайшлі аднолькавыя маршы сацыяльнай лесвіцы: яны ад ніжніх дэмакратычных «паверхаў» праз універсітэцкую адукацыю, прафесійную і грамадска-дзяржаўную дзейнасць дасягнулі ўзроўню агульнарасійскага істэблішменту. Блізкі да правых, кансерватар акцябрыст А. Сапуноў і левы ліберал, сябра партыі кадэтаў М. Доўнар-Запольскі пры кожнай нагодзе (свядома альбо не) выказвалі сваю генетычна духоўную повязь з Беларуссю.

Звестак і крыніц, якія б былі дастатковыя для поўнага раскрыцця гісторыі ўзаемаадносін гэтых значных фігур беларускай гісторыі і культуры на пераломе XIX–XX стст., засталося вельмі мала. У нашым карыстанні знаходзяцца адзінкавыя эпісталярныя дакументы, якія даюць магчымасць рэканструяваць пэўныя перасячэнні біяграфій, а таксама некаторыя эпізоды сумеснай навуковай і грамадскай чыннасці М. Доўнар-Запольскага і А. Сапунова.

Нельга дакладна вызначыць час і абставіны, калі адбылося знаёмства даследчыкаў, але можна меркаваць, што гэта здарылася ў 90-я гг. XIX ст. і было звязана з адметным эпізодам развіцця беларусазнаўства як кірунку і грамадскага руху. У гэты перыяд у справу вывучэння Беларусі ўключылася новае пакаленне, якое дэманстравала арганізацыйныя здольнасці і імкненне пераняць ініцыятыву ў заслужаных папярэднікаў, – М. Нікіфароўскі, П. Шэйн, Е. Раманаў, М. Янчук і інш.

Менавіта ў асяродку маладых краязнаўцаў выспявалі планы па наданні вывучэнню Беларусі сістэмнага характару і стварэнні ў гэтых мэтах адпаведных структур. Адметна, што аўтары ідэі знаходзіліся па-за межамі краю:

М. Доўнар-Запольскі – у Кіеве, а Я. Ляцкі і будучы рэдактар газеты «Мінскі лісток» К. Зіноўеў – у Маскве. Аднак у сваіх падыходах гэтыя дзеячы зыходзілі з неабходнасці аб'яднаць у справе вывучэння Беларусі афіцыйныя расійскія даследчыцкія структуры (навуковыя таварыствы, акадэмічныя і ўніверсітэцкія ўстановы, музеі і інш.), аўтарытэтных вучоных і зацікаўленыя мясцовыя сілы. Апошняе яны лічылі асновай поспеху і апелявалі да старэйшага пакалення даследчыкаў Беларусі.

Біяграфічна-эпісталярныя дакументы М. Доўнар-Запольскага, які праявіў у згаданай справе яскравыя лідарскія памкненні, раскрываюць наяўнасць дакладнага плана, першым пунктам якога было стварэнне своеасаблівага беларусазнаўчага цэнтра – беларускага гуртка, здольнага аб'яднаць зацікаўленых беларусазнаўцаў і арганізаваць выданне навуковай і папулярнай літаратуры [1, с. 280].

Другім пунктам бачылася заснаванне мясцовага навуковага таварыства «с уклоном археологическим и историческим». Абгрунтаванню ролі і значэння гэтай структуры былі прысвечаныя публікацыі М. Доўнар-Запольскага «Заметка о предстоящем Виленском археологическом съезде» і «Наша научная нужда» ў газеце «Мінскі лісток» [2; 3]. У стварэнні таварыства аўтар бачыў галоўную місію Дзявятага археалагічнага з'езда, які прайшоў у Вільні з 1 па 14 жніўня 1893 г. На яго думку, з-за адсутнасці ў краі ўніверсітэта таварыства магло б абаперціся на такія ўстановы, як Віленскі і Віцебскі архівы ды царкоўна-археалагічныя музеі. Заўважым, што арганізацыяй віцебскага музея менавіта ў гэты год заняўся А. Сапуноў.

Нарэшце, яшчэ адным крокам ініцыятары плана лічылі стварэнне мясцовага навуковага перыядычнага выдання – часопіса альбо альманаха («сборника»). Відавочна, што на апошні пункт плана энтузіястаў натхніў поспех і вопыт здзейсненага імі выпуску выдання «Календарь Северо-Западного края» на 1888 і 1889 гг.

З 1893 г. пачаўся падбор аўтараў-супрацоўнікаў для будучага выдання. Навукоўцы актыўна шукалі кандыдатаў як у Кіеве, Маскве і Санкт-Пецярбургу, так і Беларусі, наладжвалі з імі сувязі. Сярод мясцовых называліся М. Янчук, М. Нікіфароўскі [3, л. 6], меркавалася актыўна прыцягнуць прафесуру – У. Антановіча, Э. Вальтэра, В. Данілевіча, У. Завітневіча, П. Галубоўскага і інш. Ідэю таксама падтрымалі навуковыя цэнтры. К. Зіноўеў, напрыклад, паведамляў: «...в Этн[ографическом] Моск[овском] Общ[естве] очень заинтересовались этим изданием и заранее сочувственно относятся к нему» [4, л. 6]. Магчыма, што менавіта на гэтым этапе былі наладжаны кантакты (хутчэй за ўсё, завочныя) з прадстаўнікамі Віцебска – Е. Раманавым, А. Сапуновым і У. Стукалічам.

Пацвярджэннем нашай версіі служыць ліст Е. Раманава да М. Доўнар-Запольскага ад 16 снежня 1894 г., змест і тон якога сведчаць пра наяўнасць сталых партнёрскіх адносін у рэалізацыі вышэйзгаданых планаў. З яго

відавочна вынікае, што ў 1894 г. было пададзена прашэнне ў Пецярбург у Міністэрства ўнутраных спраў аб рэгістрацыі дакладнага выдання, і да яго падрыхтоўкі непасрэдна далучыліся віцябляне – сам Е. Раманаў, а таксама А. Сапуноў. Ёсць падставы меркаваць, што менавіта Е. Раманаў як асоба афіцыйная і даследчык з дастатковым аўтарытэтам узяў на сябе клопат па рэгістрацыі часопіса. Але пры недаверы ўлад да любых праяў беларускай нацыянальна-культурнай ідэнтычнасці вырашэнне аб дазволе на выданне зацягнулася, былі пастаўлены шматлікія фармальныя ўмовы. Якраз пра гэта і пазіцыю віцяблян і паведамляў М. Доўнар-Запольскаму Е. Раманаў у лісце:

Только вчера я получил ответ из Петербурга относительно журнала и ответ такого рода: «Полагаю, что вернее будет не начинать дела при предлагаемых условиях. Лучше отложить его на некоторое время и подготовить почву. В таком деле важны, по-моему, первые шаги. Для успеха в будущем следовало бы, чтобы эти шаги были самостоятельны...

Мнение это совпало с мнением большинства витеблян. За немедленное начало дела нас, собственно, трое: Вы, я и Сапунов.

Теперь займусь "подготовкой почвы"» [4, а. 69].

Падрыхтоўка глебы ўключала ў сябе найперш пошукі фундатара, які б "*гласно стал во главе дела*". Тым самым была б забяспечана самастойнасць выдання. З лістоў Ляцкага вынікае, што спадзяванні ў гэтым сэнсе маглі ўскладацца на А. і К. Ельскіх [1, с. 284], з якімі ў гэты час актыўна кантактаваў М. Доўнар-Запольскі.

На думку Е. Раманава, знайсці фундатара, закончыць падрыхтоўку і прыступіць да выдання можна было толькі ў будучым, 1895 г. Як вядома, часопіс так і не пабачыў свет. Абставіны гэтага эпізоду яшчэ патрабуюць далейшага даследавання, але можна дапусціць, што адной з прычын няўдачы стала перамена месцазнаходжання і інтарэсаў зацікаўленых асоб – якраз А. Сапунова і М. Доўнар-Запольскага. Але гэтыя ж абставіны маглі спрыяць непасрэднаму іх знаёмству і супрацоўніцтву, бо даследчыкі апынуліся ў адным і тым жа месцы і ў адзін і той жа час.

Як вядома, у 1897 г. А. Сапуноў пераехаў у Маскву, займаў пасаду памочніка інспектара Маскоўскага ўніверсітэта. Да гэтага часу М. Доўнар-Запольскі ўжо трэці год жыў у расійскай сталіцы і працаваў у Маскоўскім архіве Міністэрства юстыцыі над разборам Літоўскай Метрыкі. З лютага 1899 г. ён стаў прыват-дацэнтам Маскоўскага ўніверсітэта і пачаў выкладаць рускую гісторыю на кафедры В. Ключэўскага. Цяжка ўявіць адсутнасць тут кантактаў паміж аднадумцамі і нядаўнімі паплечнікамі па справе арганізацыі беларусазнаўчага выдання. Адметна таксама тое, што абедзве персоны пакінулі Маскву ў адзін год – 1901. А. Сапуноў вярнуўся ў Віцебск, а М. Доўнар-Запольскі па загадзе міністра асветы быў пераведзены ў Кіеўскі ўніверсітэт св. Уладзіміра.

Існаванне кантактаў падчас маскоўскага перыяду пацвярджае адзіны даступны для нас ліст А. Сапунова да М. Доўнар-Запольскага, які захоўваецца ў Асабістым фондзе прафесара М. Доўнар-Запольскага ў Цэнтральным дзяржаўным гістарычным архіве Украіны (Кіеў) [1, с. 280].

На жаль, ліст недатаваны і не мае пазначэння месца напісання. Аднак згаданыя ў пасланні навагоднія віншаванні і факт працы на новай пасадзе даюць падставы меркаваць, што яно было паслана з Віцебска недзе ў канцы 1901 г. альбо самым пачатку 1902 г., калі А. Сапуноў пачаў працаваць на пасадзе сакратара Віцебскага губернскага статыстычнага камітэта.

Гэта версія сцвярджаецца зместам: відавочна, што ліст стаў адказам на просьбу М. Доўнар-Запольскага аб перасылцы статыстычна-дэмаграфічных даных па беларускіх мястэчках. Пра цяжкасці асабістага і аб'ектыўнага характару, звязаныя са зборам неабходных матэрыялаў, распавядае А. Сапуноў свайму карэспандэнту. Ліст цікавы асабістымі-біяграфічнымі прызнаннямі – пра стан здароўя, успрыманне новай працы, адносіны да ўласнай справы, ацэнку ўзроўню расійскай статыстыкі. Пасланне дае таксама ўяўленне аб стылі ўзаемаадносін паміж даследчыкамі.

Улічваючы памер і значэнне ліста для нашай тэмы, прыводзім яго поўнасцю:

Многоуважаемый Митрофан Викторович!

С Новым годом, с новым счастьем, с новым здоровьем!

Посылаю Вам обзор заштатных местечек Минской и Гродненской губерний. Признаюсь, я никак не ожидал, что эта работа отняла столько времени. А тут, как на грех, с месяц тому назад, у меня вновь появились довольно-таки сильная головная боль. Да и новая должность отнимает немало времени: работа не трудная, но неприятная и кропотливая. Писания свои отдаю, конечно, в полное Ваше распоряжение, делайте с ними, что хотите: сокращайте, прибавляйте и пр., и пр. Встречались и незапланированные затруднения. Оказывается, например, что сведений о числе жителей по возраст[ам] и сосл[овиям] в Витеб[ской]. губ. за последний год нет, а только за 1898: эти сведения собираются раз в пять лет, но в Могил. губ. сведения случайно оказались, зато сведений о местечках не было, и я получил их только вчера, а потому и посылаю их в том виде, как получил. Прошу великодушно извинить, если было сделано плохо: лучше сделать, ей богу, не было времени.

Раньше я послал Вам кое-что о путях сообщения.

Дальнейшая участь моих писаний меня не интересует вовсе: мне хотелось только исполнить данное Вам слово.

Прошу передать мой поклон Вашей супруге.

Искренне Вас уважающий А. Сапунов [5, л. 11].

Не зусім зразумелай застаецца мэта, для якой М. Доўнар-Запольскаму спатрэбіліся згаданыя статыстычныя матэрыялы. Вядома, што ў 1902–1904 гг. увага тагачаснага прафесара Кіеўскага ўніверсітэта была адцягнута на

падрыхтоўку выдання «Книга для чтения по русской истории», якое выйшла пад яго рэдакцыяй у 1904 г. Магчыма, дасланыя А. Сапуновым матэрыялы былі выкарыстаны ў працы над раздзелам пра насельніцтва Беларусі і Верхняга Падняпроўя для дзявятага тома выдання "Россия: полное географическое описание нашего отечества", якое было падрыхтавана М. Доўнар-Запольскім разам з Д. Шэндрыкам (кніга пабачыла свет толькі ў 1905 г.). Гэта пытанне, як і іншыя кантакты двух выбітных даследчыкаў Беларусі, патрабуе далейшага даследавання.

ЛІТАРАТУРА

1. **Михальченко, С. И.** Письма М. В. Довнар-Запольского Е. А. Ляцкому / С. И. Михальченко // Даследчык гісторыі трох народаў : зб. навук. арт. і дак. / пад рэд. В. М. Лебедзевай. – Гомель, 2000. – С. 268–293.

2. **Заметка** о предстоящем Виленском Археологическом съезде // Минский листок. – 1892. – 14 янв.

3. **Наша** научная нужда : [заметка к Девятому археол. съезду, Вильно, 1–14 авг. 1893 г.] // Минский листок. – 1893. – 23 июля.

4. **Цэнтральны** дзяржаўны гістарычны архіў Украіны ў г. Кіеве. – Фонд 262. – Воп. 1. – Спр. 166.

5. **Цэнтральны** дзяржаўны гістарычны архіў Украіны ў г. Кіеве. – Фонд 262. – Воп. 1. – Спр. 172.

Г. М. Пастэрнак (Віцебск)

ГІСТОРЫЯ ВІЦЕБСКАГА СВЯТА-ТРОІЦКАГА МАРКАВА МАНАСТЫРА Ў ПРАЦАХ А. П. САПУНОВА

Аляксей Парфёнавіч Сапуноў – буйнейшы даследчык Віцебшчыны, дзейнасць якога непарыўна звязана з гісторыяй нашага горада. У сваіх працах ён неаднаразова закранаў гісторыю Свята-Троіцкага Маркава манастыра, дзякуючы чаму маем магчымасць пазнаёміцца з цікавейшымі старонкамі яго мінулага.

Адразу спынімся на кнізе «Река Западная Двина» – фундаментальнай манаграфіі, у якой змешчаны маштабны і разнастайны гістарычны, археалагічны, геаграфічны і гідраграфічны матэрыял. У выданні прыведзена падрабязнае апісанне Заходняй Дзвіны, яе берагоў і прылеглых тэрыторый, у тым ліку і віцебскага Свята-Троіцкага Маркава манастыра [4]. У працы сказана пра час узнікнення і ўмовы існавання гэтай духоўнай установы.

Трэба адзначыць, што праблема часу і абставін заснавання віцебскага Свята-Троіцкага Маркава манастыра на сённяшні дзень уяўляецца да канца не вырашанай. Так, І. І. Грыгаровіч лічыў, што Марка заклаў будынак у

XVII ст. [1, с. 41]. Іераманах Сергій выказаў думку, што гэта адбылося ў XIV–XV стст., пры гэтым падкрэсліў, што Марка заснаваў не ўласна манастыр, а манаскі скіт ці пустынь [5, с. 9]. А. Ярашэвіч у энцыклапедычным артыкуле ўзгадаў пра прыход, заснаваны ў XVI ст. Маркам [7, с. 75]. Бясспрэчнай датай, што звязана з гісторыяй уласна манастыра, прызнаецца 1633 г. (аб чым і вядзе гаворку А. П. Сапуноў), калі князь Леў Самуіл Агінскі, цівун троцкі, і пан Севасцьян Мірскі, суддзя земскі браслаўскі, на падставе атрыманага раней ад Жыгімонта III Вазы прывілея пабудавалі драўляную царкву і жылыя пабудовы для манахаў [8, с. 454].

Таксама А. П. Сапуноў закранае падзеі 1751–1752 гг., калі ўніятамі была здзейснена спроба гвалтоўна заваладаць манастыром. Акрамя гэтага, вялікую ўвагу даследчык надае абставінам з'яўлення ў віцебскім Свята-Троіцкім манастыры цудатворнага абраза Казанскай Божай Маці і апісанню яго знешняга выгляду ў кнізе «Древние иконы Божией Матери в Полоцкой епархии» [3].

На наш погляд, больш падрабязна трэба весці гаворку аб адной з галоўных прац даследчыка – «Витебская старина» (зборнік дакументаў па гісторыі Віцебшчыны XI–XIX стст.). Думку пра выданне асобнай кнігі па гісторыі Віцебска, якая складалася б з надрукаваных і невядомых раней дакументаў, Аляксею Сапунову падаў мясцовы доктар Карл Бергнер [6, с. 33]. Асноўнымі крыніцамі для публікацыі дакументаў у першым томе зборніка сталі «Хроніка» Аверкі і «Кніга прывілеяў г. Віцебска». Для паўнаты ўяўлення пра віцебскую гісторыю навуковец палічыў неабходным побач з упершыню апублікаванымі ім у кнізе дакументамі змясціць і тыя, што ўжо былі надрукаваныя раней. Тэксты дакументаў аб'яднаны ў тэматычныя рубрыкі, адна з якіх прысвечана гісторыі віцебскага Свята-Троіцкага Маркава манастыра [6, с. 35].

Даследчык апублікаваў найцікавейшыя матэрыялы па гісторыі ўзнікнення і развіцця манастыра. У зборніку змешчаны 10 дакументаў, якія ўмоўна можна падзяліць на тры групы. Да першай можна аднесці фундушавыя запісы, да другой – дакументы, у якіх змешчаны пацвярджальныя правы, да трэцяй – дакументы, звязаныя з дазволам або забаронай адсылаць манахаў у Рыгу.

Да першай групы адносяцца два дакументы, выдадзеныя прадстаўнікамі сям'і Агінскіх. Першы – фундушавы запіс, зроблены Львом Самуілам Багдановічам Агінскім і яго жонкай Соф'яй Янаўнай з Бялевічаў у 1642 г. У ім ідзе гаворка пра замацаванне за Маркавым манастыром зямель, якія былі набытыя Агінскімі ў паноў Яна Кісяля Загаранскага і Марціна Шыдлоўскага. Гэтыя землі «… названые Марковскіе, не подалеку замковъ и места Витебского… над самою рекою Двиною лежачіе, где перво сего церковь через пана Киселя поставлена была, а теперь через нас самихъ большая новая церковь и монастыръ заложоный есть…» [2, с. 248]. У дадзеным урыўку найбольш

цікавымі падаюцца два моманты: па-першае, што на прыдбаных землях ужо існавала царква, пабудаваная панам Кісялём, гэта значыць царква Маркаўскага прыхода; па-другое, дзякуючы клопатам Агінскіх раней 1642 г. была пабудавана новая царква і заснаваны манастыр.

Фундатары падарылі манастыру назаўжды ўсю сваю Маркаўскую маёмасць «…зъ церквями, зъ монастыромъ, з дворомъ одъ пана Шидловского, где онъ самъ мешкалъ, зъ гумномъ, съ пашнями дворными и до монастыря приналежачими, зъ сады городы, съ поли погнойными, оромыми и неоромыми, зъ боры, гаи, дубровами, з реками и речками, зъ ловы рыбными, пташинными и зверинными, зо всим на все…» [2, с. 249].

Было акрэслена пытанне канфесійнай прыналежнасці: «…на выхованья вышемененому игумену, теперешнему и по нимъ наступуючимъ зъ братьи ихъ законникомъ реліи старожитное греческое, подъ послушенствомъ светейшого вселенского патріарха Константинопольского и одъ него намъ звыклым порадкомъ стародавнымъ преосвященнымъ митрополитомъ Кіевскимъ, Галицким и всея Руси будучимъ, таким порадкомъ даемъ и записуемъ…» [2, с. 249].

Другі дакумент – дараваная пацвярджальная грамата князя Сімяона Караля Агінскага, падкаморыя Віцебскага, на маёнткі Маркава і Шыдлоўшчына для віцебскага Маркава манастыра, заснаванага яго бацькамі Львом і Соф'яй Агінскімі ў 1642 г. Дакумент датаваны 1687 г. Як вядома, сын фундатара Маркава манастыра Льва Самуіла Агінскага князь Сімяон Караль Агінскі перайшоў у каталіцтва. Тым не менш у 1687 г. ён гэтай граматай пацвердзіў правы манастыра на атрыманыя маёнткі. Падкрэслівалася, што ў выпадку адыходу кіраўніцтва манастыра «ад релеи нашей старожитной греческой» (гэта значыць праваслаўя) ва ўніяцтва ці каталіцтва манастыр цалкам пазбавіўся б падтрымкі фундатара [2, с. 253].

Да трэцяй групы належаць чатыры дакументы, якія замацоўваюць за манастыром права «монахов своих в Шведский город Ригу для богослужения и исправления треб». Гэтыя дакументы ўтрымліваюць інфармацыю пра богаслужэбную дзейнасць манастыра і яго эканамічнае становішча падчас Паўночнай вайны. У грамаце, якая датуецца 1697 г., адзначаецца, што манахі накіроўваюцца «…ради служенія Богу и совершенія таинъ святыхъ во святыни на спасеніе христіянское по нашему благочесті» [2, с. 262], а іераманахі, дыяканы і манахі «совершаютъ церковное пеніе и таинства святыя» [2, с. 262]. А ўжо ў грамаце 1715 г. іншая мэта – «за своею нищетою и гоненіемъ, вспоможенія себе ниоткуду не имуть и, … веліе утесненіе и обиды терпятъ и поносят, питаются милостынею по нужде и на пропитание себе вотчинъ и никаковыхъ корыстей и прибыли не имеютъ…» [2, с. 266].

Адзін дакумент забараняе полацкім манахам наведваць Рыгу. Аргументуецца такое рашэнне наступным чынам: «…для отправованія набожества, ради православных людей, диспозиціи ихъ; подъ которымъ претекстомъ на-

божества, великія бесчинія творите, многія между монастырами благочестивыми Марковскимъ и Полоцкимъ расколы, ненаски и всенародный соблазнъ соделоваете. Прето мы, Пастыръ, далшаго запобегаючы соблазна и таковому бесчинію вашему, властію, намъ от Хріста Бога данною, вамъ проездъ до Риги съ купцыми, што-рочне флотами тамъ идущыми, разве тымъ двумъ монастырам, Полоцкому и Марковскому, подъ нынешнимъ запрещеніемъ не повелеваемъ» [2, с. 259].

Да апошняй групы можна аднесці два каралеўскія дакументы другой паловы XVIII ст., якія пацвярджаюць правы, што былі дадзены Маркаву манастыру. «Обратился къ намъ съ прошеніем преподобный о Господе отецъ Гіацинт Пелкинскій, отъ своего имени и отъ имени всей братіи своей, базиліановъ, греческаго исповеданія, въ не уніи состоящаго, игуменъ монастыря Марковскаго Пресвятыя Троицы, съ давнихъ временъ основаннаго, дабы мы монастырь сей въ покровительстве и въ милости нашей королевской содержали и при свободахъ, равныхъ съ иными монастырями, не въ уніи сущими, сохраняли, и сіе властію нашею королевскою укрепить и утвердить благоволили». Адказ быў наступным: «…Король… и внявъ предстательству Совета… сохраняя всецело прежнія привилегіи… конституціи и постановленія сеймовыя, во всей силе и мощи ненарушимо…» [2, с. 269]. З гэтага вядома, што манастырскі комплекс у 1752 г. складаўся з трох храмаў: Свята-Пакроўскай, Свята-Мікалаеўскай і Свята-Параскеўскай цэркваў. У гэты ж час да манастыра адносіліся наступныя «недвижимыя именія»: «Слободку, Присушино и принадлежащую къ оной Осово, Охотениче и принадлежащую къ оной Лесовики, фольварокъ Шидловщизну и принадлежащую къ оному Кенлево, равно какъ и юрисдику въ городе Витебскъ на Взгорьи за Двиною и на Подвиньи» [2, с. 269].

Цэрквы і ўся маёмасць застаюцца, пакуль «права и давніе обычаи съ онымъ согласуются, … и Речью Посполитою даровано по справедливости всемъ вообще исповедующимъ религію греческую, не унитскую…» [2, с. 269].

У другой грамаце змешчана просьба Іакінфа Пелкінскага, ігумена Маркава манастыра, выдаць тыя выпіскі з кніг, якія раней былі выдадзеныя манастыру і страчаны падчас пажару: «легаціонныя – покойными благородными Львомъ-Самуиломъ Богдановичемъ и Софиею Ивановною, урожденную Белевичъ, супругами Огинскими, тивунами Троцкими, тысяча шесть сотъ сорокъ втораго года… духовное завещание благородного Евстафія Пипки, тысяча шесть сотъ пятьдесятъ перваго года… купчая крепость, покойнымъ благороднымъ Симономъ Пано-Липскимъ тысяча шесть сотъ сорокъ четвертаго года, Января двадцать седьмаго дня выданная…» [2, с. 271].

Такім чынам, у археаграфічным зборніку «Витебская старина» (т. 1) былі апублікаваныя найцікавейшыя дакументы, у якіх разглядаюцца асноўныя праблемныя пытанні: час і абставіны ўзнікнення манастыра, рэлігійная

прыналежнасць, становішча скіта падчас Паўночнай вайны. Гістарычныя звесткі, якія прыводзяцца А. П. Сапуновым у іншых выданнях, у асноўным грунтуюцца на інфармацыі гэтых крыніц.

ЛІТАРАТУРА

1. **Грыгаровіч, І. І.** Беларуская іерархія / І. І. Грыгаровіч. – Мінск : БелЭн, 1992. – 102 с.

2. **Сапунов, А. П.** Витебская старина / А. П. Сапунов. – Витебск : Типолитография Г. А. Малкина, 1883. – Т. 1. – 668 с.

3. **Сапунов, А. П.** Древние иконы Божией Матери в Полоцкой епархии / А. П. Сапунов. – Витебск : Тип. губерн. правл., 1888. – 15 с.

4. **Сапунов, А. П.** Река Западная Двина : ист.-геогр. обзор / А. П. Сапунов. – Витебск : Типолитография Г. А. Малкина, 1893. – 612 с.

5. **Сергий** (Василевский ; иеромонах). Витебский Марков Свято-Троицкий мужеский монастырь / иеромонах Сергий // Памятная книжка Витебской губернии на 1865 г. – Санкт-Петербург, 1865. – С. 3–73.

6. **Хмяльніцкая, Л. У.** Гісторык з Віцебска : жыццяпіс Аляксея Сапунова / Л. У. Хмяльніцкая. – Мінск : Энцыклапедыкс, 2001. – 256 с.

7. **Ярашэвіч, А.** Віцебскі Маркаў Троіцкі манастыр / А. Ярашэвіч // Вялікае Княства Літоўскае : энцыклапедыя : у 2 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2005. – Т. 1 : Абаленскі-Кадэнцыя. – С. 454–455.

8. **Ярашэвіч, А.** Маркаў манастыр / А. Ярашэвіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1999. – Т. 5 : М–Пуд. – С. 75.

А. М. Подлипский (Витебск)

ИЗВЕСТНЫЕ КНИГИ АЛЕКСЕЯ САПУНОВА

Принято считать сборник исторических документов «Витебская старина» первой работой Алексея Парфеновича Сапунова (1851–1924). Но это не так. Перед тем как в 1883 г. в Витебске появился первый том этого труда, в «Памятной книжке Витебской губернии» на 1881 г. была опубликована статья «Исторические сведения о витебских замках», в 1882 г. издана «Летопись города Витебска». Тем не менее, «Витебская старина» действительно стала первой крупной работой Алексея Парфеновича и самой известной, принесшей витебскому учителю поистине всероссийскую известность.

Филолог по образованию, А. П. Сапунов пришел в краеведение в общем-то случайно. Однажды кто-то из его коллег по витебской мужской гимназии принес в учительскую какой-то старинный документ. Никто из присутствующих, включая и самого Алексея Парфеновича, ничего толком не мог о нем рассказать. И это больше всего поразило будущего краеведа. «По истории

мы отлично знали всех Людвигов, всех Генрихов, всех Карло – лысых, толстых, красивых, но ровно ничего не знали не только о Белоруссии, а вообще о славянах, – писал он впоследствии. – Мне страстно захотелось познакомиться с историей родного края. Трудное это было дело, трудное по многим причинам, которые и вспоминать горько. Достаточно сказать, что начальство учебного округа видело в этом “побочное занятие” и только “кражу казенного времени”».

Однако ничего не могло уже остановить молодого учителя. В свободное от работы время он стал работать в местных архивах, знакомиться с опубликованными историческими сборниками. На его столе появились «Акты Западной России», «Белорусский архив древних грамот», «Книги посольские Литовской метрики», «Хроники» Стрыйковского, Гваньини, Соликовского, Руссова. В архивах древних актов губернского правления, Маркова монастыря, губернского статистического комитета и городской Думы он находил интересные, а порою и уникальные документы. В каникулярное время А. П. Сапунов ездил в Петербург, Вильно и Москву, в архивах и библиотеках которых также находил много интересного. Месяцы упорного труда принесли ощутимые результаты: в распоряжении педагога оказались копии сотен документов. Собранный материал был таким большим по объему, что поначалу Алексей Парфенович даже растерялся. В это время, к счастью, нашелся человек, который смог дать молодому исследователю добрый совет и поддержать его. Им оказался известный витебский врач и коллекционер Карл Васильевич Бергнер (ок. 1836–1900?). Именно он, по словам Алексея Парфеновича, подал начинающему краеведу мысль о подготовке сборника исторических документов, которые будут сгруппированы по темам.

«Витебская старина» была задумана А. П. Сапуновым в шести томах. В первый предполагалось поместить материалы о Витебске, во второй – о Полоцке, в третий – о крупнейших городах губернии – Невеле, Велиже, Дриссе, Двинске, Сураже, Усвятах. Четвертый том должен был рассказывать о Полоцке времен Ивана Грозного и Алексея Михайловича, пятый – о воссоединении униатской церкви с православной. В шестой том планировалось включить большой по объему «Исторический очерк Витебской губернии», созданный на основе тех документов, которые вошли в предыдущие тома и справочный аппарат к первым пяти томам. Отдельно предусматривалось выпустить указатель для всех томов, а также разнообразные дополнения и поправки.

Первый том был подготовлен А. Сапуновым довольно быстро. В работе ему активно помогали лица, которых он благодарил в предисловии: М. Л. Веревкин, Я. Ф. Головацкий, Ф. Н. Добрянский, К. И. Снитко, А. М. Созонов и И. Я. Спрогис.

Задержка с изданием произошла из-за отсутствия средств, ибо жалованья учителя губернской гимназии на эти цели явно не хватало. На помощь

начинающему краеведу пришли, выражаясь современным языком, спонсоры. Одним из них стала его теща – Варвара Павловна Волкович, жена бывшего городского главы Садокия Григорьевича Волковича. Четвертый и пятый тома издавались с частичной помощью Виленского учебного округа (200 и 300 рублей соответственно). Все остальные деньги были из личных средств самого Алексея Парфеновича.

Первый том «Витебской старины» состоит из 12 разделов. В первом помещены краткие летописные известия, которые относятся к Витебску за период с 1021 по 1499 г. Второй раздел составляют грамоты, привилеи, договоры и другие документы, которые отражают политическую, гражданскую и религиозную жизнь города начиная с 1229 по 1858 г. Третий раздел посвящен жизни и деятельности витебского униатского архиепископа Иосафата Кунцевича, убитого в городе в 1623 г. во время восстания витеблян. Документы, собранные в четвертом разделе, повествуют о витебском св. Троицком монастыре, в пятом – о еврейском населении города, в шестом – об Отечественной войне 1812 г. Седьмой раздел составляют сведения о таможенных сборах второй половины XVII в. Инвентари, содержавшие подробные описания различной городской собственности и доходов городской казны, входят в восьмой раздел. Раздел девятый – «Летопись города Витебска», в десятом помещены правительственные приказы, которые относятся к Витебску и губернии. В разделе одиннадцатом – списки всех витебских князей, епископов, игуменов, воевод, белорусских генерал-губернаторов, гражданских витебских губернаторов. Последний раздел представляет собой список наиболее важных событий истории Витебска, начиная с первого упоминания о нем и до 1875 г.

Заметными особенностями сборника «Витебская старина», которые отметило большинство из многочисленных рецензентов, являются его оформление и полиграфическое исполнение. Красивые многоцветные обложки, рисунки гербов Витебска, Витебского воеводства и Витебской губернии, большое количество портретов, виды витебских храмов, разнообразные планы и чертежи, литографии, изображения древних церквей, грамот и рукописей – все это очень оживляло и украшало книгу. Это, естественно, значительно увеличивало и издержки на ее издание, что, в свою очередь, повышало цену. Первый том «Витебской старины» продавался по 3 рубля (а на хорошей бумаге даже по 4), так что книга была доступна далеко не каждому. Даже к концу жизни у автора оставалось достаточно много нераспроданных экземпляров.

Четвертый том сборника состоял из «Краткого очерка борьбы Московского государства с Литвой и Польшей в XVI–XVII вв., а также грамот, писем, указов этого же периода. В предисловии к нему А. П. Сапунов писал: «Внешность издания также весьма занимала меня, хотя результаты моих усилий и не увенчались полным успехом: кто печатал хотя бы что-либо в

провинции, тот знает, какую массу часто совершенно непредвиденных затруднений приходится преодолеть на каждом шагу. Цена, назначенная за этот том, может показаться слишком высокою, но подобные издания стоят так дорого, что и при таких ценах окупиться не могут, даже если все издание (500 экз.) будет распродано, на что рассчитывать в скором времени никак нельзя» [2].

В пятом томе «Витебской старины» помещены 476 документов, взятых из архивов Полоцкой консистории и Витебского губернского правления, которые проливают свет на объединение униатства с православием, произошедшее в 1839 г. Несмотря на то, что второй и третий тома А. П. Сапуновым были подготовлены к печати, они так и не увидели свет. Причина традиционная – отсутствие средств. К подготовке шестого тома автор, по-видимому, даже и не приступил.

Уже после появления первого тома «Витебской старины» во многих периодических изданиях России, а также некоторых других стран появились положительные, а в некоторых случаях даже хвалебные рецензии. О книге витебского краеведа писали «Правительственный вестник» и «Русь», «Гражданин» и «Санкт-Петербургские ведомости», «Киевская старина», несколько раз «Русская старина» и другие газеты и журналы. «Среди провинциальных исторических изданий “Витебская старина” должна быть отмечена. <…> Изданный том “ВС” – книга шикарная», – утверждала «Русская старина». «Явление поистине уникальное <…> в нашей провинциальной литературе», – соглашалось с ней «Новое слово».

Несмотря на относительно большой тираж, каждый том «Витебской старины» до наших дней сохранился в количестве 20–30 экземпляров. Связано это с тем, что во время Великой Отечественной войны основная часть тиража, находившаяся в разных библиотеках и частных собраниях (особенно в Витебске и на Витебщине), была уничтожена в огне. Этот сборник есть в Национальной библиотеке Беларуси, Витебской областной библиотеке им. В. И. Ленина, Витебском областном краеведческом музее, в крупных книжных собраниях в Москве, Петербурге, Вильнюсе, у отдельных книголюбов и историков в Беларуси, России, Литве. На некоторых сохранившихся до наших дней экземплярах «Витебской старины» встречаются дарственные надписи автора. Одна из таких книг хранится в архиве Академии художеств России и рассказывает о знакомстве Алексея Парфеновича Сапунова с Ильей Ефимовичем Репиным.

В 1892 г. художник приобрел неподалеку от Витебска имение Здравнево. Когда и как познакомились Репин и Сапунов – неизвестно. Посетив летом Здравнево, Алексей Парфенович подарил художнику три тома «Витебской старины». Позднее, в декабре, Илья Ефимович писал Сапунову из Петербурга:

«Многоуважаемый Алексей Парфенович! Благодарю Вас за Ваши великолепные книги “Витебской старины”. Это прекрасное издание. Какой

серьезный труд, сколько собрано материалов. Я понемногу знакомлюсь с ними. Очень, очень благодарен Вам. Буду очень счастлив чем-нибудь отблагодарить Вас».

Не могу не рассказать и о том, как я приобрел первый том «Витебской старины». Сделать это было мечтой с самого начала моей краеведческой деятельности. Конечно, его можно было сколько угодно долго читать в областной библиотеке. Но я всегда предпочитал (и предпочитаю до сих пор!) иметь все необходимые мне книги в личной библиотеке и помногу раз перечитывать уже хорошо знакомое. Поэтому еще в конце 1960-х годов предпринял попытку приобрести этот несомненный книжный раритет. Написал всем своим многочисленным коллегам по увлечению собирательством открыток, значков и лотерейных билетов, даже заведующим московских и ленинградских букинистических магазинов. Но прошло несколько лет, прежде чем «рыбка клюнула». Однажды позвонил мой знакомый, совершенно далекий от краеведения:

– Ты такую книгу – «Витебская старина» – знаешь?

– Конечно. А что?

– А я ее видел несколько дней тому назад в Москве. Какой-то тип продавал ее неподалеку от книжного магазина на проспекте Калинина. Говорил, что она из библиотеки бывшего первого секретаря ЦК КПБ П. Пономаренко.

– Так почему не взял?

– Во-первых, продававший очень много просил, у меня в тот момент таких денег не было. А главное, откуда мне было знать, что она тебя интересует? Напиши кому-нибудь в Москву, может этот тип и до сих пор книгу носит там где-нибудь около магазина…

В тот же день написал слезные письма всем московским коллекционерам, с которыми состоял в переписке. Но никто даже не ответил…

Второй раз о «Витебской старине» мне рассказал один витебский коллекционер К. Дескать, был в Москве, видел в букинистическом магазине эту книгу. На мой вопрос, почему не купил для меня, он только пожал плечами… С тех пор прошло очень много лет. Давно уже К. нет в живых. Но я до сих пор уверен, что все это он просто выдумал. Наверное, чтобы меня подразнить. Если бы он «Витебскую старину» увидел, то наверняка бы купил. Даже не для меня, а для себя. Ему «Витебская старина» совершенно не была нужна. Но чтобы похвалиться, подразниться… К тому же настоящий коллекционер никогда не пройдет мимо уникальной вещи. Даже, если она его непосредственно и не очень интересует, а нужна знакомому собирателю.

В третий раз «Витебская старина» уже почти была у меня в руках. Да вмешался непредвиденный случай. «Выстрелило» одно из писем-обращений к ленинградцу Ш., чья покойная мать была уроженкой Витебска. Собственно говоря, Ш. не был коллекционером. А наша переписка была исключительно из-за его интереса к родному городу матери. Самое удивительное, что при-

обрел он «Витебскую старину» не в Ленинграде, а в Москве. Зашел в букинистический магазин, увидел ее и купил для меня. Надо ли рассказывать о том, какой радостью было для меня его письмо? Тут же ответил, спросил, сколько надо перевести рублей. В ответ пришло письмо: Ш. просил, прежде чем высылать книгу мне, дать ему возможность самому познакомиться с ней – все же родной город матери! Хоть мне и самому было невтерпеж взять в руки этот раритет, но я, естественно, согласился ждать… А что было делать? Прошел месяц, второй, третий. Книги не было. Написал письмо. Ответа не получил. Очень обязательный в части переписки, Ш. не ответил и на другие два письма. Наконец, весточка с берегов Невы все же пришла. Ш. писал, что раздумал отдавать кому-либо эту книгу, дескать, она нужна ему самому…

Приобрести «Витебскую старину» удалось только с четвертого раза. Радость пришла, как это нередко бывает, с той стороны, откуда ее не ждешь. Один киевский филокартист (коллекционер открыток), зная, что меня интересуют открытки Витебска, как-то запросил в очередном письме: «А "Витебская старина" не нужна? Экземпляр в очень хорошем состоянии».

– «Сапунова? Конечно, нужна. Шли книгу, деньги тут же переведу!»

Во сколько конкретно обошелся мне первый том «Витебской старины», сейчас уже не помню. В памяти осталось только то, что это составляло две мои месячные зарплаты. Но разве это сравнимо с тем, что я испытал, когда распаковал присланную бандероль и увидел знакомые страницы?

Как я узнал позднее, мой экземпляр «Витебской старины» – из личной библиотеки знаменитого украинского историка, организатора исторической науки, литературоведа, социолога, публициста, политического, общественного и государственного деятеля Михаила Сергеевича Грушевского (1866–1934).

Книга действительно оказалась в очень хорошем состоянии, со всеми вклейками, вкладками и картами. Надо ли говорить, как облегчил он мне работу (не надо ходить в библиотеку)? И с тех далеких лет редко в моей жизни был такой месяц, в течение которого я хотя бы один раз не брал в руки «Витебскую старину», не листал ее страницы. И каждый раз я добрым словом вспоминаю того киевского коллекционера.

А вот еще одна знаменитая книга А. Сапунова – «Река Западная Двина» – несколько раз «подходила» ко мне на близкое расстояние, но мне так и не удалось ее приобрести. В нынешнем году исполнилось 120 лет со дня ее выхода в свет. В то время многие крупные европейские реки (Рейн, Днепр, Волга и др.) были достаточно подробно описаны. А вот Западная Двина, на берегах которой находилось много крупных населенных пунктов, в том числе и Витебской губернии, все еще не находила своего летописца. Существовало только несколько научных публикаций на русском, польском и французском языках. Алексей Парфенович посчитал своей обязанностью отдать должное и Двине.

Свою книгу он начал подробным историко-географическим обзором, сообщив, что Западная Двина под названием Рубон (Рудон) была известна еще древним грекам – об этом в «Одиссее» вспоминает Гомер. Однако и это не самое древнее имя. Еще раньше река называлась Эриданом. Под названием же Двина она впервые встречается в летописи Нестора. Во второй, третьей, пятой и шестой главах книги описываются истоки и притоки реки, каналы между Западной Двиной и другими реками, пороги, мели, камни в русле, рассказывается о работах по очистке и углублению русла. Здесь же дана характеристика двинских вод с подробной информацией о падениях и скорости течения, порогах и замерзании реки. В четвертой главе представлен геологический очерк берегов, основанный на исследованиях горного инженера М. Антонова. В седьмой главе рассказывается о видах рыбы, которая водилась в реке, и способах ее ловли. Восьмая посвящена использованию Западной Двины в торговых целях, а короткие исторические сведения и очерки о населенных пунктах, размещенных на берегах Двины, составляют содержание девятой, по сущности, завершающей главы книги.

Определенный интерес представляет предисловие к этой книге. В нем Алексей Парфенович писал: «Бедность научных пособий и отсутствие предшественников не позволяют мне, к сожалению, выполнить принятую на себя задачу с желанною широтою, в требуемом интересами дела объеме и по заранее намеченной программе. На труд мой следует смотреть только как на первый шаг, на первую попытку к всестороннему описанию Двины. Главное, а иногда и исключительное внимание при этом обращалось на Витебскую губернию; другие губернии, по которым протекает Двина, стояли на втором плане. Вполне сознаю, что труд мой страдает неполностью и отрывочностью. Мои главные, прямые обязанности приковывают меня к Витебску и требуют особенной точности в распределении времени; заниматься посторонним трудом можно лишь по временам, урывками, нередко приходится прерывать мысли на полуслове… Можно ли тут думать о стройности и плавности речи? Далее. Всякий, кто занимается каким-либо научным трудом в таком городе, как Витебск, где нет никаких ученых учреждений, хорошо знает, в каком иногда поистине беспомощном положении оказывается исследователь. Достаточно сказать, что в Витебске, например, нельзя найти полного экземпляра Географического словаря Семенова, не говоря уже о более специальных и редких изданиях. Часто приходится наталкиваться и на непонятное предубеждение. Для успешного выполнения целей настоящего издания для меня необходимо было наводить различного рода справки на местах, о которых упоминается в книге. И что же? По некоторым вопросам мне приходилось писать десятки писем и не получать ни на одно ответа! Говорю все это отнюдь не для оправдания недостатков своего труда, а только в объяснение их. Нахожусь вынужденным сказать несколько слов <…> в виду некоторых недоразумений и толков, бросающих неверный свет на мою скромную ли-

тературную деятельность, единственная цель которой – собрать возможно большее количество материала для более успешной работы местной интеллигентной мысли над прошлым и современным состоянием Белоруссии. Ровно десять лет тому назад вышел в свет первый том “Витебской старины”; с того времени мною напечатано до двухсот пятидесяти листов[1]. На все мои издания затрачено около шести тысяч рублей, и почти целиком из моих личных средств, то есть из учительского жалованья, выручено же от продажи изданий менее половины этой суммы. На издание моих трудов, совершенно свободных от каких бы то ни было посторонних внушений и тенденций, ни откуда и ни от кого я не получил никаких субсидий и пособий. Единственное исключение составляют пособия, выдававшиеся на некоторые из моих изданий, в том числе и настоящего, из средств Виленского учебного округа, благодаря просвещенному вниманию Его Превосходительства, господина попечителя округа, тайного советника Николая Александровича Сергиевского» [4]. А перед титульным листом, на отдельной странице автор посчитал нужным сообщить: «Государь император по всеподданнейшему докладу Его Сиятельства господина министра народного просвещения в 29 день февраля 1892 года Высочайше соизволил на выдачу автору настоящего издания единовременного пособия в размере пятисот рублей». В предисловии к исследованию «Река Западная Двина» А. Сапунов упомянул и поблагодарил тех, кто ему помогал в подготовке этой книги. Кроме уже упоминавшихся М. Л. Веревкина, Ф. Н. Добрянского и И. Я Спрогиса, это учитель витебской мужской александровской гимназии А. И. Бадендик, сын К. В. Бергнера К. К. Бергнер, витебский художник А. Н. Гребнев, витебский краевед В. К. Златковский, велижский помещик О. М. Киселев, лепельский археолог и историк М. Ф. Кустинский, витебский чиновник И. В. Павлов, историк Е. Р. Романов, витебский адвокат и общественный деятель Г. А. Теодорович, витебский аптекарь Р. Л. Ульрих, белорусский ученый Б. И. Эпимах-Шипила, инженер Н. Ф. Шелюта, библиотекарь А. Р. Крейсберг, протоиерей И. В. Короткевич, А. Пабст и И. К. Гижицкий.

Ни самокритическая оценка, ни достаточно обоснованные замечания рецензентов ни в коем случае не принижают ценности книги А. Сапунова «Река Западная Двина». Ее высоко оценили не только в России, но и в Англии, Франции, Германии. «Перед нами новая основательная работа неутомимого исследователя западнорусских окраин А. П. Сапунова», – информируют своих читателей «Московские новости». «Книга г. Сапунова представляет богатый вклад в нашу бедную еще историко-географическую литературу», – поддерживает их «Сын Отечества». «Хотя о Двине писали уже и раньше как с нашей (польской), так и с русской стороны, необходимо,

[1] Имеется в виду печатные листы – единица полиграфическая, которыми измеряются печатные издания.

однако, признать, что труд г. Сапунова, который уже давно пользуется заслуженной известностью по другим историческим исследованиям его, – самый широкий и самый важный. Собрал он довольно много интересных и даже до нашего времени неизвестных сведений об этом предмете, умело их обработал, прибавил к ним удачные рисунки и создал таким образом довольно хорошее и научно цельное, за что необходимо принести ему искреннюю благодарность…», – писал львовский «Исторический ежеквартальник». Положительные рецензии на «Реку Западную Двину» поместили также «Правительственный вестник», «Журнал Министерства народного просвещения», «Gazeta Warszawska», «Филологическая библиотека», «Русские ведомости». Отметим и такой красноречивый факт, что, несмотря на то, что «Река Западная Двина» издана уже 120 лет тому назад, нового подобного издания не осуществлено до сих пор.

Тираж «Реки Западной Двины», как и «Витебской старины», составлял 500 экземпляров. Книга поступила в продажу с 1(13) мая 1893 года. Ее цена (с учетом пересылки) составляла 4 рубля [1].

Обе книги – и «Витебская старина», и «Река Западная Двина» – сыграли большую роль в жизни А. Сапунова. Они стали хорошим памятником ему, тем более что могила самого крупного летописца полоцко-витебского края XIX в. до наших дней, к великому сожалению, не сохранилась.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Полоцкие** епархиальные ведомости. – 1893. – С. 393.

2. **Сапунов, А. П.** Витебская старина / А. П. Сапунов. – Витебск, 1885. – Т. 4. – С. III–IV.

3. **Сапунов, А. П.** Река Западная Двина / А. П. Сапунов. – Витебск, 1893. – С. II–III.

А. М. Подлипский (Витебск)

ВИТЕБСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ФОНД ИМЕНИ А. П. САПУНОВА

Витебский краеведческий фонд имени А. П. Сапунова являлся общественным объединением группы краеведов и любителей истории. Он был создан в марте 1995 г. (учредительное собрание состоялось 18 февраля). Цели и задачи организации заключались в изучении исторического наследия Витебщины, пропаганде знаний об этом, другой просветительской работе, в поддержке творческой деятельности краеведов. Витебский краеведческий фонд имени А. П. Сапунова осуществлял и финансировал издание книг,

альбомов и брошюр об историческом прошлом города и его окрестностей, о знаменитых земляках, проводил лекции, выставки и другие массовые мероприятия, совместно с органами власти устанавливал памятные знаки, мемориальные доски и т. п.

Финансовая деятельность фонда осуществлялась исключительно на пожертвования негосударственных организаций и частных лиц.

Деятельность фонда была прекращена в 2007 г. (Главным управлением юстиции Витебского облисполкома фонд был закрыт 17 января 2008 г.).

Одной из главных задач фонда являлась издательская деятельность. За 13 лет существования организации (1995–2008) и 11 лет ее издательской деятельности (1997–2007) было выпущено 30 изданий (средний тираж – 500 экз.).

1. Подлипский, А. М. Летчик Григорий Пиотровский / А. М. Подлипский. – Витебск : Витеб. краевед. фонд им. А. Сапунова, 1997. – 32 с. – (Жизнь замечательных людей Витебщины).

2. Подлипский, А. М. Краевед Владимир Краснянский (1863–1930) / А. М. Подлипский. – Витебск : Витеб. обл. тип., 1997. – 29 с. – (Жизнь замечательных людей Витебщины).

3. Подлипский, А. М. Художник Зиновий Горбовец / А. М. Подлипский. – Витебск : Витеб. краевед. фонд им. А. Сапунова, 1997. – 31 с. – (Жизнь замечательных людей Витебщины).

4. Подлипский, А. М. Васильковые годы Марка Шагала, или Витебск в судьбе художника / А. М. Подлипский. – Витебск : Витеб. обл. тип. им. Коминтерна, 1997. – 71 с.

5. Соловьева, Н. Фонд Не любить нельзя : сборник стихов / Н. Ф. Соловьева. – Витебск : Витеб. обл. тип. им. Коминтерна, 1997. – 32 с.

6. Маневич, Л. Г. Пережитое ... : воспоминания участника Великой Отечественной войны и узника концлагерей / Л. Г. Маневич ; лит. обраб. А. Подлипского. – Витебск : Витеб. краевед. фонд им. А. Сапунова, 1997. – 31 с.

7. Лисов, А. Г. Художник Исаак Боровский (1921–1991) : альбом / А. Г. Лисов, А. М. Подлипский. – Витебск : Витеб. краевед. фонд им. А. Сапунова, 1997. – 80 с.

8. Забелло, Л. А. История витебского трамвая / Л. А. Забелло. – Витебск : ВТТУ, 1998. – 128 с.

9. Подлипский, А. М. Первая не только по номеру : история витебской СШ № 1 / А. М. Подлипский. – Витебск : Витеб. краевед. фонд им. А. Сапунова, 1998. – Ч. 1 : (1918–1968 гг.). – 167 с.

10. Гинзбург, Б. Л. На войне : воспоминания участника Великой Отечественной войны / Б. Л. Гинзбург. – Витебск : Витеб. обл. тип., 1999. – 47 с.

11. Подлипский, А. М. Книга в Витебске: книгоиздательство, библиотеки и книголюбы Витебска. Дооктябрьский период / А. М. Подлипский. – Витебск : Витеб. обл. тип., 1999. – 64 с.

12. Карасёў, В. Р. Ветрына і наваколле : храналогія гісторыі / В. Р. Карасёў. – Віцебск : Віцеб. друк., 1999. – 48 с.

13. Подлипский, А. М. Витебские адреса Марка Шагала / А. М. Подлипский. – Витебск : Витеб. обл. тип., 2000. – 56 с.

14. Подлипский, А. М. Ботаник Владимир Адамов / А. М. Подлипский. – Витебск : Витеб. обл. тип., 2000. – 32 с. – (Жизнь замечательных людей Витебщины).

15. Подлипский, А. М. Марк Шагал : основные даты жизни и творчества / А. М. Подлипский. – 2-е изд., испр. и доп. – Витебск : Витеб. краевед. фонд им. А. Сапунова, 2000. – 63 с.

16. Подлипский, А. М. Первомайский район г. Витебска / А. М. Подлипский. – Витебск : Инпредо, 2000. – 43 с.

17. Лісаў, А. Г. Краязнавец Мікалай Каспяровіч / А. Г. Лісаў, А. М. Падліпскі. – Віцебск : Віцеб. абл. друк., 2000. – 46 с. – (Жыццё знакамітых людзей Віцебшчыны).

18. Подлипский, А. М. Ариец с берегов Двины, или О чем умалчивают биографы Юрки Витьбича / А. М. Подлипский. – Витебск : Витеб. обл. тип., 2001. – 80 с.

19. Лисов, А. Г. Сапуновские места Витебска и окрестностей / А. Г. Лисов, А. М. Подлипский. – Витебск : Витеб. обл. тип., 2001. – 28 с.

20. Сапунов, А. П. Витебский Успенский собор в связи с событиями из религиозной жизни витеблян : по благосл. архиепископа Витеб. и Орш. Димитрия / А. П. Сапунов. – Витебск : Витеб. епархия, 2001. – 34 с.

21. Путеводитель по Старо-Улановичскому (еврейскому) кладбищу в Витебске / сост. А. М. Подлипский. – Витебск : Витеб. обл. тип., 2001. – 96 с.

22. Подлипский, А. М. Периодическая печать Витебска / А. М. Подлипский. – Витебск : Обл. тип., 2001. – 160 с.

23. Подлипский, А. М. Вторая родина Марка Шагала : (художник и Лиозненщина) / А. М. Подлипский. – Витебск : Обл. тип., 2002. – 32 с. – (Совместно с Лиозненским райисполкомом).

24. Подлипский, А. М. Наш вечный дом : (из истории еврейских кладбищ в Витебске) / А. М. Подлипский, М. С. Рывкин. – Витебск : Витеб. обл. тип., 2003. – 80 с. – (Совместно с ОО «Общество попечения еврейских кладбищ Витебской области «Бетолам»).

25. Лисов, А. Г. Историк В. А. Вейгер-Рейдемейстер / А. Г. Лисов, А. М. Подлипский. – Витебск : Витеб. обл. тип., 2004. – 32 с. – (Жизнь замечательных людей Витебщины).

26. Лисов, А. Г. Сапуновские места Витебска и окрестностей / А. Г. Лисов, А. М. Подлипский. – Витебск : Витеб. обл. тип., 2004. – 48 с.

27. Подлипский, А. М. Навечно двадцатилетний ... / А. М. Подлипский, Ю. С. Сусед-Виличинская. – Витебск : Витеб. обл. тип., 2005. – 64 с. – (Совместно с Витебским областным советом Белорусского республиканского

Общества охраны памятников истории и культуры, Витебским областным комитетом Белорусского республиканского Союза молодежи).

28. Аркадий Михайлович Подлипский : библиография основных публикаций : 1968–2005 гг. – Витебск, 2006. – 78 с. – (Совместно с ГУ «Витебская областная библиотека имени В. И. Ленина»).

29. Подлипский, А. М. Доски, берегущие память : справочник / А. М. Подлипский, В. В. Рогач. – Витебск : Віцеб. абл. друк., 2006. – 95 с. – (Совместно с Витебским областным советом Белорусского республиканского Общества охраны памятников истории и культуры).

30. Подлипский, А. М. Заслуженный артист БССР Борис Левин / А. М. Подлипский. – Витебск : Витеб. обл. тип., 2007. – 80 с. – (Жизнь замечательных людей Витебщины). – (Совместно с ВОО «Городская еврейская община»).

В 2003–2010 годах Витебский краеведческий фонд имени А. П. Сапунова выпускал тиражом 300–500 экземпляров и объемом 176–208 страниц формата 1/16 листа сборник «Шагаловский международный ежегодник». Всего было сделано семь выпусков в 8 книгах. Их общий объем – более 1400 страниц (более 84,5 условного печатного листа), общий тираж – 3400 экземпляров.

По инициативе и при самом активном участии членов Витебского краеведческого фонда имени А. П. Сапунова установлен памятный знак на месте бывшего имения А. П. Сапунова в Витебском районе и мемориальная доска в честь известного белорусского ботаника В. В. Адамова на его доме в д. Б. Летцы Витебского района.

По инициативе фонда, к 150-летию со дня рождения А. П. Сапунова Министерство связи РБ выпустило почтовый конверт с оригинальной маркой, и были организованы специальные гашения в Витебске и Минске.

Витебским краеведческим фондом имени А. П. Сапунова в 2001 году выпущены:

– непочтовые сувенирные марки в честь А. Сапунова, М. Шагала, К. Малевича, Ю. Пэна;

– немаркированные почтовые конверты в честь М. Шагала, К. Малевича, Ю. Пэна;

– немаркированная почтовая карточка в честь белорусского историка Н. Касперовича.

Бессменным председателем правления фонда являлся Аркадий Михайлович Подлипский.

Документы, рассказывающие о деятельности фонда, хранятся в Государственном архиве Витебской области (№ 1281).

В. В. Рогач (Витебск)

ЭКСЛИБРИС А. П. САПУНОВА

Эксли́брис (от латинского ex libris – «из книг») – книжный знак, наклеиваемый владельцами библиотек на книгу, преимущественно на внутреннюю сторону переплета. Обычно на экслибрисе обозначены имя и фамилия владельца и рисунок, лаконично и образно говорящий о профессии, интересах или о составе библиотеки владельца. Родиной экслибриса считают Германию, где он появился вскоре после изобретения книгопечатания.

Простейший экслибрис представляет собой бумажный ярлык с именем владельца книги (иногда в сочетании с девизом или эмблемой). Художественные экслибрисы представляют собой произведения печатной графики. Они создаются различными техниками гравюры – гравируются на меди, дереве или линолеуме, выполняются цинкографским или литографическим способом.

Среди художественных экслибрисов различают:

– гербовые, которые воспроизводят герб владельца и характерны главным образом для XVI–XVIII вв.;

– вензелевые с орнаментально разработанными инициалами владельца;

– сюжетные, которые стали наиболее популярными в XX в., и представляют собой изображения пейзажей, архитектурных мотивов, различных эмблем, образно отражающих вкусы, интересы и пристрастия, профессию владельца библиотеки.

Кроме того, встречаются экслибрисы, достаточно редкие – выдавленные на страницах самой книги [1]. Иногда бумагу даже слегка смачивали, чтобы она была более мягкой и пластичной и легче принимала форму под давлением.

Витебскому историку-краеведу и историографу Алексею Парфеновичу Сапунову (1851–1924) принадлежала одна из крупнейших библиотек дореволюционного Витебска. Она возникла, вероятно, вскоре после того, как он закончил Петербургский университет и стал работать преподавателем древних языков в витебской мужской Александровской гимназии. На протяжении всей жизни ученого содержание библиотеки неоднократно менялось. Но всегда она отражала его научные интересы. В ней было собрано очень многое из того, что касалось истории, этнографии и археологии Витебщины, а также присутствовали исторические исследования русских и зарубежных ученых, труды белорусских исследователей – Е. Карского, А. Сементовского, Н. Никифоровского, М. Довнар-Запольского, В. Пичеты. Почти целиком в библиотеке были представлены многотомные издания «Памятных книжек Витебской губернии», «Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской», «Акты Виленской ко-

миссии», первые 17 томов «Полного собрания русских летописей», «История России» С. Соловьева. Несколько сотен томов библиотеки А. Сапунова составляла русская и зарубежная классика. В числе этих книг были произведения А. Герцена, Л. Толстого, Ф. Достоевского, М. Салтыкова-Щедрина, М. Лермонтова, И. Тургенева, А. Мицкевича, А. Чехова, Г. Сенкевича, Н. Гоголя, Д. Фонвизина, И. Крылова, А. Пушкина, В. Одоевского, Г. Данилевского, Г. Мопассана. Из хорошо известных изданий можно назвать «Жизнь животных» А. Брема, «Хлеб и воля» П. Кропоткина, «Павлинка» Я. Купалы, несколько изданий анонимной поэмы «Тарас на Парнасе» [2]. Библиотека А. П. Сапунова к моменту его смерти насчитывала свыше 800 томов 575 названий. Ее полный список был составлен специальной комиссией (М. Мелешко, В. Краснянский, А. Постников, Д. Василевский и вдова историка М. Сапунова) [3]. Однако сделано это было, к сожалению, небрежно, без учета необходимых библиографических требований. И в таком виде, «за исключением исправления очевидных ошибок орфографии и печати», список был опубликован Л. Хмельницкой в ее книге «Гісторык з Віцебска (жыццяпіс Аляксея Сапунова)» (Мн., 2001. – С. 228–250). Правда, автор расшифровала сокращения (в острых скобках) и кое-где сделала собственные замечания (в квадратных скобках). Однако выполнен этот же список и с полными библиографическими требованиями, публикация которого предполагается [4].

Книги из библиотеки А. Сапунова вместе с рукописями, личными вещами и остатками коллекции монет и картин были переданы в Витебский исторический музей. В Государственном архиве Витебской области хранится следующий документ: «Справка. Дана таковая жене профессора Алексея Парфеновича Сапунова Марии Ипатьевне Сапуновой в удостоверение того, что Витебским государственным историческим музеем получено от нее бесплатно пятьсот семьдесят пять (575) научных книг из библиотеки профессора Сапунова и 48 (сорок восемь) рукописей» [5]. Эти книги впоследствии были переданы, по-видимому, в областную библиотеку им. Ленина при ее создании в 1929 году. Большинство из них (если не все) погибли во время немецко-фашистской оккупации города 1941–1944 гг.

В библиотеке Алексея Парфеновича были и редкие издания. Например, при ликвидации Виленского музея древностей он приобрел несколько старопечатных книг, в том числе и знаменитый «Литовский статут» 1588 г. К сожалению, в советское время ученый влачил почти нищенское существование и очень нуждался в средствах, в связи с чем вынужден был продать издание «Статута» в Республиканскую библиотеку им. Ленина [6]. Там оказалось несколько книг не только из библиотеки Алексея Парфеновича, но даже и с его автографами. Попали они туда при посредничестве тогдашнего директора столичной библиотеки И. Симановского (1892–1967).

Одна из этих книг возвратилась вскоре после окончания Великой Отечественной войны в Витебск. Произошло это при следующих обстоятельствах.

Витебский историк-краевед А. Подлипский знакомился с редкими книгами библиотеки Витебского государственного университета имени П. М. Машерова. “На книгу «Русско-ливонские акты» (Петербург, 1868) я обратил внимание неслучайно: в трудах витебского историка А. Сапунова (1851–1924) иногда встречаются ссылки на нее, – рассказывает Аркадий Михайлович. – Интересно было подержать в руках издания, которые читал наш местный Карамзин. В книге и в самом деле часто встречаются строчки о Полоцке, Витебске, Смоленске, Полоцком княжестве. Сразу обратил внимание на такую закономерность: там, где имелись бумажные закладки, в тексте непременно упоминались города Витебщины. Причем места эти были подчеркнуты карандашом. Значит, владельцу был присущ интерес к прошлому края. Но кто же он? На одной из первых страниц в глаза тут же бросилась хорошо знакомая роспись – А. Сапунов. Не веря своим глазам, стал более тщательно просматривать первые страницы книги. И, присмотревшись, заметил выпуклый экслибрис в две строчки: «А. П. Сапунов». После этого сомнений уже не было – найденная книга, конечно же, принадлежала витебскому краеведу и находилась в его библиотеке. Но как она оказалась в библиотеке ВГУ? Вместе с директором библиотеки Аллой Михайловной Мицкевич [7] пытаюсь это установить. Выясняется, что поступила книга в 1946 г. из… Национальной библиотеки Беларуси. Известно, что в начале 20-х годов очень нуждающийся в средствах А. Сапунов продавал свои книги именно в главную библиотеку Беларуси. В их числе, как оказалось, была и эта. Кстати, в описи, составленной после смерти Алексея Парфеновича, ее уже не было. В послевоенные годы работники Национальной библиотеки, желая помочь витеблянам, передавали из сохранившейся части своего собрания вторые экземпляры. И не усмотрели: отдали книгу с автографом” [8].

А в Витебский областной краеведческий музей попал штамп, с помощью которого А. Сапунов ставил экслибрисы в книги из своей библиотеки. По современным «Книгам поступлений» (КП) предметов в музей штамп числится под номером 901. В графе «Источник поступления» значится, что этот штамп поступил 21 апреля 1945 г. по акту № 1 вместе с другими печатями, возвращенными из Риги. Дело в том, что в начале Великой Отечественной войны не все музейные предметы смогли эвакуировать в Саратов. Следует иметь в виду, что музею был выделен всего один вагон, сроки упаковки и погрузки предметов из музейных коллекций были минимальны и, естественно, было вывезено лишь самое ценное в понимании коллектива сотрудников того времени. Часть из тех музейных предметов, что осталась в оккупированном фашистами Витебске, была вывезена ими на Запад и оказалась в Риге, откуда и вернулась в наш музей уже после освобождения города от захватчиков. Из записи в «Книге поступлений» можно заключить, что штамп находился в собрании музея уже в предвоенное время и оказался там, предположительно, после смерти А. Сапунова вместе с документами и

другими его личными вещами, которые передала в музей его вдова. Штамп представляет собой стальную матрицу, закрепленную на основании, и пуансон с деревянной ручкой на пружине. На матрице и пуансоне соответственно выпуклая и углубленная надпись «А. П. Сапунов». Способ получения оттиска достаточно необычен, особенно для настоящего времени. Бумажный лист накладывался на матрицу, а сверху прижимался пуансоном. На листе получался выпуклый оттиск.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Известный** белорусский ученый в области сфрагистики (науки о печатях) А. Титов в своей книге «Пячаткі старажытнай Беларусі: нарысы сфрагістыкі» (Минск, 1993. – С. 23–24) пишет, что способ создания оттиска, при котором не использовались ни воск, ни сургуч, ни другие материалы, а изображение получалось за счет тиснения самой бумаги, наиболее часто использовался в конце XVIII – начале XIX веков.

2. **Подлипский, А. М.** Книга в Витебске: книгоиздательство, библиотеки и книголюбы Витебска. Дооктябрьский период / А. М. Подлипский. – Витебск : Витеб. обл. тип., 1999. – С. 52.

3. **Государственный** архив Витебской области. – Фонд 1947. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 66–70.

4. **Информация** А. Подлипского.

5. **Государственный** архив Витебской области. – Фонд 1947. – Оп. 1. – Д. 77. – Л. 12.

6. **50-летие** образования СССР и развитие библиотечного дела в Белоруссии. – Минск, 1973. – С. 81.

7. **В настоящее** время заведует библиотекой Ирина Александровна Качмар, а А. М. Мицкевич, очень много сделавшая для этого книжного собрания, находится на заслуженном отдыхе.

8. **Подлипский, А.** Хранить вечно! / А. Подлипский // Народнае слова. – 2002. – 27 крас.

А. А. Цинкевич (Минск)

ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЕННОЙ КАМПАНИИ 1812 г. ДЛЯ ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ТРУДОВ А. П. САПУНОВА)

Для исследования социально-экономических последствий войны 1812 г. в Витебской губернии на данный момент выявлено небольшое количество источников, что делает их особо важными и ценными для исследователей. Таковым, например, является сборник документов «Витебская старина», вышедший в 1883 г. под редакцией А. П. Сапунова. Данное собрание содержит документы по истории военной кампании 1812 г., которые описывают собы-

тия, происходившие в г. Витебске в это время. Представленные материалы в совокупности с архивными источниками и различными исследованиями дореволюционных авторов отражают послевоенное состояние как Витебска, так и его губернии.

Исходя из материалов, представленных в сборнике, можно сделать вывод о том, что война 1812 г. тяжело отразилась на состоянии Витебска. В первую очередь сократилось количество населения. Согласно сведениям, доставленным местными гражданами сенатору Данилевскому, в Витебске до войны насчитывалось следующее количество мужского населения христианского вероисповедания – 376 купцов и 2943 мещанина. Купцов еврейского происхождения было 56 человек, а мещан-евреев – 3333. Всего же душ мужского пола насчитывалось 6708 человек. За период оккупации города французскими войсками с августа 1812 г. по 30 апреля 1813 г. численность населения сократилась на 2415 человек. Таким образом, за время военной кампании умерло 87 купцов и 1124 мещанина христианского вероисповедания, а также 4 купца и 1200 мещан еврейского происхождения [4, с. 309]. Что касается Полоцка, то в 1810 г. там числилось мещан христианского вероисповедания 4335 человек и 3531 евреев. После войны население города уменьшилось до такой степени, что, по ведомостям 1817 г., в нем осталось всего 3340 человек обоего пола [1, с. 66].

Согласно данным дореволюционного историка В. Глыбовского, в Витебской губернии по ревизии 1811 г. числилось 352 474 человека, а по ревизии 1816 г. – 315 481, то есть на 37 000 человек меньше [2, с. 53–54].

Тяжелым было и материальное состояние города по окончании военных действий. Необходимо отметить, что в период, когда неприятельские войска заняли его, была основана временная комиссия. Ее главной целью было обеспечение продовольствием наполеоновской армии. Кроме того, на население возлагалась поголовная подать. Если крестьяне не могли сами ее заплатить, то за них должны были платить их владельцы. Если же в последующие два месяца подать не уплачивалась, то она взыскивалась с населения посредством военно-судебной экзекуции. Требования и распоряжения французских властей поступали практически ежедневно и должны были исполняться незамедлительно. Так, например, 2 сентября 1812 г. правительственная комиссия потребовала, чтобы для обеспечения армии было собрано с Витебска и его уезда 400 волов и 200 овец. Однако данные требования магистрат сразу не смог удовлетворить. И уже 3 сентября подпрефект выслал магистрату предупреждение следующего характера: «Если через два часа не будет доставлен на бойню следующий с города скот, то город подвергнется военной экзекуции» [4, с. 306]. Записка подобного характера была направлена провинциальным адъюнктом Витебска в магистрат 5 ноября 1812 г. В ней говорилось, что «если к 11 часам сегодняшнего утра магистрат не доставит на бойню 20 голов рогатого скота, то нужное количество скота будет у населения насильно взято солдатами» [4, с. 306].

Кроме скота французские власти постоянно требовали сена, соломы, овса, строевых материалов, рабочих, иногда оплачивая теми деньгами, которые собирались с самих жителей в виде почтовой и поголовной податей.

Кроме всего вышеперечисленного, городское население должно было в начале октября 1812 г. доставить вещи, необходимые новому губернатору, среди которых значились следующие предметы: кровати, простыни, скатерти, салфетки, умывальники, тазы, стаканы, тарелки, ножи и многое другое.

Несмотря на запрещение Наполеона совершать насилие над жителями, солдаты нередко совершали грабежи в окрестностях Витебска и даже в самом городе. Они врывались в дома, требуя пищи, денег и водки. Часто разламывали в квартирах все сундуки и шкафы в поисках чего-либо ценного. Нередко поднимали полы и били стены, подозревая повсюду спрятанные богатства. В свою очередь, местное население подавало в магистрат жалобы с целью наказания солдат вражеской армии. В качестве примера приведем жалобу, поданную 15 сентября 1812 г. витебскими мещанами Г. Красовским, И. Амосовичем и У. Дубиних в магистрат, где говорилось следующее: «Французские солдаты, которые караулят склад соли в амбарах купца Т. Красовского, состоящих в третьей части города Витебска, нападают на наши дома, причиняют нам разные обиды, а именно, эти солдаты опустошили наши огороды, забрали из наших домов немало хлеба, разной посуды, пожгли, раскладывая огни по ночам, принадлежавшие нам барочные крюки, доски, немало строевого леса, дров, 10 коп. дору, заборы, и вообще непрестанно нападают, грабят, бьют» [4, с. 308].

Согласно ведомости от 30 апреля 1813 г., понесенные материальные потери жителей Витебска составили: мещане-христиане потеряли 559 854 руб. 44 коп., евреи – 1 003 780 руб. 15 ½ коп., разночинцы и люди духовного звания – 124 102 руб. Всего же материальный ущерб горожан Витебска составил 1 687 736 руб. 59 ½ коп. [4, с. 309]. А если говорить о материальных потерях в целом по губернии, то по данным дореволюционных историков неприятельская армия нанесла убытков на сумму до 18 млн рублей, а по другим сведениям – до 39 942 110 руб. [2, с. 66]. Потери помещиков и дворян Витебского уезда были оценены в сумму свыше 3 млн руб. [4, с. 311].

Что касается количества строений, находящихся в Витебске, то следует отметить, что неприятель их не разрушал, но грабил. Сильно пострадала лишь каменная церковь Святого Преображения, которой был нанесен убыток на сумму 12 000 руб. [4, с. 309]. Кроме того, согласно данным В. К. Добровольского, другие церкви были также разграблены и использованы французами в своих целях: в Воскресенско-Рынковой церкви были устроены склады сена и соломы, в Борисоглебской – склады пороха и снарядов, в Воскресенской поставлены жернова, а Бернардинский монастырь превращен в провиантский магазин [3, с. 13]. На территории губернии были сожжены имения: Велидич князя Огинского, Лукишки генерала Чорбы, ку-

печеские амбары на р. Лучеса, дом помещика П. Шаверновского, располагавшийся на Островенской дороге [4, с. 312].

Необходимо отметить, что разоренным людям от частных лиц не поступило никакой материальной помощи. Не помогло им также и правительство. Некоторые помещики получили вознаграждение через гражданского губернатора от комитета, учрежденного в Санкт-Петербурге для оказания помощи потерпевшим от неприятельского нашествия. На податное же население были возложены еще большие налоги, чем до войны, потому что помещики желали как можно быстрее восстановить свои хозяйства.

Таким образом, послевоенное состояние как Витебска, так и всей губернии было тяжелым. Значительно сократилась численность населения. Из-за непомерных требований наполеоновской администрации в упадок пришло сельское хозяйство. Губернии потребовалось около получетверти века, чтобы преодолеть последствия военной кампании 1812 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Витебская** губерния : ист.-геогр. и стат. обзор / сост. В. М. Долгоруков. – Витебск : Губерн. тип., 1890. – Вып. 1 : История. Природа. Население. Просвещение. – 387 с.

2. **Глыбовский, В. И.** 1812-й год в Витебской губернии / В. И. Глыбовский. – Витебск : Витеб. учёная архив. комиссия для народа, 1910. – 62 с.

3. **Добровольский, В. К.** Витебская губерния в Отечественную войну / В. К. Добровольский. – Витебск : Тип. П. Подземского, 1912. – 21 с.

4. **Сапунов, А. П.** Витебская старина : в 5 т. / А. П. Сапунов. – Витебск : Тип. губерн. правления, 1883. – Т. 1. – 668 с.

П. В. Шевкун (Витебск)

ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ А. П. САПУНОВА

Знакомясь с жизнью и творчеством А. П. Сапунова, невольно поражаешься многогранностью его личности, разнообразию научных интересов. Историк трудился на научной, педагогической, государственной ниве. Во второй половине XIX – начале XX в. вышли его работы, посвященные географии, статистике, истории, архивному делу.

Среди исторических исследований автора можно выделить большую группу трудов, посвященных истории православия. Будучи выходцем из глубоко религиозной семьи, А. П. Сапунов значительное внимание уделил истории Полоцкой православной епархии. Ряд работ рассказывает о ее монастырях, церквях, наиболее чтимых иконах.

Храмам и монастырям посвящены исследования: «Витебский Успенский собор в связи с событиями из религиозной жизни витеблян» (Витебск, 1894 г.), «Полоцкий Софийский собор» (Витебск, 1888 г.), «Церковь во имя святого пророка Ильи в г. Витебске» (Витебск, 1904 г.), «Древности Спасо-Ефросиниевского девичьего монастыря в Полоцке» (Витебск, 1885 г.). В книге «Витебский Успенский собор в связи с событиями из религиозной жизни витеблян» автор описал историю храма, основание которого он относил к XIV в., убранство собора. Останавливаясь на событиях передачи храма православным от униатов в 1799 г., А. Сапунов приводит слова из проповеди белорусского епископа Анастасия (Братановского), сказанные им на церемонии переосвящения церкви, о необходимости сохранения любви христиан между собою, несмотря на религиозные различия.

Ученый уделил внимание истории Маркова монастыря, Благовещенской церкви. Подробно автор описывает убийство И. Кунцевича. Исследование «Полоцкий Софийский собор» посвящено непростой судьбе памятника, прошедшего с момента основания в XI в. сквозь годы войн и религиозных потрясений. Без преувеличения можно назвать уникальной работу «Церковь во имя святого пророка Ильи в г. Витебске». Дело в том, что описание внутреннего и внешнего вида, истории этого памятника деревянного белорусского зодчества XVII в. было сделано после его гибели в огне в 1904 г. История Спасо-Ефросиниевского монастыря рассказана в работе «Древности Спасо-Ефросиниевского девичьего монастыря в Полоцке». Подробно автор остановился здесь и на истории креста Ефросиньи Полоцкой.

Сведения о наиболее знаменитых иконах (Казанской, Иверской, Замковой, Цесарской Божьей Матери) приводятся в работе «Древние иконы Божьей Матери в Полоцкой епархии» (Витебск, 1888 г.). Автор описал и те иконы, которые на тот момент находились за пределами епархии, в частности, историю иконы Корсунской Божьей Матери. О жизни белорусской святой рассказывается в исследовании «Житие преподобной Евфросинии, княжны полотской» (Витебск, 1888 г.).

Археографические изыскания А. П. Сапунова содержатся в труде «Архив Полоцкой духовной консистории» (Москва, 1898 г.). Он представляет собой опись старых документов XVI – начала XIX в., хранившихся в консистории. Это документы, касающиеся монастырей и церквей Полоцкой епархии. Второй раздел пятого тома «Витебской старины» (Витебск, 1888 г.) является собранием документов, уникальность которого заключается в сделанном описании 476 документов, 89 из которых опубликованы полностью.

Перечисленные выше исследования, посвященные персоналиям и христианским памятникам, не дают полного представления о взглядах автора как историка церкви. Вместе с тем в наследии А. П. Сапунова есть работы, в которых на фоне событий гражданской истории отражен авторский взгляд на историю Полоцкой епархии, судьбу православия в Беларуси. Это «Очерк

исторических судеб православия и русской народности в Белоруссии вообще и пределах Полоцкой епархии в частности» (Витебск, 1910 г.) и пятый том «Витебской старины». Первый раздел тома (о втором сказано выше) представляет «Краткий очерк исторических судеб Полоцкой епархии с древнейших времен до половины XIX в.». Позднее «Краткий очерк …» дважды переиздавался отдельной монографией. Несмотря на несколько апологетический тон и публицистическую заостренность, вызванных тем, что издание было приурочено к празднованию 50-летия «воссоединения» униатов с православием, исследование носит научный характер. Анализировать эти две работы по отдельности не имеет смысла, так как по содержанию они близки друг другу. Поэтому подробно я остановлюсь на «Кратком очерке исторических судеб Полоцкой епархии с древнейших времен до половины XIX в.». Работа разделена на шесть глав. В первой главе автор описал первые столетия истории христианства на белорусских землях, отметив мирный характер его распространения. Достаточно подробно рассмотрен вопрос о возникновении Полоцкой епархии. На основании анализа хроник и летописей А. П. Сапунов относит это событие к 992 г. Подробно рассказывается в этой главе и о жизни Ефросиньи Полоцкой.

Во второй главе показаны события, связанные с вхождением Полоцкой и Витебской земель в состав Великого Княжества Литовского (ВКЛ). Автор сделал смелое, по сегодняшним меркам, предположение о православии большинства великих князей до заключения Кревской унии. Останавливаясь на характеристике и истории ВКЛ, Сапунов негативно оценивал лишь придание католичеству государственного статуса. Само же становление единой государственности на белорусских землях им рассматривается скорее как положительное явление: «…в начале этого века (четырнадцатого. – *П. Ш.*) земли Западной Руси мало-помалу объединяются при содействии литовского элемента» [1]. В «Очерке исторических судеб…» он высказался еще более определенно: «образовались… два русские государства – московское и литовское из одного и того же народа …» [2]. Что же касается православия, то оно «с падением политической независимости Полоцкого и Витебского княжеств… почти совсем не изменилось: мирно насажденное, мирно же продолжало оно свои мирные и благотворные завоевания» [1, с. XXV]. Даже останавливаясь на положении после Кревской унии, историк избегал обличительного тона: «права православных иногда, по-видимому, уравниваются с правами католиков; по-временам, заметно даже некоторое покровительство» [1, с. XXXI]. Время правления Сигизмунда Августа охарактеризовано им как лучшее время для православных в ВКЛ [1, с. XXXV]. Говоря о Полоцкой кафедре в этот период, ученый отмечает сужение до канонических привилегий епископов, статус которых, тем не менее, в церковной иерархии был очень высок. Глава заканчивается событиями Люблинской унии, которая оценивается как финал политической агонии ВКЛ.

Третья глава посвящена распространению протестантизма и католичества. Автор привел исторические свидетельства появления и распространения кальвинизма в Витебске и Полоцке. В Полоцке кальвинистская община являлась, по его мнению, самой древней в Литве. Проникновение католичества отнесено автором лишь к концу XIV в. в связи с событиями Кревской унии.

В четвертой главе дана характеристика событий, связанных с подписанием Брестской унии. Среди ее причин выделены: право патроната, резкое уменьшение православной аристократии вследствие распространения протестантизма и католицизма, деятельность иезуитов. В качестве причины унии отмечен и конфликт между православными братствами и епископатом. «Эти последние (православные иерархи. – *П. Ш.*) с неудовольствием смотрели на стеснение своей власти и нередко вступали в борьбу с братствами» [3, с. 8]. Среди главных факторов, приведших к Брестскому собору, называется Люблинская государственная уния. «Для полного политического соединения необходимо было соединение и по вере» [1, с. XXXVI]. Эта мысль и на сегодняшний день звучит актуально, так как подчеркивает религиозную природу монархии и необходимость единоверия между правителем и подданными.

В пятой главе автор, используя богатый архивный материал, охарактеризовал борьбу против унии от момента ее введения и до первого раздела Речи Посполитой. Хотя выводы и подбор примеров выглядят сегодня односторонне и прямолинейно, их ценность заключается в опоре на частично утраченные источники. Характеризуя борьбу против унии, А. П. Сапунов рассматривает ее не просто как религиозную. В духе теории официальной народности он видит в ней борьбу за русскую народность в крае. «Русская народность… отождествлялась с православием, которое поэтому и называлось Русской верою» [1, с. XXIII]. Автор избегает упрощенного понимания русской народности, как чего-то единого и монолитного «… она [Беларусь. – *П. Ш.*] вместе с Великою и Малою Русью составляет одно великое и могучее русское тело» [2, с. 31].

Шестая глава содержит изложение истории «воссоединения» униатов с православной церковью Российской империи. «Со времени присоединения Северо-Восточной части Беларуси, по первому разделу Речи Посполитой в 1772 г. открылось повсеместное желание униатов возвратиться в лоно прародительской веры» [1, с. CXVI]. По различным причинам политического характера этот процесс затянулся до 1839 г. Среди них – осторожность Екатерины II, влияние иезуитов на Павла I и А. Чарторийского на Александра I. Основной движущей силой объединения, по мнению А. П. Сапунова, был народ. Вместе с тем и униатский епископат проявлял стремление к объединению с православной церковью. «Продолжателями Лисовского и Красовского были приснопамятные И. Семашко, В. Лужинский, А. Зубко» [1, с. CXXIV].

Их стараниями и состоялся объединительный собор в Полоцке. Описывая обстоятельства присоединения, автор подчеркивает мирный характер объединения, отсутствие каких-либо серьезных возмущений. Поскольку «торжество православия есть вместе с тем и торжество русской народности» [3, с. 16]. Стоит отметить, что ученый далеко не всегда выдерживает научный стиль изложения, подменяя научную аргументацию официальными идеологическими штампами того времени. Выявляя причины сохранения униатской церкви до 1839 г. в Российской империи, он вслед за другими представителями православной церковной историографии выделяет субъективные факторы в качестве основных, что, на наш взгляд, является свидетельством конфессиональной ангажированности автора. Впрочем, учитывая уровень развития исторической науки, политическую и конфессиональную обстановку в регионе, высказанные критические замечания не могут являться обвинением в адрес А. П. Сапунова.

Вопросов церковной истории исследователь касается и в работах, посвященных другим областям научного знания. Однако эти части не носят самостоятельного значения и повторены автором в специальных церковно-исторических трудах.

Некоторое внимание А. Сапуновым было уделено и католичеству: «Заметки о коллегии иезуитов в Полоцке», «Удаление пиаров из Полоцка в 1830 г.», «Андрей Баболя и его мощи в Полоцке». В исследовании «Заметки о коллегии иезуитов в Полоцке» автор подробно рассказал о прибытии иезуитов во главе с П. Скаргой в город и основании ими коллегии, ее истории, изучавшихся предметах. Была отмечена и созданная в 1812 г. на ее базе Академия. В качестве приложения дан список ректоров.

Анализ работ А. П. Сапунова позволяет заметить, что автор в своих концептуальных положениях не оригинален. Во взглядах на унию он следует за М. Кояловичем, чьи цитаты у него встречаются довольно часто. Официальный взгляд на православие как на сущностную черту русской народности пронизывает исследования. Вместе с тем обилие использованных архивных материалов, оригинальность трактовок отдельных исторических событий позволяет говорить о достаточно высоком научном уровне работ. Некоторые же характеристики и замечания, относящиеся к политической и религиозной истории Беларуси, и на сегодняшний день не утратили своей актуальности.

Стоит сожалеть, что исследователь не нашел возможности обстоятельно рассмотреть различные стороны жизни Полоцкой епархии, более полно представить историю ее монастырей, храмов, реликвий, остановиться на образовательной, социальной деятельности церкви. Однако и в настоящее время «Краткий очерк исторических судеб православия …» – это одна из работ, наиболее полно представляющих историю православной церкви на северо-востоке Беларуси.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Сапунов, А. П.** Витебская старина : в 5 т. / А. П. Сапунов. – Витебск : Губерн. тип., 1888. – Т. 5., ч. 1. – XXXVIII с.

2. **Сапунов, А. П.** Очерк исторических судеб православия и русской народности в Белоруссии вообще и пределах Полоцкой епархии в частности / А. П. Сапунов. – Витебск : Губерн. тип., 1901. – 27 с.

3. **Сапунов, А. П.** Речь, произнесённая 8-го июня в актовой зале Витебской мужской гимназии, в присутствии начальствующих, учащих и учащихся православного исповедания / А. П. Сапунов // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1889. – № 14. – С. 1–3.

В. А. Шишанов (Витебск)

МАТЕРИАЛЫ ОБ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ И ПУБЛИКАТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. П. САПУНОВА В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

В хранящемся в Витебском областном краеведческом музее архиве А. П. Сапунова из 643 ед. хранения 97 составляет переписка. В большинстве своем это письма корреспондентов ученого. Письма самого Сапунова почти неизвестны, и перспективным представляется поиск в этом направлении.

Так, в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) в Москве выявлены 8 писем Алексея Парфеновича к Василию Григорьевичу Дружинину (1859–1936), историку, археографу, исследователю старообрядчества, собирателю древнерусских и старообрядческих рукописей и икон. В декабре 1888 г. Дружинин был избран секретарем отделения русской и славянской археологии императорского Русского археологического общества. В следующем году Василий Григорьевич получил степень магистра русской истории за диссертацию «Раскол на Дону в конце XVII в.» (Санкт-Петербург, 1889), был избран приват-доцентом Санкт-Петербургского университета.

Обстоятельства знакомства Сапунова и Дружинина неизвестны. Первое письмо, исходя из содержания, датируется началом 1888 г. [13, л. 4–5 об.]. В нем Алексей Парфенович благодарит своего петербургского адресата за присланные выписки «из Кульчинского» и «Степенной книги». Работы деятеля и историка униатской церкви Игнатия Кульчинского (1707–1747) и памятник русской исторической литературы XVI в. «Степенная книга» нужны были Сапунову для работы над исследованием, посвященном католической легенде о Параскеве Полоцкой, и публикации жития Ефросиньи Полоцкой, которые были изданы в 1888 г. [6; 17].

В этом же письме Сапунов просил выяснить местонахождение Полоцкого харатейного Евангелия конца XII в. [8, с. 23–25], что можно связать с подготовкой издания первой части пятого тома «Витебской старины». В упомянутом Евангелии, факсимильное издание которого осуществлено в феврале 2013 г., находится запись о даче полоцким князем Андреем Ольгердовичем Троицкому монастырю на реку Звану и бобровые гоны.

Текст так называемой вкладной грамоты Андрея Ольгердовича впервые был опубликован в 1846 г. в первом томе «Актов, относящихся к истории Западной России» [1, № 13, с. 27], откуда его заимствовал А. П. Сапунов. Грамота, как указывает ученый, также публиковалась в «Витебских губернских ведомостях» (1858, № 11), «Вестнике Юго-Западной и Западной России» (1862, октябрь) [5, с. 13–14].

Однако из-за ошибки публикаторов местонахождение Евангелия было указано неверно – Румянцевский музеум, и когда Алексей Парфенович хотел ознакомиться с изданием во время пребывания в Москве, то книги в музее не оказалось. Об этом А. Сапунов писал: «Дмитрий Петрович[1] [Лебедев. – *В. Ш.*] также не мог указать, откуда именно взята эта грамота. К счастью, работавший в рукоп<исном> отделении г. Соболевский разъяснил наше недоумение: означенная грамота вписана в Еванг<елии> XIII–XIV вв., хранящ<емся> в Публ<ичной> биб<лиотеке>, и напечатана также в его, Соболев<ского>, статье».

Известный русский лингвист, палеограф, историк литературы, славист Алексей Иванович Соболевский (1856–1929) опубликовал текст вкладной в статье «Смоленско-полоцкий говор в XIII–XIV вв.» в журнале «Русский филологический вестник» [21, с. 16]. Но Сапунов, ознакомившись со статьей Соболевского, заподозрил известного слависта в неточном прочтении документа: «<…> я нашел некоторую разницу, напр. “андрей” (А<рхив> З<ападной> Рос<сии>) = “ондре” (Соболев<ский>), “званоу” = “звании”, “з бобровыми” = “з бровыми”, “от звана от запада до дрисы” = “от звана озера да до дрыссы”, “а к той реце никому” = “а к тои <u>реценикомъ</u>” и т. д.». В связи с этим Алексей Парфенович просил Дружинина сделать выписки из оригинала Евангелия и других его публикаций.

Необходимо отметить, что, в отличие от первых публикаторов, Соболевский довольно точно передал текст записи, но во фразе «А к тои реце никому прихода нетъ» он прочитал слова «реце никому» как «реценикомъ», приняв их за слово «рѣчьникомъ», хотя и со знаком вопроса (а не как указывает в письме А. П. Сапунов – «ратником»).

---

[1] Лебедев, Дмитрий Петрович (1851, Рязань – 8 декабря 1891, Москва) – историк, археограф, музейный работник. В Румянцевском музее с июля 1879 по 1891 г. работал помощником хранителя, с августа 1888 г. – хранителем Отдела рукописей и славянских старопечатных книг.

Автор выражает благодарность В. В. Андрейченко за помощь в работе над темой.

В другом письме, которое не датировано, Сапунов напоминает Дружинину о своей просьбе относительно Полоцкого Евангелия и просит прислать необходимые выписки в течение 2–3 недель [11, л. 7].

Следующее письмо датировано 26 марта 1888 г.: «Многоуважаемый Василий Григорьевич, сердечно благодарю Вас за все сделанное Вами для меня. При случае, я просил бы Вас навести справку вот о чем. В 40-х годах некто Барщевский издавал в Санкт-Петербурге какое-то периодическое издание на польском языке; в этом издании помещена, в переводе с белорусского яз<ыка> на польский, “Легенда о преп. Евфросинии, кн. Полоцкой”. Весьма хотелось бы знать, что это за легенда, так как о ней я не имею ни малейших сведений» [11, л. 1].

Как известно, писатель и поэт Ян Барщевский (1794?–1851) издавал в Петербурге на польском языке ежегодный альманах «Niezabudka» («Незабудка») (1840–1844), но в нем «Легенда о преподобной Евфросинии княжне Полоцкой» не публиковалась. Однако во втором томе журнала «Rubon» за 1842 г. Михал Борх (под псевдонимом «M-a B-h») опубликовал фрагмент из дела, озаглавленного «Летопись о легенде» («Dzieje w Legendzie») [26, с. 7–36], в котором рассказывается о жизни Предславы (Евфросиньи), княжны Полоцкой. Возможно, имелась в виду эта публикация. Сапунов ссылается также в своем исследовании «Католическая легенда о Параскеве, княжне Полоцкой» (1888) на публикацию А. Плятера об истории Спасо-Преображенской церкви в Полоцке в девятом томе журнала «Rubon» (1849) [17, с. 15].

26 ноября 1888 г. Сапунов вновь обращается к Дружинину и вновь с просьбой сделать необходимые уточнения по оригиналу документа. На этот раз – Витебской летописи Панцырного-Аверки [12, л. 23–24 об.].

Алексей Парфенович опубликовал летопись в переводе на русский язык в первом томе «Витебской старины» (1883) [3, с. 455–475], но в 1888 г. в Киеве был издан «Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси» [20, с. 213–236], в котором летопись была опубликована на языке оригинала.

Известный украинский историк, археолог, этнограф, один из основателей украинской историографии, глава киевской школы украинских историков Владимир Бонифатьевич Антонович (1834–1908) в предисловии к киевскому изданию отметил: «Сличив текст, изданный в “Витебской старине”, со списком Императорской публичной библиотеки, мы полагаем, что последний сделан более тщательно, и заключает менее погрешностей в транскрипции собственных имен. <…> На одной только 468 странице “Витебской старины” мы находим следующие погрешности: Гнезненский архиепископ Николай Тромба, назван Фромба, город Лигница переименован в Кигницу, город Люттих (Liège, Leodium) в Лаодикею, замок Белзский в Безский и т. д.» [20, с. XLIX].

Сопоставив тексты, в свою очередь, Сапунов выявил 10 записей, в которых имелись расхождения в публикациях, и просил В. Г. Дружинина сделать выписки из оригинала с «буквальной точностью». В основном это неточности, связанные с написанием имен и фамилий («Король Михаил Вишневецкий» или «Король Михаил Корибут Вишневецкий»; «Dałenski» или «Załenski»), топонимов («Hłozomiczach» или «Hlozamiczach»), отдельных слов, расшифровок сокращений. В каких-то случаях оказывался прав Сапунов, в других – публикаторы «Сборника летописей…». Одна из записей, относящаяся к 1706 г., возможно, из-за ошибки при наборе, в киевском издании отсутствует (у Сапунова: «В лето 1706. Вышедшее из Гродно царское войско в реке Немане затопило порох, пули, пушки и пришло под Белую Церковь») [13, с. 464].

Одна из записей, вызвавших вопросы, приводится Сапуновым так: «В лето 1614. В стычке Витеблян с Русскими (z Moskwo) в Глазомичах, Русские разбили Витеблян». А в «Сборнике летописей…»: «Roku 1614. Witebczanie z Moskwo utarczke maionc w Hłozomiczech, Moskwa witebczan pobiła». В оригинале рукописи используется форма «витебляне» («witeblanie») [10, с. 193–205].

В следующем письме Сапунов благодарит Дружинина за присылку его «нового труда» [11, л. 8]. Вероятно, речь идет о вышедшей в 1889 г. книге Василия Григорьевича «Раскол на Дону в конце XVII века», которая имеется в перечне книг из библиотеки Сапунова [4, л. 67], составленном после смерти историка. Здесь же Алексей Парфенович сожалеет, что ничего не может послать в ответ, указывая, что пишет теперь исследование о коллегиуме и академии иезуитов в Полоцке: «<…> но дело идет туго: и времени мало (все идет на службу), и источников маловато». Упомянутая работа была опубликована в 1890 г., и экземпляр, подаренный В. Г. Дружинину с автографом автора, сохранился в библиотеке Колумбийского университета (Нью-Йорк).

Следующий комплекс материалов связан с именем Алексея Яковлевича Бодренка. Об этом человеке удалось узнать немного. Алексей Яковлевич родился в 1863 г. С июня 1883 по 1886 г. служил в Витебской казенной палате [9, с. 94]. Но должность была так незначительна, что в памятных книгах Витебской губернии Алексей Яковлевич не упоминается. С августа 1890 г. Бодренок служил письмоводителем и одновременно бухгалтером в Мариинском институте в Петербурге, а позже занимал место секретаря совета института. В 1897 г. он как вольнослушатель окончил двухлетний курс Петербургского археологического института [25, с. 43]. Умер Алексей Яковлевич во время блокады Ленинграда в ноябре 1942 г. [2].

В мае 1937 г. Бодренок решил передать в Государственный литературный музей сохранившиеся у него 13 писем 1911–1913 гг. и визитную карточку А. П. Сапунова, а также собственную рукопись, разделенную на две части, которые были озаглавлены: «Приложение к очерку В. К. Стукалича о

25-летии ученой и литературной деятельности Алексея Парфеновича Сапунова» и «Воспоминания Алексея Яковлевича Бодренка 1883–1886 гг. и 1910–1916 гг.» [12].

В «Приложении к очерку В. К. Стукалича» А. Бодренок, желая подчеркнуть заслуги А. П. Сапунова, цитирует по очерку оценки, данные трудам Алексея Парфеновича известными историками К. Н. Бестужевым-Рюминым, И. Е. Забелиным, А. Н. Пыпиным, Е. Ф. Карским, М. В. Довнар-Запольским.

Но наибольший интерес представляют личные воспоминания Алексея Яковлевича, в которых Сапунов раскрывается как ученый, общественный деятель, рассказывается об условиях его жизни и личных качествах.

Бодренок знал Алексея Парфеновича во время своей службы в Витебске, но тогда не был знаком с ним лично: «А. П. Сапунова я видел несколько раз в 1883–1886 гг. в Витебске, когда он прогуливался по вечерам на бульваре набережной З. Двины. Тогда имя его было известно как строгого преподавателя латинского и греческого языков в гимназии, а более историка-исследователя местных древностей, издавшего книгу в 1883 г. под заглавием “Витебская старина”».

Во время прогулок он выделялся среди публики: «…высокого роста молодой бритый блондин; прогуливаясь по набережной Двины, он, приподнявши голову, задумчиво и устремительно смотрел вдаль, не обращая никакого внимания на проходящих. Его книги возбудили тогда оживленные суждения среди интеллигенции о прошлом Белоруссии, покрытом мраком неизвестности до того времени» [12, л. 29].

Бодренок пишет, что личное знакомство состоялось в 1910 г., когда А. П. Сапунов был избран в члены Государственной Думы и поселился неподалеку на Таврической улице: «При встречах с ним и беседах с ним видно было, что он был очень поглощен занятиями в Г<осударственной> Дум<е>. Тогда он проводил законопроект, потом утвержденный, о льготах застройщикам и чиншевикам на землях помещиков, существовавшего тогда за ними особого права в Западных губерниях. В Г<осударственной> Думе он был тогда энциклопедическим справочником и по другим вопросам этого края, принимая деятельное участие в разных комиссиях Думы, чем он был крайне утомлен. В мае 1911 г. он уехал в Витебск».

Бодренок приводит выдержки из писем Сапунова и дополняет их своими воспоминаниями: «2 августа он пишет мне: “Пишу карандашом потому, что пером не могу – рука дрожит. Почти два месяца болею: одышка, боль в левой стороне груди, а главное полнейшее отсутствие аппетита, всякая еда противна. Лечусь усердно, но лечиться придется не менее трех месяцев. Скука смертельная, т<ак> к<ак> физическая работа безусловно запрещена. Мало того, профессор настаивает, чтобы я отказался от депутатства. Не знаю, на что решиться. Письмо это я писал в несколько приемов, – рука начинает дрожать и даже карандаш плохо слушается”».

Известно, что Алексей Парфенович страдал от базедовой болезни, которая обусловлена избытком гормонов щитовидной железы и может вызывать расстройства сердечной деятельности [23, л. 3]. В конце сентября Сапунов приехал в Петербург на лечение к известному врачу, основоположнику российской кардиологии Василию Николаевичу Сиротинину: «Состояние его было очень тревожное: перебойная и слабая деятельность сердца, ненормальная температура, исхудание и сильная слабость. Настроение его было крайне удрученное и упавшее. Его особенно удручал его истощенный организм, когда он посмотрит на себя и ноги, то вид их представлял скелета, покрытого болтавшейся кожей» [12, л. 30].

В середине декабря состояние Алексея Парфеновича улучшилось, и он смог уехать в Витебск. В июле 1912 г. А. Я. Бодренок вместе с женой во время поездки на Кавказ побывал у Сапунова в Витебске и на даче в Алексеевке.

Бодренок цитирует еще несколько писем Алексея Парфеновича: «30 ноября 1912 г. он писал из Витебска: “Вы не ошиблись: я действительно, в настоящее время начинаю занятия и надеюсь, что в скором времени буду иметь честь послать Вам плод любовных отношений моих… к крысиным объедкам. Все-таки работать так, как прежде не могу; но увлекаюсь – значит ожил”. <…> 6 февраля 1913 г. – писал: “Год тому назад, как Вы знаете, эскулапы хотели похоронить хилого и слабого белоруса; ан нет, – жив курилка! И не только жив, а еще помаленьку и работает. 3 февраля приехали из Москвы директор Археологического института А. И. Успенский, и с ним три профессора, предложили мне тему, чтобы я прочел пробную лекцию. В результате – я преподаватель в Витебском отделении Московского археологического института и почетный член того же института. В этом полугодии намерен прочесть 8 лекций по истории и древностям Северо-Западного края”. <…> 27 февраля 1913 г. он пишет: “<…> На этой неделе вышлю Вам №№ Витебских губ<ернских> ведомостей с описанием наших торжеств с моей статейкой “Отношение державного дома Романовых к Белоруссии” [17]; выдержки из этой статейки мне пришлось прочесть в Торжественном собрании 21 февраля. Статейка неважная и все ее достоинство в том, что она оригинальна: ни в громадном количестве брошюр, ни в газетах мне не пришлось встретить ни слова о Белоруссии. Жалею, что пришлось писать ее наскоро, а тема стоит того, чтобы над ней поработать… подольше и повнимательней”» [12, л. 32 об.].

Далее А. Я. Бодренок вспоминает: «В беседах с ним во время его болезни он с огорчением вспоминал о пережитых им трудностях, подозрительности, недоверии и снисходительности к его происхождению. Отец его был крестьянином, занимавшимся в м. Усвятах выделкой кож частных лиц и овчин для продажи на базарах и ярмарках. В то время это кустарное ремесло было распространено во всех местечках этого края, и занимавшиеся им были наи-

более зажиточными людьми. В гимназию он поступил как-то вне правил. Среди учащихся был тоже единственным этого звания и чувствовал себя обособленным.

Семейная жизнь его была неудачная. Он был женат с молодых лет на какой-то Волкович и с самого начала после свадьбы с ней не жил. О причинах этого умалчивал, и только в 1914 г. получил развод и женился на вдове подходящего ему возраста.

Все издания своих трудов он осуществлял на сбережения от учительского жалованья.

Исторический очерк Витебской гимназии, изд<анный> в 1884 г. [16], он представил в учеб<ный> округ начальству, и вместо поощрения получил выговор: “Напрасно Вы занимаетесь бесполезным делом в ущерб Вашим педагогическим обязанностям”. Таким отзывом его начальства он был очень огорчен, но еще большее огорчение испытал во время пожара в доме, когда ящик с этими книгами был выброшен в овраг и книги высыпались, загрязнились и попортились. Спустя некоторое время по учебному округу был поднят вопрос о составлении исторических очерков учебных заведений и тогда рекомендовалось пользоваться его очерком гимназии как примерным руководством».

Воспоминания Бодренка опровергают мнение, что Сапунов прожил со своей первой женой Юлией Садековной Волкович «многие годы» [22, с. 29], хотя официальный развод Алексей Парфенович, как это следует из сообщения в витебских «Известиях» [7], смог получить только в конце 1918 г. Второй женой историка стала Мария Ипатьевна Толоцкая, которая была младше Сапунова на 18–19 лет[2].

Не совсем точно и утверждение о том, что Сапунов издавал свои труды на собственные средства. Так, первый том «Витебской старины» был издан при поддержке тещи Варвары Павловны Волкович [13, с. XXII]. На издание четвертого и пятого томов «Витебской старины» было выделено соответственно 200 и 300 руб. из сумм Виленского учебного округа [14, с. IV; 15, с. 2]. На издание книги «Река Западная Двина», по докладу министра народного просвещения, Сапунов получил 500 руб. от Императора [18, с. 1].

Пожар, о котором упоминает А. Я. Бодренок, вероятно, был тем самым пожаром 24 июня 1887 г., во время которого родился Марк Шагал [24]. Л. Хмельницкая в докладе правителя канцелярии, поданном по поводу этого события витебскому губернатору, обнаружила запись: «Потом имущество частично сгорело, частично разграблено, частично повреждено у следующих лиц: <...> 5) учителя Сапунова» [22, с. 111].

---

[2] В сохранившихся документах, датированных 1919 г., возраст М. И. Толоцкой варьируется от 48 до 49 лет [3].

В заключительной части своих воспоминаний Бодренок довольно много внимания уделяет описанию жизни горожан Витебска в 80-е гг. XIX в. и упоминает, что «А. П. Сапунов относился весьма корректно к национальным и политическим вопросам, вследствие чего он пользовался большой популярностью среди всех слоев населения».

Давая краткий обзор деятельности витебских краеведов, Алексей Яковлевич делает вывод: «Все это свидетельствует, насколько был пробужден трудами Сапунова угасавший интерес среди широких слоев населения к изучению в прошлом своего отечества» [12, л. 36].

ЛИТЕРАТУРА

1. **Акты**, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссией. – Санкт-Петербург : Тип. 2-го отд. Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1846. – Т. 1 : 1340–1506. – V, 375, 24, 15 с.

2. **Блокада**, 1941–1944, Ленинград : Книга Памяти : в 36 т. / Правительство Санкт-Петербурга. – Санкт-Петербург, 1998–2006. – Т. 3 : Б (Барутин-Боздакова) / [редкол.: В. Н. Щербаков и др.]. – Нотабене, 1998. – 716 с.

3. **Витебский** областной краеведческий музей. – КП 7285(3)/17–18.

4. **Государственный** архив Витебской области. – Фонд 1947. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 66–70.

5. **Документы**, служащие материалом для истории белорусской церкви // Вестник Юго-Западной и Западной России. – 1862. – Т. 2 (окт.). – С. 12–40.

6. **Житие** преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой : (из «Степенной книги» и «Сборника XVI в. Троицкой лавры») / сост. А. Сапунов. – Витебск, 1888. – 22, [2] с.

7. «**Местный** народный судья … » // Известия Витебского губернского совета крестьянских, рабочих, красноармейских и батрацких депутатов. – 1918. – 4 окт. (№ 213). – С. 5.

8. **Нікалаеў, М. В.** Палата кнігапісная : рукапісная кніга на Беларусі ў X–XVIII стагоддзях / М. В. Нікалаеў ; рэд. М. М. Розаў, А. С. Мыльнікаў. – Мінск : Маст. літ., 1993. – 239 с.

9. **Памятная** книжка ведомства учреждений Императрицы Марии. 1898 г. – Санкт-Петербург : Тип. М. Д. Ломковскаго, 1898. – LXXXI, 335 с.

10. **Полное** собрание русских летописей / АН СССР, Ин-т истории. – Москва : Наука, 1965–1980. – Т. 32 : Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца ; Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного / [сост., ред. Н. Н. Улащик]. – 1975. – 234 с., [4] л. факсим.

11. **Российский** государственный архив литературы и искусств. – Фонд 167. – Оп. 1. – Д. 427. – Л. 1.

12. **Российский** государственный архив литературы и искусств. – Фонд 1348. – Оп. 1. – Д. 796. – Л. 23–24 об.

13. **Сапунов, А. П.** Витебская старина : документы и материалы : [в 5 т.] / сост., изд. А. П. Сапунов. – Витебск, 1883–1888. – Т. 1. – 1883. – XXII, 664 с.

14. **Сапунов, А. П.** Витебская старина : документы и материалы : [в 5 т.] / сост., изд. А. П. Сапунов. – Витебск, 1883–1888. – Т. 4. – 1885. – IV, 394, XII с.

15. **Сапунов, А. П.** Витебская старина : документы и материалы : [в 5 т.] / сост., изд. А. П. Сапунов. – Витебск, 1883–1888. – Т. 5, ч. 1. – 1888. – 2, CLXVII, 650, XXII с.

16. **Сапунов, А. П.** Историческая записка 75-летия Витебской гимназии [1808–1883] / А. П. Сапунов. – Витебск : Тип. губерн. правления, 1884. – 167, CLXXVI с. : 6 л. ил., табл.

17. **Сапунов, А. П.** Католическая легенда о Параскеве, княжне Полоцкой / А. П. Сапунов. – Витебск, 1888. – 48 с.

18. **Сапунов, А. П.** Отношение державного дома Романовых к Белоруссии / А. П. Сапунов // Витебский вестник. – 1913. – № 44/46.

19. **Сапунов, А. П.** Река Западная Двина : ист.-геогр. обзор / А. П. Сапунов. – Витебск, 1893. – [4], IV, 512, XXII с. : 58 л. ил., карт.

20. **Сборник** летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси, изданный Комиссией для разбора древних актов, состоящей при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. – Киев, 1888. – [2], II, LIX, 322 с.

21. **Соболевский, А. И.** Смоленско-полоцкий говор в XIII–XV вв. / А. И. Соболевский // Русский филологический вестник. – 1886. – Т. 15, № 1. – С. 7–24.

22. **Хмяльніцкая, Л. У.** Гісторык з Віцебска : жыццяпіс Аляксея Сапунова / Л. У. Хмяльніцкая. – Мінск : Энцыклапедыкс, 2001. – 256 с. – (Бібліятэка часопіса «Беларускі гістарычны агляд»).

23. **Черновик** письма А. П. Сапунова С. А. Венгерову : 25 февраля 1913 г. // Витебский областной краеведческий музей. – КП 7285(1)/18.

24. **Шатских, А.** Когда и где родился Марк Шагал / А. Шатских // Искусство. – 1989. – № 1. – С. 67–68.

25. **Яковлев, П. С.** Памятная книжка Императорского Археологического института в Санкт-Петербурге за 1878–1911 годы / П. С. Яковлев. – Санкт-Петербург, 1911. – 98 с.

26. **Wyjątek** z dzieła pod tytułem: «Dzieje w Legendzie» // Rubon (Wilno). – 1842. – T. 2. – S. 7–36.

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ПОДВИНЬЯ (ОТ ДРЕВНОСТИ ДО СОВРЕМЕННОСТИ)

Л. В. Алиева (Псков)

ПЕРЕХОД ОТ ОБЩИННОГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ К ХУТОРСКОМУ ХОЗЯЙСТВУ (НА ПРИМЕРЕ ХОЗЯЙСТВА КРЕСТЬЯНИНА Д. СЛОБОДКИ СТРИЖЕВСКОЙ ВОЛОСТИ ЛЕПЕЛЬСКОГО УЕЗДА ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ ЕВСТАФИЯ ВЫСОКОГОРЦА)

В начале XX в. правительство Российской империи предприняло попытки разрушения крестьянской поземельной общины, что нашло отражение в основных нормативных правовых актах столыпинской аграрной реформы: в указе от 9 ноября 1906 г. и законе от 14 июня 1910 г. Одним из направлений реформы стало повышение эффективности крестьянского сельскохозяйственного производства путем поощрения выделения крестьянских участков «к одному месту», то есть выхода на отруба и хутора. Это дало возможность наиболее предприимчивым крестьянам избавиться от пут общины и встать на путь организации фермерского хозяйства: к 1 января 1916 г. более четверти крестьян-общинников вышло из общины, закрепив за собой около 20% общественных земель [1].

В числе решившихся на выход из общины на хутор был крестьянин деревни Слободки Стрижевской волости Лепельского уезда Витебской губернии Евстафий Захаров Высокогорец. Приговор Стрижевского сельского общества о выделении 6 десятин 1848 кв. сажен земли Высокогорцу в единоличное владение состоялся 4 декабря 1910 г. [2, с. 173]. Эта дата и стала отправной точкой перехода крестьянского хозяйства Высокогорца от общинного землепользования к хуторскому хозяйству.

Семья Евстафия Высокогорца на момент выхода из общины состояла из 4 человек: самого крестьянина, его жены и двоих детей. Соответственно, полностью работоспособными в данном хозяйстве были два взрослых человека. Крестьянское хозяйство Высокогорца, по местным меркам, было «бедняцким». К использованию наемного труда хозяин не прибегал [2, с. 178]. Таким образом, трудовые ресурсы крестьянского двора Высокогорца были ограниченными, что должно было значительно усложнить процесс его перехода к единоличному хозяйствованию.

Из деревни Слободки на хутор Евстафий Высокогорец выделился первым, «преодолев единодушное озлобление общины» [2, с. 174], которая

предоставила ему отдаленный от деревни и малоплодородный участок, где пригодными к сельскохозяйственной деятельности были только 3 десятины. Остальная земля была «неудобной», поскольку состояла из песчаного, заросшего «леском» холма с очень крутым склоном к озеру и четырех заболоченных впадин. Ранее данный холм использовался общиной для зимнего хранения картофеля и был покрыт вырытыми ямами, для выравнивания которых крестьянину потребовалось немало сил и времени. Высокая интенсивность труда Евстафия Высокогорца и его семьи подтверждается тем фактом, что большая часть холма была распахана уже в первый год.

Высокогорцу удалось довольно быстро организовать перенос своего хозяйства на хутор: первый посев озимых на хуторе был произведен им в 1911 г., первый урожай яровых и озимых был получен в 1912 г. Летом этого же года был завершен перенос построек из деревни на хутор (дом в две комнаты с кладовой и сенями, амбар с сараем для хранения орудий, сарай для хранения запасов корма, овин для сушки и молотьбы хлеба, хлев, баня) [2, с. 173].

Основу экономики крестьянского хозяйства Высокогорца составило полеводство. За счет выравнивания холма и очистки участка от поросли хуторянину удалось увеличить площадь возделываемого земельного надела и внедрить на нем восьмипольный севооборот. Евстафий Высокогорец был грамотным крестьянином, в библиотеке которого имелись пособия и руководства по сельскому хозяйству. Образование и опыт позволили ему разработать собственный севооборот на своей земле, что было невозможным в условиях принудительного севооборота в общине. Пахотная земля была разбита на четыре поля. На границах полей поставлены столбики с обозначением номера поля. Каждое поле было разделено прямой бороздой на две части, каждая из которых поочередно один год находилась под паром, другой – удобрялась навозом. Границы между полями были постоянны, а внутри полей могли изменяться в зависимости от потребностей хозяйства в той или иной культуре [2, с. 175].

Круг возделываемых в хозяйстве культур был весьма широк: озимая рожь, озимая пшеница, ячмень, овес, лен долгунец, клевер, вика, картофель, морковь и свекла кормовые, морковь и свекла столовые, капуста, огурцы, лук, фасоль. Разнообразие культур обеспечивалось применением в хозяйстве семян разных сортов и стремлением хозяина хутора отобрать наиболее урожайные для своей земли сорта.

Урожайность культур в первое время после выхода из общины была невысокой, поскольку выделенный участок земли был плохого качества, однако благодаря старанию владельца (весенняя и осенняя вспашка земли, очистка семенного материала, многократное рыхление почвы и др.) и умелому применению минеральных удобрений (суперфосфата и калийной соли) она уже в первый год была выше среднего по общине.

Домашнее хозяйство крестьянина было представлено лошадью, двумя коровами, двумя свиньями, курами и утками местной породы. Проблем с кормлением такого количества скота на хуторе не возникало, более того, крестьянин допускал выпас общинного скота вместе со своим на условиях аренды. Хорошие условия содержания скота не только обеспечивали удовлетворение потребностей крестьянского хозяйства в продуктах животноводства, но и позволяли продавать небольшую их часть [2, с. 177].

Став собственником земли, Евстафий Высокогорец позаботился и об обеспечении собственного хозяйства лесным материалом. Доставшийся ему разоренный лес за два года тщательного ухода приобрел хороший вид. Крестьянин регулярно расчищал его, прореживал поросли осины, березы и черной ольхи, пуская материал от прочистки на дрова. Помимо этого, в лесном массиве своего хутора он посадил сосны, а по границам участка – ивы. Разбил на своей земле и сад, в котором посадил 21 плодовое дерево [2, с. 177–178].

Обустройство хозяйства на новом месте, повышение его эффективности требовали не только вложения сил, но и средств. Данная проблема частично была решена путем получения кредита в Стрижевском ссудо-сберегательном товариществе. Недостающие сельскохозяйственные орудия, в частности, сортировочную машину, Высокогорцу удалось взять в аренду в Бочейковском прокатном пункте Стрижевского земледельческого кружка.

Успехи крестьянского хозяйства, в довольно короткие сроки перешедшего от общинного хозяйствования к хуторскому, были неоднократно высоко отмечены. В 1912 г. на сельскохозяйственной выставке в Лепеле Евстафий Высокогорец получил золотую медаль за составленный им севооборот и бронзовую медаль за лук, выращенный на хуторе в первый год [2, с. 175]. В 1913 г. Евстафий вошел в число трех крестьян Витебской губернии, получивших премию, учрежденную для образцовых крестьянских хозяйств в связи с празднованием в России трехсотлетия царствования дома Романовых. Размер премии составил 300 руб., что означало высокую оценку усилий Евстафия Высокогорца, в хозяйстве которого были достигнуты хорошие показатели по всем отраслям, местным земством и сельскохозяйственным обществом.

Рассмотрение процесса перехода крестьянского хозяйства от общинного землепользования к хуторскому хозяйству на отдельном примере позволяет отойти от обобщенной характеристики итогов столыпинской аграрной реформы и понять, что ее успех складывался из частных успешных попыток организации хуторских хозяйств в различных губерниях Российской империи.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Федорова, Н. А.** Аграрный вопрос / Н. А. Федорова // Петр Аркадьевич Столыпин : энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.stolypin.ru/proekty-fonda/entsiklopediya-petr-arkadevich-stolypin/?ELEMENT_ID=348. – Дата доступа: 14.02.2014.

2. **Халютин, П. В.** Крестьянское хозяйство в России / П. В. Халютин. – Петербург : Тип. Акционерного общества типографского дела, 1915. – Т. 1 : Нечерноземная полоса. – 347 с.

Т. У. Аляксеева (Віцебск)

ТВОРЧАЯ ІНДЫВІДУАЛЬНАСЦЬ ФЁДАРА ПАЛАЧАНІНА – ДРАМАТУРГА

Фёдар Палачанін належыць да сучасных драматургаў віцебскага рэгіёна. Пражывае ў г. Докшыцы. Актыўна і паспяхова займаецца літаратурнай дзейнасцю з канца XX ст. Гэты занятак стаў неспадзяваным для яго, бо Фёдар Антонавіч поўнасцю аддаваўся службовым абавязкам (працаваў метадыстам і інспектарам Докшыцкага раённага аддзела адукацыі, займаў пасаду галоўнага спецыяліста аддзела адукацыі і ідэалагічнага аддзела Докшыцкага райвыканкама, пазней – намесніка начальніка аддзела адукацыі ў названай установе). З 2006 г. драматург з'яўляецца членам Саюза пісьменнікаў Беларусі. Выдадзены яго кнігі «Расплата за нелюбоў» (1998), «Недаспяваная песня» (2001), «Белы абрус» (2002), «Урок на ўсё жыццё» (2003), «Не свая віна» (2003), «Недаспяваная песня ў сэрцы гучыць» (2004), «Вяртанне да першачысціні» (2004), «Пазычанае шчасце» (2005), «Нявыпраўленая памылка» (2005), «Школьнікам аб праваслаўнай веры» (2006, 2012 (2-е выданне)), «Голас сумлення» (2008), «Докшыцкі край» (2009), «Зраненае сэрца» (2011), «Даравальная нядзеля» (2012), «Шлях да Бога» (2012).

У асноўным яго цікавіць маральна-этычная праблематыка. Пісьменнік апісвае чалавечыя ўзаемаадносіны, пранікае ў складаны і супярэчлівы ўнутраны свет герояў, шукае выйсце з маральнага крызісу. Духоўны свет персанажаў часцей за ўсё выяўляецца ў сувязях і дачыненнях іх з роднымі і блізкімі людзьмі. Па законах дабра і маральнай чысціні не ўсе жадаюць жыць. Кожны герой ідзе да маральнай дасканаласці асабістым шляхам праз мноства няўдач і жыццёвых трагедый. Адмоўныя персанажы аўтара праходзяць доўгі шлях да перавыхавання, пачынаюць усведамляць здзейсненыя негатыўныя ўчынкі. Менавіта пасля гэтага адбываецца супакаенне душы, ачышчэнне сумлення. Назіраецца імкненне драматурга расказаць пра ідэальнага чалавека, адшукаць эталон кахання, дабра, справядлівасці.

У п’есах пастаянна адчуваецца прысутнасць асобы пісьменніка, сімпатыя да таго ці іншага героя. Мова персанажаў насычаная і эмацыянальная. Мастацкі тэкст узбагачаецца шматлікай колькасцю прыказак і прымавак, крылатых выслоўяў. У іх сканцэнтраваны неацэнны фонд народнай мудрасці, жыццёвай праўды. Выкарыстанне пералічаных сродкаў дазваляе глыбей пранікнуць у сэнс праблемы, шматфарбна апісаць герояў, перадаць іх думкі.

Многія літаратурныя героі Фёдара Палачаніна жывуць з верай у Бога, прытрымліваюцца хрысціянскіх запаветаў. У п’есах аўтара адзначаецца, што менавіта ў крызіснай сітуацыі людзі часцей звяртаюцца да рэлігійных каштоўнасцяў, пачынаюць усведамляць сваю адказнасць перад іншымі, цаніць навакольнае асяроддзе. У кожнага свой шлях да Бога. Драматург сам прайшоў дарогу ад атэізму да праваслаўя. Ён асуджае чэрствасць, злосць, адсутнасць узаемапавагі, жалю і спагады да іншага. На яго думку, асоба Хрыста невычарпальная, таму ўзнікае цяга да яе аналізу, да знаходжання блізкага сваёй душы. Зварот да рэлігіі дапамагае ўдасканаліцца ў нашым жорсткім грамадстве, вучыць дараваць блізкім.

Напрыклад, у п’есе «Даравальная нядзеля» распавядаецца пра даўняе свята, у час якога варта прасіць ва ўсіх прабачэння. Фёдар Антонавіч пераконвае, што няма сэнсу чакаць свята, трэба пастаянна крочыць па жыцці сумленна і годна.

У драме «Доўгачаканая радасць» удала перапрацаваны біблейскі сюжэт. Драматург імкнецца не адыходзіць ад рэлігійнага тэксту, дэталёва перадае гісторыю нараджэння Дзевы Марыі.

Літаратурна-музычныя кампазіцыі «Зямны шлях Ісуса Хрыста», «З гісторыі жыцця Дзевы Марыі», «Голас сумлення» выконваюць гнасеалагічную функцыю. Біблія занатоўвае адвечныя духоўныя каштоўнасці, да якіх варта звяртацца, супастаўляць асабістае жыццё з яе прадпісаннямі. Менавіта такога пункту гледжання прытрымліваецца пісьменнік. У мастацкую тканіну твораў Фёдар Палачанін уводзіць вершаваныя радкі. Іакім і Ганна, Марыя, Ісус, Іосіф апісаны ў адпаведнасці з біблейскімі падзеямі.

У творы «З гісторыі жыцця Дзевы Марыі» распавядаецца пра паходжанне хрысціянскага свята Пакровы, пра ўшанаванне Божай Маці, якая дзеля людзей вытрымала столькі пакутаў.

У кнізе «Шлях да Бога» аўтар падае змястоўныя звесткі аб праваслаўнай веры, раскрывае цікавыя факты пра святых людзей. Выданне «Школьнікам аб праваслаўнай веры» складаецца з пяці частак. Неабходныя пачатковыя звесткі аб праваслаўнай веры змешчаны ў першай частцы, матэрыял пра святых людзей – у другой, інфармацыя пра іконы – у трэцяй, пра малітвы – у чацвёртай, пра пасты і святы – у пятай. Фёдар Палачанін падрабязна тлумачыць тое ці іншае паняцце, падмацоўвае яго прыкладамі.

У сучасным жыцці губляецца каштоўнасць маральных традыцый папярэдніх пакаленняў, дамінуючае месца займае матэрыяльны дабрабыт.

Развіццё грамадства, урбанізацыя, аўтаматызацыя прыводзяць да разнявольвання асобы, эмансіпацыі жанчын. Менавіта адсюль ідзе павелічэнне колькасці разводаў, назіраецца трансфармацыя сям'і як сацыяльнага інстытута. Аднак паступова чалавецтва пачынае вяртацца да вечных пастулатаў, сапраўдных ісцін. Вядома, што ўсебакова развітая, гарманічная асоба можа вырасці толькі ў сям'і з добрым мікракліматам, дзе правільна і лагічна размеркаваныя абавязкі паміж блізкімі людзьмі. У кожнай сям'і выпрацоўваюцца пэўныя прынцыпы, традыцыі, якія пераходзяць з пакалення ў пакаленне.

Фёдар Палачаніна хвалююць таксама сямейныя пытанні, праблема бацькоў і дзяцей. У п'есе «Белы абрус» канфлікт узнікае з-за нежадання сына Вадзіма хадзіць у школу. Юнак заганарыўся, пачаў лічыць сябе інтэлігентам у першым пакаленні, самым разумным у сям'і. Аўтар сцвярджае, што варта цаніць навакольнае асяроддзе, блізкіх людзей, дзякуючы якім нечага дасягаеш у свеце.

Чыстыя, даверлівыя ўзаемаадносіны паміж бацькамі і гераіняй раскрываюцца ў творы «Не свая віна». Дзяўчына не паступіла ў медыцынскі інстытут, таму едзе ў горад працаваць стрэлачніцай. Верачка вельмі любіць і паважае сваіх бацькоў, у іх сям'і пануе ўзаемаразуменне і гармонія. Яна ні на хвіліну не забывае пра родных нават у горадзе. Дзяўчына часта дасылае ім лісты, віншуе з усімі святамі, клапоціцца пра іх дабрабыт і здароўе. Драматычным момантам у п'есе варта лічыць эпізод, калі бацькі чуюць віншаванне па радыё ад дачкі, якой ужо няма ў жывых.

Драматург даводзіць, што ў сям'і павінны прысутнічаць каханне, узаемапавага і ўзаемаразуменне, уменне выслухаць роднага чалавека. Пры адсутнасці пералічаных якасцяў абвастраюцца канфлікты паміж бацькамі і дзецьмі, мужам і жонкай. Менавіта ў дадзенай ячэйцы грамадства рэалізуецца працяг роду, арганізуецца правядзенне вольнага часу. Фёдар Палачанін лічыць, што «толькі матэрыяльныя каштоўнасці не могуць быць жыццёвым арыенцірам, што чалавек нараджаецца, каб дбаць пра чысціню сваёй душы, клапаціцца пра гармонію і душэўны камфорт у нашым агульным вялікім доме» [4, с. 6].

Калі ў творы «Белы абрус» бацька героя лічыць, што для паступлення ў навучальныя ўстановы патрэбны толькі розум, што «за грошы – гэта не навука» [3, с. 90], то ў трагедыі «Не свая віна» жанчына пасля няўдалай спробы дачкі паступіць у медыцынскі інстытут упэўнена прамаўляе: «Хто мае капітал, той і да шчасця хутчэй даб'ецца. Цяпер жа ўсё прадаецца, усё купляецца: і вучоба, і работа…» [2, с. 4].

Камедыйны твор «Учарашняга дня не вернеш» высмейвае залішнюю даверлівасць чалавека. Галоўная гераіня хоць і была хітрай і няшчырай, аднак сама патрапіла ў пастку. Грэта ступае на авантурны шлях, губляе свайго каханага. Жанчына не прытрымлівалася законаў маралі, таму была пакарана

лёсам. Аўтар пераконвае, што трэба заўсёды рабіць прагнозы на будучае, задумвацца, якую карысць нясуць здзейсненыя ўчынкі, ці не з'яўляюцца яны бар'ерам на чыім-небудзь шляху да спакойнага і шчаслівага жыцця.

Драматычны твор па сваім змесце больш трагічны, чым камедыйны. Фёдар Палачанін завастрае ўвагу на распадзе сям'і, маленькай ячэйкі грамадства, абвінавачвае ў гэтым паводзіны жанчыны. Менавіта хітрасць, зайздрасць, выхваленне перад іншымі аказваюць гераіне не дапамогу, а, наадварот, перашкаджаюць нармальна будаваць міжасобасныя адносіны. Муж Грэты Арцём адзначае: «…Хопіць тваіх грахоў да канца жыцця, каб па-сапраўднаму за іх раскаяцца. Усё жыццё рабіла толькі дрэннае. У вёсцы, напэўна, няма ніводнай сям'і, дзе не ліліся праз цябе людскія слёзкі» [2, с. 148].

Драматург звяртае шмат увагі на выяўленне ўнутранага свету і складаных перажыванняў жаночай душы. Сімпатычныя яму духоўная чысціня гераінь, імкненне да праўды, пачуццё адказнасці за свае ўчынкі. Заўважае ён і тое, што сучасная жанчына стала больш самастойнай, рашучай, энергічнай. Горад разнявольвае многіх дзяўчат, псуе. Асуджае Фёдар Палачанін тых жанчын, для якіх уласцівыя зайздрасць, разлік, карысць. На яго думку, жаночае шчасце – быць каханай і патрэбнай блізкім людзям. Многія дзяўчаты дзеля кахання здраджваюць свайму сяброўству, хітруюць («Даравальная нядзеля»), не прытрымліваюцца маральных нормаў, пазбаўляюць жыцця добрасумленных людзей («Не свая віна»). Пісьменнік жа праз выказванне аднаго з персанажаў пераконвае: «Чым дзяўчына паводзіць сябе стражэй, тым яна прыгажэйшая і даражэйшая» [1, с. 143]. Таксама сцвярджаецца думка, што на чужым няшчасці нельга пабудаваць свайго шчасця, усё роўна напаткае пакаранне. Варта адзначыць, што аўтар заўсёды выпісвае ў кожнай п'есе супрацьлеглыя характары, параўноўвае іх. Гэта дапамагае паказаць духоўную прыгажосць адных персанажаў і агідную сутнасць другіх.

Раскрывае аўтар і працавітасць жанчыны, яе захапленне сваёй прафесіяй, уменне дабівацца значных вынікаў у кар'ерным росце.

Вышэйшае жаночае прызначэнне – гэта мацярынства, выхаванне дзяцей, таму шмат увагі надае Фёдар Палачанін разгляду вобраза маці. Аўтар ілюструе, што ў маладосці некаторыя жанчыны не задумваюцца, якое гэта шчасце, калі Бог даруе дзіця. У аснову п'есы «Нявыпраўленая памылка» пакладзены дзве гісторыі жыцця жанчын, якія страцілі сваіх дзяцей і па розных прычынах не змаглі вярнуцца да іх. На працягу ўсяго свайго існавання яны імкнуліся выправіць уласную памылку і знайсці дзяцей. Гэтыя жанчыны ахвяравалі родных дзетак лёсу, каб толькі быць са сваімі каханымі мужчынамі, але ўсё жыццё пакутавалі за свае грахі. Характарызуюцца ў творы і такія жанчыны, якія чужых дзяцей выхоўвалі як родных. Калі ўзнікаюць непаразуменні паміж роднымі людзьмі, сэрца маці здольнае бясконца чакаць і дараваць. Усе радасці і няшчасці, перамогі і паражэнні дзяцей маці перажываюць разам з імі.

Клопат пра хворага сына Дзяніса выяўляецца ў драме «Удава не пара хлопцу». Маці горача заяўляе: «Я свайму сыночку нічога не пашкадую. Аддам усё, што ёсць. Дзень з ноччу буду працаваць, каб толькі яго выратаваць» [1, с. 247]. Пісьменнік асуджальна ставіцца да абортаў («Удава не пара хлопцу», «Нявыпраўленая памылка», «Пазычанае шчасце», «Не свая віна»).

Многія маці ўмешваюцца ў жыццё сваіх дзяцей, перашкаджаюць іх шчасцю («Спытай сэрца сваё», «Удава не пара хлопцу», «Даравальная нядзеля»).

Цікавяць драматурга ўзаемаадносіны паміж мужам і жонкай, праблемы захавання ў сям'і нормаў маралі, прыстойных паводзін. Часам жанчыны не цэняць сваіх гаспадароў, ашукваюць іх («Удава не пара хлопцу», «Расплата за нелюбоў», «У смутку і ў радасці», «Даравальная нядзеля»). Уздымаецца пытанне разбэшчанасці і здрады блізкім людзям і ў творы «Санаторная песня». Санаторый падаецца месцам, дзе вітаюцца падман, любоўныя прыгоды, дзе адкідваюцца прэч этычныя нормы. Пісьменнік асуджае такую схему паводзін, не прымае пошуку героямі забаў і іх прынцыпу вясёлага баўлення часу. Усе персанажы падманваюць блізкіх людзей, што засталіся дома. Камічнымі падаюцца эпізоды, у якіх апісваюцца «захопніцкія» паходы жанчын. Фёдар Палачанін негатыўна ставіцца да такіх паводзінаў, сцвярджае, што трэба супрацьстаяць разбэшчанасці, у сям'і павінна панаваць шчырая і даверлівая атмасфера. За грахі жанчын часта даводзіцца адказваць іх дзецям.

Барацьба жанчыны за ўласнага мужа, вяртанне да нармальнага жыцця без заганнай звычкі (п'янства) раскрываецца ў драме «Вяртанне да першачысціні». Героі прайшлі разам праз шматлікія выпрабаванні і захавалі сям'ю.

У драме «Спытай сэрца сваё» падаецца вобраз жанчыны, якая не была «гаспадыняй свайго лёсу» [1, с. 74]. Марыне ўжо даўно за трыццаць год, аднак яна не можа вырашыць пытанне, якое датычыцца яе асабістага шчасця, будучага жыцця. Менавіта па гэтай прычыне разладжваецца і вяселле. Аўтар завастрае ўвагу на праблеме адзінокага чалавека, прыводзіць прыклады такіх людзей, апісвае іх думкі, побыт, цяжкае існаванне. Цётка Марыны прызнаецца: «Адзінота праклятая… Без сонейка свету не быць, без мілага нельга жыць… Не атрымалася ні кар'еры, ні сям'і» [1, с. 77–78]. Адчуваецца яе горыч, крыўда на сябе, вялікія душэўныя пакуты. У п'есе Фёдар Палачанін уздымае праблему шчасця адзінокага чалавека. Праз словы свайго персанажа ён даводзіць народную мудрасць: «Кажуць, што няма горшай кары, як жыць без пары» [1, с. 56]. Пагаварыўшы са сваёй адзінокай сястрой, маці Марыны разумее, як няпроста жыць без сям'і.

На думку Фёдара Антонавіча Палачаніна, ідэальная жанчына – гэта гераіня, што захоўвае прынцыпы маралі і этыкі, не ўмешваецца ў жыццё іншых, клапоціцца пра лёс сваіх дзяцей. Гэта гарманічная асоба, якая ўмее

быць добрай сяброўкай, гаспадыняй. Аўтар адзначае, што галоўнае ў жанчыне – не вонкавая абалонка, а ўнутранае хараство.

Такім чынам, творчасць Фёдара Палачаніна вызначаецца маральна-этычнай накіраванасцю, псіхалагізмам, заглыбленасцю ва ўнутраны свет персанажаў. Аўтара цікавяць узаемаадносіны людзей у сям'і, прычыны духоўнай дэградацыі герояў, праблема бацькоў і дзяцей. Драматург заўсёды прытрымліваецца біблейскіх прынцыпаў, сцвярджае, што зварот да рэлігіі дапамагае чалавеку ўдасканаліцца. У жанравым аспекце сярод твораў дамінуюць трагедыі і драмы.

ЛІТАРАТУРА

1. **Палачанін, Ф.** Даравальная нядзеля / Ф. Палачанін. – Мінск : Кнігазбор, 2012. – 352 с.

2. **Палачанін, Ф.** Не свая віна : п'есы / Ф. Палачанін. – Мінск : Маст. літ., 2003. – 149 с.

3. **Палачанін, Ф.** Нявыпраўленая памылка : дапаможнік для кл. кіраўнікоў, выкладчыкаў курса «Рэлігіязнаўства», кіраўнікоў драм. гурткоў / Ф. Палачанін. – Мінск : Беларусь, 2005. – 232 с.

4. **Салянка, Л.** З верай і надзеяй / Л. Салянка // Літаратура і мастацтва. – 2007. – 23 сак. (№ 12). – С. 6.

Ю. Ю. Афанасенко (Минск)

МИССИЯ ИЕРОНИМА ПРАЖСКОГО В ВОСТОЧНУЮ ЕВРОПУ: К ВОПРОСУ О ВИЗИТЕ В ВИТЕБСК

Визит Иеронима Пражского в Восточную Европу и, в частности, в город Витебск остается одной из интереснейших, но малоизученных проблем в отечественной и русской историографии. Последнее обстоятельство стало основанием для обращения к данной проблеме в нашем кратком обзоре. Целью доклада выступает характеристика миссии Иеронима Пражского в Восточную Европу. Основной задачей видится анализ обстоятельств визита Иеронима Пражского и датировка этого визита.

Впервые в русской историографии к вопросу о визите Иеронима Пражского в Восточную Европу обратился в 1870 г. А. С. Будилович [1]. В своей статье он привел основной источник о визите – обвинительные статьи Констанцского собора. Данный труд частично был заимствован А. П. Сапуновым и помещен в «Витебскую старину» [11]. К этой проблеме также кратко обращались русские ученые-слависты XIX – начала XX в. (Е. П. Новиков, А. Ф. Гильфердинг, А. Н. Нарцов и др.) [2; 3, с. 43–55; 5; 6; 8; 9], которые рассматривали интересующий нас вопрос в контексте формирования «гусит-

ства» и его отношения к православию. В русской историографии данная проблема в связи с известными историческими и идеологическими событиями практически не рассматривалась. Западные ученые во многом продвинулись вперед (например, Ф. Шмагель [15]). Собственно говоря, некоторым спорным моментам изучаемого события на основании современных исследований и хотелось бы уделить внимание.

В марте 1413 г. Иероним Пражский выступил в Кракове перед королем Владиславом Ягайло, знатью и прелатами польско-литовского государства. Реакция польских иерархов на выступление была негативной [12, с. 506–507], но, учитывая то, что Иероним Пражский являлся гостем короля, его не пытались задержать [7, с. 126]. Предположительно, из Кракова Иероним по приглашению князя Витовта поехал в Великое Княжество Литовское (ВКЛ). Так как обвинения Иеронима на Констанцском соборе о нахождении в секте «неверных русинов» относились к апрелю 1413 г. [13, с. 381, 386], большинство историков относят миссию Иеронима Пражского именно к этой дате. Но по датировке миссии есть некоторые замечания.

Если предположить, что Иероним направился в Литву из Польши, это могло произойти после 26 декабря 1412 г., когда Владислав Ягайло из Гродно поехал в Ковно (Каунас) к Витовту, а оттуда через Вильно вернулся в Краков [15, с. 66]. После диспутов Иеронима в марте 1413 г. Ягайло оставался в Кракове вплоть до окончания Пасхи, а затем отправился на запад в Гнезно и Познань. Подобные обстоятельства не дают возможности утверждать, что Иероним путешествовал вместе с Ягайло в Вильно. Тем более, это не проливает свет на маршрут движения из Кракова в ВКЛ. Историки в этом случае допускают множество вариантов.

Тем не менее, согласно распространенному мнению Иероним после Кракова отправился в ВКЛ, где в Вильно диспутировал с Витовтом. Затем великий князь, по обвинениям Констанцского собора, якобы сопровождал его в Витебск [13, с. 386]. Трудность заключается в том, что Витовт с января до середины 1413 г. был занят разрешением противоречий с Новгородом. Кроме того, по замечанию Ф. Шмагеля, Витовт посетил свои владения в Витебске один раз – в июне 1411 г. А на это время, предположительно, приходится визит Иеронима Пражского в Оксфорд [15, с. 65]. Так как Витовт был в Витебске позднее, уже в 1426 г., следует, что Иероним весной 1413 г., вероятно, путешествовал по Литве и Руси самостоятельно.

Однако как могло случиться, что Иероним свободно путешествовал по Литве в сопровождении великого князя Витовта? Прием, который был организован чешскому магистру в Кракове Ягайло и Витовтом, вероятно, свидетельствует о толерантности этих правителей в вопросах веры. Кроме того, при дворах обоих государей было довольно много представителей чешского духовенства или выпускников Пражского университета. Поэтому в присутствии Иеронима Пражского не было ничего необычного.

Согласно обвинениям Констанцского собора можно сделать вывод, что Витовта наиболее интересовал вопрос, должны ли жители его государства, которые были крещены в греческом обряде, снова креститься для перехода в католичество [13, с. 381; 14, с. 144–145]. В подобном контексте исследователи предполагают, что и ранее Витовт обращался по этому вопросу к одному из магистров Пражского университета. Для разрешения данного конфессионального вопроса, по предположению Ф. Шмагеля, в Прагу приехал брат Витовта Генрих (Бутовт-Генрих Кейстутович), которого здесь не позднее 1413 г. настигла смерть [15, с. 65]. За похороны и мраморное надгробие в костеле святого Томаша (Фомы) в Малой Стороне (был уничтожен гуситами) великий князь передал в дар церкви августинцев-отшельников дорогие ткани для изготовления облачений. Из Литвы этот дар в Прагу привез некий брат Петрик, возможно, один из «белых августинцев», у которых был монастырь в Быстрице возле Вильно (ныне Островецкий район Гродненской области) [15, с. 65]. Тем не менее, совпадение места и времени – недостаточный факт для подтверждения данного предположения, а упоминание о брате Витовта, скорее всего, указывает на оживленные связи между двумя странами.

Вопрос, когда и при каких обстоятельствах нужно восстанавливать таинство крещения, вызывал горячие споры в Западной и Восточной церкви на протяжении веков. Для польских богословов с так называемым «rebaptisatio ruthenorum» (перекрещиванием русских) [13, с. 381] этот вопрос стал первостепенным после того, как Ягайло вместе со всей семьей, шляхтой и литовцами после Кревской унии принял крещение в римскую веру. Спорным оставалось, как поступать в случае греко-православного крещения. Большинство польского духовенства рассматривало повторное крещение как необходимое, что на Руси вряд ли могло приводиться к исполнению ввиду православного большинства населения. Тогда в заявлении Иеронима в Вильно о том, что для новообращенных, которые получили наставление в римской вере, новое крещение не требуется [13, с. 386; 15, с. 67], видится умелое угождение великому князю.

Очевиден тот факт, что Иероним Пражский был заинтересован в том, чтобы найти у православных на Руси большее понимание и сочувствие в распространении идей Уиклифа о возрождении Церкви. Чтобы склонить местных жителей, «придерживающихся секты греческой», Иероним сложил свои священные одежды и, следуя их манерам, отпустил, по сообщениям из обвинительных статей, бороду и прическу [11, с. 28]. При встрече великого князя в Витебске он предпочел приветствовать шествие «порочных» схизматиков, нежели местных католиков. При скоплении большого числа людей он кланялся иконам и мощам, подтверждая этими деяниями «совершенство» веры русских [13, с. 386]. Впрочем, набожность русских отмечали многие путешественники того времени, в частности, Иоанн де Галонифонтибус [5, с. 83].

Но вернемся к интересующим нас событиям. По-видимому, так же, как в Витебске, Иероним, по-видимому, действовал и в Пскове, где посетил местный храм. Но в обширном перечне преступлений Иеронима отсутствует его нахождение в алтаре и причащение под двумя видами по православному обычаю. Видимо, это связано с тем, что Иероним не разделял учение Уиклифа о евхаристии. Следует отметить также, что он, кланяясь иконам на Руси, в Чехии, согласно обвинениям Констанцского собора, начал знаменитую гуситскую иконоборческую кампанию, что не дает возможности сделать вывод о близости взглядов Иеронима с православием.

Одной из актуальных проблем также остается отсутствие в локальных хрониках либо иных письменных источниках известий о пребывании Иеронима Пражского в Литве и Руси [10]. В данном случае мы можем полагаться только на обвинительные статьи на Констанцском соборе. Так, находят свое подтверждение воззрения относительно второго крещения, которые были выражены Иеронимом Пражским в Вильно перед Витовтом и виленским епископом [13, с. 386]. Однако зачем он отказался от своей точки зрения, как следует из обвинительных статей Констанцского собора, в которых говорится, что Иероним отправился в Витебск вместе с Витовтом и его большой свитой? Данный вопрос остается без ответа. Из этого можно сделать заключение, что в обвинении содержится ошибка в датировке. На подобный вывод также наталкивает хронологическая путаница в датах от 1410 г. до 1413 г. в самих обвинительных статьях [1]. Вместо 1413 г., по-видимому, стоит принимать 1411 г., когда Витовт, как уже говорилось, из Вильно приехал в Витебск. В этом случае Иероним путешествовал в Польшу и ВКЛ как в 1411 г., так и в 1413 г. Следовательно, Иероним Пражский находился, вероятно, в восточноевропейских землях не один раз.

Примечателен тот факт, что в это же время аналогичное путешествие было предпринято бургундским дворянином Жильбером де Ланнуа зимой 1413 г. в Новгород Великий и Псков. На обратном пути он посетил Вильно, встретился с великим князем Витовтом в городе Тракай, где в близлежащих лесах правитель ВКЛ традиционно охотился один зимний месяц [4, с. 50]. Жильбер возвратился оттуда на санях по замерзшей реке Неман в Каунас, а оттуда – через Кенигсберг (Калининград) и Гданьск – в Мальборк, чтобы у гроссмейстера Тевтонского ордена просить разрешения на выезд в Польшу. С польским королем Ж. де Ланнуа встретился в Калише. Оттуда он, очевидно, поехал сразу в Чехию через Вроцлав и Свидник. Конечно, хотелось бы знать более точные даты остановок Жильбера, но определить их можно лишь приблизительно. Таким образом, совпадение хронологических рамок и маршрута путешествия дает возможность говорить о том, что часть пути с ним мог совершить Иероним Пражский, но эта возможность требует дальнейшей верификации. Итого:

1) визит Иеронима Пражского носил, скорее всего, характер гуситской миссии;

2) следует выдвинуть предположение, что Иеронимом Пражским было осуществлено несколько визитов в Восточную Европу – в 1411 и 1413 гг., из которых в Витебск – в 1411 г.;

3) остается вероятной возможность путешествия Иеронима Пражского вместе с Жильбером де Ланнуа, что требует дополнительной верификации;

4) отсутствуют достаточные основания в поддержке утверждения о склонности Иеронима Пражского к Православной церкви, которая подчеркивалась в русской историографии XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Будилович, А. С.** Не был ли православным Иероним Пражский? / А. С. Будилович // Христианское чтение. – 1870. – № 4. – С. 684–708.

2. **Гильфердинг, А. Ф.** Собрание сочинений / А. Ф. Гильфердинг. – Санкт-Петербург : Печатня В. Головина, 1868. – Т. 1. – 440 с.

3. **Лаптева, Л. П.** Иероним Пражский в русской историографии XIX – начала XX в. / Л. П. Лаптева // Вестник Московского университета. – 1970. – № 6. – С. 43–55.

4. **Лялькоў, І.** Жыльбер дэ Ланаа: фламандзец у Вялікім Княстве Літоўскім пачатку XV ст. / І. Лялькоў // Беларусь – Бельгія: грамадска-культурнае ўзаемадзеянне : матэрыялы Міжнар. круглага стала, Мінск, 18–19 мая 2001 г. / рэдкал.: А. Мальдзіс [і інш.]. – Мінск, 2002. – С. 47–52.

5. **Мартынюк, А. В.** Русь и Литва в сочинении Иоанна де Галонифонтибуса / А. В. Мартынюк // Studia historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы : науч. сб. / редкол.: А. В. Мартынюк [и др.]. – Минск, 2011. – Вып. 4. – 344 с.

6. **Нарцов, А. Н.** Славянин Гус, немец Лютер и последствия Реформации : доклад Председателя Тамбовской ученой архивной комиссии, читанный в выдержке на публичном заседании Комиссии 26 апреля 1916 г. / А. Н. Нарцов. – Тамбов : Электрическая типолитография Тамбов. губерн. правления, 1917. – 104 с.

7. **Неедлы, З.** Гуситы и русские / З. Неедлы // Исторический журнал / редкол.: Е. Ярославский [и др.]. – Москва, 1941. – Кн. 10/11. – С. 124–129.

8. **Новиков, Е. П.** Гус и Лютер : критическое исследование / Е. П. Новиков. – Москва : Тип. А. Семена, 1859. – Ч. 1. – 356 с. ; Ч. 2. – 468 с.

9. **Новиков, Е. П.** Православие у чехов / Е. П. Новиков // Чтения в Обществе истории и древностей российских. – Москва : Университетская тип., 1848. – № 9. – С. 1–96.

10. **Руколь, Б. М.** Источники об Иерониме Пражском / Б. М. Руколь // Славяне в эпоху феодализма : к столетию академика В. И. Пичеты / редкол.: Л. В. Черепнин [и др.]. – Москва, 1978. – С. 335–340.

11. **Сапунов, А. П.** Витебская старина / А. П. Сапунов. – Витебск : Тип. губерн. правления, 1883. – 668 с.

12. **Documenta** mag. Joannis Hus: vitam, doctrinam, causam in constantiensi concilio actam et controversias de religion in Bohemia annis 1403–1418 motas / ed. F. Palacky. – Pragae : Sumtibus Friderici Tempsky, 1869. – 768 s.

13. **Histoire** des Conciles / par Charles Joseph Hefele ; Dom H. Leclerq. – Paris : Librairie Letouzeyetane, 1916. – T. VII (Premiere partie). – 1371 s.

14. **Palacky, F.** Dějiny národa českého v Čechách a v Moravě dle původních pramenů / F. Palacky. – Praha : Nakl. Knihkupectwi J.G. Kalve a pomoci českého museum, 1850. – D. III. Č. I. – 542 s.

15. **Šmahel, F.** Život a dílo Jeronýma Pražského – Zpráva o výzkumu / F. Šmahel. – Praha : Argo, 2010. – 424 s.

Г. Х. Базарэвіч (Браслаў)

ОТАН ГЕДЭМАН – ДАСЛЕДЧЫК ГІСТОРЫІ ГАРАДОЎ І МЯСТЭЧАК ПАДЗВІННЯ

Сярод даследчыкаў мінулага Браслаўшчыны асаблівае месца належыць Отану Гедэману, і колькі б не мінула часу, на яго наўрад ці хто зможа прэтэндаваць. Мэтай даклада з'яўляецца вывучэнне водгукаў і ацэнак сучаснікаў, якія былі дадзены працам Отана Гедэмана. У аснову даклада ляглі публікацыі прэсы, агляд рэцэнзій на працы даследчыка, пасмяротныя некралогі.

Прасачыць гісторыю развіцця краязнаўства ў краі можна пачынаючы ўжо з сярэдзіны XIX ст. Тагачасныя аматары старасвецкасці – род Плятэраў – мелі каштоўную археалагічную калекцыю, якую перадалі ў Віленскі музей старажытнасці. Іх палац у Бяльмонтах утрымліваў калекцыю мэблі ў стылі Людовіка XVI, бібліятэка налічвала каля трох тысяч тамоў, а архіў складаўся з дакументаў пачынаючы ад XVI ст. [1, с. 3].

Істотным крокам у археалагічным вывучэнні краю была дзейнасць Фёдара Пакроўскага, які склаў і апублікаваў «Археалагічную карту Ковенскай губерні», а таксама правёў раскопкі курганных груп [3, с. 19].

Пра сярэднявечны замак Сапегаў на востраве возера паблізу вёскі Іказнь і замак у Друі пісалі ў кнізе «Матэрыялы па гісторыі і геаграфіі Дзісненскага і Вілейскага паветаў Віленскай губерні» Аляксей Сапуноў у сааўтарстве з В. Друцкім-Любецкім.

Бачна, што цікавасць да гісторыі Падзвіння была замацавана грунтоўнай працай па яе вывучэнні і публікацыямі вынікаў, якія па сённяшні дзень з'яўляюцца каштоўнымі крыніцамі па гісторыі краю.

На сучасны момант працы Отана Гедэмана – беларускага і польскага гісторыка, краязнаўцы, настаўніка – актуальныя сярод даследчыкаў. Аб'ектам яго даследавання былі гарады і мястэчкі Браслаўшчыны, Глыбоччыны, Дзісненшчыны.

Отан Гедэман нарадзіўся на тэрыторыі Рэчыцкага павета Мінскай губерні. Навучаўся ў класічнай гомельскай гімназіі, а пасля атрымаў адукацыю на гісторыка-філалагічным факультэце Кіеўскага ўніверсітэта. З 1922 г. Гедэман пачынае працу ў пачатковай школе Браслава, які на той час

з'яўляўся цэнтрам павета Віленскага ваяводства. Пазней ён адзначаў у адным са сваіх лістоў: «Па прыездзе ў Польшчу ў 1922 годзе, я зусім не валодаў польскай мовай, аднак, неўзабаве стаў польскім настаўнікам – з'ява ў той час распаўсюджаная. Думкі нараджаліся на расейскай мове, потым перакладаў іх на польскую» [2, с. 2].

Падчас працы Отан Гедэман выкарыстоўваў розныя метады выкладання, але, на яго думку, больш эфектыўным было выкладанне гісторыі на прыкладзе родных мясцін, таму агульны матэрыял быў заўсёды дапоўнены звесткамі пра Браслаўшчыну. Дзякуючы грунтоўнай падтрымцы школьнага інспектара Казіміра Прухніка і павятовага старасты Зеліслава Янушкевіча, у 1928 г. Отан Гедэман прыступіў да напісання першай кнігі. На працягу двух гадоў аўтар працаваў у віленскіх архівах, прыватных і царкоўных зборах, бібліятэках. У 1930 годзе з'явілася грунтоўнае даследаванне «Гісторыя Браслаўскага павета» тыражом у 500 экз., выдадзенае на сродкі Браслаўскага сойміка. У працы аўтар прасачыў палітычныя, ваенныя, культурныя, рэлігійныя, грамадска-палітычныя і гаспадарчыя працэсы, якія адбываліся ў межах Браслаўскага павета пачынаючы з XVI ст. [3, с. 412]. Гэта быў багаты матэрыял, не толькі ўзяты і апрацаваны з пісьмовых публічных збораў, але і запазычаны з вуснай традыцыі. Рычард Мяніцкі ў сваім некралогу па Гедэману адзначаў, што навуковец заўсёды вызначаўся незвычайнай актыўнасцю: ездзіў, імкнуўся працаваць з усімі крыніцамі. Такім чынам, выданне стала другой гістарычнай манаграфіяй на «ўсходніх крэсах» пасля чатырохтомнага даследавання «Ашмянскі павет» польскага гісторыка-краязнаўцы, паэта і публіцыста Чэслава Янкоўскага [5, с. 701].

Па асабістай просьбе аўтара, яго экзэмпляр меў дадатак у выглядзе чыстых аркушаў паперы, дзе ён збіраўся запісаць матэрыялы, якія дапоўняць і ўдакладняць змест кнігі і могуць спатрэбіцца пры перавыданні манаграфіі. Зараз гэты экзэмпляр знаходзіцца ў прыватнай калекцыі. Нататкі аўтара ў асноўным утрымліваюць пазначэнні архіўных шыфраў з кароткім апісаннем сутнасці выяўленых матэрыялаў, цытаты, выпіскі. Дадаткі – каштоўная крыніца для даследчыкаў гісторыі Браслаўшчыны, матэрыялы якой былі ўжо выкарыстаны пры падрыхтоўцы некалькіх тамоў гістарычнага выдання «Браслаўскія чытанні» [2, с. 2].

З «Гісторыі Браслаўскага павета» пачалася навуковая дзейнасць Гедэмана, якая пасля працягвалася ў Вільні. Далейшыя даследаванні геаграфічна пашырыліся, ён пачынае вывучаць мінулае суседніх рэгіёнаў, гісторыя якіх мела агульныя рысы з гісторыяй Браслаўшчыны.

Крытыка некалькі разоў звяртала ўвагу на нераўнамернае тлумачэнне розных гістарычных падзей і апісанне месцаў. У прадмове да адной з наступных кніг аўтар тлумачыць, што пачынаў працу над «Гісторыяй Браслаўскага павета» па замове Міністэрства веравызнання і публічнай асветы для стварэння спецыяльнага падручніка для настаўнікаў школ гэтага павета, каб яны

маглі скарыстаць краязнаўчы матэрыял на ўроках гісторыі. Справу планавалася скончыць праз паўгады, але разнастайнасць архіўных матэрыялаў не дазволіла яе зрабіць у тэрмін. Праз два гады выданне, якое разраслося да тома ў паўтысячы старонак, было надрукавана. Аднак, імкненне паспець да вызначанага тэрміну не дазволіла поўна апрацаваць архіўныя матэрыялы і літаратурныя крыніцы, не хапіла часу для рэцэнзавання рукапісу спецыялістамі, каб пазбегнуць хібаў.

«Узброены вопытам двух гадоў, усведамляючы свае памылкі і магчымасці, перанёс сваю зацікаўленасць на ўсход, у Дзісенскі павет», – піша Отан Гедэман у сваёй прадмове да кнігі «Дзісна і Друя – магдэбургскія гарады». Гэта грунтоўная праца выйшла з друку ў 1934 г. У даследаванні вельмі падрабязна разглядаюцца ўсе аспекты развіцця Друі і Дзісны – гарадоў на Дзвіне, якія ў XVII–XVIII стст. былі значнымі рамеснымі і гандлёвымі цэнтрамі. Змест абодвух кніг быў зроблены пераважна на рукапісных матэрыялах архіву старажытных актаў у Вільні. Як пісаў сам Гедэман, галоўнай і амаль адзінай крыніцай па гісторыі мясцін былі судовыя кнігі, дакументы іншага тыпу давалі недастаткова поўны матэрыял. У сваёй рэцэнзіі на кнігу “Дзісна і Друя” гісторык Леанід Жытковіч адзначыў, што гэта была першая праца такога кшталту на тэрыторыі былога Вялікага Княства Літоўскага, хаця меў пэўныя цяжкасці, але нягледзячы на гэта здолеў стварыць рэч цікавую і карысную [6, с. 703].

Больш паглыбленае вывучэнне асобных гістарычных пытанняў прыводзіць даследчыка да стварэння такой працы, як “Даўнія пушчы і воды”, у якой аўтар расказвае, як у старажытныя часы выкарыстоўваліся прыродныя багацці рэгіёна, як была арганізавана рыбная лоўля, паляванне. Несумненна, матэрыял быў і застаецца карысным не толькі для гісторыкаў, але і географаў, эколагаў. Як пісаў Гедэман у прадмове: «Кніга з’яўляецца вынікам не столькі жадання запоўніць існуючы прабел у гістарычнай літаратуры, які датычыцца прыроды і яе эксплуатацыі, колькі выражэння тугі да дзіцячых гадоў». Як бачна, кірунак даследаванняў у адрозненні ад мінулых прац быў зменены. Па прызнанні аўтара, з-за двух прычын: ён даведаўся, што «…бібліяграфія па гісторыі польскага лясніцтва знаходзіцца ў сумным стане, па-другое, існуе багаты матэрыял у архівах Вільні, Гародні і Варшавы». Падчас працы даследчык пачаў вывучэнне Белавежскай пушчы. «Верагодна, такое змяненне курса звязана з асабістым замілаваннем прыродай і лясніцтвам» [5, с. 46].

У 1935 г. выходзіць наступная кніга даследчыка «Завяшчанні браслаўска-дзісненскія XVII–XVIII стст., як гістарычныя дакументы», дзе чытач знаходзіць багата звестак аб маёмасным стане, звычаях прадстаўнікоў мясцовага шляхецкага саслоўя. Праца невялікая па памерах, не паглыблена тэматычна, але колькасць матэрыялаў з’яўляецца своеасаблівым праектам, спробай аналізу пэўнага пытання. У тым жа годзе выходзіць праца «Граф

Мануццы», якая, па заўваге сучасніка, цікавая «з-за на незвычайнай постаці графа Мануццы і пераважна дзякуючы жывому апісанню аўтара». Трэцяя брашура, якая выйшла ў адзін год з папярэднімі, была прысвечана Глыбокаму. Праца робіць уражанне вялізнага і добраапрацаванага даведніка па мясцовасці. Аднак, на думку магістра Звольскага, аўтару не ўдалося паказаць агульную гісторыю месца, яна засталася схаваная за дэталямі, якім аўтар надаў залішнюю ўвагу.

На наступнай працы па даследаванні дзейнасці школы ў мястэчку Лужкі « Валерыянаўскія школы айцоў піяраў Лужэцкіх» адбіўся ўласны настаўніцкі досвед аўтара.

Апошняя кніга О. Гедэмана – двухтомнік «Белавежская пушча» – засталася незавершанай з-за заўчаснай смерці аўтара ў 1937 г. Але пры жыцці Гедэман здолеў зрабіць вялікі аб'ём працы: сабраў матэрыял, склаў план, нават скончыў частку першага тома. На працу аб Белавежскай пушчы даследчык атрымаў сродкі ад Дырэкцыі дзяржаўных лясоў.

У 1936 г. Польскае краязнаўчае таварыства ўзнагародзіла Отана Гедэмана Ганаровай граматай за выдатныя даследаванні на ніве краязнаўства.

Сведчанні сучаснікаў кажуць пра тое, што навукоўцы годна ацанілі кнігі Гедэмана. У водгуках адзначалася, што без страты навуковасці працы вызначаюцца жывой, вобразнай мовай, напісаны з рысамі публіцыстычнасці, палемічнасці. Але неаднойчы крытыка выказвала думку пра незавершанасць даследаванняў, недастатковае тлумачэнне і трактаванне гістарычных крыніц. Цалкам можна сцвярджаць, што Отан Гедэман пайшоў з жыцця прызнаным і аўтарытэтным даследчыкам. У канцы 1930-х гг. ў Глыбокім і Дзісне яго імя было нададзена вуліцам. Падчас працы ў Браславе даследчык заснаваў Браслаўскае аддзяленне краязнаўчага таварыства, якое было адноўлена браслаўцамі і плённа працавала ў апошняе дзесяцігоддзе XX ст.

ЛІТАРАТУРА

1. **Павет** : выданне краязнаўцаў Браслаўшчыны : Краязн. бюл. – 2001. – № 6 (8).

2. **Павет** : выданне краязнаўцаў Браслаўшчыны: Краязн. бюл. – 2002. – № 4 (8).

3. **Памяць** : Браслаўскі раен : гіст.-дак. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / уклад. К. С. Шыдлоўскі ; рэдкал: К. В. Велічковіч і інш. – Мінск : Паліграфафармленне, 1998. – 709 с.

4. **Ateneum** Wilenskie. Rochnik X. – Wilno, 1935.

5. **Milinkevicz, M.** Sulwetki Braslawian zasluzonych dla malej I wielkiej ojczyzny / M. Milinkevicz. – Warszawa, 1998. – Ч. I. – S. 44–48.

6. **Hedeman, O.** Ryszard Mienicki. Nekrologi / O. Hedeman. – Wilno, 1937. – S. 701–705.

Т. В. Бакунова (Полацк)

ЮВЕЛІРНЫЯ ЎПРЫГАЖЭННІ ШЛЯХЦЯНАК І МЯШЧАНАК НА ТЭРЫТОРЫІ ПАЎНОЧНАЙ БЕЛАРУСІ Ў XVII–XVIII стст. (ЗГОДНА З АКТАВЫМІ МАТЭРЫЯЛАМІ)

Ювелірныя ўпрыгажэнні з'яўляюцца адным з найкаштоўнейшых аздабленняў жаночага касцюма розных гістарычных перыядаў тэрыторыі Паўночнай Беларусі, якая адпавядае гісторыка-этнаграфічнаму рэгіёну – беларускае Падзвінне (у XVI–XVIII стст. азначанаму рэгіёну тэрытарыяльна адпавядалі Полацкае ваяводства, Віцебскі павет Віцебскага ваяводства, паўночная частка Менскага павета Менскага ваяводства, усходняя частка Браслаўскага павета і паўночная частка Ашмянскага павета Віленскага ваяводства).

Пра значнасць і разнастайнасць ювелірных аздоб шляхцянак і мяшчанак Паўночнай Беларусі сведчаць такія пісьмовыя гістарычныя крыніцы, як актавыя матэрыялы. Аўтарам артыкула прааналізаваны дакументы за 1656–1728 гг. з актавых кніг полацкага магістрата, што захоўваюцца ў фондзе 1823 «Полацкі магістрат» Нацыянальнага гістарычнага архіва ў г. Мінску, а таксама матэрыялы за 1625–1635 гг. з актавых кніг віцебскага земскага суда, што апублікаваны ў «Историко-юридических материалах, извлеченных из актовых книг губерний Витебской и Могилевской» (ИЮМ). Дадзеныя крыніцы вызначылі храналагічныя межы даследавання – XVII–XVIII стст. У спісах маёмасці, тастаментах (завяшчаннях), скаргах, заявах і іншых судовых дакументах азначанага перыяду жаночыя ювелірныя ўпрыгажэнні займаюць значнае месца ў пераліку ўсіх рэчаў, што былі перададзены ў спадчыну, пакрадзены, пазычаны і інш.

Персцені, пярсцёнкі і сыгнеты (асабісты пярсцёнак-пячатка, які меў выяву герба ці кляйма. – *Т. В.*) уяўляюць сабой значную групу дапаўненняў да адзення шляхцянак і мяшчанак Паўночнай Беларусі XVII–XVIII стст., таму дастаткова часта згадваюцца ў актавых матэрыялах. Так, у актыкацыі (запісе ў актавую кнігу. – *Т. В.*) полацкага магістрата ад 27 студзеня 1706 г. тастаменту пані Настассі Леанавічоўны Даміставай Савічоўны сярод іншых рэчаў, што пакідае ў спадчыну жанчына, згадваюцца «…pierscini trzy zlote...» («…персценя тры залатых…») [7, арк. 13 адв.]. «…Ieden pierscien...» («…Адзін персцень…») пакідае нашчадкам пані Кузмінла Васілевічоўна згодна з тастаментам ад 12 сакавіка 1709 г. [8, арк. 40 адв.]. А падчас правядзення рэвізіі скрыні нябожчыцы Марыянны Мышынскай камісіяй полацкага магістрата 26 верасня 1727 г. у ёй было знойдзена: «…Srebra rożnrgo, iako to guźikow, sygnetow…Ieden sygnet… złoty żydowski… Ieden pierśćień złoty z oczkiem kryształowym… Ieden pierśćień takiż z oczkiem mńieyszym…» («…Срэбра рознага, як то гузікаў, сыгнетаў… Адзін сыгнет… залаты яўрэйскі… Адзін перс-

цень залаты з устаўкай крышталавай... Адзін персцень такі ж з устаўкай меншай...») [9, арк. 151–151 адв.]. Як бачна з прыведзеных прыкладаў, пярсцёнкі вырабляліся часцей з золата ці срэбра, маглі быць простымі ці мець устаўку з каштоўных камянёў ці каляровага шкла.

Для аздаблення рук заможныя жанчыны выкарыстоўвалі разнастайныя бранзалеты з каштоўных металаў. У актавых дакументах XVII–XVIII стст. гэтыя прадметы сустракаюцца пад тэрмінам «манели». Так, напрыклад, «…манелька на одьну руку золотая…» фігуруе ў тастаменце пана Льва Гурка ад 18 студзеня 1635 г., пісара земскага віцебскага [5, с. 229].

Прадстаўніцы прывілеяванага саслоўя і мяшчанкі з тэрыторыі Паўночнай Беларусі любілі аздабляць мочкі вуха завушніцамі. Гэтыя аздабленні вырабляліся майстрамі-ювелірамі з золата, серабра, упрыгожваліся каштоўнымі камянямі. Прыкладамі могуць быць некалькі актавых дакументаў. Так, тастаментам ад 18 студзеня 1635 г. пан Леў Гурка пакідае сваёй жонцы «…заушницы шафировые (сапфіравыя. – *Т. В.*) в золотой оправе…» [5, с. 229]. За віцебскай мяшчанкай Зяноўяй Сафонаўнай Спічылінай згодна з тастаментам мужа Восіпа Скраба ад 6 кастрычніка 1626 г. застаюцца «…тые себе серги свои власные, сребреные двои… » [3, с. 458]. Поля Андрэева па смерці віцебскай мяшчанкі Алены Громавай згодна з завяшчаннем апошняй атрымоўвае «…серги сребраныя, позлотистые…» [4, с. 214].

Для аздаблення шыі жанчыны прывілеяванага саслоўя і мяшчанкі паўночнай часткі Беларусі згодна з актавымі матэрыяламі XVII–XVIII стст. выкарыстоўвалі сярэбраныя і залатыя ланцугі. Дастаткова папулярнымі ў якасці аздаблення былі і каралі – пацеркі, маністы, упрыгажэнні з перлаў. Пацвярджэннем гэтай высновы служаць адразу некалькі актавых дакументаў. Напрыклад, тастамент віцебскага мяшчаніна Філона Грома ад 3 чэрвеня 1625 г., у якім ён адпісвае сваёй жонцы «…ланцужки сребреные… корали…серги…» [3, с. 422]. Пасля смерці Марыянна Мышынская пакінула скрыню з рэчамі, рэвізію якой правяла камісія полацкага магістрата 26 верасня 1727 г. і знайшла ў ёй: «…Pięć łotow koral rożnych dobrych…» («…Пяць лотаў (адзінка вымярэння масы, роўная прыблізна 11,7 г. – *Т. В.*) караляў розных добрых…») [9, арк. 151 адв.]. «…Korali czerwone…» («…Каралі чырвоныя…») прысутнічаюць сярод рэчаў нябожчыцы пані Настассі Леанавічоўны Даміставай Савічоўны [7, арк. 13 адв.]. А ў рэестры маёмасці ад 19 снежня 1728 г. полацкай шляхцянкі Марыянны (Мар'яны) Мышынскай прысутнічае «…Ieden sznurek Perel…» («…Адзін шнурок перел (жэмчугу. – *Т. В.*)…») [10, арк. 183]. У заяве Сафіі Ульскай Станіславаўны Вайдатавай, жыхаркі месца Полацк, ад 24 студзеня 1650 г. запісана, што Ганна Дзяменцееўна вярнула ёй пазычаныя каралі [11, арк. 60 адв. – 61].

Да нашыйных аздабленняў таксама адносіліся атрыбуты хрысціянскага культу – крыжыкі і абразкі. Марыянне Мышынскай, жыхарцы месца Полацка, належала адразу некалькі крыжыкаў і абразкоў: «... Srebra rożnrgo,

iako to... krżyżykow... Iedne obrączżko złote kręconey roboty pod literami «P(an) B(óg) n(adzieja) m(oja)»... Iedne obrączżko złote kręconey roboty pod literami «P. S. R. a(nn)o 1699»... Iedne obrączżko złote kręconey roboty pod skryptem «Pan Bog nadźieia moia»... Iedne obrączżko złote gładkiey roboty z napisem «Błogosław Panie w małżeńskim stanie»... Iedne obrączżko złote gładkie bez napisu...» («... Срэбра рознага, як то... крыжыкаў... Адзін абразок залаты крэсавай (замежнай. – *Т. В.*) работы пад літарамі «Пан Бог надзея мая»… Адзін абразок залаты крэсавай работы пад літарамі «P.S.R и a(nn)o 1699»… Адзін абразок залаты крэсавай работы пад надпісам «Пан Бог надзея мая»… Адзін абразок залаты гладкай (прывабнай. – *Т. В.*) работы з надпісам «Благаславі Пані ў малжонскім (замужнім. – *Т. В.*) стане»… Адзін абразок залаты гладкі без надпіса...») [9, арк. 151–151 адв.]. Толькі адзін крыжык згадваецца ў апісанні ад 23 лютага 1657 г. маёмасці полацкай мяшчанкі Міхайлавай Якубовічавай Кантаравай [6, арк. 236 адв.]. Крыжыкі і абразкі насілі пад адзеннем, маглі не здымаць на працягу ўсяго жыцця, з імі хавалі людзей. Выраблены яны былі часцей за ўсё з золата і срэбра, аздабляліся надпісам ці былі без яго.

Яшчэ з 2-й паловы XVI ст. сярод прадстаўніц шляхты і заможнага мяшчанства пачынае пашырацца мода на сярэбраныя і пазалочаныя паясы. Яны складаліся з невялікіх прадаўгаватых звёнаў, якія ўпрыгожваліся праразным накладным арнаментам завіткоў, лістоў, птушак, разным або чаканным узорам. Спражкі такіх паясоў звычайна складаліся з двух палоў [1, с. 326]. Так, маці віцебскай мяшчанкі Алены Громавай пасля смерці дачкі атрымала згодна з тастаментам ад 6 кастрычніка 1626 г.: «…поесъ серебраный, назлотистый…» [4, с. 214]. У сваю чаргу, пані Настассі Паўковай згодна з тастаментам ад 1 снежня 1656 г. належаў: «…поесонъ серебраны…» [6, арк. 98 адв.].

У скрыні Марыянны Мышынскай, рэвізію якой правяла камісія полацкага магістрата, аб чым існуе запіс у актавай кнізе ад 26 верасня 1727 г., сярод іншых ювелірных відаў аздоб значацца: «...Iedna sztuczżka srebrna... Iedna sżtuczżka srebrno złocista. Iedna sponka srebrna... z dwoma koralami. Iedna sponka srebrna... ze sżkłem prostym cżerwonym. Iedna sżtuczżka srebrna ze sżkłem granatowym we srżodku, a wkoło krysżtaliki... Iedna sponka złota z siedmią dyamencikami...y z trżema perłami wisżącemi... Iedna sztuczżka złota od pereł maleńka... bez kamyczżka we srżodku...» («...Адзін выраб срэбраны… Адзін выраб срэбраны залацісты. Адно апляценне … з двума каралямі. Адно апляценне сярэбранае … са шклом простым чырвоным. Адзін выраб сярэбраны са шклом гранатавым у цэнтры, а вакол крышталікі. Адно пляценне залатое з сямю дыяменцікамі… і з трыма перламі вісячымі… Адзін выраб залаты з маленькіх перлаў… без каменчыка ў цэнтры...») [9, арк. 151–151 адв.]. Вызначыць дакладна, што гэта за віды ювелірных вырабаў і як іх выкарыстоўвалі для аздобы, немагчыма з-за недахопу звестак. Аднак, згодна з існуючым апісаннем, можна меркаваць, што пад тэрмінам «sztuczżka» («выраб») і «sponka» («пляценне») трэба разумець «падвеска» ці «брошка».

Некалькі ювелірных упрыгажэнняў, якія выраблялі майстры-ювеліры з адных і тых жа матэрыялаў, у агульнай стылістыцы складалі цэлыя ювелірныя гарнітуры. Прыкладам такога ювелірнага набору можа служыць сярэбраны пояс, да якога дадаецца сярэбраны крыжык (верагодна, з ланцужком на шыю. – *Т. В.*), што згадваюцца разам у рэестры рэчаў Марыянны Мышынскай: «...Ieden pas srebrno złocisty białogłowski… do tego krżyżyk srebrny, ważący łotow dwadźieśćia ośm...» («... Адзін пояс сярэбраны залацісты белаглоўскі (жаночы. – *Т. В.*) … да таго крыжык сярэбраны, весам лотаў двадцать восемь...») [9, арк. 151].

Як бачна, у актавых матэрыялах згадваюцца ўпрыгажэнні з каштоўных металаў – золата ці срэбра. Аднак археалагічны матэрыял адлюстроўвае значную перавагу бронзы, латуні, медзі і іншых сплаваў для вырабу жаночых упрыгажэнняў на тэрыторыі Паўночнай Беларусі. Адным з такіх прыкладаў можна лічыць адкрыццё ў 2005 г. рэшткаў ювелірнай майстэрні 1-й паловы XVII ст. у Полацку, большасць ювелірных вырабаў якой зроблена з бронзы [2, с. 81–82]. Падобнае несупадзенне актавых запісаў з наяўным археалагічным матэрыялам можна патлумачыць наступнымі прычынамі:

– упрыгажэнні з золата і срэбра мелі большую каштоўную значнасць, чым іншыя вырабы, таму імі вельмі цікавіліся судовыя выканаўцы, заявіцелі і інш.;

– за ўпрыгажэннямі з каштоўных металаў пільна сачылі, іх захоўвалі, хавалі ад чужых вачэй, перадавалі нашчадкам у спадчыну.

Такім чынам, ювелірныя ўпрыгажэнні з'яўляюцца важным дапаўненнем да жаночага касцюма шляхцянак і мяшчанак Паўночнай Беларусі ў XVII–XVIII стст. Яны заўсёды падкрэслівалі не толькі прыгажосць сваёй уладальніцы, але і яе маёмасны статус.

Усе ювелірныя аздабленні шляхцянак і мяшчанак Паўночнай Беларусі азначанага перыяду можна падзяліць на некалькі відаў у залежнасці ад месца іх нашэння: упрыгажэнні на рукі, упрыгажэнні для вушэй, нашыйныя, нагрудныя і паясныя. Актавыя матэрыялы паказваюць, што яны выраблялісь часцей з золата ці срэбра, дапаўняліся каштоўнымі камянямі ці рознакаляровым шклом у якасці ўставак.

Археалагічныя крыніцы не даюць багатага ўяўлення пра жаночыя ўпрыгажэнні, зробленыя з каштоўных металаў. Таму актавыя матэрыялы на сённяшні момант з'яўляюцца важнымі крыніцамі для даследавання ювелірных аздабленняў шляхцянак і мяшчанак на тэрыторыі Паўночнай Беларусі ў XVII–XVIII стст.

ЛІТАРАТУРА

1. **Бялявіна, В. М.** Жаночы касцюм на Беларусі / В. М. Бялявіна, Л. В. Ракава. – Мінск : Беларусь, 2007. – 350 с.

2. **Дук, Д. У.** Гісторыя Полацка: па матэрыялах археалагічных даследаванняў : вучэб.-метад. комплекс / Д. У. Дук. – Наваполацк : Полацкі дзярж. ун-т, 2006. – 112 с.

3. **Историко**-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в Центральном архиве в Витебске и изданные под редакцией М. Веревкина. – Витебск : Типолитография Г. А. Малкина, 1891. – Вып. 21. – 500 с.

4. **Историко**-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в Центральном архиве в Витебске и изданные под редакцией М. Веревкина. – Витебск : Типолитография Г. А. Малкина, 1891. – Вып. 22. – 501 с.

5. **Историко**-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в Центральном архиве в Витебске и изданные под редакцией М. Веревкина. – Витебск : Типолитография Г. А. Малкина, 1891. – Вып. 24. – 508 с.

6. **Нацыянальны** гістарычны архіў Беларусі. – Фонд 1823. – Воп. 1. – Спр. 1.

7. **Нацыянальны** гістарычны архіў Беларусі. – Фонд 1823. – Воп. 1. – Спр. 4.

8. **Нацыянальны** гістарычны архіў Беларусі. – Фонд 1823. – Воп. 1. – Спр. 5.

9. **Нацыянальны** гістарычны архіў Беларусі. – Фонд 1823. – Воп. 1. – Спр. 13.

10. **Нацыянальны** гістарычны архіў Беларусі. – Фонд 1823. – Воп. 1. – Спр. 14.

11. **Нацыянальны** гістарычны архіў Беларусі. – Фонд 1823. – Воп. 2. – Спр. 1.

П. П. Бухавец (Мінск)

СТВАРЭННЕ СЕЛЬСКАГАСПАДАРЧЫХ ТАВАРЫСТВАЎ У ВІЦЕБСКАЙ ГУБЕРНІ (2-я ПАЛОВА XIX – ПАЧАТАК XX ст.)

Пасля закрыцця ў 1841 г. Беларускага вольнага эканамічнага таварыства на тэрыторыі Віцебскай губерні доўгі час адсутнічалі такія грамадскія аб'яднанні. Між тым сельскагаспадарчыя таварыствы ў парэформенны перыяд адыгрывалі важную ролю ў сацыяльна-эканамічным жыцці Расійскай імперыі. Для Паўночна-Заходняга краю, да якога адносілася Віцебская губерня, стварэнне і дзейнасць таварыстваў з'яўляліся яшчэ больш значнымі падзеямі, чым для ўнутраных губерняў. Ва ўмовах абмежавальнага заканадаўства і адсутнасці земстваў сельскагаспадарчыя таварыствы былі адзінай легальнай магчымасцю аб'яднання грамадства для пошуку шляхоў мадэрнізацыі аграрнай гаспадаркі. Таварыствы сталі школай грамадзянскага жыцця для многіх знакавых асоб нашай гісторыі, такіх як Раман Скірмунт, Эдвард Вайніловіч, Станіслаў Лапацінскі і інш.

Стварэнне грамадскіх аб'яднанняў у імперыі патрабавала значных намаганняў з боку ініцыятараў. У перыяд з 1782 па 1866 г. для зацвярджэння статутаў сельскагаспадарчых таварыстваў была неабходна асабістая воля манарха. І толькі ў 1866 г. гэтыя паўнамоцтвы былі дэлегаваны на міністэрскі ўзровень [1, с. 328].

Аднаўленне практыкі стварэння таварыстваў у Паўночна-Заходнім краі адбывалася ў рамках падтрымкі рускага землеўладання. Статут губернскага Таварыства віцебскіх сельскіх гаспадароў быў зацверджаны 28 ліпеня 1876 г. міністрам дзяржаўных маёмасцяў [2, с. 1]. Таварыства лічыла сябе пераемнікам Беларускага вольнага эканамічнага таварыства. За перыяд сваёй дзейнасці Таварыства віцебскіх сельскіх гаспадароў аб'яднала вялікую колькасць землеўласнікаў губерні, што на 1914 г. складала 235 чалавек. Пры ім былі створаны Лужаснянскае ніжэйшае сельскагаспадарчае вучылішча, бібліятэка, музей жывёлагадоўлі і малочнай гаспадаркі, камісійнае бюро [3, с. 30].

Таварыства віцебскіх сельскіх гаспадароў працяглы перыяд было адзіным грамадскім аб'яднаннем сельскагаспадарчага тыпу на тэрыторыі Віцебскай губерні. У той жа час па імперыі ствараліся таварыствы з меншым раёнам дзейнасці, чым губерня. Заснаванне новых таварыстваў у значнай ступені залежала ад адносінаў губернскай адміністрацыі да мясцовага маёнткавага дваранства, якое складала аснову такіх аб'яднанняў, што асабліва характэрна для сітуацыі XIX ст. Так, вядомы інцыдэнт 1884 г., калі віцебскі губернатар Далгарукаў патрабаваў забараніць Віцебскае таварыства сельскіх гаспадароў у сувязі з тым, што нібыта ў ім усім кіруюць палякі, якія, прыкрываючыся сельскагаспадарчымі мэтамі, у сапраўднасці пераследваюць польскія нацыянальныя імкненні. Ад закрыцця таварыства выратаваў водгук аб ім былога губернатара, які сам прымаў актыўны ўдзел у яго працы, ды перавага ў гэтай губерні рускіх памешчыкаў [4, с. 101].

Палёгку ў справе стварэння таварыстваў прынёс «Нармальны статут для мясцовых сельскагаспадарчых таварыстваў», які быў зацверджаны 28 лютага 1898 г. Ён значна спрашчаў працэдуру заснавання новых сельскагаспадарчых таварыстваў. Асобы, якія жадалі ўтварыць такое аб'яднанне, падавалі пісьмовую заяву мясцоваму губернатару. Апошні вырашаў пытанне аб адкрыцці таварыства ў тым выпадку, калі статутная дзейнасць не выходзіла за межы губерні і цалкам адпавядала статуту… [3, с. 29].

Першае павятовае сельскагаспадарчае таварыства было створана 2 сакавіка 1899 г. у Рэжыцы. Узначальваў аб'яднанне ў 1902 г. адстаўны палкоўнік Аляксей Аляксандравіч Розэншыльд-Паўлін. Пры таварыстве меліся даведачна-камісійнае бюро і камісіі па статыстыцы, садоўніцтве, агародніцтве і пчалярстве, паляводстве, конегадоўлі [5, с. 7–8; 6, с. 11].

Праз год, 10 чэрвеня 1901 г., пачало сваю працу Дрысенскае таварыства сельскіх гаспадароў, якое таксама мела павятовы раён дзейнасці. Таварыства з моманту яго заснавання ўзначальваў старшыня Станіслаў Ігнацьевіч Лапацінскі [5, с. 7; 6, с. 11].

17 сакавіка 1903 г. быў створаны Рэжыцкі аддзел імператарскага расійскага таварыства рыбаводства і рыбалоўства, што распаўсюджваў сваю дзейнасць на групу паветаў Віцебскай губерні, у якую ўваходзілі непасрэд-

на Рэжыцкі, Люцынскі, Дзвінскі, Дрысенскі і Себежскі паветы. Праўленне таварыствам знаходзілася ў г. Рэжыца. Старшынёй быў Н. Фонд Росэтэр [3, с. 748; 7, с. 64].

4 сакавіка 1906 г. былі зацверджаны «Часовыя правілы аб таварыствах і саюзах». Гэта быў першы і адзіны ў дарэвалюцыйнай Расіі агульны заканадаўчы акт, які рэгламентаваў парадак стварэння і функцыянавання грамадскіх аб'яднанняў. Яго прыняцце значна паскорыла ўтварэнне новых сельскагаспадарчых таварыстваў. Правілы дазвалялі рэгістраваць таварыства, што стваралася, па спрошчаным парадку, які прадугледжваў падачу заявы на імя губернатара. У заяве аб стварэнні таварыства павінны былі змяшчацца звесткі аб яго мэце і задачах, раёне дзейнасці, правілах прыёму сяброў, спосабу абрання праўлення і распарадчыка, а таксама вычарпальную інфармацыю аб заснавальніках [1, с. 333–334].

На падставе гэтых правілаў 13 ліпеня 1906 г. быў зацверджаны Статут Лепельскага таварыства сельскіх гаспадароў. Узначальваў гэтае аб'яднанне Уладзіслаў Паўлавіч Цеханавецкі [8, с. 19; 9, с. 5]. 25 студзеня 1907 г. пачало дзейнічаць Полацкае таварыства сельскіх гаспадароў. Яго старшынёй у пачатку дзейнасці быў Адам Тарквінневіч Буйніцкі, брат стваральніка беларускага нацыянальнага прафесійнага тэатра Ігната [9, с. 6].

У гэты час пачыналі стварацца першыя дробнараённыя аб'яднанні. Так, 26 студзеня 1907 г. пачало сваю працу Крастоўска-Ільінскае таварыства сельскіх гаспадароў. Яго дзйнвсць ахоплівала Крастоўскую, Ільінскую, Сярцэйскую, Усмынскую і Маклакаўскую воласці Веліжскага павета. Савет таварыства размяшчаўся ў сяле Крэст. Старшынёй у пачатку 1908 г. быў Аляксандр Мікалаевіч Кутузаў [9, с. 5–6].

Новым для гэтага перыяду было заснаванне 10 снежня 1906 г. пры Таварыстве віцебскіх сельскіх гаспадароў камісіі па арганізацыі земляробчых гурткоў у межах Віцебскай губерні. Камісіяй былі выпрацаваны статут, праграма дзеянняў земляробчых гурткоў, аказвалася кансультацыйная дапамога як на этапах стварэння, так і ў працэсе іх дзейнасці. Да 1911 г. распачалі сваю дзейнасць 55 земляробчых гурткоў [10, с. 1–3; 11, с. XXXII].

У той жа час працягваўся працэс па арганізацыі сельскагаспадарчых таварыстваў з розным раёнам дзейнасці. З 1906 па 1911 г. былі створаны 7 павятовых і 12 дробнараённых аб'яднанняў. Увесну 1911 г. Віцебская губерня займала 10 месца ў спісе губерняў Расійскай імперыі па колькасці сельскагаспадарчых аб'яднанняў [11, с. VI–VII]. Гэтаму ў значнай ступені паспрыяла стварэнне земляробчых гурткоў.

7 мая 1911 г. была зацверджана новая рэдакцыя «Нармальнага статута…». Змены датычыліся прававога боку дзейнасці сельскагаспадарчых таварыстваў. У прыватнасці, змяніўся змест параграфаў аб сябрах таварыства. Напрыклад, уводзіўся цэнз падданства. Але прынцыповых змяненняў у працэдуры стварэння таварыстваў не адбылося [1, с. 334].

Дынаміка павелічэння колькасці сельскагаспадарчых таварыстваў у Віцебскай губерні назіралася і пазней. Па даных на 1915 г. у губерні налічвалася 168 аб'яднанняў, што перамясціла яе на шостае месца [3, с. 6]. Сярод гэтай колькасці аб'яднанняў 135 былі земляробчымі гурткамі. Што датычыцца гэтай формы аб'яднанняў, то сярод 50 губерняў еўрапейскай Расіі Віцебская была абсалютным лідарам. Супастаўляльнымі па колькасці земляробчых гурткоў былі толькі губерні Прывісленскага краю [3, с. 74–76].

Такім чынам, стварэнне сельскагаспадарчых таварыстваў у Віцебскай губерні ў 2-й палове XIX – пачатку XX ст. прайшло некалькі этапаў:

1. 1876–1898 гг. – заснаванне і дзейнасць адзінага губернскага Таварыства сельскіх гаспадароў.

2. 1898–1906 гг. – увядзенне Нармальнага статута і аднаўленне практыкі зацвярджэння таварыстваў, у асноўным павятовага раёна дзейнасці.

3. 1906–1914 гг. – увядзенне Часовых правілаў і масавае распаўсюджванне новых таварыстваў і сельскагаспадарчых гурткоў з малым раёнам дзейнасці. Са 168 сельскагаспадарчых аб'яднанняў, што існавалі ў пачатку 1915 г., 140 былі створаны на аснове Часовых правілаў.

ЛІТАРАТУРА

1. **Адрес-календарь** сельскохозяйственных обществ : в 2 ч. / Департамент земледелия ; сост.: А. П. Свешников, И. И. Мамонтов. – Санкт-Петербург : Тип. М. Меркушева, 1905–1908. – Ч. 1 : (по данным к 1 января 1905 года). – 1905. – XV, 279 с.

2. **Адрес-календарь** сельскохозяйственных обществ : в 2 ч. / Департамент земледелия ; сост.: А. П. Свешников, И. И. Мамонтов. – Санкт-Петербург : Тип. М. Меркушева, 1905–1908. – Ч. 2. – VI, 158 с.

3. **Адрес-календарь** сельскохозяйственных обществ : в 2 ч. / Департамент земледелия ; сост.: В. А. Заветновский, И. И. Мамонтов. – Санкт-Петербург : Тип. М. Меркушева, 1905–1908. – Общие сельскохозяйственные общества : (дополнение к 1-й и 2-й частям). – 1908. – [5], 132 с.

4. **Адрес-календарь** сельскохозяйственных обществ : (по данным 1902 года) / Департамент земледелия. – Санкт-Петербург : Тип. М. Меркушева, 1902. – X, 239 с.

5. **Елина, О. Ю.** Сельскохозяйственные общества / О. Ю. Елина // Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в. / отв. ред. А. С. Туманова. – Москва, 2011. – С. 315–373.

6. **Отчеты** деятельности земледельческих кружков и комиссии по организации их / Общество Витебских сельских хозяев. – Витебск : Типолитография П. Подземского, 1911. – 42 с.

7. **Самбук, С. М.** Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX века / С. М. Самбук ; под ред. В. П. Панютича. – Минск : Наука и техника, 1980. – 224 с.

8. **Справочные** сведения о сельскохозяйственных обществах. Год первый / Департамент земледелия ; под ред. В. В. Морачевского. – Санкт-Петербург : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1911. – III, [IV], LIII, 434, XLI с.

9. **Справочные** сведения о сельскохозяйственных обществах по данным на 1915 год / под ред. В. В. Морачевского. – Петроград : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1916. – [VII], 91, 885, 230, [XIII] с.

10. **Устав** Лепельского общества сельского хозяйства. – Полоцк : Тип. Х. В. Кляч-ко, 1907. – 19 с.

11. **Устав** Общества витебских сельских хозяев. – Витебск : Губерн. тип., [1876]. – 10 с.

Г. А. Гладкова (Віцебск)

ВОБРАЗ МАЛОЙ РАДЗІМЫ Ў ПАЭЗІІ Ф. Д. КНЯЗЬНІНА

Францішак Дыянізы Князьнін – вядомы паэт, драматург, перакладчык Рэчы Паспалітай, выхадзец з беларускіх земляў, літаратурная спадчына якога належыць да агульных набыткаў Польшчы і Беларусі. Працяглы перыяд увага польскіх даследчыкаў была звернута хутчэй на драматычныя рысы лёсу Ф. Князьніна, чым на адметнасці яго мастацкага самавыяўлення. Давалася павярхоўная ацэнка творам, у асобе літаратара бачылі толькі паэта-сентыменталіста. Важным дасягненнем польскага літаратуразнаўства ў вывучэнні творчасці Ф. Князьніна стаў пераход да грунтоўнага шматаспектнага даследавання мастацкай спадчыны пісьменніка і асэнсавання яго месца сярод іншых літаратараў эпохі Асветніцтва, што паспяхова ажыццявілі В. Баровы, Т. Мікульскі, Т. Касткевіч, А. Гузек, Я. Вуйціцкі, Э. Александроўска, Э. Гленбіцка і інш. Лацінамоўная творчасць Ф. Князьніна трапіла ў поле даследчыцкай увагі беларускага навукоўца А. Жлуткі, які не толькі пераклаў творы паэта, але і прааналізаваў у дысертацыі частку яго мастацкай спадчыны. На беларускую мову асобныя творы Ф. Князьніна перакладалі Л. Баршчэўскі, Н. Мерашчак, Л. Семянюк, І. Багдановіч і інш. У сваіх працах згадвалі імя Ф. Князьніна і асэнсоўвалі яго ролю ў тагачасным літаратурным працэсе А. Мальдзіс, М. Хаўстовіч, І. Бурдзялёва, В. Еўмянькоў, Ж. Некрашэвіч-Кароткая. Аднак у беларускім літаратуразнаўстве пакуль адсутнічаюць комплексныя даследаванні творчасці пісьменніка, пераважаюць сціслыя публікацыі на старонках энцыклапедый, бібліяграфічных даведнікаў, навуковых зборнікаў.

У працах, прысвечаных асобе і творчасці Ф. Князьніна, гаворыцца пераважна пра адметнасці інтымна-лірычных твораў паэта, увага звернута на мастацкі стыль, праявы сентыменталізму ў творчасці пісьменніка, вершам грамадзянска-патрыятычнага зместу адведзена сціплае месца. Калі размова ідзе пра патрыятычную лінію ў творах Ф. Князьніна, то характарызуецца, як правіла, узровень самасвядомасці паэта як грамадзяніна Рэчы Паспалітай

(асабліва ў працах польскіх навукоўцаў). Аднак выяўленне толькі польскай ментальнасці Ф. Князьніна сімвалізуе сабой спрошчаны падыход да асэнсавання нацыянальнага пытання ў Рэчы Паспалітай. Грамадская нацыянальная тоеснасць як свядомае прыняцце супольных катэгорый нацыянальных арыенціраў безумоўна злучала ўсіх грамадзян федэрацыі, але разам з гэтым нельга пакідаць без увагі асабовую нацыянальную тоеснасць, якая забяспечвала грамадзяніна не толькі пачуццём лучнасці, але таксама і пачуццём адметнасці, выключнасці ўласнай асобы. Прынцып пабудовы Рэчы Паспалітай як федэрацыі абумовіў шматузроўневы характар нацыянальнай свядомасці яе грамадзян, калі суіснавала «пачуццё палітычнай еднасці з усведамленнем асобнасці жыхароў гістарычнае Літвы» [1, с. 296].

Як вядома, Ф. Князьнін паходзіў з віцебскага ваяводства, куды ў XVII ст. пераехаў са Смаленшчыны (пасля здачы Смаленска рускаму войску) прадзед будучага пісьменніка Уладзіслаў Князьнін.

Пра гады навучання ў віцебскай школе езуітаў, падрыхтоўку да ўступлення ў ордэн паэт згадваў у вершы, занатаваным І. Быкоўскім ва ўласных успамінах. Ф. Князьніна хвалявала сутыкненне жадання свабоды з патрабаваннем падпарадкоўвацца строгім законам ордэна. Малады паэт выкарыстаў вобраз скутага ланцугамі вязня для таго, каб перадаць тагачасны псіхалагічны стан: «Фанатызмам рэлігіі ўведзены ў зман, / Прыродзе насуперак путы прымаю. / І гэту памылку (о, дзіва!) сам / Выратавальны абрад прыкрывае. // Дух свой і цела аддаў ў няволю, / Сам на сябе наклаў ланцугі. / Хочаш не хочаш, сумную долю, / Зняволены вязень, цярпі»[1] [2, с. 167].

Акрамя гэтага, у мемуарах І. Быкоўскага з вялікай прыязнасцю апісана знаёмства з Ф. Князьніным, змешчаны верш-прысвячэнне «Do Ignacego Bykowskiego Franciszek Kniażnin», у якім паэт згадвае сваю маладосць наступным чынам: «У суме, нудоце, амаль без свабоды / Правёў саладзейшыя дні маладыя. / Міналі гады, я жыў у маркоце, / Мне радасці сталі чужыя. // Якой невыноснай была мая мука / Ад думкі, што вольны палёт немагчымы, / Маё шкадаванне ўсё больш мацнела, / Залежнасць скавала свабодныя крылы…».

Паступова юнаку адкрываецца свет паэтычнай творчасці: «Сустрэў я, нарэшце, дачок Мнемезіды, / Дзе Віцьба нясе свае воды ў Дзвіну, / Хацеў атрымаць іх хвалу і прызнанне – / Пачаў ім спяваць упершыню…».

Вынікам мастацкіх пошукаў стала ўпэўненае сцвярджэнне Ф. Князьніна: «Віцебск займеў з таго часу / Паэта ў асобе маёй» [2, с. 167].

Як бачым, малая радзіма паэта – Віцебск – калыска яго творчасці, горад, які пасяліў у душы літаратара паэтычны запал, стаў месцам юнацкага сталення, нялёгкіх светапоглядных пошукаў.

[1] Абодва вершы Ф. Князьніна ў рукапісе І. Быкоўскага знайшоў і апублікаваў В. Баровы [8].

Неаднаразова ва ўласных вершах Ф. Князьнін згадваў родныя мясціны. Напрыклад, такімі ўспамінамі напоўнена ода «Do Celestyna Czaplica[2] Kawalera Ord. Orła Białego»: «Ja urodzony przy Dźwinie, / Która z masztami pieńką i żytem / Wyniosłe miiaiąc brzegi / Hoynym Baltydzie zlewa korytem / Stopione lody i śniegi» («Я нарадзіўся ля Дзвіны, / Дзе між высокіх берагоў / Імчыць да балтаў вір-паток / Расплаўленых ільдоў, снягоў») [5, с. 35–36]. Услаўленне высокамаральнага, адказнага грамадзяніна ў асобе С. Чапліца пацверджана аўтарскім успамінам пра свае карані – родавую галіну («ze krwi moiego pradziada»[3]), якая ўмацавалася на віцебскіх землях.

Адзначым, што ў выданні твораў Ф. Князьніна, падрыхтаваным Ф. Дмахоўскім у 1828 г., верш надрукаваны ў скарочаным варыянце, дзе, відавочна, па прычыне цэнзуры быў выкрэслены фрагмент патрыятычнага гучання: «Cóż mi po mojej dziedzinie? / Tam dziś jarmo i kajdany. / Gdzie Wisła swobodnym płynie, / Tu twoim duchem zagrzany». Таксама адсутнічала апошняя страфа верша, дзе паэт прыгадваў здачу Смаленска (1654) і пагардліва ацэньваў дзейнасць П. К. Абуховіча: «Znała go [прадзеда Ф. Князьніна. – *Г. Г.*] mężów garść ona, / Co grube tłukła Moskale, / Smoleńskich murów obrona, / Ale w najświętszym zapale / Zdradził ich dzielne ramiona / Naczelnik hańby, przedawca braci, / I obok twego imienia (С. Чапліц. – *Г. Г.*), / … / Niegodzien ani wspomnienia». Такім чынам, верш значна пацярпеў, страціўшы гістарычны фон і тэматычна акрэсленую лінію выяўлення грамадзянскай пазіцыі аўтара.

Польскі гісторык права Ю. Бардах слушна адзначаў, што нацыянальная свядомасць жыхара Рэчы Паспалітай была шматузроўневай: «Збліжэнне Кароны і Вялікага Княства перад абліччам знадворнае небяспекі на схіле XVIII ст. ішло ў пары з захаваннем федэрацыйнае мадэлі Рэчы Паспалітае Абодвух Народаў. Гэта знаходзіла выраз у дэманстрацыі двухузроўневай, а часам і трохузроўневай нацыянальнай свядомасці» [1, с. 296]. Праявы такой шматузроўневай нацыянальнай свядомасці выразна прасочваюцца ў творах Ф. Князьніна – выхадца з усходніх земляў Рэчы Паспалітай.

Акрамя прывязанасці да малой радзімы, паэт называў Айчынай Літву, радаваўся абуджэнню новых сіл, пранікненню прагрэсіўных павеваў на родныя землі (ода «Do Litwy»): «Pośród ciemności starowiecznéy nocy / … / Postrzegam zorzę po nad nami iasną. / Witay Oyczyzno! W każdéy synów sprawie / Co ku ich dniowi, ku twéy dąży sławie. // Ich dowcip pierwszy przedrzeć się

[2] Селестын Чапліц гербу Кердэя (1723–1804) – вялікі каронны лоўчы з 1773 г., маршалак сейма 1766 г., паэт. З роду Чапліцаў са Шпанова (сучасная паўночна-заходняя Украіна). Быў дэпутатам Кароннага Трыбунала, восем разоў выбіраўся паслом на сеймы. У 1766 г. – маршалак так званага «сейма Чапліца», на якім канчаткова адверглі праект рэформаў Чартарыйскіх. З 1773 г. – кіеўскі падчашы, з 1775 г. – кавалер ордэна Белага Арла. Сябра Ф. Багамольца, удзельнік каралеўскіх «абедаў па чацвяргах». Вызначаўся бездакорна маральным характарам і сумленнем.

[3] Уладзіслаў Князьнін пасля здачы Смаленска асеў у віцебскім ваяводстве. Яго сынамі былі Аляксандр і Ежы, ад якога пайшоў бацька Ф. Князьніна Лявон Ігнацы.

ośmielił / Przez twarde gnuśnych przesądów zapory / … / Cnotę dał uczuć i obudził chwałę» («Сярод цемры спрадвечнай ночы /… / Бачу зорку над намі ясную. / Вітай, Айчына! Кожная справа сыноў / Нясе табе славу. // Іх розум першым прабіцца змог / Праз цвёрды заслон прымхаў сонных, / … / Дабрачыннасць і славу адчуць дапамог») [6, с. 157].

А. Жлутка адзначаў, што лацінамоўная творчасць Ф. Князьніна «непасрэдна звязана з Беларуссю і з'яўляецца працягам паэтычных спробаў віцебскага перыяду. У вершах шмат беларускіх рэаліяў, часам яны звернуты да суайчыннікаў і прасякнуты шчыраю і шчымліваю тугою па бацькаўшчыне» [3, с. 287]. Выдатным узорам пачуццёвага лірызму ў мастацкай спадчыне Ф. Князьніна стала адрасаваная суайчынніку з Віцебска «Элегія да Францішка Багамольца». Насычаны праявамі антычнай традыцыі, твор прысвечаны пытанням літаратурнай творчасці. Ф. Князьнін зноў прыгадаў пачатак свайго паэтычнага шляху там, дзе «Віцьба раздвоеная плынню / З хвалямі хуткай Дзвіны воды злучае свае» [3, с. 287]. Звяртаючыся да Ф. Багамольца, паэт падкрэсліваў, што «абодвух нас лучыць Айчына», што «Багамольцамі ўсцяж і цяпер ганарыцца і колісь / Цешыўся славаю іх Віцебск, вядомы здавён» [3, с. 288]. У паэтычнай форме Ф. Князьнін апавядаў пра гісторыю свайго роду («Мой жа прабацька калісь перабраўся сюды са Смаленска…»), прыгадваў здачу Смаленска П. К. Абуховічам «з ганьбай для нас», пераезд братоў Князьніных на Віцебшчыну, бо «… іх заклікала / Волі жаданне тады, ветлая вашых рука» [3, с. 289]. Паэт рабіў выснову, што адзінства каранёў – добрая падстава для еднасці духу і жадання з боку Багамольца «суайчынніка ўсім свайго паказаць» [3, с. 289].

Адзначым, што сувязь Ф. Князьніна з малой радзімай выявілася не толькі праз апеляванне да гісторыі роду і падкрэсліванне зямляцтва з суайчыннікамі, але і ў зацікаўленасці беларускай народнай творчасцю. Як сцвярджае А. Мальдзіс, Ф. Князьнін рабіў фальклорныя запісы, ведаў беларускую мову, выкарыстоўваў беларусізмы ў творах: «Ствараючы ў ідыліі "Тры вяселлі" вобраз казака Захарэнкі, "паэт сэрца" ўклаў у яго вусны не ўкраінскую, а "беларусізаваную" мову». [4, с. 267].

Значная частка паэтычных твораў Ф. Князьніна прысвечана дому Чартарыйскіх, дзе паэт жыў доўгі час, выконваючы абавязкі сакратара князя А. Е. Чартарыйскага. Ва ўступным артыкуле да першага тома твораў Ф. Князьніна варшаўскага выдання 1828 г. адзначана: «З гэтага часу і да апошніх дзён жыцця лёс, занятак і ўсе творы Князьніна былі злучаны з домам Чартарыйскіх. Князьнін праслаўляў іх дабрачыннасць і заслугі […], быў сябрам іх сям'і» [5, с. V]. З гэтай прычыны, як адзначаў К. Брадзіньскі, «Князьнін менш ацэнены ў краі, чым заслужыў», бо «панегірычная накіраванасць вершаў-прысвячэнняў прыватным асобам у меншай ступені цікавіць чытача» [5, с. XXXI].

У мемуарах князя А. Е. Чартарыйскага ёсць успамін пра сяброўства з суседам Клакоцкім, які жыў у Сычыках: «Notre plus proche voisin était M. Klokocki,

à Syczyki, où nous allions souvent passer la soirée. Il y avait un grand étang rempli de poissons qui venaient, au son d'une cloche, manger le pain qu'on leur jetait. Kniaznin mentionne ce fait dans ses poesies» («Нашым самым блізкім суседам быў Клакоцкі з Сычыкаў, там мы часта праводзілі вечары. У яго быў вялікі пруд, дзе вадзілася шмат рыбы, яна выплывала на гук званочка, каб з'есці хлеб, які ёй кідалі. Князьнін прыгадвае гэта ў сваіх вершах») [7, с. 5]. Адным з твораў, дзе згадваецца названая мясціна – Сычыкі – рэзідэнцыя Клакоцкіх, вёска ў тагачасным Брэст-Літоўскім ваяводстве (пазней на тэрыторыі Брэсцкай вобласці) стала ода «Do Jana Kłokockiego Woyskiego Mińskiego». Акрамя гэтага, у спадчыне паэта ёсць верш, адрасаваны ўладальніку Сычыкаў, паэту Станіславу Клакоцкаму (ода «Do Stanisława Kłokockiego»), у якога бываў Ф. Князьнін і да якога ставіўся з прыязнасцю, падкрэсліваючы ў характары гаспадара цвёрдасць, нескаронасць перад «бурай, гвалтам, паклёпам» [5, с. 151–153].

Такім чынам, Ф. Князьнін шматразова насычаў сваю паэзію вобразамі малой радзімы (Віцебшчыны) і роднага краю з больш шырокім геаграфічным акрэсленнем (Літва), што дазваляла паэту-сентыменталісту шчыра выказаць уласныя перажыванні («Ігнацію Быкоўскаму Францішак Князьнін»), падкрэсліць тэрытарыяльную еднасць паходжання з адрасатам («Элегія да Францішка Багамольца»), выявіць шляхецкую годнасць («Да Селестына Чапліца»), уславіць маладыя сілы, якія нясуць абуджэнне бацькаўшчыне («Да Літвы»).

ЛІТАРАТУРА

1. **Бардах, Ю.** Штудыі з гісторыі Вялікага Княства Літоўскага / Ю. Бардах ; пер. М. Раманоўскага, А. Істоміна ; прадм. Г. Сагановіча. – Мінск, 2002. – 459 с. – (Бібліятэка часопіса "Беларускі гістарычны агляд").

2. **Гладкова, Г.** Жыццё Ігнація Быкоўскага, паручніка расійскіх войск, ім самім апісанае ў 1806 годзе / Г. Гладкова // Полымя. – 2012. – № 7. – С. 163–177.

3. **Жлутко, А.** Францішак Князьнін. Элегія да Бацькаўшчыны / А. Жлутко // Шляхам гадоў : гіст.-літ. зб. / рэд. Г. Кісялёў ; уклад. У. Мархель. – Мінск, 1990. – С. 285–289.

4. **Мальдзіс, А. І.** На скрыжаванні славянскіх традыцый : літаратура Беларусі пераходнага перыяду (другая палова XVII – XVIII ст.) / А. І. Мальдзіс. – Мінск : Навука і тэхніка, 1980. – 352 с.

5. **Dzieła** Franciszka Dyonizego Kniaznina : w 7 t. / wyd. przez F. S. Dmochowskiego. – Warszawa : Nakł. i drukiem wydawcy, 1828–1829. – T. 1. – 1828. – 184 s.

6. **Dzieła** Franciszka Dyonizego Kniaznina : w 7 t. / wyd. przez F. S. Dmochowskiego. – Warszawa : Nakł. i drukiem wydawcy, 1828–1829. – T. 7. – 1829. – 276 s.

7. **Mémoires** du prince Adam Czartoryski et correspondence avec l'Empereur Alexandre I : in 2 t. / preface de M. Ch. De Mazade, de l'Academie française. – Paris, 1887. – T. 1. – 1887. – 438 p.

8. **Pamętnik** Literacki. – 1947. – T. XXXVII. – S. 265–268.

А. Н. Дулов (Витебск)

ПРОБЛЕМА ДАТИРОВКИ ЛЕГЕНДЫ ОБ ОСНОВАНИИ ВИТЕБСКА КНЯГИНЕЙ ОЛЬГОЙ[1]

В 1883 г. А. П. Сапунов в первом томе сборника «Витебская старина» опубликовал в переводе на русский язык с польского текст памятника местного летописания – Витебской летописи Панцырного и Аверки (Dzieje miasta Witebska) второй половины XVII–XVIII вв. Вскоре памятник был опубликован на языке оригинала Киевской археографической комиссией. Летопись начиналась сообщением об основании Витебска княгиней Ольгой: «*Roku 974. Zbiwszy Olha iaćwingow i piczyngow y, przeprawiwszy sie przez rżeke Dzwina zanocowawszy z woyskiem, y upodobawszy gure założyła zamek drewniany, nazwała od rżieki Widiby Wittebskiem, wmurowała cerkicu w Wysznim zamku swienteho Michała, a w Niżnim Zwiastowanie. Dwa roki zmieszkawszy odiechała do Kiowa*» [4, с. 572]. Легенда стала известна в среде ученых.

В XIX в. развитие исторической науки проходило под знаменем принципа историзма, сформулированного немецким историком Леопольдом фон Ранке, считавшим задачей историка «*…показать, как все происходило на самом деле*». В этом контексте не удивительно, что первые исследователи летописной легенды об основании Витебска княгиней Ольгой отнеслись к ней весьма скептически. Поскольку летопись относила событие к 974 г., а Ольга умерла в 969 г., вопросы об историчности легенды, как и о времени ее возникновения, источнике, из которого она попала в текст Витебской летописи, не возникали. Тем не менее, уже А. П. Сапунов отметил значимость источника: «*Там, где нет верных исторических указаний, следует довольствоваться преданием, хотя бы оно и не выдерживало исторической критики*» [8, с. 6].

Накануне празднования тысячелетия города (1974 г.) была сделана попытка обосновать историчность сведений Витебской летописи. Возникла широко известная гипотеза академика Б. А. Рыбакова и кандидата исторических наук Л. В. Алексеева (по справедливому замечанию витебского краеведа А. М. Подлипского, настоящими авторами были, скорее, Л. В. Алексеев и доцент ВГПИ им. С. М. Кирова М. С. Рывкин, принимавший активное участие в подготовке празднования тысячелетнего юбилея Витебска [5, с. 11]). Ученые сослались на сообщение «Повести временных лет» о походе Ольги на север в 947 г. и объяснили неточность даты в летописи ошибкой переписчика, который правильно перевел дату от сотворения мира в систему счета

[1] Автор высказывает искреннюю благодарность заместителю директора по научной работе учреждения культуры «Витебский областной краеведческий музей» В. А. Шишанову за предоставленные для подготовки статьи материалы.

лет от Рождества Христова, но допустил описку, поменяв местами цифры 4 и 7 [7]. Таким образом, создатели гипотезы фактически отнесли возникновение легенды ко времени, близкому к событию.

Может показаться странным, но ими не был всерьез поставлен вопрос об источнике легенды. Лишь в газетной публикации 1970 г. Л. В. Алексеев высказал мысль о Полоцкой летописи XII в. как возможном источнике [1] (само существование летописи, которую якобы использовал в работе над «Историей Российской» В. Н. Татищев, опровергается учеными), однако впоследствии к этой идее не возвращался, очевидно, понимая ее неубедительность. Н. Н. Улащик, который поддержал гипотезу Б. А. Рыбакова и Л. В. Алексеева, в своем основательном разборе текста Витебской летописи подчеркнул отсутствие в Витебске летописания вплоть до второй половины XVII в., а также предположил, что автор начальной части летописи, содержащей легенду, М. Панцырный «*…пользовался каким-то поздним источником, содержащим путанные данные относительно первых этапов существования Витебска*» [9, с. 222].

На сегодняшний день можно выделить три основных подхода к решению взаимосвязанных вопросов об источнике легенды и ее датировке в зависимости от признания историчности событий, о которых идет речь. Рассмотрим эти подходы.

В соответствии с первым подходом, ***сведения Витебской летописи об основании Витебска княгиней Ольгой – выдумка XVIII в.*** А. М. Подлипский утверждает: «*Нет никаких исторических фактов или документов, подтверждающих хотя бы косвенно факт основания Витебска княгиней Ольгой. Скорее всего, по ряду причин (здесь не место их указывать – для этого есть специальная литература) этого просто быть не могло. Информация об основании кн. Ольгой Витебска является ЛЕГЕНДОЙ, совершенно не подтвержденной хоть чем-либо. Не случайно до начала 1970-х годов историки (включая крупнейших специалистов СССР) к этой легенде вообще не обращались, понимая ее несостоятельность*» [2]. Из этого утверждения логически следует вывод: время создания легенды – XVIII столетие.

В пользу неисторичности сведений говорит ряд анахронизмов и неточностей в летописном тексте, на которые обращали внимание исследователи, начиная с А. П. Сапунова: 1) неточность даты; 2) фантастичность сведений о появлении Ольги на месте будущего города после победы над ятвягами и печенегами; 3) сомнительность упоминаний Верхнего и Нижнего замков, которых в X в. не существовало; 4) невероятность постройки княгиней храмов, тем более каменных, так как даже в случае признания фактом посещения княгиней поселения кривичей в 947 г., на тот момент она еще не была христианкой, а традиции каменного зодчества на Руси отсутствовали.

В то же время, при таком подходе возникает ряд закономерных вопросов: 1) когда была придумана легенда об основании Витебска; 2) кто является ее

автором; 3) какими мотивами руководствовался неизвестный автор; 4) почему не постарался придать своему измышлению правдоподобный характер; 5) если историческим мифотворчеством занимались создатели Витебской летописи, почему легенда является единственной вымышленной информацией в контексте данного памятника? Убедительных ответов на эти вопросы на сегодняшний день нет.

Интересно, что во второй половине 1990-х гг. витебским исследователем В. А. Шишановым был введен в научный оборот еще один источник, содержащий легендарные сведения об основании Витебска, – «Атлас, состоящий из одиннадцати окружных и одной Генеральной карты, представляющей Полоцкую губернию» (1777 г.), выявленный в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге. Картам в атласе предшествует «Описание Полоцкой губернии с историческими и географическими примечаниями», в котором приведена следующая версия легенды: «*Оной город начало свое имеет от российской княгини Ольги, которая в 914 году проезжала в Киев через оное место и ночевала на горе, где и велела на той горе строить город и по реке Витьбе назвала Витебск*» [11]. Как видим, здесь сведения изложены лаконично, без детализации, вызывающей вопросы. Вполне вероятно, автор почерпнул информацию не из Витебской летописи, а из другого источника. В. А. Шишанов, отстаивая правомочность даты «914 г.», подчеркнул, что *«...“Летопись” и “Примечания” близки по времени создания, а определенное сходство изложения указывает на общность использованных при написании источников*» [11]. От предположений о характере этих источников исследователь воздержался.

Справедливой представляется мысль В. А. Шишанова о том, что «*…к легенде нужно подходить как к легенде – преданию, которое, несмотря на свою историческую несостоятельность, является отражением исторического мышления общества. И в этом контексте очень важно выяснить время и обстоятельства возникновения, сферу бытования, выявить первоисточник, варианты летописного рассказа, который интересен сам по себе, независимо от своей правдоподобности*» [10]. Не давая, по сути, ответов на поставленные вопросы, В. А. Шишанов обратил внимание на то, что легенда получила распространение в источниках, датируемых первыми десятилетиями нахождения Витебска в составе Российской Империи (кроме указанного выше, это, например, описание Витебской губернии учителя из Невеля Петра Котловского 1808 г.) [10].

В рамках второго подхода ***легенда об основании Витебска признается псевдоисторическим преданием начала XVII в.*** По мнению доцента БГУ А. А. Прохорова, «*…совершенно ясно, что упоминание в 974 г. в “Летописи Панцырного и Аверки” основания Витебска, к какому бы году не относить сообщение – к 974 или 947 годам, является не более чем псевдоисторическим преданием, легендарно-мифологическим повествованием “об основании”,*

которые легко рождались в средневековье с целью удревнить историю народов и стран, соотнести ее с более древними прообразами» [6, с. 27].

Систему аргументации А. А. Прохоров выстроил, как и его предшественники, в первую очередь, на критике текста легенды: 1) усилил тезис о фантастичности походов Ольги на ятвягов и печенегов, проживавших в разных направлениях от Киева, со ссылкой на «Повесть временных лет», где первый поход князя Владимира на ятвягов датируется 983 г., а первое достоверное упоминание печенегов – 968 г.; 2) подчеркнул, что в летописном сообщении речь сразу идет о средневековой структуре города, которая сформировалась к середине XIV в.; 3) акцентировал внимание на невероятности постройки церквей, так как Ольга еще не успела стать христианкой, и даже в Киеве первая каменная церковь – Десятинная – была освящена только в мае 996 г. и некоторое время оставалась единственной, а в Витебске якобы за два года были построены две. Также историк подчеркнул, что храмы, о которых идет речь – Благовещенский и Михаила Архангела, были построены в XII в. [6, с. 25–26].

Исследователь много внимания уделил обоснованию того, что легенда из Витебской летописи не опирается на древнерусскую летописную традицию и даже противоречит ей [6, с. 26]. Доказывая этот несомненный тезис, А. А. Прохоров приводит не всегда бесспорные аргументы. Он считает, что подробно витебская история в Летописи Панцырного и Аверки начинает освещаться с момента вхождения города в состав Великого княжества Литовского, а это «*…совершенно иная политическая тенденция в летописании, сориентированная на собственную историю Великого княжества Литовского и на западноевропейскую традицию*» [6, с. 26]. Эту ориентацию подчеркивает и польский (в местном варианте) язык летописи [6, с. 28]. Даже сама форма написания реки – Widiba – и города «*…соответствуют средневековым латинским и польским формам в документах ВКЛ, а никак не характерны для древнерусского летописания*» [6, с. 27]. Исключением в данном контексте выступают разве что сведения о событиях церковной истории в начальной части Витебской летописи.

Появление легенды, апеллирующей к авторитету древнерусского государства, А. А. Прохоров связывает с волной восточнославянского патриотизма на восточных землях Речи Посполитой, возникшей в конце XVI – первой половине XVII в. Исследователь проводит параллели легенды с такими произведениями того времени, как летопись Могилева Сурты и Трубницкого, а также философская поэма «Лабиринт» Фомы Иевлевича, признавая их идейное единство [6, с. 29–30].

Автор приходит к выводу, что псевдоисторическое предание возникло в начале XVII в. в православной образованной среде в контексте борьбы православных с униатами за храмы. *«В городскую летопись предание могло попасть или действительно будучи популярным среди витебских православ-*

ных горожан или, что скорее, оно имело "историческое подтверждение" в православных документах, возможно, целенаправленно сфальсифицированных или, вернее сказать, соответственно мифологизированных» [6, с. 31]. А. А. Прохоров допускает, что данный документ мог храниться в архиве, который, вероятно, существовал в Благовещенской церкви. При этом историк не исключает, что это позднесредневековое предание основывалось на устных народных легендах [6, с. 31].

В соответствии с третьим подходом, ***легенда содержит историческое свидетельство X в. и является результатом длительного бытования в устной форме.*** По нашему мнению, можно допустить, что источником для Панцырного послужила устная традиция. Вероятно, в основу предания был положен факт, оставивший яркий след в народной памяти: посещение киевской княгиней Витебска в 947 г. и основание ею здесь погоста. В пользу историчности сведений косвенно свидетельствует тот факт, что до 1021 г. Витебская земля принадлежала киевским князьям. Оказаться под контролем Киева Витебск мог как раз в 947 г. благодаря установлению погостов Ольгой. Появление Ольги и превращение кривичского поселения – Витебска – в административный центр (погост) положило начало его трансформации в поселение городского типа. Хронологическое совпадение возможного подчинения Витебска Киеву в середине X в. и последующее появление предметов, характерных именно для городской культуры, подтверждают и археологи, утверждающие, что на рубеже X–XI вв. на основе поселений кривичей стал формироваться раннефеодальный город Витебск. Очевидно поэтому археологи (Л. В. Алексеев, Г. В. Штыхов, О. Н. Левко, Т. С. Бубенько, И. А. Марзалюк, Д. В. Дук) не отрицают возможной роли княгини Ольги в ранней истории города.

Сведения о посещении княгиней Ольгой Витебска, вполне вероятно, передавались из поколения в поколение в устной форме. При этом, естественно, возникали искажения и позднейшие наслоения, чем и объясняются неточности. В частности, ятвяги и печенеги в тексте летописи могут объясняться желанием летописца показать свою эрудицию. Приписывание Ольге постройки церквей можно воспринимать не только как отзвук сведений о крещении княгини в Константинополе, но и как указание на то, что Витебск с момента основания был христианским городом. Сведения о том, что княгиня прожила здесь два года, подчеркивало его значимость. Упоминание о замках служило для четкой локализации храмов, понятной современникам.

Кстати, обосновывая неисторичность сведений о храмах, историки упустили немаловажную деталь: речь идет о *каменной* церкви святого Михаила. Такое указание, на наш взгляд, могло закрепиться в тексте легенды не позднее XV в., так как, по мнению археолога Л. В. Колединского, храм был разрушен или в результате пожара в 1335 г., или во время осады города князем Витовтом в 1396 г., и в XVII в. представлял собой деревянную церковь на каменном фундаменте [3, с. 177].

Остается открытым вопрос: когда же предание было записано? Ранее нами высказывалось предположение, что это могло произойти во второй половине XVII – начале XVIII в. М. Панцырный, как и летописцы Руси, наряду с письменными источниками пользовался в работе над летописью устной традицией. С другой стороны, нельзя исключать, что, как предположил А. А. Прохоров, существовали какие-то более ранние документы, содержавшие, хотя бы в общих чертах, текст легенды.

Таким образом, в современной историографии сформулированы три подхода относительно источника и датировки легенды об основании Витебска княгиней Ольгой. Первый подход, провозглашающий легенду выдумкой, возникшей в XVIII в., представляется недостаточно убедительным. Более обоснованна гипотеза А. А. Прохорова о появлении псевдоисторического предания в начале XVII в. в контексте борьбы витебских православных мещан за свои храмы. Источником легенды в таком случае выступал(-и) некий(-е) документ(-ы), происходивший(-е) из православной среды. На наш взгляд, имеет право на существование также гипотеза, признающая, что летописная легенда содержит историческое свидетельство X в. и является результатом длительного бытования в устной форме.

Известные на сегодняшний день источники не позволяют однозначно трактовать суждения как об исторической основе легенды, так и о времени ее создания. Однако в любом случае можно гордиться тем, что Витебск, как и многие знаменитые города мира, имеет свою легенду об основании.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Аляксееў, Л.** Віцебску – тысяча год / Л. Аляксееў // Віцебскі рабочы. – 1970. – 24 чэрв. – С. 2.

2. **Исторические** неточности в проекте городского гимна Витебска : открытое письмо Аркадия Подлипского // Народныя навіны Віцебска [Электронный рэсурс]. – Рэжым доступу: http://news.vitebsk.cc/2012/06/22/. – Дата доступу: 09.09.2013.

3. **Калядзінскі, Л. У.** Віцебская царква архангела Міхаіла / Л. У. Калядзінскі // Археалогія Беларусі : энцыклапедыя : у 2 т. / рэдкал.: Т. У. Бялова [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2009. – Т. 1. – С. 176–177.

4. **Летапіс** Пацырнага і Аверкі // Летапісы і хронікі Беларусі / уклад. В. Варонін. – Мінск, 2010. – С. 572–589.

5. **Подлипский, А. М.** Бессрочная командировка Михаила Рывкина / А. М. Подлипский // Краеведческие очерки и статьи / М. С. Рывкин ; сост., предисл., примеч. А. М. Подлипского. – Витебск : Витеб. обл. тип., 2011. – С. 3–26.

6. **Прохоров, А. А.** Образ княгини Ольги в легендарно-мифологической традиции белорусских земель / А. А. Прохоров // Вестник Псковского государственного университета. Серия, Социально-гуманитарные и психологические науки. – 2013. – № 2. – С. 24–32.

7. **Рыбакоў, Б. А.** Калі быў заснаваны Віцебск / Б. А. Рыбакоў, Л. В. Аляксееў // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. – 1971. – № 2. – С. 12–13.

8. **Сапунов, А. П.** Историко-статистический очерк города Витебска / А. П. Сапунов. – Витебск : Витеб. епархия, 2007. – 106 с.

9. **Улащик, Н. Н.** Введение в изучение белорусско-литовского летописания / Н. Н. Улащик. – Москва : Наука, 1985. – 261 с.

10. **Шишанов, В.** 974, 947 или … 914? / В. Шишанов // Витебский проспект. – 2005. – 10 нояб. – С. 3.

11. **Шишанов, В.** Основание Витебска: еще одна версия / В. Шишанов // Витебский курьер. – 1998. – 5 мая. – С. 1.

А. У. Ерашэвіч (Мінск)

НЯДОІМКІ ДЗЯРЖАЎНЫХ ПАДАТКАЎ І ЗЕМСКІХ ЗБОРАЎ ПА ВІЦЕБСКАЙ ГУБЕРНІ (1802–1812)

27 лютага 1802 г. У выніку скасавання Беларускай губерні яе тэрыторыя была падзелена на Віцебскую і Магілёўскую губерні [3]. Віцебская губерня як новая тэрытарыяльна-адміністрацыйная адзінка Расійскай Імперыі ўключала 12 паветаў, у тым ліку 6 беларускіх.

Адной з эканамічна ўстойлівых з'яў, якая паўстала перад уладамі, стала праблема росту запазычанасцей у выглядзе нядоімак – падаткаў і збораў, якія не былі ўнесены ў вызначаны тэрмін. Адзначым, што ў 40-я гг. XIX ст. памешчыцкая і дзяржаўная вёска Віцебскай губерні займала першае месца ў Расійскай Імперыі па ступені штогадовых нядоімак (у працэнтах да аклада) на рэвізскую душу [2]. Працэс падзення плацёжаздольнасці падатнага насельніцтва і накаплення хранічных нядоімак сігналізуе аб тым, што задуманыя дзяржаўныя патрэбы не суадносяцца з дзеючымі падатковымі нормамі і рэальнымі эканамічнымі магчымасцямі насельніцтва ці вызначаюць нізкую эфектыўнасць працы органаў дзяржаўнай улады па кантролі над адказнымі таварыствамі па спагнанні дзяржаўных падаткаў і земскіх збораў.

Без вызначэння мэты высвятлення прычын і наступстваў вышэйзгаданай з'явы паспрабуем на падставе тыповых справаводных матэрыялаў прагледзець дынаміку росту нядоімак дзяржаўных падаткаў і земскіх збораў па Віцебскай губерні на працягу першых 10 год яе існавання. На падставе абагульнення лічбавых даных і іх таблічнай групоўкі вызначым тэндэнцыі накаплення нядоімак дзяржаўных падаткаў і збораў на тэрыторыі беларускіх паветаў Віцебскай губерні да пачатку вайны 1812 г.

У фондах канцылярыі віцебскага грамадзянскага губернатара (фонд 1430) і віцебскага губернскага праўлення (фонд 1416) Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі ў Мінску захаваліся разнастайныя як першасныя, так і зводныя абагуленыя матэрыялы ў форме ведамасцей і статыстычных табліц аб

працэсе спагнання падаткаў і збораў. Адзначым неаднолькавую ступень і характар эўрыстычных магчымасцей падобных крыніц. Справа ў тым, што складаліся розныя тыпы і віды лічбавых ведамасцей аб нядоімках падаткаў і збораў. У адных дакументах фіксаваўся парадак збору дзяржаўных падаткаў і грашовых земскіх павіннасцей па асобных гарадах і паветах Віцебскай губерні, у другіх паказвалася агульная сума запазычанасці па губерні, якая звычайна ўключала частку нядоімак за ранейшыя гады і недабор бягучых плацяжоў (акладаў), у трэціх адзначаліся нястачы грошай па відах падаткаў і збораў па асобных гарадах, паветах ці найчасцей агулам па губерні, у чацвёртых уключаліся так званыя нарады (зборы) тэрміновых (як правіла, штомесячных) ведамасцей аб поспеху спагнання падаткаў і збораў па гарадах і паветах губерні, у пятых увогуле рэгістраваўся толькі агульны вынік нядоімак па губерні да пэўнага часу, без размеркавання яго па паветах і відах падаткаў і збораў, у шостых адзначаліся толькі асобныя катэгорыі падаткаў і збораў (акладныя, неакладныя падаткі, земскія зборы і інш.).

Увогуле аналіз разнастайных рэпрэзентатыўных архіўных дакументаў і матэрыялаў дазваляе даследаваць праблему эфектыўнасці функцыянавання падатковай сістэмы на тэрыторыі Віцебскай губерні.

Табліца 1

Дынаміка падатковых нядоімак па гарадах і паветах Віцебскай губерні да 01.01.1809 г. [1, л. 6 – 9 адв., 12]

Віды падаткаў	Дзяржаўныя падаткі		Земскія павіннасці		Разам дзяржаўныя падаткі і земскія павіннасці		
Назва горада ці павета	у горадзе	у павеце	у горадзе	у павеце	у горадзе	у павеце	разам у горадзе і павеце
Віцебск	373,16	12 678,97	1 816,17	4 174,74	2 189,33	16 853,71	19 043,04
Гарадок	5 475,12	3 797,89	954,65	3 741,36	6 429,77	7 539,25	13 969,03
Дрыса	2 415,83	9 658,78	381,3	8 963,26	2 797,13	18 622,04	21 419,18
Лепель	2 009,14	26 369,21	342,92	17 379,53	2 352,06	43 748,74	46 100,81
Полацк	11 165,37	18 594,74	2275,73	16 448,14	13 441,1	35 042,88	48 483,99
Сураж	577,19	6 315,75	416,66	7 430,49	993,85	13 746,24	14 740,09
Разам па 6 беларускіх паветах	22 015,81	77 415,34	6 187,45	58 137,55	28 203,26	135 552,89	163 756,15
Разам па 12 паветах	29 022,73	103 727,79	8 238,88	81 072,01	37 261,61	184 799,8	222 061,43
Удзельная вага па беларускіх паветах,%	75,8	74,6	75,1	71,7	75,7	73,3	73,7

Табліца 2

Найменне нядоімак па Віцебскай губерні па відах падаткаў і збораў (да 01.02.1809 г.) [1, л. 97–100]

Найменне падаткаў і збораў	Па гарадах	Па паветах	Разам па гарадах і паветах	Разам,%
Дзяржаўныя падаткі за ранейшыя гады	11 088,98	10 218,75	21 307,73	12,8
Дзяржаўныя падаткі за 1808 г.	15 421,55	41 907,87	57 329,42	34,5
Рэкруцкія складачныя	22 690		22 690	13,6
Штрафныя па справах	377,5	1 005	1 382,5	0,8
Адкупныя за піцейны продаж	3,75	34,99	38,74	0,02
На земскія павіннасці	8 389,28	54 362,14	62 751,42	37,7
Кварты з Бецкага староства		576,51	576,51	0,3
За планы і межавыя кнігі		26,49	26,49	0,01
Чопавыя з корчмаў		46,65	46,65	0,03
Суперата		3,57	3,57	0,002
Розныя пошліны		9,52	9,52	0,006
Разам	57 971,07	108 191,51	166 162,58	100

Табліца 3

Нядоімкі дзяржаўных падаткаў і земскіх павіннасцей па Віцебскай губерні да 1810 г. (асабліва значныя нядоімкі былі па Полацкім і Лепельскім паветах) [1, л. 17, 18]

Час	Дзяржаўныя падаткі	Земскія павіннасці	Разам
Ранейшыя гады	48 992,03	20 693,19	69 685,22
За 1809 г.	129 218,95	55 472,17	184 691,12
Разам	178 210,98	76 165,36	254 376,34
Удзельная вага,%	70,1	29,9	100

Табліца 4

Дынаміка росту нядоімак дзяржаўных падаткаў па Віцебскай губерні за 1810 г. [1, ф. 1416, воп. 3, спр. 2579, л. 45, 47–48, 74–76, 78–79, 182–185, 228–231, 278–280, 331–334, 393, 371–377]

Тэрмін выканання	Агульная сума, руб.	Па гарадах	Па паветах
Да 01.01.	258 798,67	80 240,24 руб.	178 558,42 руб.
Да 01.03.	176 097,13	71 221,29 руб.	104 875,72 руб., у т. л. па Полацкім павеце 23 348,29 руб., Лепельскім павеце 38889,01 руб.

Тэрмін выканання	Агульная сума, руб.	Па гарадах	Па паветах
Да 01.05.	569 732,66	140 190,43 руб.	429 542,22 руб., у т. л. па Полацкім павеце 89 441,35 руб., Лепельскім павеце 79 749,22 руб.
Да 01.08.	401 865,37	401 865,37 руб.	
Да 01.10.	395 781,43	81 056,57 руб.	314 724,86 руб., у т. л. па Полацкім павеце 43 687,82 руб., Лепельскім павеце 77 360,36 руб.
Да 01.11.	861872,52	128 063,49 руб.	713 992,58 руб.
Да 01.12.	760 907,17	124 368,80 руб.	616 466,93 руб., у т. л. па Полацкім павеце 99 127,92 руб., Лепельскім павеце 118 246,92 руб.

Табліца 5

Дынаміка росту нядоімак дзяржаўных падаткаў і земскіх збораў па Віцебскай губерні ў 1804–1811 гг. [3; 2, л. 17–18, 45, 182, 228, 332–334, 371; 4; 5; 6]

Час	Сума нядоімак у асігнацыях
Да 1804 г.	70 210,58 руб., у т. л. за ранейшыя гады 4 642,53 руб. і акладу 1803 г. 65 568,05 руб.
Да 05.1804 г.	142 256,73 руб. (падаткі)
Да 1807 г.	132 206,87 руб., у т. л. нядоімкі дзяржаўных падаткаў да 1806 г. 10 265,58 руб., акладу 1806 г. 96 487,4 руб., на розных асобах 25 453,88 руб.
Да 05.1807 г.	244 022,79 руб., у т. л. за першую палову 1807 г. 194 071,54 руб. і ранейшы час 49 951,24 руб.; земскіх павіннасцей 80 418,75 руб., у т. л. за ранейшы час 40 530,5 руб. і акладу першай паловы 1807 г. 39 888,25 руб.
Да 01.01.1809 г.	222 061,43 руб.
За 1809 г.	254 376,34 руб., асабліва Полацкі і Лепельскі паветы
Да 01.01.1810 г.	258 798,67 руб.
Да 01.05.1810 г.	569 732,66 руб., у т. л. за першую палову года 490 971,34 руб.
Да 06.09.1810 г.	401 865,37 руб.
Да 01.11.1810 г.	861 822,52 руб., у т. л. па паветах 533 168,75 руб.
Да 01.12.1811 г.	760 907,17 руб.

Такім чынам, з вышэйпададзенага матэрыялу вынікае наступнае: прыкладна 3/4 недабораў агульнай сумы як дзяржаўных падаткаў, так і грашовых збораў на земскія павіннасці Віцебскай губерні прыпадала на долю шасці беларускіх паветаў – як па гарадах, так і па паветах. Сярод усіх паветаў Віцебскай губерні найбольшыя сумы нядоімак дзяржаўных падаткаў і мясцовых збораў былі зарэгістраваны па Полацкім і Лепельскім. У структуры запазычанасцей пераважалі нястачы грашовых сум дзяржаўных акладных падаткаў як за ранейшыя гады, так і бягучых акладаў, збораў на земскія

павіннасці (да 40%) і такі від неакладных падаткаў, як спагнанне рэкруцкіх складачных грошай (14%). Па відах нядоімак 70% збораў прыходзілася на агульнадзяржаўныя падаткі і 30% – на грашовыя земскія павіннасці. На працягу года рост агульнай сумы нядоімак дзяржаўных падаткаў заўважаўся бліжэй да мая і лістапада – снежня. Гэтае накапленне было абумоўлена як асаблівасцямі сельскагаспадарчых сезонных цыклаў, так і заканадаўча акрэсленымі тэрмінамі спагнання падаткаў і збораў. За першыя 10 год існавання Віцебскай губерні агульная сума нядоімак падаткаў і збораў павялічылася больш за 10 разоў. Асабліва імклівы рост недабораў падаткаў і збораў па Віцебскай губерні адбываўся з 1810 г. Гэта было абумоўлена як неўраджаямі мінулых гадоў, нестабільнасцю руху папяровых грошай (інфляцыйныя працэсы), так і складанымі сацыяльна-эканамічнымі ўмовамі падчас падрыхтоўкі Расійскай Імперыі да вайны з напалеонаўскай Францыяй (рэкруцкія наборы, рух вайсковых аддзелаў, праблема размяшчэння і забеспячэння расійскіх войскаў і інш.).

Палепшыць стан паступлення ў казну грашовых сум дзяржаўных падаткаў і земскіх збораў царскія ўлады намагаліся шляхам узмацнення прававой адказнасці падаткаплацельшчыкаў за вынікі паступленняў.

Імператарскі ўказ ад 20.07.1810 г. прадугледжваў «самодеятельнейшие меры» да хутчэйшага спагнання ўсіх нядоімак і недабораў пад пагрозай секвестру і пазбаўлення права валодання маёнткамі неплацельшчыкаў. Закон недвухсэнсава папярэджваў, што паліцмайстры і гараднічыя за несвоечасовасць узносу падатковых збораў «подвергнут себя строгому взысканию и предадутся суждению» [2, л. 187, 228, 229].

Маніфест ад 16.05.1811 г. (надрукаваны 19.05.1811 г.) дакладна рэгламентаваў умовы, правілы і тэрміны спагнання нядоімак, а таксама прадугледжваў адказнасць службовых асоб і меры пакарання за накапленне запазычанасцей. У ім пацвярджаліся ранейшыя тэрміны збораў (за першую палову года – з 1 студзеня да 1 сакавіка, другую палову – з 1 кастрычніка да 15 снежня), і палажэнні ўказаў ад 19.05.1769 г. і 18.07.1797 г. аб парадку спагнання падаткаў і збораў. Галоўная адказнасць па губерні за накапленне нядоімак ускладвалася на губернскае праўленне і асабліва на грамадзянскага губернатара, за подпісам якога ведамасці аб запазычанасцях паступалі ў Міністэрствы паліцыі і фінансаў. У выпадку непаступлення падаткаў на працягу двух тыдняў пасля вызначэння тэрміну нядоімка павінна была збірацца з улікам пені ў памеры па 1% штомесячна (за кожны месяц па 1 кап. з рубля). Павятовы казначэй у тыднёвы перыяд пасля заканчэння тэрміну мусіў даставіць у казённую палату і земскі павятовы суд ведамасць аб злосных неплацельшчыках. Земскі павятовы суд ад часу атрымання дакумента аб нядоімках на працягу трох дзён павінен быў накіраваць для іх спагнання аднаго ці двух засядацеляў. Канчатковы нагляд («попечение») і адказнасць за спагнанне казённых нядоімак ускладаліся на губернскае праўленне і грамадзянскага

губернатара. У сельскіх паселішчах сцвярджаўся прынцып кругавой парукі, паколькі за спраўныя плацяжы падаткаў і нядоімак несла адказнасць цэлае паселішча (вёска паводле ўказа ад 19.05.1769 г.) казённых ці памешчыцкіх сялян. У той жа час рэальна за выплату падаткаў нёс адказнасць уладальнік, паколькі маёнткі гаспадароў за нядоімкі паступалі ў апеку і вярталіся памешчыку неадкладна толькі пасля спагнання нядоімак падаткаў і збораў [7; 8; 9; 10].

ЛІТАРАТУРА

1. **Национальный** исторический архив Беларуси. – Фонд 1430. – Воп. 1. – Спр. 50127.

2. **Национальный** исторический архив Беларуси. – Фонд 1416. – Воп. 3. – Спр. 2579.

3. **Национальный** исторический архив Беларуси. – Фонд 1416. – Воп. 1. – Спр. 21. – Л. 217.

4. **Национальный** исторический архив Беларуси. – Фонд 1430. – Воп. 1. – Спр. 50111. – Л. 64, 85 (да 1804 г.).

5. **Национальный** исторический архив Беларуси. – Фонд 1430. – Воп. 1. – Спр. 50113. – Л. 214, 414–415.

6. **Национальный** исторический архив Беларуси. – Фонд 1430. – Воп. 1. – Спр. 5. – Л. 45, 62.

7. **Национальный** исторический архив Беларуси. – Фонд 333. – Воп. 25. – Спр. 20. – Л. 148–149.

8. **Национальный** исторический архив Беларуси. – Фонд 319. – Воп. 1. – Спр. 61. – Л. 275.

9. **Национальный** исторический архив Беларуси. – Фонд 636. – Воп. 1. – Спр. 63. – Л. 213–214.

10. **Национальный** исторический архив Беларуси. – Фонд 1781. – Воп. 26. – Спр. 30. – Л. 567 – 568 адв.

11. **Неупокоев, В. И.** Государственные повинности крестьян в России в середине XIX века / В. И. Неупокоев // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966 г. – Таллин, 1971. – Приложения.

12. **Об учреждении** губерний Малороссийских, Черноморской, Полтавской и Белорусских: Могилёвской и Витебской : сенатский указ 27.02.1802 г. по высочайше утвержденному докладу 28.01.1802 г. // Полное собрание законов Российской империи : собрание 1-е : с 1649 по 12 дек. 1825 г. : [в 45 т.]. – Санкт-Петербург : Тип. 2-го отд. Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. – Т. 27, № 20162. – С. 59–60.

13. **О мерах** взыскания недоимок с селений казённых и помещичьих : манифест 16.05.1811 г. // Полное собрание законов Российской империи : собрание 1-е : с 1649 по 12 дек. 1825 г. : [в 45 т.]. – Санкт-Петербург : Тип. 2-го отд. Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. – Т. 31, № 24633. – С. 649–651.

14. **Российский** государственный исторический архив. – Фонд 1409. – Оп. 1. – Д. 339.

Д. В. Жарын (Мінск)

ЛАГІСТЫЧНЫ АСПЕКТ ГАНЗЕЙСКАГА ГАНДЛЮ ПА ЗАХОДНЯЙ ДЗВІНЕ Ў XIII–XV стст.

Вядзенне гандлю ў сярэднія вякі было цесна звязана з наяўнасцю прыдатных сродкаў і шляхоў зносін. Ганза, якая ажыццяўляла свае гандлёвыя інтарэсы ў розных кутках тагачаснай Еўропы, імкнулася кантраляваць асноўныя шляхі зносін і не дапускаць на іх канкурэнтаў. За кароткі прамежак часу Ганза стварыла сістэму сваіх замежных гандлёвых пасяленняў-кантор, а таксама арганізавала даволі жыццяздольную сістэму лагістыкі гандлю. Ганзейскія купцы мелі канторы ў такіх гарадах, як Лондан, Бруге, Стакгольм, Берген, Вялікі Ноўгарад, Полацк, Коўна. Па розных падліках, да Ганзы адносілася ад 100 да 200 гарадоў, але толькі 70 з іх былі найбольш актыўнымі яе ўдзельнікамі [10, с. 105]. Унутры гэтых гарадоў склалася адпаведная лагістычная інфраструктура для абслугоўвання патрэб гандлю. Яны былі звязаны паміж сабой марскімі, рачнымі і сухапутнымі шляхамі зносін.

Для больш зручнага транспартавання тавараў у сярэднія вякі купцы карысталіся, у першую чаргу, воднымі шляхамі. Рэкі былі прыдатныя для перавозкі тавараў у той мясцовасці, дзе знаходзіліся непраходныя лясы і балоты, а мясцовы ландшафт перашкаджаў далейшаму прасоўванню купцоў па сушы. Лагістычнай асаблівасцю транспартавання тавараў па рэках з'яўлялася пэўная сезоннасць. Найбольшая актыўнасць купцоў назіралася ўвесну і ўвосень, калі рэкі рабіліся паўнаводнымі і прыдатнымі да навігацыі. Па рэках, што ўліваюцца ў Балтыйскае мора, такіх як Одэр, Вісла, Заходняя Дзвіна, Нёман, у IX–X стст. углыб кантынента пранікалі вікінгі. Тыя ж самыя рэкі пазней сталі воднымі гандлёвымі шляхамі Ганзы і Ордэна.

Адным з самых вядомых і папулярных шляхоў Ганзы ва Усходняй Еўропе з'яўляўся гандлёвы шлях па Заходняй Дзвіне. З канца XII – пачатку XIII ст. нямецкія купцы па рацэ Заходняя Дзвіна пачалі актыўна наведваць рынкі Полацкага і Смаленскага княстваў. Моцныя гандлёвыя інтарэсы Ганзы знайшлі сваё адлюстраванне ў канкрэтных дагаворах, спачатку з князямі Полацка, Віцебска і Смаленска, а пазней – з князямі Вялікага Княства Літоўскага. Першыя дагаворы былі заключаны ў 1210, 1212, 1223–1225, 1229 гг. Гэтыя пагадненні заклалі прававы падмурак для гандлёвай дзейнасці ганзейскіх купцоў у Падзвінні і Верхнім Падняпроўі. Самым падрабязным і грунтоўным з іх быў гандлёвы дагавор 1229 г. паміж Рыгай і Гоцкім берагам, з аднаго боку, і Смаленскам, Полацкам і Віцебскам – з другога. З пункту гледжання лагістыкі дагавор абвясціў свабоду суднаходства па Заходняй Дзвіне як уніз па рацэ – да Рыгі, так і ў адваротным кірунку – да Смаленска. Правам свабоднага руху па Заходняй Дзвіне маглі карыстацца як нямецкія купцы, так і купцы з Полацка, Віцебска і Смаленска. Дагавор рэгуляваў так-

сама правілы праезду волака паміж Заходняй Дзвіной і Дняпром, пры гэтым немцы павінны былі тут атрымліваць сухапутны транспарт, так званыя «колы», для транспартавання сваіх тавараў у Смаленск. Гандлёвыя зносіны дэкларавалася будаваць на прынцыпах узаемнасці і свабоды ад спагнання мыта: «Всякому латинескомоу члвкоу свободенъ путе из гочкого берега до смольнеска без мыта тая правда есть роуси изъ смольнеска до гочкого берега» [6, с. 23–24].

Пасля далучэння Полацка і Віцебска да Вялікага Княства Літоўскага ганзейскі гандаль там перайшоў пад патранаж уладароў новай дзяржавы. З XIV ст. Ганза мела ў Полацку кантору, праз якую была арганізавана дзейнасць яе купцоў. Праз Ганзу ў Полацк, Віцебск і іншыя землі Вялікага Княства Літоўскага траплялі рамесныя вырабы з жалеза, будаўнічыя матэрыялы, тканіны, віно, піва, селядцы, соль, заморскія спецыі і паўднёвыя фрукты. У Рыгу з беларускіх зямель Вялікага Княства Літоўскага вывозіліся воск, мёд, футра, скуры жывёл, попел, драўніну, сала, а ў XV ст. – каноплі і лён.

Водны шлях па Заходняй Дзвіне быў настолькі запатрабаваным, і гандаль па ім прыносіў ганзейскім купцам такія добрыя прыбыткі, што кіраўніцтва Рыгі зрабіла шэраг заходаў па паляпшэнні яго інфраструктуры. Як вядома з ліста Рыжскага магістрата да горада Любека, дасланага туды ў чэрвені 1297 г., Рыга вырашыла пабудаваць штучнае ўмацаванне на правым беразе ракі Заходняя Дзвіна для аховы горада ад ільду, а таксама супраць размыцця берага пад вадой [11, с. 64]. Гэты факт сведчыў пра імкненне Рыгі не толькі абараніць горад ад паводкі і ледаходу, але і ўмацаваць падводную частку берага, што садзейнічала б захаванню неабходнай для навігацыі глыбіні фарватэра Заходняй Дзвіны. Гэта было зроблена для таго, каб ганзейскія караблі – коггі – маглі заплываць у рыжскі порт, нягледзячы на свае вялікія памеры і адносна нізкую пасадку.

Для патрэб гандлю па Заходняй Дзвіне была наладжана належная лагістычная інфраструктура. Так, у Рызе быў створаны марскі порт з прыстанню для караблёў. Пры гэтым у горадзе мелася не толькі прыстань, прыстасаваная для абслугоўвання ўласна марскіх караблёў Ганзы, але і прыстань для рачных суднаў (стругаў) з Полацка. У Рызе прыстанішчам для стругаў з'яўляўся Рызінгаў ручай [5, с. 282]. Гэта акалічнасць дазваляла спалучаць у адным месцы рачны і марскі гандаль. У Рызе сфарміраваліся таксама іншыя неабходныя для вядзення гандлю элементы лагістычнай інфраструктуры: рынкавыя плошчы, склады-амбары, прыстасаванні для разгрузкі-пагрузкі, швартоўныя масткі, карабельныя докі і г. д. Цікава і тое, што ў Рызе быў пабудаваны вінны склеп, звесткі пра які сустракаюцца ў дакументах 1293 г. [7, с. 74]. Ён таксама з'яўляўся адным з важных элементаў гандлёвай інфраструктуры. У сярэднія вякі ў такіх скляпеннях не толькі захоўваліся бочкі з віном, але і збіраліся ганзейскія купцы, каб адзначыць святы, абмеркаваць справы ці заключыць гандлёвыя пагадненні.

У купцоў з Полацка і Віцебска ў Рызе былі свае месцы збору, і адно з іх – царква святога Мікалая. «Кроме этих русских – постоянных жителей Риги, там была значительная колония временно приезжих русских, состоявших из купцов, кормчих, носильщиков и т. п. В Риге был даже так называемый Русский конец, где были дома и лавки русских, а в предместье Риги – русская деревня. Большинство из этих поселенцев были из Полоцка и вообще из придвинских областей. С появлением в Риге Русского конца появилась там и православная церковь во имя св. Николая» [5, с. 279]. Відавочна, што ў Рызе і вакол яе знаходзілася шмат купцоў і абслуговага персаналу з Падзвіння. Без гэтага «людскога капіталу» немагчыма было ўявіць жыццяздольную сістэму лагістыкі гандлю па Заходняй Дзвіне.

Можна сцвярджаць, што адначасова з працэсам фарміравання лагістычнай інфраструктуры развіваўся і рынак працоўнай сілы па забеспячэнні гандлю. Прадстаўнікамі прафесій, якія тым ці іншым чынам былі звязаны з абслугоўваннем патрэб гандлю, з'яўляліся карабельшчыкі, лоцманы, кормнікі. Транспартныя сродкі адыгрывалі значную ролю ў ажыццяўленні гандлю, таму прафесія карабельшчыка ў сярэднія вякі з'яўлялася вельмі неабходнай. Ганза пільна сачыла за тым, каб яе купцы не адчувалі недахопу ў марскіх караблях. З мэтай захавання манаполіі на марскія грузаперавозкі Ганза нават забараняла сваім майстрам будаваць караблі для неганзейскіх гарадоў [3, с. 332].

Аднак кантроль Ганзы на моры мала распаўсюджваўся на рачныя шляхі. На ўнутраных рачных шляхах галоўнымі асобамі з'яўляліся жыхары Вялікага Княства Літоўскага, якія цалкам трымалі рачное суднабудаўніцтва і абслугоўванне гэтых шляхоў пад кантролем. Ганзейскія купцы не мелі сваіх суднаў, якія б былі прыстасаваны для эксплуатацыі ў рачных умовах, таму павінны былі наймаць іх у мясцовых жыхароў. З павелічэннем аб'ёму тавараў, якія перавозіліся, узрастаў попыт на рачныя судны, што, у сваю чаргу, выклікала хуткае развіццё ўласнага суднабудаўніцтва ў Вялікім Княстве Літоўскім. Дакладна вядома, што ў Полацку меліся карабельшчыкі, якія забяспечвалі патрэбы міжнароднага гандлю. Полацкія гараджане будавалі судны, вялі рачны сплаў. Яны абслугоўвалі полацкіх, іншагародніх і нават іншаземных купцоў [1, с. 17].

Рачное суднаходства ў сярэднія вякі было асабліва небяспечным заняткам, таму ганзейскія купцы наймалі мясцовых жыхароў для транспартавання сваіх тавараў па рэках. Пры гэтым існавала рызыка рознага роду – ад рабавання тавараў разбойнікамі да разбіцця судна на рачных парогах. Лоцманы з Віцебска і Полацка ведалі, дзе знаходзяцца рачныя мелі, парогі і быстрыні на водным шляху па Заходняй Дзвіне, але з кожнай вясновай паводкай у ваду траплялі дрэвы, рабіліся наносы пяску, камення, змяняўся фарватар ракі. Трэба было вызначацца пэўнай дасведчанасцю, каб пры такіх умовах у бяспецы праводзіць судны з таварамі. Але караблекрушэнні ўсё ж

такі здараліся. З крыніц вядома, што ў 1458 г. на Заходняй Дзвіне пацярпеў крушэнне струг, які быў нагружаны соллю і ішоў ад Рыгі да Полацка: «Ганусовъ стругъ стопленъ и солью, шестьнадцать меховъ было соли у струзе. Какъ исъ Риги шли к Полоцку, такъ тотъ стругъ стопленъ у Больванцехъ» [9, s. 565, № 718]. Мясцовыя жыхары, што рыбачылі на рацэ ў той дзень, бачылі, як струг пайшоў пад ваду. Тады Полацк прапанаваў рыжскім ратманам і нямецкаму купцу Ганусу, якому належыў тавар, спытаць рыбакоў, якім чынам здарылася гэта караблекрушэнне і хто вінаваты.

Нягледзячы на такія надзвычайныя сітуацыі, гандаль па Заходняй Дзвіне развіваўся даволі дынамічна, а ганзейскія купцы і надалей фрахтавалі рачныя судны ў палачан. Пацвярджэнне гэтаму можна знайсці ў звароце Рыжскага магістрата да полацкага ваяводы Алехны Судзімонтавіча ў 1466 г. У гэтым звароце немцы паведамлялі, што «нашыя купцы, аднак, зафрахтавалі некаторыя стругі, і далі за гэта кормнікам частку грошаў» [4, с. 204, № CCLI]. Такім чынам, гандлёвы шлях па Заходняй Дзвіне абслугоўвалі мясцовыя жыхары, а ганзейскія купцы карысталіся іх паслугамі.

Гандаль па Заходняй Дзвіне быў звязаны таксама з іншымі рызыкамі, якія мелі месца ў сярэднія вякі. Так, гандляванню перашкаджалі хваробы абслуговага персаналу, купцоў і ўвогуле жыхароў з гандлёвых гарадоў Рыгі, Полацка і Віцебска. У Полацку ў 1465 г. з'явілася эпідэмія нейкай заразнай хваробы, якую з Рыгі прынеслі полацкія «кормники и тяглеци», гэта значыць персанал, які абслугоўваў гандлёвы шлях па Заходняй Дзвіне. Гэта эпідэмія, відавочна, перапыніла гандлёвыя зносіны ганзейскіх і полацкіх купцоў. Таму, калі эпідэмія хваробы прайшла, палачане як мага хутчэй паведамілі аб гэтым у Рыгу з мэтаю ўзнавіць гандаль: «А такожь здесь появилося было поветрие на люди, на тыхъ, которыи у васъ у Ризе были кормники и тяглеци, ино иныи на дорозе померли, а иныи, которыи у городъ пришли, ино и на тыхъ было. А ныне уже, дал Богъ, тое поветрие унялося отъ Божья нароженья, и до сихъ местъ у насъ того нетъ; Богъ помиловалъ. Про тожь, што бы ваша милость нашихъ Полочанъ к собе пускали, быхмо промежь себе торговали, как прежь было и суседьство и приязнь мели» [4, с. 203, № CCXLIX].

Многія тавары (мёд, віно, піва, соль, селядцы), якімі гандлявалі Ганза і Вялікае Княства Літоўскае, транспартаваліся ў бочках. Таму без прафесіі бондараў было немагчыма добрае функцыянаванне тагачаснай сістэмы гандлю. Сярэдневяковыя рынкавыя плошчы і порты таксама нельга было ўявіць без падсобных рабочых і грузчыкаў, якія ўпакоўвалі, пераносілі, грузілі і разгружалі тавары. Так, «немецкіе товары въ Полоцке выгружались на берегъ русскими носильщиками и складывались или по дворамъ, или въ церкви» [5, с. 282].

Відавочна, што ў гарадах, якія пралеглі на гандлёвым шляху па Заходняй Дзвіне, склалася адпаведная лагістычная інфраструктура. Там меліся рынкавыя плошчы, гандлёвыя лаўкі, клеці. У Полацку, магчыма, у месцы

ўпадзення ў Заходнюю Дзвіну ракі Палаты, была прыстань для стругаў з ганзейскімі таварамі. У XV ст. ганзейскія купцы ў Полацку валодалі ўласнай царквой, якая з'яўлялася важнай часткай гандлёвай інфраструктуры. У гэтай царкве немцы збіраліся не толькі для малітваў, але захоўвалі прывезеныя ці набытыя ў палачан тавары. Дазвол на будаўніцтва нямецкай царквы ў 1406 г. даў вялікі князь Вітаўт: «Даем зямлю ці кавалак нашай зямлі ў нашым доме Полацку ў Русі, такой даўжыні і велічыні, як тое па нашаму загаду пазначыў сваёй рукою наш маршалак Чупурна, агульнаму нямецкаму купецтву, каб яны маглі пабудаваць там мураваную ці драўляную хрысціянскую царкву» [2, с. 98, № 36].

Вялікая ўвага надавалася ўзважванню тавараў. У гарадах меліся спецыяльныя асобы, якія займаліся гэтай справай, і за гэту паслугу ім трэба было плаціць. Гэтыя людзі давалі клятву, цалавалі крыж і запэўнівалі, што будуць узважваць бакам, якія гандлявалі, добра, без падману. Эталоны мер вагі і вымярэння тавараў звычайна захоўваліся ў царкве, а пазней – у ратушы. Былі і некаторыя адрозненні ў сістэмах вымярэння: напрыклад, вагі для срэбра ў Рызе павінны былі быць на паўзалатніка цяжэй, чым у Полацку [8, с. 288, № 415]. Ужо ў першай палове XIV ст. у гандлі па Заходняй Дзвіне існавалі дакладныя правілы ўзважвання розных тавараў. Гэтыя правілы тычыліся ўзважвання ў Полацку і Рызе такіх тавараў, як воск, соль, хмель і інш. [2, с. 39, № 4].

Неад'емнай часткай лагістыкі таксама з'яўлялася інфармацыйнае забеспячэнне гандлёвых працэсаў. У сярэднія вякі абмен інфармацыяй праходзіў даволі марудна. Звязана гэта было з тым, што транспартныя сродкі, такія як караблі і колавыя павозкі, альбо ўзімку – сані, не дазвалялі купцам рухацца хутчэй. Такім чынам, хуткасць перадачы інфармацыі была наўпрост звязана з магчымасцямі транспарту. Калі хацелі перадаць асабліва важную інфармацыю па гандлёвых справах, з ёй звычайна пасылалі паўнамоцных прадстаўнікоў горада. Перадача інфармацыі ажыццяўлялася як у вусным, так і ў пісьмовым выглядзе. Вельмі важным аспектам было тое, што вуснаму слову надавалася вялікая вага. Напрыклад, каля 1450 г. полацкія баяры і месцічы накіравалі сваіх паслоў у Рыгу. Пры гэтым паслам было дадзена пісьмовае пацвярджэнне іх статусу, а таксама зварот да Рыжскага магістрата з прапановаю верыць іх інфармацыі: «Послали есмо до вашеи милости братью свою Митка Троуфановича а Павла Медведя а иныхъ с ними. И што боудутъ вашеи милости говорити наша братья, и вы бы имъ верили» [9, s. 64, № 85]. Паездкі паслоў, заключэнне дагавораў, наданне прывілеяў, перапіска – усё гэта таксама з'яўлялася часткай лагістычнага забеспячэння і павінна было садзейнічаць гандлю.

Дабрабыт не толькі гарадоў Ганзейскага саюза, але і многіх падзвінскіх гарадоў залежыў ад гандлю. Наяўнасць воднага шляху па Заходняй Дзвіне спрыяла развіццю гандлёвых зносін Ганзы з Полацкім і Смаленскім

княствамі, а потым і з Вялікім Княствам Літоўскім. Пытанні лагістыкі пры гэтым адыгрывалі значную ролю. Выраб тавараў, іх складаванне, захоўванне, набыццё і продаж, транспартаванне па Заходняй Дзвіне патрабавалі стварэння жыццяздольнай сістэмы лагістыкі. Відавочна, што падобную сістэму стваралі абодва бакі, якія ажыццяўлялі гандаль. Элементамі такой сістэмы ў гарадах з'яўляліся рынкавыя плошчы, прыстані для караблёў, разгрузачна-пагрузачныя прыстасаванні, гандлёвыя лаўкі, склады для тавараў і г. д. Сістэма лагістыкі падтрымлівалася суднаходствам і наяўнасцю абслуговага персаналу. Гарады беларускага Падзвіння праз ганзейскі гандаль былі моцна ўцягнуты ў міжнародныя гандлёвыя і эканамічныя працэсы таго часу.

ЛІТАРАТУРА

1. **Полоцк** : ист. очерк / АН БССР, Ин-т истории. – Минск : Изд-во АН БССР, 1962. – 282 с.

2. **Полоцкие** грамоты XIII – нач. XVI вв. / сост. А. Л. Хорошкевич. – Москва, 1977. – Вып. 1.

3. **Полянский, Ф. Я.** Экономическая история зарубежных стран : эпоха феодализма / Ф. Я. Полянский. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1954. – 506 с.

4. **Русско-Ливонские** акты = Russisch-Livländische Urkunden / собр. К. Е. Напьерским. – Санкт-Петербург : Тип. Императорской АН, 1868. – 462 с.

5. **Сапунов, А. П.** Река Западная Двина / А. П. Сапунов. – Витебск : Типолитография Г. А. Малкина, 1893. – 640 с.

6. **Смоленские** грамоты XIII–XIV веков. – Москва, 1963. – 139 с.

7. **Цауне, А. В.** Рига под Ригой / А. В. Цауне. – Рига : Зинатне, 1989.

8. **Liv-**, Est- und Kurländisches Urkundenbuch. Abteilung 1, Bd. 11, 1450–1459 / hrsg. von Philipp Schwartz. – Riga ; Moskau : Deubner, 1905. – 576 s.

9. **Liv-**, Esth- und Curländisches Urkundenbuch. Bd. 9, 1436–1443 / hrsg. von Friedrich Georg von Bunge, Hermann Hildebrand. – Riga ; Moskau : Deubner, 1889. – 722 s.

10. **Neukirchen, H.** Seefahrt gestern und heute / H. Neukirchen. – Berlin, 1972.

11. **Riga** und seine Bauten. – Riga, 1903. – 458 s.

Н. М. Зуева (Віцебск)

ВОБРАЗ ДЗІВАКА Ў ТВОРЧАЙ СПАДЧЫНЕ ЛУКАША КАЛЮГІ І ВАСІЛЯ ШУКШЫНА

Лукаш Калюга і Васіль Шукшын пісалі ў розныя часы, але іх творы ў многім падобныя, у прыватнасці па светапоглядных ацэнках аўтараў. Яны ўвялі ў літаратуру свайго героя, выпрацавалі новы літаратурны стыль, у якім дынамічны сюжэт спалучаецца з філасофскімі разважаннямі, лірычныя інтанацыі – з камічнымі. Уласцівым для іх прозы з'яўляецца псіхалагізм, які

лічыўся дапушчальным толькі ў «доўгай» прозе, – рамане. Празаікі развівалі такія жанры малой прозы, як рэалістычнае апавяданне з элементамі камізму і сказ. Пры гэтым іх творы «перарастаюць» рамкі жанру, кожны з іх становіцца эпічным адзінствам, своеасаблівым раманам пра гістарычны лёс краіны, пра пачатак канца вёскі. Эфект непасрэднага сведчання ў творах гэтых празаікаў дасягаецца штодзённасцю сітуацый, няхітрасцю апавядання, наданнем персанажам імёнаў і прозвішчаў рэальных людзей, апісаннем фактаў з уласнага жыцця і жыцця сваіх землякоў.

Эпічны талент гэтых двух унікальных па сваёй мастацкай прыродзе пісьменнікаў праяўляецца не толькі ў далучэнні чытачоў да малой формы, але і ў імкненні паказаць, як у грамадстве нішчыцца тое, што было напрацавана стагоддзямі нашымі продкамі. Празаікаў хвалявала трагічнае пытанне раз'яднання чалавечых душ. Таленавітасць гэтых аўтараў адлюстравалася ў тым, што яны імкнуліся паказаць не толькі трагедыю хуткага змянення рэчаіснасці, непазбежную пагрозу запусцення вёскі, але галоўнае, што іх хвалявала, – знішчэнне чалавечых душ («Паклёп», «Чужыя», «Крыўда», «Да трэціх пеўняў»» Васіля Шукшына; «Цеснаватая куртачка», «Ні госць ні гаспадар», «Іллюк-даследчык», «Тахвілін швагер» Лукаша Калюгі).

Героі абодвух аўтараў шукаюць дабро і справядлівасць не ў мужчынскім пачатку, разумным, рацыянальным і культурным, а ў жаночым, псіхалагічным, ірацыянальным і антыкультурным. Усё гэта з'яўляецца формай падачы праўды, якая нясе ў сабе дабро і справядлівасць. Можна заўважыць, што разумная гарадская культура (культура розуму) супрацьстаіць жыццю душы – натуральнаму, самадастатковаму. Мастацкія пошукі нацыянальнай унікальнасці прывялі Лукаша Калюгу і Васіля Шукшына да стварэння вобраза-тыпа, якому пісьменнікі не даюць дэталізаванага партрэта, а змяшчаюць толькі лаканічныя характарыстыкі-эпітэты: «непрыбытковы» Лук'ян («Лук'ян – капераціўскі сабака»), «валачашчай натуры» Трахім («Трахім з Пагулянкі»), «нікчэмны», «шалахвост» («Іллюк – даследчык»). Вельмі часта ў творах назва ўжо з'яўляецца ацэнкай персанажа «Трахім – штучны чалавек» у Лукаша Калюгі і ў Васіля Шукшына – «чалавек-здарэнне» («Дзівак»), «забулдыга, але добры столяр» («Майстар»), «вясковы каваль, удзельнік драмгуртка» («Артыст Фёдар Грай»), «рызыкоўны шалапут» («Гена Прайдзісвет»), «грубіян, якому ўсё «да фені» («Сураз») і інш. Гэтыя характарыстыкі ствараюць уражанне непрацавітасці, гультайства дзівака, перадаюць яго пасіўна-прыгнечанае стаўленне да навакольнай рэчаіснасці. Такія адносіны героя да быцця – засцерагальная функцыя самазахавання ў пераломны час. Гультайства дзівака абумоўлена бессэнсоўнай, душэўна спусташальнай фізічнай працай. Вонкава пасіўны персанаж мае своеасаблівую маску, за якой схавана жаданне змяніць жыццё.

Для пісьменнікаў было вельмі важным канчатковае разуменне сучаснасці, грамадска-палітычнага становішча. Праз адзінкавы вобраз

чалавека-ўнікума празаікі абмалёўваюць рысы нацыянальнага характару і праз нечаканыя здарэнні паказваюць змяненні не толькі ў грамадскім жыцці, але і ў чалавечай душы. Родная зямля, аднавяскоўцы, сям'я для гэтых аўтараў заўжды з'яўляліся адной з галоўных тэм. Лукаш Калюга і Васіль Шукшын паўстаюць перад чытачамі як прадстаўнікі вёскі. Беларускі аўтар выступае як мастацкі летапісец дарэвалюцыйнага сялянскага жыцця, што адлюстравана ў аповесцях «Нядоля Заблоцкіх», «Ні госць ні гаспадар», гумарыстычных апавяданнях-сказах «Трахім – штучны чалавек», «Іллюк-даследчык», «Тахвілін швагер».

У аповесці Лукаша Калюгі «Ні госць ні гаспадар» дзіваком выступае юнак-камсамолец Хвядос Чвардоўскі, які едзе працаваць на родную зямлю хлебаробам. Між тым аднакласнікі яго нават і не думаюць заставацца ў роднай вёсцы, лічаць, што вёска цёмная, таму і ідуць «хто – у настаўнікі, хто – у каморнікі, меліяратары… Адзін ён – гаспадар («мужык» даўней бы сказалі). Троха крыўдна (ці ён горшы за ўсіх?)» [1, с. 36]. Хвядос задаецца пытаннямі: «А хто зямлю капаць будзе? Хто вам астанецца хлеб рабіць?» Асноўны лейтматыў аповесці – любіць зямлю і быць сапраўдным гаспадаром. Тэматыкай, пафасам часу да гэтай аповесці цесна прымыкае апавяданне «Цеснаватая куртачка», дзе роль дзівака іграе Адась Банькоўчык, вязавіцкі каваль. Яго таксама лічаць не такім, як усе. Галоўныя героі – Адась Банькоўчык і Волька Лысаковічаўна разыходзяцца ў сваіх памкненнях да новага сучаснага жыцця. Волька выбрала горад, навуку, яна адарвалася ад зямлі, родных каранёў, а Банькоўчык – не. Прычына такой палярнасці ў характарах герояў: Лысаковічаўна – дзяўчына энергічная, смелая, актывістка-камсамолка, а Адась хлопец непаваротлівы, цельпукаваты, нерашучы. Герою бачыцца святло зары – сэнсавы падтэкст гэтай дэталі: нібы мара Адася пра горад, вучобу і працу ў ім, сімвал яго новага, гарадскога жыцця. Разам з Адасёвым смуткам улоўліваецца тут і аўтарскі смутак аб тым, што перацягвае горад у свае абдымкі пісьменных і разумных вясковых жыхароў. Апавядальны тон гэтага твора хаваецца ў катэгарычным адмаўленні і непрыманні перад новай явай усяго старога ў жыцці. Свядомасць дзівака сінтэтычная, на мяжы гарадскога і вясковага светаў, што прадстаўляе сабой ідэйна-вобразную апазіцыю «горад – вёска». Ён сінтэтычны і ў плане культурным – паміж культурай і натурай, паміж «залатым словам» і нямым роевым жыццём. Герой вылучыўся сярод сваіх, але ніколі не стане сваім сярод чужых, гарадскіх. З невялікай тэмы маленькага героя і характару нараджаецца вялікая і духоўная праблема. Магістральны тып дзівака прадстаўлены ў шматлікіх мадыфікацыях. У аднайменным апавяданні Васіля Шукшына «Дзівак» усё працуе на антытэзу, на супрацьстаянне. «Эпізоды» адной паездкі (з вёскі ў горад), сканцэнтраваныя па прынцыпе «апавяданне ў апавяданні», не захапляюць чытача сюжэтнай інтрыгай. Усе прадстаўленыя эпізоды чытаюцца як знакі фатальнага, якія адчуваюцца героем супрацьстаяннем, разбуральнай пагрозай све-

ту. Тут закладзена экзістэнцыяльная ідэя. Галоўны герой апавядання Васіль Князеў усё робіць ненаўмысна, спасцігае душой. Ён «паважае» гарадскіх людзей і адначасова пабойваецца асобных прадстаўнікоў прасунутай культуры – «хуліганаў і прадаўцоў». Так, выпадак у краме паказвае Дзівака ў сітуацыі стыхійнага апанавання натоўпу, які ў горадзе набыў форму «чаргі», герой павёў сябе відавочна не як усе. Дзівак не ўмее паводзіць сябе прагматычна, адэкватна ў сітуацыі, ён не ставіць грошы вышэй сумлення. Яго завуць дзіўным, не такім, як усе, бо дзівак чужы ўсеагульным няпісаным правілам, чужы сярод сваіх. Дзівака трывожыць: чаму людзі сталі злымі? У героя з'яўляецца комплекс непаўнавартаснасці. Васіль Князёў уяўляе сабой арганічны працяг прыроды, ён, у адрозненне ад героя сатыры не скалечаны культурай і ў якасці няхітрага і шчырага сына Зямлі супрацьстаіць абязлічанай гарадской культуры, што нішчыць усё жывое. Класічны сюжэт, у адпаведнасці з якім сцвярджаецца, што свядомасць, ядро культуры не робяць чалавека лепшым, а, насупраць, чалавек, які адарваўся ад глебы, становіцца абыякавым да ўсяго натуральнага.

Цыкл камічных апавяданняў Лукаша Калюгі бачыцца своеасаблівым уступам да «Нядолі Заблоцкіх». У апавяданнях пераважна тыя, што і ў аповесці, персанажы, тая ж вёска Баркаўцы. У творы «Тахвілін швагер» распавядаецца пра Юстапа, калі ён яшчэ «не прадаў чорту душу» і быў бедняком-гаротнікам. У яго была адзіная мара – выбіцца ў «багатыры», няхай нават і з дапамогай чорта. Тут можна правесці паралель з казкай Васіля Шукшына «Да трэціх пеўняў», у якой сінтэзуюцца разважанні аўтара пра маральна-сацыяльныя традыцыі рускага сялянства, пра тое, хто ж ён такі, гэты «загадкавы» «вясковы чалавек», які нязменна спараджаў вакол сябе самыя сур'ёзныя і самыя разнастайныя спрэчкі, адкуль ён прыйшоў і куды ідзе? Гэтыя пытанні гучаць ужо ў зачыне казкі, у якім вядомыя ўсім персанажы класічнай рускай літаратуры заводзяць паміж сабой спрэчку пра тое, ці годны Іван-дурань знаходзіцца ў іх грамадстве. Тое ж мы назіраем і ў творах Лукаша Калюгі. Так, напрыклад, у апавяданні «Іллюк-даследчык» расказваецца пра Іллюка-прымака, які пакутаваў ад сваёй жонкі Альжы. Галоўны герой крыўдаваў на жонку з-за яе сварлівасці, яму было сорамна перад людзьмі, таму і хацеў паказаць Іллюк усім, як жыве чалавек у такіх невыносных абставінах. Іллюк – дзівак, таму што ўвесь час прыдумляе нейкія рэчы, каб вяскоўцы яго падтрымалі і пашкадавалі. У баркаўчан жа гэта выклікае зусім іншую рэакцыю – смех. Адной з галоўных асаблівасцей дзівакоў Васіля Шукшына з'яўляецца тое, што яны прагнуць справядлівасці, праўды. У пісьменніка ёсць апавяданне падобнай тэматыкі пад назвай «Крыўда». Толькі ў гэтым творы сітуацыя адваротная. Галоўнага героя, Сашку Ермалаева, пакрыўдзілі. Дзівак Сашка Ермалаеў, чалавек уразлівы, эмацыянальны. І толькі жонка выступае добрай дарадцай, яна суцяшае мужа. Адна яна спачувае, ведаючы справядлівы і ў той жа момант ранімы характар мужа.

Сашка высакародны і добры дзівак і нярэдка выпрабоўвае пачуццё страху. Галоўнае, дзівак гатовы глядзець у твар небяспецы, каб дамагчыся вышэйшай праўды. Нешта падобнае мы бачым і ў Калюгавым Іллюку, хаця той шукае праўду і спагаду ў грамадстве, якое толькі кпіць з яго. Вядома, дзівак – постаць камічная, аднак тут мае месца і драматызм, што ператварае героя ў персанаж трагікамічны.

Такім чынам, дзівакі Васіля Шукшына і Лукаша Калюгі далёка не ідэальныя постаці, не святло ў акне, не адказы на выклік лёсу. Гэта амаль поўнасцю адрынутыя чыстыя душы, у супастаўленні з якімі становіцца добра прыкметнай пачварнасць «гарадскіх», так званых цывілізаваных адносін, бо рацыянальная культура робіць душы дробнымі. Абодва пісьменнікі закранулі галоўнае пытанне – бяздумны наступ цывілізацыі на прыроду чалавека.

ЛІТАРАТУРА

1. **Калюга, Л.** Творы : раман, аповесці, апавяданні, лісты / Л. Калюга. – Мінск : Маст. літ., 1992. – 607 с.

2. **Шукшин, В. М.** Рассказы. Повести / В. М. Шукшин. – Москва : Дрофа, 2003. – 464 с. – (Библиотека отечественной классической художественной литературы).

Т. П. Иванова (Витебск)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ ПО ОРГАНИЗАЦИИ БЫТА ГОРОЖАН В НАЧАЛЕ 1920-х гг.

В настоящее время история повседневной жизни начинает привлекать внимание не только этнографов, но и исследователей историко-культурных проблем города и краеведов. Для исследователей городской жизни отличительной чертой становится усиление социально-культурной составляющей. Общественно-культурная среда города, формировавшая образовательный общественный строй, во многом определяет повседневную жизнь горожан. Наблюдается стремление изучать социальные проблемы города на микроуровне с использованием местных материалов, что способствует корректировке некоторых слишком обобщенных схем и выводов, встречающихся в ряде исследований.

Повседневность можно рассматривать как реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного жизненного мира. Вместе с тем, повседневность позволяет реконструировать не только ментальность жителей определенного региона, но и макроклимат событийной истории в целом. Зародившись в середине XIX в.,

история повседневности как самостоятельная отрасль исторического знания сложилась в середине 1960-х гг. В настоящее время можно говорить о формировании отдельных направлений в изучении повседневности.

Говоря о культуре быта 1920-х гг., прежде всего, следует обратить внимание на то, что в данный период в Советской России произошли значительные изменения. Материальные возможности людей перестали быть существенным барьером между ними. Приобщение к культуре, в том числе и культуре быта, перестало зависеть от социально-профессионального статуса людей. На смену сословности был введен строго классовый принцип распределения материальных и духовных ценностей. Вместе с тем, Советская власть поддерживала сотрудничавшую с ней интеллигенцию. Построение социалистического быта предусматривало ликвидацию неграмотности, социальной системы народного образования и просвещения, формирование новой интеллигенции, перестройку быта.

В начале 1920-х годов, несмотря на сложную политическую ситуацию, губернские и городские органы управления решали вопросы по обеспечению деятельности коммунальных служб городов, их благоустройству, поддержанию и совершенствованию бытовых условий жизни горожан.

По переписи 1920 г. в Витебске проживало 161 827 человек, в губернии – 1 423 012 человек; действовал определенный порядок выдачи паспортов и временных свидетельств на жительство, их выдача возлагалась на управления милиции [1]. Перенаселенность Витебска и уездных городов губернии привела к созданию критического положения с жильем. Жилищный кризис усугублялся тем, что в период Первой мировой, Гражданской и Советско-польской войн в прифронтовом Витебске новые здания не возводились, а отсутствие благоприятных условий и материальных возможностей сокращало до минимума ремонт и вело к уменьшению жилой площади.

С переходом к мирному строительству губернскими властями был поднят вопрос о необходимости ремонта городских и специализированных зданий. 28 марта 1921 г. президиум Витебского губернского исполкома постановил: приступить к плановому ремонту жилищ, в первую очередь произвести ремонт квартир рабочих, учредить плановую комиссию. Комиссию возглавлял председатель губернского совета народного хозяйства С. А. Хасман. Работа комиссии была завершена к 20 апреля, ею были собраны сведения о помещениях, подлежащих ремонту, и определена очередность ремонта. Местным органам управления приходилось решать вопросы, связанные с недостаточностью строительных материалов, рабочей силы и денежных средств [2].

В марте – апреле 1922 г. вместо Витебского комитета государственных сооружений при губернском особом экономическом совещании было создано управление Витебского губернского архитектора. Управление занималось выработкой и установлением технических норм проектирования и расчета возводимых построек, строительных смет, правил санитарной техники

и пожарной безопасности; рассмотрением и утверждением всех представляемых проектов, смет; выдачей разрешений на производство строительных работ; сбором сведений о ценах на строительные материалы; рассмотрением и утверждением проектных планов городов; наблюдением за сохранением памятников старины; разработкой предложений по совершенствованию и благоустройству городских поселений.

Кроме имеющегося жилого фонда, решить проблему жилья в губернском центре помогали функционировавшие гостиницы «Бристоль», «Англия», «Купеческие номера», «Балтийские номера» и др. [3].

Здания губернского Витебска отапливали обычным печным способом. Дрова стоили 4–5 тыс. руб. за 1 куб. сажень. Трубочист М. Цалкин, обслуживающий помещения городских властей, периодически получал по 120 руб. из городского финансового отдела.

Губернские органы управления в соответствии с требованиями новой власти активно осуществляли переименование улиц города. Так, приказом № 38 по отделу управления при губернском исполнительном комитете Дворцовая улица была переименована в Советскую, Офицерская – в улицу Урицкого, Соборная площадь – в площадь Свободы, сад Елага – в парк Коммуны [4].

Для покрытия нужд деятельности местных органов управления с жителей взимались сборы. На право охоты взимались государственный сбор в размере 5 руб. в полугодие и надбавка в местный бюджет – 50% ставки госсбора, то есть 2 руб. 50 коп. в полугодие [5]. Циркуляром Витебского губернского исполкома от 5 апреля 1923 г. о прописочном сборе предлагалось взимать не более 1 рубля [6].

Социально-бытовые условия жизни граждан в значительной степени определяются уровнем социально-экономического развития как страны в целом, так и региона.

Благодаря деятельности социальных служб Витебска со времен Гражданской войны действовали две столовые, где по низким ценам, иногда бесплатно, выдавались обеды беднейшему населению города и безработным [7]. Открылась столовая на льнопрядильной фабрике «Двина», а также на других предприятиях города.

В связи с промышленным кризисом 1923 г., который коснулся, в первую очередь, предприятий, финансируемых из местного бюджета, Витебский губисполком выделял пайки рабочим предприятий по пониженным ценам. В 1924 г. ставка заработной платы 1-го разряда была установлена в размере 6 золотых рублей.

Проблему снабжения продуктами и товарами первой необходимости для рабочих и служащих помогало решать вхождение предприятий и учреждений в состав Единого потребительского общества, занимавшегося преимущественно распределением товаров. С переходом к нэпу положительно решались вопросы с организацией складов, лавок по обмену товарами.

В 1920-е гг. государство стало проводить обследование бюджетов рабочих семей и следило за их наполняемостью. Однако материальные трудности, массовая безработица в период нэпа не позволили рабочим серьезно улучшить свои бытовые условия.

Безусловно, город, по сравнению с сельской местностью, имел преимущества в уровне обеспечения жителей медицинским обслуживанием. В начале 1920-х годов в Витебске действовало несколько больниц: инфекционная (располагалась на ул. Скотопрогонной), городская государственная (по ул. Генеральная), больница для застрахованных (бывшая больница Красного Креста), родильный дом (ул. Толстого, 14), губернская больница психических и венерических больных (ул. Больничная, 3). Также в городе имелись 7 аптек и аптечный склад, 3 зубопротезных кабинета. На улице Замковой располагался частный зубоврачебный кабинет. На Юрьевой горке действовала ветеринарно-бактериологическая лаборатория [8].

На быте рабочих сказывались многие эксперименты по насаждению социалистических ценностей, трудовых коммун, «общих котлов», общежитий. Городские власти стремились улучшить и быт студенчества посредством организации коммун, коллективного отдыха. Крестьяне, переселявшиеся в город, частично сохраняли в семьях патриархальные отношения.

Местным органам власти приходилось решать и такие довольно сложные социальные вопросы, как борьба с преступностью, выявление фактов незаконной торговли кокаином [9].

В Витебске по инициативе уездного исполкома был организован Дом временного пребывания проституток. Проститутки жили в нем как в трудовой коммуне. Дом был достаточно хорошо оснащен в бытовом отношении. Во избежание занятием прежней профессией за женщинами был установлен строгий контроль [10].

Женская тюрьма располагалась на ул. Гоголевской, мужская – на Суражском трактеу [11]. Витебский губернский отдел юстиции и губернский советский народный суд находились на ул. Володарской, 48; школа милиции – на ул. Бухаринской и ул. Сенной; губернский революционный трибунал – на ул. Толстого, 8. Функционировали биржа труда на ул. Верхне-Петровской, 35, контора водопровода – на ул. Суворовской, 5 и другие службы [12].

В целях обеспечения транспортного сообщения в Витебске были организованы 5 постоянных стоянок ломовых извозчиков (у Смоленского, Полоцкого, Могилевского базаров, на углу Замковой и Пушкинской улиц и на Красноармейской площади), а также 19 стоянок легких извозчиков [13]. Летом в волостях Витебской губернии проводились месячники починки дорог и мостов [14].

К началу 1922 г. витебский трамвай имел только четыре исправных моторных вагона, четыре летних и три платформы. В депо стояло в ожидании капитального ремонта 14 моторных и 11 летних вагонов. Все они были бель-

гийского производства. Трамваи ходили только по двум маршрутам. За лето 1922 г. в трудных условиях своими силами был собран из старых частей и выпущен на линию еще один моторный вагон; старый трамвайный путь на многих участках заменен новым [15].

До закрытия навигации почта от Бешенковичей до Старого Села и обратно перевозилась на пароходах. Хотя они и курсировали ежедневно, были случаи, когда капитаны отказывались в перевозке почты, и тогда местному губернскому управлению по распространению печати приходилось обращаться с жалобами к начальнику речной флотилии [16].

Постепенно осуществлялась телефонизация губернского и уездных центров. В 1919 г. была установлена телеграфная линия Островно – Витебск, на что было затрачено 5 тыс. руб. [17]. На съезде райсоветов Семеновской волости Полоцкого уезда в июне 1923 г. рассматривался вопрос телефонизации волостного центра [18].

Велась работа по организации досуга горожан. В быт горожан, в противовес религиозным, внедрялись социалистические праздники.

В имении Елага, входившем в черту города, был устроен кинематограф, доход с которого шел на содержание приютов. Для развлечений горожан была приспособлена и Юрьева горка [19]. При кинотеатре «Художественный» была обустроена электрическая станция [20]. С 1919 г. в Витебске действовал аукционный зал [21].

Согласно постановлению СНК РСФСР от 5 февраля 1920 г. учреждения Наркомата продовольствия должны были обеспечиваться холодильниками, причем за счет других учреждений губернии. Ответственность за целостность и сохранность дорогого по тем временам холодильного оборудования возлагалась на местные исполкомы. В городе испытывался дефицит и в пишущих машинках, которые стремилось приобрести каждое учреждение.

Городские власти придавали большое значение соблюдению элементарных правил санитарии и поддержанию эстетического вида губернского города. Циркуляр от 9 марта 1920 г. Витебского губернского военно-революционного комитета всем его отделам гласил, что «советские учреждения должны быть примером для граждан города», было предложено «немедленно озаботиться очищением как дворов, так и расположенных напротив зданий, участков тротуаров и улиц» [22]. Благоустройству города уделялось пристальное внимание и в дальнейшем.

Таким образом, документы Государственного архива Витебской области в определенной степени помогают реконструировать картину жизни горожан, в частности, начала 1920-х годов. В свою очередь, история повседневности помогает выявить сферу субъективного бытия человека, помогает понять, каким образом поступки людей детерминированы укладом повседневности и оказывают влияние на ход истории. Конкретные проявления человеческой жизни делают историю зримой, понятной и близкой.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Государственный** архив Витебской области. – Фонд 99. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 115.
2. **Государственный** архив Витебской области. – Фонд 13. – Оп. 1. – Д. 1. – Т. 2. – Л. 9, 12.
3. **Государственный** архив Витебской области. – Фонд 2279. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 212 ; Фонд 2262. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 557.
4. **Государственный** архив Витебской области. – Фонд 10. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 39.
5. **Государственный** архив Витебской области. – Фонд 2279. – Оп. 1. – Д. 32. – Л. 62.
6. **Государственный** архив Витебской области. – Фонд 99. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 106.
7. **Государственный** архив Витебской области. – Фонд 10. – Оп. 1. – Д. 9. – Л. 112.
8. **Государственный** архив Витебской области. – Фонд 557. – Оп. 1. – Д. 603. – Л. 2.
9. **Государственный** архив Витебской области. – Фонд 2262. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 662.
10. **Государственный** архив Витебской области. – Фонд 2279. – Оп. 1. – Д. 79. – Л. 6.
11. **Государственный** архив Витебской области. – Фонд 10. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 39.
12. **Государственный** архив Витебской области. – Фонд 557. – Оп. 1. – Д. 603. – Л. 3, 46, 50.
13. **Государственный** архив Витебской области. – Фонд 67. – Оп. 1. – Д. 112. – Л. 98.
14. **Государственный** архив Витебской области. – Фонд 99. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 182.
15. **Государственный** архив Витебской области. – Фонд 1651. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 28 об.
16. **Государственный** архив Витебской области. – Фонд 2262. – Оп. – 1. – Д. 2. – Л. 19, 33, 89.
17. **Государственный** архив Витебской области. – Фонд 2279. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 212.
18. **Государственный** архив Витебской области. – Фонд 100. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 4.
19. **Государственный** архив Витебской области. – Фонд 10. – Оп. 1. – Д. 9. – Л. 137.
20. **Государственный** архив Витебской области. – Фонд 2262. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 407.
21. **Государственный** архив Витебской области. – Фонд 56. – Оп. 6. – Д. 41. – Л. 656–657.
22. **Государственный** архив Витебской области. – Фонд 2262. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 10, 202.

А. И. Корсак (Новополоцк)

ОСВОБОЖДЕНИЕ ПОЛОЦКА (29 ИЮНЯ – 4 ИЮЛЯ 1944 г.) В ВОСПОМИНАНИЯХ ЕГО УЧАСТНИКОВ

Воспоминания очевидцев тех или иных событий – вещь противоречивая. С одной стороны, влияние времени не проходит бесследно – многие факты искажаются, интерпретируются с субъективных позиций, с другой – советская цензура. Особенно это относится к военным мемуарам, которые мы не можем отрицать как источник информации, но, к которому, естественно, мы должны относиться с должной степенью критики.

В данной статье сделана попытка анализа мемуарных источников, имеющих отношение к событиям освобождения города Полоцка летом 1944 г. За основу взяты воспоминания, а также дневниковые записи как высшего военного руководства Красной Армии (И.Х. Баграмяна, И.М. Чистякова), советских военных корреспондентов (Л. Ющенка), солдат (С.Г. Камакина), так и бывших офицеров вермахта (В. Хаупта) и др.

Следует отметить, что впервые введены в научный оборот воспоминания рядового 51-й стрелковой Витебской Краснознаменной Ордена Суворова II степени дивизии Красной Армии С.Г. Камакина, принимавшего непосредственное участие в событиях 30 июня – 4 июля 1944 г. в Полоцке.

Прежде, чем перейти непосредственно к теме исследования, немного фактов о Полоцкой наступательной операции (29 июня – 4 июля 1944 г.).

В данной военной операции принимали участие войска 1-го Прибалтийского фронта (ком. – генерал армии И.Х. Баграмян) в составе 6-й гвардейской армии (ком. – генерал-лейтенант И.М. Чистяков) – 23-й гвардейский стрелковый корпус, 103-й гвардейский стрелковый корпус и 22-й гвардейский стрелковый корпус (во время освобождения Полоцка был временно передан в введение 4-й ударной армии – *А. К.*), 4-й ударной армии (ком. – генерал-лейтенант П.Фонд Малышев), 43-й армии (ком. – генерал А.П. Белобородов), 3-й воздушной армии (ком. – генерал-лейтенант Н.Фонд Папивин) и 1-го танкового корпуса (ком. – генерал-лейтенант В.В. Бутков).

Полоцк был объявлен Верховным главнокомандованием вооруженных сил Германии неприступной крепостью, его обороной руководил генерал от инфантерии К. Хильперт [8, с. 10]. Под его управлением находился 1-й армейский корпус 16-й армии группы армий «Север».

Согласно оперативным сводкам генерального штаба на момент 8.00 30 июня 1944 г. войска 1-го Прибалтийского фронта, развивая наступление в направлении Полоцка, продвинулись за день на 10–25 км, овладели районными центрами Витебской области Ушачи и Ветрино и заняли до 300 населенных пунктов [3, с. 125]. 1 июня 1944 г. танковые части форсировали р. Дисну и вели бои по очищению от противника г. Дисна [4, с. 149]. 2 июля 1944 г. войска 1-го Прибалтийского фронта обходным маневров с северо-востока и юга вышли на подступы к Полоцку [5, с. 153].

Основные бои за город шли 3 июля 1944 г. Так, 4-я ударная армия, продолжая наступление на своем левом фланге, форсировала р. Полоту и на западном берегу реки овладела населенными пунктами Горбатенки, Максимово, Худобоки, Стрекали, Добрынец, Рябые, Громы. Ожесточенные бои шли на северо-восточной окраине Полоцка, неоднократно переходившие в рукопашные схватки. 6-я гвардейская армия, преодолевая сопротивление противника, особо сильное в районе южной части города, овладела южной половиной левобережной части Полоцка. К исходу дня 22-й гвардейский стрелковый корпус с боем подошел непосредственно к юго-восточной окра-

ине города, где велись упорные бои. 23-й гвардейский стрелковый корпус вел бой за овладение левобережной частью Полоцка [6, с. 159].

4 июля 1944 г. в 4.00 Полоцк был освобожден от нацистов.

В издании 1977 г. «Так шли мы к Победе» командующего 1-м Прибалтийским фронтом генерала армии **И.Х. Баграмяна**, который на момент наступательной операции с 30 июня 1944 г. находился в расположении 22-го гвардейского стрелкового корпуса, освобождение Полоцка описано в общих чертах: «С утра 1 июля дивизии 22-го и 23-го гвардейских стрелковых корпусов перешли в решительную атаку. В течение первых двух дней враг беспрерывно контратаковал. Каждый дом гвардейцы брали с боем. Для поддержки штурма пришлось привлечь значительную часть авиации, в первую очередь штурмовой. Массированные удары по огневым позициям артиллерии и минометов привели к заметному ослаблению огневой мощи противника и вынудили его прекратить контратаки. Ударами бомбардировочной и штурмовой авиации было прервано всякое движение по железной дороге Даугавпилс – Полоцк, что серьезно затруднило фашистам дальнейшую переброску сюда подкреплений. 3 июля наступил перелом в нашу пользу. Уже в первой половине дня части 51-й гвардейской стрелковой дивизии 23-го гвардейского стрелкового корпуса вели ожесточенный бой в северо-восточной и восточной частях города» [2, с. 334–336].

Иная картина, касающаяся событий 29 июня – 4 июля 1944 г., более подробная, дана И.Х. Баграмяном в издании 1979 г. «Мои воспоминания»: «Когда левобережная часть города была освобождена (03.07.1944 г. – *А. К.*), специальная команда саперов из 51-й Гвардейской стрелковой дивизии генерала-майора С.В. Черникова разминировала деревянный мост, чем воспользовался командир наступавшего здесь стрелкового полка. Он быстро переправил на противоположный берег несколько подразделений, которые захватили там плацдарм. Подразделения другого полка преодолели реку по фермам взорванного железнодорожного моста и тоже закрепились на правобережье Западной Двины. К утру была там вся дивизия; с рассветом она перешла в атаку навстречу частям 22-го гвардейского стрелкового корпуса генерал А.И. Ручкина, наступавшим с северо-востока и востока. Успешному штурму Полоцка во многом способствовал и маневр 4-й Ударной армии в обход города с севера, угрожавший окружением всей полоцкой группировки» [1, с. 578–579].

Командующий 6-й гвардейской армией 1-го Прибалтийского фронта генерал-лейтенант И.М. Чистяков во время освобождения г. Полоцка находился в районе действия 51-й гвардейской стрелковой дивизии (Дальница – *А. К.*). Естественно, он, фактически, был в самом эпицентре событий: «В ночь на 3 июля я приказал командиру 23-го гвардейского стрелкового корпуса генералу А.И. Ермакову начать штурм города. Железнодорожный мост через Западную Двину противник подорвал, но, к нашему счастью, в воду погру-

зилась только средняя ферма. По этому мосту и начали переправу части 156-го гвардейского стрелкового полка. Южнее же железнодорожной станции деревянный мост сохранился. Очевидно, противник оберегал его для связи между гарнизонами северной и южной частей города. Мы, конечно, понимали, что мост этот заминирован и может вот-вот взлететь в воздух. Во что бы то ни стало надо было обезвредить эти мины и сохранить мост для переправы. Командир 158-го гвардейского стрелкового полка подполковник М.К. Белов принял решение направить к мосту специальную группу, усиленную саперами. Перед ней он поставил задачу захватить мост… Уже во второй половине дня 3 июля 1944 г. после короткого артиллерийского налета части 23-го гвардейского стрелкового корпуса начали общее форсирование Западной Двины в самом центре города… …Как же нужны были в этот момент танки и самоходки! Но, к сожалению, переправить их не было возможности. Все старания саперов навести понтонные мосты через реку были безуспешны: сильный огонь противника не позволял им сделать переправу. И вот так наши воины-пехотинцы без танков, без соответствующей поддержки артиллерии, с ручными и противотанковыми гранатами пробирались от одной развалины к другой, отбивая их у врага. Гвардейцам довольно скоро удалось очистить от гитлеровцев все прибрежные развалины и дать возможность саперам навести через реку переправы для артиллерии и танков. Четвертого июля 1944 г. нами во взаимодействии с 4-й ударной армией был освобожден Полоцк» [11, с. 161–162].

А вот как эти же события описываются в коллективном труде под общим руководством И.М. Чистякова: «К исходу 2 июля соединения 23-го корпуса, ведя ожесточенные бои, подошли к Полоцку: 51-я гвардейская стрелковая дивизия с юга и юго-востока, 71-я с юго-запада и части 67-й гвардейской стрелковой дивизии вышли к Западной Двине в район Троецкой. В ночь на 3 июля 154, 156, 158-й полки 51-й гвардейской дивизии, поддержанные огнем артиллерии, атаковали южную окраину города. Ожесточенные уличные бои продолжались всю ночь, и только к рассвету части дивизии прорвались к Западной Двине. К этому времени 71-я гвардейская дивизия штурмом овладела западной окраиной Полоцка. 22-й гвардейский корпус (90-я гвардейская, 51-я и 47-я стрелковые дивизии), наступая вдоль правого берега Западной Двины, вышел к восточной окраине Полоцка. Когда части 51-й гвардейской стрелковой дивизии выходили к реке, противник подорвал железнодорожный и деревянный мосты через Западную Двину в центре города. Но в западной части Полоцка оставался в целости еще один деревянный мост, который противник, очевидно, сохранял для связи между своими гарнизонами. Взводу автоматчиков младшего лейтенанта А.И. Григорьева из 158-го полка было приказано захватить этот мост и плацдарм на вражеском берегу….» [9, с. 164–168]. В данном случае, более подробно представлена информация о форсировании реки Западная Двина гвардейцами подполковника М.К. Белова.

Л. Ющенко во время Полоцкой наступательной операции являлся военным корреспондентом газеты «Комсомольская правда» и находился на передовой в расположении 51-й гвардейской стрелковой дивизии генерала С.В. Черникова. Чем важен этот материал? Тем, что Л. Ющенко в свое время вел дневниковые записи непосредственно в момент происходящих событий. Так, «*3 июля.* 6.00. В штабе получено донесение о том, что батальоны ворвались в южную окраину Полоцка… 10.00. Из окопа, расположенного метрах в двухстах от первых деревянных домиков Полоцка, видна южная окраина города. Там сейчас центр боя. Атакует полк подполковника Белова… 10.30. Темп атаки стремительный. Батальоны полка Белова углубились в южные кварталы и прорываются к Двине… 11.00. обстрел прекращается… Передают, что наши батальоны уже прорвались к реке на участке шириной до одного километра… 11.30. Сообщают, что наши две роты и два танка успели переправиться через Западную Двину по мосту западнее города. Но через несколько минут сработал часовой механизм заряда, заложенного немцами, и мост взлетел на воздух. Все же две роты уже на том берегу… 11.45. Огромный взрыв в центре Полоцка. Столб огня и дыма поднимается на высоту одного километра… 12.00. Пехота начала переправу на северный берег на подручных средствах… 12.40. Пробиваемся первыми улицами южной окраины города… 13.20. Соединяемся по телефону с капитаном Зелинским, который руководит переправой. «Говорит корреспондент «Комсомольской правды». Прошу хотя бы коротко сообщить обстановку.» – «Час назад немцы взорвали последний мост через Двину (12.20. – А. К.). Однако часть сил успела переправиться на противоположный берег. Сейчас готовимся форсировать реку на понтонах. Две роты на том берегу расширяют плацдарм». – «Каково сопротивление противника?» – «Самое ожесточенное. Сильный огонь орудий и самоходных пушек. Я вижу сейчас северный берег, это сплошная гряда траншей и пулеметных точек. Однако подготовка к форсированию идет успешно, саперы героически работают под огнем врага». – «Первым ворвался в город полк Белова. Первым вышел к реке батальон капитана Устинова…»… 14.00. Бой на южном берегу затихает. Эта часть Полоцка уже освобождена... За Двиной, в центре города, в районе станции Полоцк-2 еще продолжается штурм… К утру 4 июля Полоцк был полностью освобожден» [12, с. 161–164].

Взгляд на те или иные события, особенно на военные действия, будет разным в зависимости от должности, от места расположения и т. д. Так, **С.Г. Камакин** во время Великой Отечественной войны служил в 51-й стрелковой дивизии 22-го гвардейского стрелкового корпуса 6-й гвардейской армии. После окончания войны им была написана монография, касающаяся истории 51-й стрелковой дивизии, используя воспоминания своих сотоварищей и архивные данные Центрального архива Министерства обороны. Материалы данной книги впервые вводятся в научный оборот, они не были

ранее изданы. Довольно сложно сделать выборку, поскольку каждое предложение содержит в себе информацию как тактического, так и эмоционального плана. Вот некоторые выдержки из них: «…В своих воспоминаниях о боях за Полоцк бывший командир взвода связи 2-го батальона 287-го стрелкового полка лейтенант С.И. Марков говорил: «Мне больше всего запомнился день, когда горела земля от немецких термитных снарядов во время атаки наших подразделений на МТС. Сотни огненных, ослепительно-ярких шариков-ракет разлетались во все стороны при взрыве снарядов. Порвало линию связи… В ночь с 2 на 3 июля личный состав дивизии привел себя и оружие в порядок… Была произведена перегруппировка огневых средств, а утром 3 июля, после короткого артналета по восточной и северо-восточной окраине Полоцка, атака подразделений дивизии на Полоцк возобновилась. Противник сопротивлялся с еще большим ожесточением. Части дивизии несли потери, но продвигались к окраине города. Здесь у противника были особенно мощные укрепления… По-прежнему интенсивным был огонь артиллерии и минометов противника. Его авиация группами по 6–9 самолетов бомбила боевые порядки наших подразделений… Через некоторое время со стороны солнца (время было 5 часов вечера) показалось около десятка «Юнкерсов». Думаем, пронесет мимо. Нет! Разворачиваются и устраивают карусель, пикируют, летят на нас бомбы. Земля под ногами трясется, подпрыгивает. Бомбят танки, а от пехоты клочья летят. Гибнем бесполезно. Второй заход – опять грохот, комья земли засыпают пехоту. И вдруг все оборвалось – больше я ничего не видел…. Очнулся на другой день в медсанбате – из ушей течет кровь, левая рука перебита, ноги почти не слушаются. Бой за Полоцк не выходит из головы в течение всей моей жизни». А штурм Полоцка продолжался. К исходу дня 23 стрелковый полк вышел на юго-западную окраину Полоцка к перекрестку железных дорог. 348-й стрелковый полк с упорными боями достиг восточной окраины города в районе водокачки. Во второй половине дня 23-й гвардейский стрелковый корпус начал штурм Полоцка с юга. Севернее города наступала 4-я ударная армия. Не ослабевал натиск 51-й стрелковой дивизии и других соединений 22 гвардейского стрелкового корпуса с востока. Боясь окружения, ночью с 3 на 4 июля противник начал отход из города на северо-запад» [7, с. 81–94].

Таким образом, мы имеем общую картину происходящих событий при освобождении Полоцка, описанную в воспоминаниях и дневниковых записях участников военных действий со стороны советской армии.

Для того чтобы завершить в целом представление происходящего с 29 июня по 4 июля 1944 г. в Полоцке, нужно проанализировать воспоминания и стороны противника. Так, **В. Хаупт** в это время являлся офицером вермахта, служившего в группе армий «Центр». Спустя некоторое время после окончания Второй мировой войны им был дан анализ тех событий: «Командование сухопутных сил приказало превратить Полоцк в «несокрушимую

позицию» (твердыню) и оборонять ее! 81-я пехотная дивизия окапывалась на высотах Бельчицы, чтоб подготовить и удержать исходный район для 24-й и 87-й пехотных дивизий. Солнце стояло высоко на небе. Был знойный день. Генерал пехоты Хилперт в 12.55 докладывал: «Предписанное наступление захлебнулось. Это чистое жертвоприношение!». Генерал-полковник Линдеман в 13.15 приказал, без каких-либо переговоров с главным командованием сухопутных сил, прекратить наступление. Командующий шесть часов спустя докладывал своему вышестоящему начальнику, что он не только дал отбой наступлению 1 армейского корпуса, но и приказал оставить Полоцк. Гитлер сдался. В полночь он задним числом дал разрешение! В этот час первые роты 24, 87 и 389-й пехотных дивизий по временным мостам возвращались через Западную Двину в Полоцк. Большой мост через глубокую речную долину уже не существовал. Он был разрушен бомбами советских самолетов. 81-я дивизия продержалась еще один день на все время сужавшемся плацдарме. Когда саперы взорвали последний временный мост и стали спешно отходить через Полоцк на запад, вошедшим батальонам 51-й гвардейской дивизии (ген.-майор Черников) достались одни руины.» [10, с. 128–129].

Таким образом, Полоцк был превращен противником в неприступную крепость. Через весь выше представленный материал, как со стороны Красной Армии, так и вермахта четко прослеживается эта линия. Тем более усложнялась обстановка в связи с отсутствием сообщения между берегами реки Западная Двина, разделяющей город на две половины.

Нас в данном случае интересует вопрос, каким образом происходило форсирование реки при освобождении Полоцка. У всех без исключения содержится информация о существовании через реку трех мостов: железнодорожный и пешеходный в центре города, южнее – деревянный. В ходе налетов авиации обеих сторон одна из ферм железнодорожного моста была разрушена. Пешеходный же мост был подорван и восстановлению не подлежал. Оставался, по данным И.Х. Баграмяна и И.М. Чистякова, «временный деревянный мост», который в последующем форсировали и разминировали гвардейцы 158-го гвардейского стрелкового полка под управлением младшего лейтенанта А.И. Григорьева, что и позволило успешно закрепиться на правом берегу Западной Двины.

Немного противоречивая информация дана в дневниковых записях корреспондента газеты «Комсомольская правда» Л. Ющенко, где говорится о том, что последний мост через Двину был взорван немцами примерно в 12.20 3 июля 1944 г. Эту же информацию подтверждает и немецкий офицер В. Хаупт.

Вероятно, события происходили следующим образом. Гвардейцы подполковника М.К. Белова под управлением А.И. Григорьева «первыми ворвались» в центральную часть города по временному деревянному мосту

и сумели закрепиться на данном плацдарме. Но, к сожалению, сохранить мост для переправы других частей не смогли – у немецких саперов получилось взорвать его. Поэтому в дальнейшем были сооружены понтонные мосты.

Чтобы более детально разобраться в этом вопросе, требуется привлечение различных источников как российских, так и немецких архивов. На данный момент сделана попытка анализа информации в большинстве своем мемуарной литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Баграмян, И. Х.** Мои воспоминания / И. Х. Баграмян. – Ереван : Айастан, 1979. – 664 с. – (Военные мемуары).

2. **Баграмян, И. Х.** Так шли мы к Победе / И. Х. Баграмян. – Москва : Воениздат, 1977. – 607 с.

3. **Извлечение** из оперативной сводки № 182 (1220) Генерального штаба Красной Армии на 8.00 30.06.44 г. // Операция «Багратион». Освобождение Беларуси / В. А. Жилин [и др.]. – Москва : ОЛМА-Пресс, 2004. – С. 125.

4. **Извлечение** из оперативной сводки № 183 (1221) Генерального штаба Красной Армии на 8.00 01.07.44 г. // Операция «Багратион». Освобождение Беларуси / В. А. Жилин [и др.]. – Москва : ОЛМА-Пресс, 2004. – С. 149.

5. **Извлечение** из оперативной сводки № 184 (1222) Генерального штаба Красной Армии на 8.00 02.07.44 г. // Операция «Багратион». Освобождение Беларуси / В. А. Жилин [и др.]. – Москва : ОЛМА-Пресс, 2004. – С. 153.

6. **Извлечение** из оперативной сводки № 185 (1223) Генерального штаба Красной Армии на 8.00 03.07.44 г. // Операция «Багратион». Освобождение Беларуси / В. А. Жилин [и др.]. – Москва : ОЛМА-Пресс, 2004. – С. 159.

7. **Камакин, С. Г.** Вела нас к Родине любовь : боевой путь 51 стрелковой Витебской Краснознаменной Ордена Суворова II степени дивизии / С. Г. Камакин. – Рукопись.

8. **Куровски, Ф.** Котел смерти в Курляндии : хроника сражений группы армий «Север» 1944–1945 гг. / Ф. Куровски. – Москва : Центрполиграф, 2010. – 682 с.

9. **По приказу** Родины : боевой путь 6-й гвардейской армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / предисл. И. Баграмяна ; И. М. Чистяков [и др.]. – Москва : Воениздат, 1971. – 189 с.

10. **Хаупт, В.** Восточный фронт 1941–1945 : подлинная история / В. Хаупт ; пер. с нем. С. Липатова. – Москва : Яуза ; Эксмо, 2008. – 559 с.

11. **Чистяков, И. М.** Служим Отчизне / И. М. Чистяков ; лит. запись Г. С. Комиссаровой. – Минск : Беларусь, 1982. – 224 с.

12. **Ющенко, Л.** Стремительность / Л. Ющенко // Полки идут на Запад : воспоминания и очерки об освобождении Белоруссии от фашистских оккупантов / сост. К. А. Маланьин. – Москва : Воениздат, 1964. – С. 161–164.

В. Д. Крюковский (Минск)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМСОМОЛА И УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ БЕЛАРУСИ В СИСТЕМЕ ОТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И ЦЕРКВИ В 70-е гг. XX в.

В государственной политике во взаимоотношениях с религиозными конфессиями в 70-е гг. прошедшего столетия важная роль отводилась культурно-просветительным учреждениям. Представлялось, что они должны приобщать молодежь к духовным ценностям, активно способствовать формированию у юношей и девушек научного мировоззрения и коммунистической морали. Комитеты комсомола и комсомольские организации стремились к тому, чтобы дворцы культуры, клубы, библиотеки, музеи были подлинными центрами общественно-политической и культурной жизни, способствовали формированию у молодежи научно-материалистических взглядов, прочных убеждений. Совместно с советами учреждений культуры составлялись единые планы работы, изучалась религиозная обстановка, готовились атеистические мероприятия. Работа комитетов комсомола и учреждений культуры велась по следующим направлениям: создание в клубах, домах культуры, библиотеках наглядной агитации и экспозиций, составление каталогов литературы; включение атеистических произведений в репертуары коллективов художественной самодеятельности, проведение читательских конференций, лекций, устных журналов, вечеров вопросов и ответов и т. д.; внедрение социалистической обрядности. Определенный опыт атеистического воспитания молодежи накопили в освещаемый период комитеты комсомола и культпросветучреждения Дятловского района. В районе уделялось большое внимание мировоззренческой направленности культурно просветительной деятельности. Райкомом комсомола, районной организацией общества «Знание» и отделом культуры райисполкома совместно были разработаны и проводились многие мероприятия атеистического плана, рассчитанные на различные группы молодежи. В центре постоянного внимания были подбор и расстановка кадров культпросветработников. Все они утверждались бюро РК ЛКСМБ. В районе стали традицией смотры-конкурсы первичных комсомольских организаций на лучшую постановку культурно-просветительной и атеистической работы в среде рабочей и сельской молодежи. Сценарии атеистических мероприятий готовились совместно учреждениями культуры и комсомольскими организациями [4, л. 21; л. 88; л. 27; лл. 75, 92, 96, 98, 99; лл. 5, 6; лл. 95–97; лл. 14, 30]. Разностороннюю атеистическую работу вели комсомольская организация колхоза «Новая жизнь» и Сочевлянский сельский клуб. Для координации этой деятельности была создана секция атеистов. На основе изучения религиозной обстановки составлялись единые планы работы, проводились вечера вопросов и отве-

тов, тематические вечера, конференции, устные журналы. Проводился также коллективный разбор этих мероприятий, выявлялось отношение к ним молодежи. С учетом запросов юношей и девушек в клубе были прочитаны лекции на темы: «Религия и современный мир», «Наука и религия о строении Вселенной», «Марксизм и религия»; состоялись тематические вечера: «Наука разоблачает суеверия и чудеса», «Землю, небо обошел», сопровождаемые демонстрацией химических опытов; прошли вечера трудовой славы, дни механизаторов и животноводов, праздники «Серпа и молота». Торжественными были проводы юношей в Советскую Армию, обряды регистрации браков и новорожденных. Активно работала клубная агитбригада «Поговорим о чудесах». Ее программа начиналась лекцией научно-атеистического содержания, затем учащимися демонстрировались химические опыты. Заканчивалось выступление бригады концертом художественной самодеятельности, предлагавшим участникам стихи, рассказы и пьесы на мировоззренческие темы. В исследуемом десятилетии в колхозе не было роста местной сектантской общины, снижалась религиозность других верующих [5, л. 8, 30, 98, 109, 110, 129–131]. Плодотворно вели совместную атеистическую работу комсомольские организации колхоза им. Заслонова и Дворецкий СДК, совхоза Горка и Горковский клуб, СПТУ № 15 и Козловщинский ДК [6, л. 3, 30, 41, 60, 92, 94]. Совместная работа комсомольских организаций с культурно-просветительными учреждениями способствовала улучшению нравственной обстановки, росту трудовой активности, снижению религиозной обрядности [7, л. 23, 32, 34]. Опыт работы Дятловской районной комсомольской организации и учреждений культуры был положительно оценен пленумом Гродненского ОК ЛКСМБ (июнь, 1976 г.), широко пропагандировался в республиканской прессе. В 1977 г. Дятловская районная комсомольская организация была признана победителем областного смотра-конкурса городских, районных комсомольских организаций на лучшую постановку работы по атеистическому воспитанию рабочей и сельской молодежи [8, л. 13–14, 66–67, 86–91]. Совместная атеистическая работа комитетов комсомола и культпросветучреждений активно велась в Слонимском, Волковысском, Столбцовском, Горецком, Глубокском районах, Новополоцке, Орше, Пинске [11, л. 25, 28, 37, 38, 103, 122].Нарастание в обществе застойных явлений не могло не наложить отпечатка и на деятельность комсомольских организаций и учреждений культуры по атеистическому воспитанию молодежи. Недостаточное внимание комитетов комсомола к укреплению материальной базы учреждений культуры вело к тому, что она оставалась крайне неудовлетворительной. Многие кульпросветучреждения, особенно в сельской местности, размещались в неприспособленных, иногда и в аварийных помещениях, годами не ремонтировались, не были оснащены необходимыми техническими средствами пропаганды, наглядной агитацией, не хватало художественной и научной литературы. В результате, они были не в состоянии должным

образом вести результативную воспитательную работу, нередко значительно проигрывали в благоустройстве учреждениям культа. Например, в клубе деревни Медно Брестского района зимой 1975/76 г. окна были выбиты, наглядная агитация сорвана, часть имущества расхищена. Это никак не волновало ни работников местного совета, коммунистов, ни комсомольскую организацию. И, видимо, совершенно не случайно часть молодых людей в поисках удовлетворения духовных потребностей стала посещать находившийся рядом с клубом, красиво оформленный и благоустроенный, молитвенный дом, где регулярно проходили собрания верующих [1, л. 43]. В 1977–1978 гг. в Каменецком сельском доме культуры Мозырского района из-за неисправности киноустановки художественные фильмы демонстрировались редко, кинолента то и дело прерывалась из-за неполадок. Библиотека многие дни была закрыта. Не работали и библиотечки-передвижки. Оформление клуба было примитивным, убогим, кружковая работа в нем не велась. Неудивительно, что молодежь местного совхоза «Каменка» перестала посещать клубные мероприятия (зрительный зал дома культуры оставался полупустым даже во время совхозных концертов). Подобное состояние и отношение к культурным запросам юношей и девушек оказалось на руку незарегистрированной сектантской общине, куда с удовольствием потянулась совхозная молодежь [3, л. 97–99]. Низким был уровень подготовки кадров культуры, что, естественно, отрицательно сказывалось на качестве их работы. Так, Витебской области из 2,4 тыс. работников учреждений культуры только 992 человека имели специальное образование; 225 заведующих клубами и библиотеками, преимущественно сельскими, не имели даже законченной средней подготовки. Подобный уровень профессионализма работников культуры вел и к низкому качеству их деятельности, обусловливал неспособность удовлетворять возраставшие духовные запросы и интересы молодежи. О равнодушии комитетов комсомола области к подбору кадров культурно-просветительных работников говорит тот факт, что в 1977 г. на десятимесячные курсы художественных руководителей на средства колхозов и совхозов не было направлено ни одного человека из 12 районов. Лишь четыре колхозных стипендиата учились в Витебском культпросветучилище [2, л. 38, 47]. Из-за невысокой квалификации работников культуры, слабой заинтересованности в работе нередко атеистическая деятельность учреждений культуры сводилась к формальному составлению планов, к эпизодическому проведению бессистемных мероприятий, которые обычно проходили по упрощенной схеме – кинофильм и танцы. В деревне Головщицы колхоза имени Чкалова Дрогичинского района Брестской области звуки струнного оркестра из молитвенного дома баптистов привлекали внимание молодежи больше, чем заигранные пластинки клубной радиолы. Концерты самодеятельных артистов готовились только к большим праздникам, в то время как у членов общины чуть ли не каждое воскресенье устраивались театрализо-

ванные собрания. Да и сам вид клуба – внешний и внутренний (с пожелтевшими лозунгами, дырами в полу, подтеками на потолке) – не привлекал молодежь. Не одного молодго человека потеряла здесь комсомольская организация, пустив на самотек проведение культурного досуга молодежи [12]. В проведении воспитательной атеистической работы с молодежью недостаточно использовались возможности кино. Это было связано как с нехваткой фильмов, поступающих на базы кинопроката, с устаревшей тематикой кинолент, так и со слабой пропагандой тех из них, которые пользовались успехом. Например, в клубах Несвижского района в 1971 г. было показано лишь 5 художественных и 2 короткометражных фильма атеистического содержания. Но и их просмотрело лишь 0,2% комсомольцев и молодежи района [9, л. 116]. Ответственность за этот срыв ложится на комитеты комсомола района, которые никакой разъяснительной работы среди молодежи не провели. Изучение показало, что ни ЦК ЛКСМБ, ни один из обкомов комсомола республики в исследуемый период даже не предприняли попытки обобщить и распространить хотя бы в масштабах района опыт работы комитетов комсомола и кульпросветучреждений по атеистическому воспитанию молодежи. В ноябре 1974 г. бюро ЦК ЛКСМБ приняло постановление об обобщении опыта работы Слонимского райкома комсомола, организаций общества «Знание» и культпросветучреждений [10, л. 43], но оно так и осталось не выполненным. В этом также одна из причин того, почему атеистическая работа учреждений культуры строилась бессистемно, неинтересно, в отрыве от потребностей и интересов молодежи. Углубляющийся в годы застоя отрыв идейно-воспитательной и культурно-просветительной работы от реальной жизни обрекал ее на абстрактное просветительство, бессистемную словесность. Утвердившиеся в практике работы многих комитетов комсомола, первичных организаций разрыв между словом и делом, лакировка действительности порождали у юношей и девушек неверие в то, что им говорили, вели к мировоззренческой беспринципности и социальной апатии. Совместная воспитательная работа комсомола и учреждений культуры республики, как правило, превращалась в простую формальность и практически мало способствовала расширению политического и культурного кругозора, укреплению мировоззрения, развитию нравственных качеств молодежи.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Государственный** архив Брестской области. – Фонд 25 (Брестский ОК ЛКСМБ). – Оп. 32. – Д. 7 (Материалы заседаний бюро ОК ЛКСМБ).

2. **Государственный** архив Витебской области. – Фонд 119 (Витебский ОК ЛКСМБ). – Оп. 44. – Д. 1 ; Оп. 48. – Д. 1 (Материалы заседаний бюро ОК ЛКСМБ).

3. **Государственный** архив Гомельской области. – Фонд 264 (Гомельский ОК ЛКСМБ). – Оп. 94. – Д. 66 (Материалы заседаний бюро ОК ЛКСМБ).

4. **Государственный** архив Гродненской области. – Фонд 2193 (Дятловский РК КПБ). – Оп. 33. – Д. 5 (Материалы заседаний бюро РК КПБ) ; Фонд 2451 (Дятловский РК ЛКСМБ). – Оп. 1. – Д. 164 ; Оп. 3. – Д. 1 ; Оп. 4. – Д. 3 ; Оп. 5. – Д. 10 ; Оп. 8. – Д. 16 ; Оп. 9. – Д. 5 (Материалы заседаний бюро РК ЛКСМБ).

5. **Государственный** архив Гродненской области. – Фонд 2193 (Дятловский РК КПБ). – Оп. 33. – Д. 5 (Материалы заседаний бюро РК КПБ) ; Фонд 2451 (Дятловский РК ЛКСМБ). – Оп. 3. – Д. 1, 5 ; Оп. 6. – Д. 2 (Материалы заседаний бюро РК ЛКСМБ).

6. **Государственный** архив Гродненской области. – Фонд 2451 (Дятловский РК ЛКСМБ). – Оп. 4. – Д. 3 ; Оп. 6. – Д. 2 ; Оп. 10. – Д. 11 ; Оп. 11. – Д. 14 (Материалы заседаний бюро РК ЛКСМБ).

7. **Государственный** архив Гродненской области. – Фонд 2451 (Дятловский РК ЛКСМБ). – Оп. 7. – Д. 3 ; Оп. 8. – Д. 1 ; Оп. 9. – Д. 2 (Материалы заседаний бюро РК ЛКСМБ).

8. **Государственный** архив Гродненской области. – Фонд 20 (Гродненский ОК ЛКСМБ). – Оп. 26. – Д. 5 ; Оп. 27. – Д. 29 (Материалы заседаний бюро ОК ЛКСМБ) ; Звязда. – 1978. – 6 кастр.

9. **Государственный** архив Минской области. – Фонд 174 (Минский ОК ЛКСМБ). – Оп. 14. – Д. 6 (Материалы заседаний бюро ОК ЛКСМБ).

10. **Национальный** архив Республики Беларусь. – Фонд 63 (ЦК ЛКСМБ). – Оп. 7. – Д. 332 (Материалы заседаний бюро ЦК ЛКСМБ).

11. **Национальный** архив Республики Беларусь. – Фонд 63 (ЦК ЛКСМБ). – Оп. 50. – Д. 4 (Материалы заседаний бюро ЦК ЛКСМБ) ; Государственный архив Минской области. – Фонд 174 (Минский ОК ЛКСМБ). – Оп. 20. – Д. 7 (Материалы заседаний бюро ОК ЛКСМБ) ; Государственный архив Могилевской области. – Фонд 54 (Могилевский ОК ЛКСМБ). – Оп. 24. – Д. 95 (Материалы заседаний бюро ОК ЛКСМБ) ; Государственный архив Витебской области. – Фонд 119 (Витебский ОК ЛКСМБ). – Оп. 44. – Д. 1 (Материалы заседаний бюро ОК ЛКСМБ) ; Государственный архив Брестской области. – Фонд 25 (Брестский ОК ЛКСМБ). – Оп. 32. – Д. 7 (Материалы заседаний бюро ОК ЛКСМБ).

12. **Сельская** газета. – 1975. – 29 нояб.

Е. А. Кухарик (Гомель)

ПРИРОДНЫЕ ЛАНДШАФТЫ ПОДВИНЬЯ: ОПИСАНИЕ, ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ, ОХРАНА

В физико-географическом отношении в Подвинье выделяют 3 района: Полоцкую и Дисненскую низменности и Шумилинскую равнину. Эта область расположена на севере Беларуси и входит в состав физико-географического округа Белорусское Поозерье [4].

Территория Подвинья принадлежит к равнинной зоне умеренно-континентальных лесных ландшафтов, подзоне бореальных подтаежных (смешанно-лесных) ландшафтов, Поозерской ландшафтной провинции.

Подтаежная бореальная подзона ландшафтов характеризуется наибольшим разнообразием ландшафтов, так как в ней представлены все выделенные в Беларуси роды ландшафтов. В северной части подзоны распространены ландшафты, сформированные под влиянием многочисленных оледенений, для которых характерны обилие озер, котловин и низин, слабое развитие эрозии, мелкоконтурность ландшафтных видов, комплексность почвенного покрова, преобладание еловых и вторичных мелколиственных лесов [2; 3].

Рельеф Подвинья отличается разнообразным и молодым ледниковым рельефом, но преобладающими являются низменные территории. Крупнохолмистые моренные возвышенности с глубокими котловинами озер чередуются с пологоволнистыми моренными и плоско-вогнутыми озерно-ледниковыми равнинами. Широко развит комплекс ледниковых форм рельефа: область ледника с ложбинами и разнообразными озерами, озами, камами, друмлинами; область конечной морены с грядообразным холмистым рельефом; водно-ледниковые и озерно-ледниковые низины.

Литогенная основа формировалась в эпохи оледенений, которые на севере Беларуси являются преобладающим фактором, определяющим современную рельефную и ландшафтную структуру территории в целом. Биоценозы формировались в эпохи межледниковий и голоцене.

Основой формирования геомы ландшафтов в антропогене явилась выровненная денудированная поверхность с абсолютными отметками около 100 м, сложенная осадочными отложениями девона, мела, палеогена и неогена. Для этого времени характерно чередование холодных и относительно теплых периодов на фоне общего похолодания.

Первое оледенение – наревское – покрыло почти всю территорию Беларуси. Оно преобразовало литогенную основу и изменило характер поверхности. В рельефе стали преобладать пологоволнистые зандровые равнины, среди которых появились отдельные моренные образования, сформировавшие цоколи большинства современных возвышенностей.

Днепровское и сожское оледенения не оказали существенного влияния на формирование рельефа северной Беларуси, так как его основная рельефообразующая работа прослеживается на Полесской низменности и в Центральной Беларуси.

Рельеф Подвинья приобрел современный вид только после отступания последнего ледника – Поозерского, который занимал северную часть Беларуси. В процессе его отступания возникло несколько полос краевых образований, состоящих из гряд конечных морен, камов, камовых холмов, зандров, приледниковых озер. В это время сформировалась литогенная основа холмисто-моренно-озерных, камово-моренно-озерных, моренно-озерных ландшафтов. В приледниковой области в эту эпоху шел активный процесс формирования террас многих рек (литогенная основа аллювиальных терра-

сированных ландшафтов). Накопление пылеватого материала обусловило формирование лессовых ландшафтов.

В голоцене на поверхность выступила геома озерно-ледниковых ландшафтов. Одновременно происходило формирование пойменных ландшафтов, развитие которых продолжается и в настоящее время.

Преобладающими типами почв являются дерново-подзолистые, дерново-палево-подзолистые, дерново-подзолистые заболоченные и торфяно-болотные.

Растительность представлена сосновыми и широколиственно-еловыми лесами. Также распространены мелколиственные леса из березы, ольхи серой, осины. В заболоченных местах произрастает ольха черная и береза пушистая. Болота в основном верховые, самые крупные болотные массивы – Ельня и Освейское [2; 3; 4].

Территория Подвинья отличается большой антропогенной освоенностью. Практически все почвы, используемые в сельском хозяйстве, под пашней. Также земли используются как пашни, выделяются земли под строительство и для ведения фермерского хозяйства, садоводства и огородничества.

Активное использование земельных ресурсов в хозяйстве вызывает ряд эколого-географических проблем. Деградация земель происходит в результате водной и ветровой эрозии, химического загрязнения земель в населенных пунктах, вдоль дорог, в зонах воздействия полигонов промышленных и коммунальных отходов, трансформации и ухудшения свойств осушенных торфяных и дерново-подзолистых почв при их длительном сельскохозяйственном использовании, а также в результате добычи полезных ископаемых, дорожного, городского и других видов строительства, нерационального использования земель лесного фонда. Для Подвинья характерны процессы водной эрозии, которой подвержены около 7% всех используемых в сельском хозяйстве земель.

Немаловажную роль играет охрана природных ландшафтов. Особенное значение для сохранения природного разнообразия представляют озерно-ледниковые ландшафты, верховые болотные массивы, участки с нетронутыми участками леса. На территории Подвинья создана сеть природоохранных территорий республиканского значения, среди которых есть национальные парки, ландшафтные, гидрологические и биологические заказники, памятники природы. Под охраной находятся Браславские озера, территория которых входит в состав Национального парка «Браславские озера», озера Кривое и Ричи, где созданы гидрологические заказники. Созданы также 2 крупных ландшафтных заказника – Освейский и Козьянский [1; 3; 4; 5].

Территория Освейского заказника представляет собой большой комплекс озер, лесов, переходных и верховых болот, низинных болот относи-

тельно мало. Ядром заказника является озеро Освейское, которое играет важное гидрологическое и климатообразующее значение для большого региона северной части Беларуси. Большую часть угодья занимают верховые и переходные болота, которые покрыты хвойными, березовыми и ольховыми лесами. Среди болот разбросаны немногочисленные минеральные острова [5].

Заказник Козьянский представляет собой сложный мозаичный комплекс верховых болот, лесов, заливных лугов, озер и сельскохозяйственных земель. Территория характеризуется разнообразием и контрастностью экологических условий, наличием уникальных природных комплексов: крупных массивов верховых и переходных болот (занимают значительную часть территории), открытых низинных болот, многочисленных рек и озер, песчаных дюн; а также малонарушенных лесов, в том числе и фрагментарных дубрав [5].

Верховые болота из-за своей распространенности на севере Беларуси также охраняются. Таковыми болотными массивами являются Ельня и Мох.

Болото Ельня – крупнейший в Беларуси комплекс верховых и переходных болот с многочисленными озерами, которые придают разнообразность однотонному ландшафту. По всему болоту раскиданы небольшие острова, покрытые мелколиственными и еловыми лесами. Большая часть болотного массива заросла невысокой сосной, но встречаются и достаточно значительные открытые участки с многочисленными мелкими озерами и окнами чистой воды. Растительность на болотной части заказника характерна для верховых болот и представлена сосново-кустарниково-сфагновыми и кустарниково-сфагновыми сообществами [5].

Среди памятников природы можно отметить вековые дубравы, деревья редких пород, геологические обнажения, валуны [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. **Блакітная** кніга Беларусі : энцыклапедыя / рэдкал.: Н. А. Дзісько [і інш.] ; маст. В. Г. Загародні. – Мінск : БелЭн, 1994. – 415 с.

2. **Марцинкевич, Г. И.** Ландшафты Беларуси / Г. И. Мартинкевич, Н. К. Клицунова. – Минск : Университетское, 1989. – 239 с.

3. **Нацыянальны** атлас Беларусі [Карты] / рэдкал.: М. У. Мясніковіч [і інш.]. – Мінск : Кам. па зямел. рэсурсах, геадэзіі і картаграфіі пры Савеце Міністраў Рэсп. Беларусь, 2002. – 292 с.

4. **Фізічная** геаграфія Беларусі / Б. М. Гурскі [і інш.]. – Мінск : Універсітэцкае, 1995. – 181 с.

5. **VitebskBiker** : охраняемые территории Витебской области [Электронный ресурс]. – Витебск, 2013. – Режим доступа: vitebskbiker.info/guide/protected_areas. – Дата доступа: 06.12.2013.

А. А. Михайлов (Санкт-Петербург)

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ Н. Ф. ОКУЛИЧ-КАЗАРИН: ВОЕННЫЙ ЮРИСТ, КРАЕВЕД, ИСТОРИК

Николай Фомич Окулич-Казарин, профессиональный военный и талантливый исследователь-краевед, внес чрезвычайно значительный вклад в изучение истории Псковской земли и средневековой русской архитектуры, деятельно занимался источниковедением и пропагандой исторических знаний. Он происходил из дворян Витебской губернии. Как видно из документов, сохранившихся в фонде Департамента герольдии Правительствующего Сената, род был «утвержден в дворянском достоинстве» и внесен в 6-ю часть дворянской родословной книги названной губернии в 1803 г. В 1860-е гг. несколько представителей фамилии проживали и владели землями в Лепельском уезде губернии [24].

Николай Фомич, однако, родился далеко от Витебской губернии, в Перми, 19 ноября 1849 г. Его отец Фома Яковлевич Окулич-Казарин служил офицером, достиг чина подполковника. Образование будущий историк и краевед получил в Новгородском графа Аракчеева кадетском корпусе и Павловском военном училище, которое окончил в 1867 г.

Стоит заметить, что начальником Павловского военного училища в период обучения в нем Окулич-Казарина, являлся генерал-майор П. С. Ванновский (в будущем – военный министр). По оценкам современников, это был «усердный служака», обладавший «железным характером и ясным умом», но, при этом, был человек «крайне недоверчивый и подозрительный», большой поборник дисциплины. Благодаря П. С. Ванновскому, в училище установились строгие порядки, а его выпускники, даже много лет спустя после смены начальника, отличались особой выправкой и знанием строевой службы. Вместе с тем, преподавание наук в Павловском военном училище также было поставлено хорошо, лекции юнкерам читали видные ученые и педагоги.

Впоследствии Окулич-Казарин опубликовал в журнале «Исторический вестник» небольшую заметку о мерах, принимаемых П. С. Ванновским по негласному указанию Николая I для поддержки сыновей декабристов. В ней он с уважением отозвался об инспекторе классов Павловского училища П. А. Крыжановском, дал яркие портреты некоторых своих наставников.

После училища, Н. Ф. Окулич-Казарин был зачислен прапорщиком в 8-й гренадерский Московский великого герцога Мекленбург-Шверинского полк. Служба в пехоте, однако, продолжалась не долго. В 1870 г. Н. Ф. Окулич-Казарин был прикомандирован к 10-й артиллерийской бригаде, в декабре 1871 г. – зачислен в 1-ю батарею 6-й артиллерийской бригады. В декабре 1872 г. его направили на службу в Кронштадтскую крепостную артиллерию.

В мае 1876 г., будучи в чине штабс-капитана, Окулич-Казарин получил назначение в Николаевскую крепостную артиллерию, во время Русско-турецкой

войны 1877–1878 гг. служил в Одесских береговых батареях, в июне – июле 1879 г. – находился в составе русских войск, располагавшихся в Болгарии.

В сентябре 1880 г. Николай Фомич поступил слушателем в Военно-юридическую академию. Возглавлявший это учебное заведение генерал-лейтенант П. О. Бобровский был талантливым администратором и ученым-историком. Его стараниями на преподавательские и профессорские должности были привлечены многие видные ученые-юристы, правоведы, историки, экономисты. Так кафедру гражданского права с 1878 г. возглавлял К. Д. Кавелин. Впоследствии Окулич-Казарин посвятил ему небольшой очерк, в котором отмечал: «В течение трехлетнего академического курса все мы, слушатели, находились под обаянием этого крупного человека, сумевшего стать для нас не только профессором, но и воспитателем, учителем не только права, но и правды».

Кстати, по собственному признанию Окулича-Казарина, после окончания академического курса, он продолжал поддерживать с Кавелиным контакты, бывал в его доме.

В Военно-юридической академии преподавали также такие видные правоведы, как Н. А. Неклюдов, К. Н. Коркунов, С. А. Бершадский и др. Слушатели не только посещали занятия, но и вели самостоятельные исследования, писали рефераты. Н. Ф. Окулич-Казарин подготовил работу по теме «Дворянское сословие в России до и после освобождения крестьян от крепостной зависимости», в которой особо подчеркивал обязанность дворян служить для всех сословий примером полезной деятельности на благо отечества.

В 1884 г. Н. Ф. Окулич-Казарин успешно завершил полный курс Академии по 1-му (высшему) разряду и был направлен в распоряжение Главного военно-судного управления. В феврале 1886 г. он стал помощником военного прокурора Санкт-Петербургского военно-окружного суда, в мае 1890 г. – перемещен на должность военного следователя того же суда.

Стоит заметить, что служба в столичном военном округе считалась особо ответственной: здесь находились высшие государственные и военные учреждения, стояли войска гвардии, да и просто численность населения была велика. Военным юристам округа приходилось рассматривать, среди прочих, дела политического характера, что требовало особого профессионализма. Среди сослуживцев Н. Ф. Окулич-Казарина было немало людей ярких и выдающихся. Например, в один год с ним на должность военного следователя поступил В. Д. Кузьмин-Караваев, в будущем – видный общественный деятель, основатель Партии демократических реформ (1906).

В мае 1895 г. Н. Ф. Окулич-Казарин был назначен судьей в Московский военно-окружной суд, где прослужил до сентября 1901 г., когда его перевели на пост прокурора Кавказского военно-окружного суда (в Тифлисе).

По свидетельству историка А. К. Янсона, хорошо знавшего Окулича-Казарина на закате его жизни, он уже во время службы на военно-судебных должностях начал интересоваться историей и старинными документами.

«Н. Ф., – писал Янсон, – не оставлял без обследования всякий хлам, который ему так или иначе попадал в руки. К счастью и обстоятельства ему в том способствовали. В его распоряжении имелись семейные архивы его родни… Служба его протекала в разных местах России, отмеченных историей; в Кронштадте, Москве, Тифлисе, опять в Москве… Везде и всюду он старался что-нибудь откапать. Так, в Тифлисе он открыл часть семейного архива Воронцовых, там же он в подвале старой церкви нашел целую переписку грузинских базилевсов с первыми Романовыми. В Москве на чердаке родового гнезда своего сослуживца он находит кипу приговоров французского суда 1812 года».

В 1906 г. Н. Ф. Окулич-Казарин вышел в отставку с чином генерал-лейтенанта. Покинув службу, он поселился в Пскове, в скромном деревянном одноэтажном доме местных дворян Сорокиных на Губернаторской улице (ныне ул. Некрасова, д. 37). А. Янсон в биографическом очерке так передает первые впечатления генерала от Пскова: «Помню рассказ Н. Ф., как он, выйдя в отставку и переселившись по семейным обстоятельствам в Псков, сразу же полюбил этот своеобразный город с его белыми изящными церковками, самобытными звонницами и крыльцами, импозантной броней древних стен, Поганкиными палатами и др. старинными зданиями, тихими и идиллическими уголками, в которых, кажется, веет еще 17-м веком».

К сожалению, Янсон не пояснил, какие именно «семейные обстоятельства» привели отставного генерала в Псков. Он состоял в браке с дочерью чиновника Еленой Степановной Касмовской, но детей не имел. Близких родственников в Пскове у него, видимо, не было.

Так или иначе, для Пскова приезд отставного генерала стал несомненной удачей. В том же 1906 г. Н. Ф. Окулич-Казарин вступил в Псковское археологическое общество (ПАО), где вскоре был избран исполняющим должность секретаря и хранителем музея.

Практически с первых дней пребывания в ПАО он приступил к описанию архива музея [9]. Работал он также в других архивах Пскова. В 1907 г. им была опубликована интересная статья «“Слово и дело” в практике Псковской провинциальной канцелярии» [13], посвященная сохранившимся в местных хранилищах политическим доносам и судебным делам XVIII в. При анализе архивного материала Н. Ф. Окулич-Казарин использовал не только обширные познания в истории, но и свой богатый опыт юриста-практика. Он не скрыл очевидной нелепости некоторых дел, надуманности обвинений и жестокости методов расследования. Впрочем, в рассказе о применяемых к обвиняемым пытках краевед счел нужным заметить: «Во всяком случае, как бы ни были ужасны формы нашей пытки, на западе оне были еще утонченнее и разнообразнее» [13].

Кроме того, итогом работы с губернским архивом стала публикация Н. Ф. Окуличем-Казариным в журнале «Русский архив» статьи «Из военно-уголовной хроники 20-х годов прошлого века» [7].

В 1908 г. Н. Ф. Окулич-Казарин составил и опубликовал «Путеводитель по музею Псковского Археологического Общества» [19], который был высоко оценен специалистами (например, на страницах «Исторического вестника»).

1910 г. был отмечен 400-летним юбилеем включения Пскова в состав Московского государства. По этому поводу в ПАО состоялось общее собрание, на котором Н. Ф. Окулич-Казарин выступил с докладом, о сохранившихся в городе архитектурных памятниках, связанным с событиями 1510 г. [10].

В качестве сотрудника ПАО Окулич-Казарин также активно участвовал в организации реставрационных работ и археологических раскопок. Большое значение придавал он также пополнению и улучшению экспозиции музея ПАО. Призывая местных жителей сдавать в музей произведения искусства и предметы старины, он писал: «…Псковское археологическое общество обращается к владельцам древних и старинных вещей с усердною просьбою: уделить хоть малую часть их сокровищ археологическому музею. Оставаясь в руках частных лиц, подобные предметы почти всегда представляют для родного края мертвый капитал, не приносящий никакой пользы, не говоря уже о разных случайностях могущих в один миг истребить этот капитал без остатка. Между тем, сделавшись собственностью музея, эти вещи становятся общественным достоянием, обозрение и изучение которого доступны любому посетителю. Таким путем они могут сослужить добрую службу русской науке и русскому искусству и быть наглядным пособием для познания родной истории» [3].

В этом призыве очень ярко нашли отражение убеждения Н. Ф. Окулич-Казарина, верившего в необходимость привлекать внимание общества к памятникам прошлого, считавшего непреложной обязанностью образованного человека вести просветительскую работу.

Окулич-Казарин поддерживал контакты со многими выдающимися учеными своего времени. Он состоял в переписке с С. Ф. Платоновым [21] и С. Н. Шубинским [22]. В архиве Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина сохранился комплекс писем Окулич-Казарина к коллекционеру С. П. Виноградову [2]. По инициативе Николая Фомича, ПАО помогло ознакомиться с псковскими средневековыми документами Н. И. Серебрянскому и Н. П. Лихачеву [14].

В 1911 г. вышла в свет работа, которую по справедливости можно назвать главным делом жизни Н. Ф. Окулич-Казарина. Это – «Спутник по древнему Пскову», подробный, иллюстрированный (58 иллюстраций и 4 плана) путеводитель по городу, включивший подробные очерки о его истории и важнейших памятниках [15]. Импульс для создания «Спутника» дал с XV археологический съезд в Новгороде (1911), посвященный исследованию Северо-Запада России. В ходе подготовки к нему члены ПАО пришли к выводу о желательности создать путеводитель по Пскову, который охватывал

бы всю его историю, содержал сведения обо всех архитектурных памятниках города. Стоит отметить, что исследованиями прошлого Псковской земли занимались многие талантливые историки и краеведы (митрополит Евгений Болховитинов, А. С. Князев, К. Г. Евлентьев, И. И. Василев, Ф. А. Ушаков и др.). Однако труды их к описываемому времени устарели и (или) стали библиографической редкостью.

На XV археологическом съезде Н.Ф. Окулич-Казарин выступил с докладом о деятельности ПАО [8]. «Спутник по древнему Пскову» приобрел такую популярность, что разошелся практически полностью. Помимо богатого фактами исторического текста, его успеху способствовало то, что Окулич-Казарин привлек к сотрудничеству талантливого местного фотографа О. И. Парли снабдившего сборник фотографиями архитектурных памятников отличного качества.

В 1913 г. вышло в свет второе, дополненное, издание «Спутника по древнему Пскову». Работая над ним, Н. Ф. Окулич-Казарин продолжал активно публиковать статьи и заметки по истории Псковской земли. В 1912 г., в связи с празднованием 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г. он опубликовал работу о псковичах, участвовавших в борьбе против наполеоновской Франции [11]. В ней приведены данные о видных военачальниках М. И. Голенищеве-Кутузове, Н. М. Бороздине, П. П. Коновницыне, партизане А. С. Фигнере и о менее известных офицерах: А. П. Клокачеве, К. С. Вальцове, Ф. С. Родзянко и др.

Во вступлении к работе Ф. Ф. Окулич-Казарин отметил: «Русское дворянство искони было сословием служилым. Это были первые слуги государевы, первые оберегатели родной земли, первые борцы на бранном поле. Таковым появляется наше высшее сословие на заре русской государственности, в форме княжеской дружины, и таковым проходит оно через всю русскую историю. Права и преимущества дворянства, его благосостояние, само его бытие обусловливается его служебным положением и в нем находит свое оправдание…» [11]. Здесь вновь прозвучала очень характерная для Н. Ф. Окулича-Казарина мысль: долг дворянина служить Отечеству, отдавать ради его блага все свои таланты и силы.

В том же году Н. Ф. Окулич-Казарин опубликовал биографический очерк о псковском дворянине Е.П. Назимове – ветеране наполеоновских войн и ярком мемуаристе [12].

Большое место в деятельности Окулича-Казарина занимали усилия по охране и спасению памятников старины, в том числе – старинных Псковской крепости. Здесь ученые постоянно сталкивались и с косностью части местной администрации, и с невежеством населения. В «Спутнике по древнему Пскову» Окулич-Казарин с горечью писал: «Ныне Псковские стены и башни находятся в самом печальном состоянии, разрушаемые беспощадным временем, которому деятельно помогает и рука человека. Конечно, главными при-

чинами гибели Псковских укреплений надо признать непрочность местной плиты (известняка. – *А. М.*) и необыкновенную длину стен, требующую для поддержания их огромных средств… Но не меньшими врагами являются: людская алчность, презрительное равнодушие к родной старине и, наконец, простое озорство, особенно со стороны подростков» [15].

Эти резкие обвинения (к величайшему сожалению, нисколько не утратившие актуальности и сегодня) Н. Ф. Окулич-Казарин подтверждал конкретными примерами. Так, повествуя о самой мощной в крепости Покровской башне, краевед не скрыл от читателей, в каком виде они могли увидеть шедевр древнерусской фортификации: «Внутренность ее (башни. – *А. М.*) содержится в гнуснейшем виде: это – ретирадное место… Городская Управа пробовала очищать башню, даже приделала дверь с висячим замком, но замок тотчас же был сбит, и историческая башня снова превратилась в ретирадное место» [15].

Сталкиваясь с равнодушием к памятникам истории, Н. Ф. Окулич-Казарин проявлял немалую резкость. Так, когда в январе 1914 г., на заседании городской думы, гласные Д. Д. Поддубский и В. С. Седельщиков высказались против ассигнования ПАО 150 рублей и заявили, что члены общества ремонтом старинных построек не занимаются, краевед язвительно отчитал их со страниц местной прессы. Он привел немало примеров полезной деятельности общества, указал на скудость финансирования и насмешливо заметил: «Если есть на свете мудрец, умеющий на 150 руб. в год чинить каменные стены в 7 ½ верст длиной с 16 башнями, то Псковское Археологическое общество было бы ему весьма признательно за сообщение этого секрета» [17].

В начале 1912 г. в Москве состоялось заседание Предварительного комитета по организации XVI Археологического съезда, который был намечен на 1914 г. После дискуссий, местом проведения съезда избрали Псков. ПАО немедленно развернуло активную работу по подготовке этого значимого научного мероприятия. На совместном заседании ПАО и Псковского церковного историко-археологического комитета было сформировано Псковское отделение Предварительного комитета под председательством местного губернатора Н. Н. Медема.

В ходе подготовки к съезду члены ПАО во главе с Окуличем-Казариным начали работу по составлению археологической карты Псковской губернии. С этой целью они разослали 10 тыс. опросных листов, содержавших вопросы преимущественно связанные с историей и археологией. Велись также раскопки и разведка отдельных памятников. Собранные, весьма обширные, данные были опубликованы в «Трудах Псковского Археологического общества» [6].

Видимо, именно подготовка к съезду активизировала пополнение музея ПАО. В мае 1913 г. ему была передана часть коллекции известного псковского коллекционера древностей Ф. М. Плюшкина, включавшая монеты, изделия из стекла, бронзы, фарфора, картины и миниатюры, редкие книги и др.

Чрезвычайно активно велась подготовка также к выставке, открыть которую предполагалось во время съезда. Устроители рассчитывали поместить экспозицию (более чем 1300 экспонатов) в обширном зале Художественно-промышленной школы им. Н. Ф. Фан-дер-Флита [1] (Окулич-Казарин, кстати, входил в ее попечительский совет).

В июле 1914 г. в Пскове также развернулась активная работа по подготовке к строительству храма во имя св. Ольги в с. Выбуты, под Псковом (по летописным данным равноапостольная княгиня провела здесь юность).

12 июля состоялось совместное заседание Комитета по постройке храма и Совета ПАО, которое почтили своим присутствием королева Греции Ольга (дочь великого князя Константина Николаевича), ее братья, великие князья Константин и Игорь Константиновичи.

Н. Ф. Окулич выступил с речью. В ней он подчеркнул достоверность суждений о том, что Ольга родилась на Псковской земле. Кроме того, историк особо отметил исторические заслуги Пскова перед Русским государством. «…Псков, – говорил он, – прошел свой крестный путь без страха и упрека… Золотыми буквами вписана история Пскова в общую историю Русской Земли! Боевая доблесть Псковитян удостоверена не только нашими летописями, но и свидетельством наших врагов. Но за Псковичами, помимо боевых заслуг, числится и еще один подвиг – иного значения. Государственные начала, заложенные здесь княгиней Ольгой, с особою силою сказались в 1510 г., в этом роковом году падения независимости Пскова. Борьба была возможна, и не без надежды на успех, при помощи соседей: Польши, Литвы и немцев. Но государственное чувство подсказало тогда Псковичам, что в этот момент борьба с Москвою была бы историческим преступлением» [2]. Эта оценка, искреннего государственника и патриота, звучит очень актуально накануне тех великих испытаний, которые ожидали страну в самом ближайшем будущем.

Открытие Археологического съезда было назначено на 22 июля 1914 г., однако разразившаяся Первая мировая война, резко изменив жизнь страны, полностью разрушила планы ученых. 19 июля газета «Псковская жизнь» с печалью сообщила читателям, что съезд отложен «на неопределенное время» и «почти совершенно приготовленная археологическая выставка спешно разбирается» [18].

С началом войны Н. Ф. Окулич-Казарин был назначен военным цензором [4]. Однако новые служебные обязанности не уменьшили его активности, как ученого-краеведа и историка. В 1916 г. он прочел на заседании ПАО и опубликовал доклад об осаде Пскова войсками шведского короля Густава-Адольфа II в 1615 г. [16]. Готов доклад был уже в 1915 г., к 300-летнему юбилею события, но по различным обстоятельствам автор представил его позже.

В своей новой работе Н. Ф. Окулич-Казарин вновь выступил и как скрупулезный исследователь, и как горячий пропагандист идей патриотизма.

В конце доклада он, разумеется, не оставил без внимания события Мировой войны и с уверенностью заявил: «Против немецких полчищ стоят не полки, дивизии и корпуса – стоит вся Русская Земля. Народ видит и сознает это. «Земля встала» – сказал еще в начале войны один псковский крестьянин. И в этих двух словах, идущих откуда-то из глубины веков, разве не слышится действительно голос всей Земли Русской?» [16].

По инициативе Окулича-Казарина, был начат сбор средств на установку памятного знака в честь 300-летнего юбилея обороны Пскова от шведских войск.

Революционные события 1917 г., несомненно, стали для Н. Ф. Окулич-Казарина тяжелым потрясением. Однако от борьбы с Советской властью он отказался, видимо, полагая, главным своим долгом спасение и защиту памятников истории. Существует полулегендарный рассказ, что в период оккупации Пскова немецкими войсками (март-ноябрь 1918 г.) Николай Фомич уговорил германское командование не использовать псковский кремль в качестве узла обороны города [5].

Практически сразу после взятия Пскова Красной армией в ноябре 1918 г., Н. Ф. Окулич-Казарин был арестован органами ЧК. В своем письме к С. Ф. Платонову от 22 мая 1919 г. Николай Фомич рассказывал следующее: «…На 3 день по вступлении советских войск я был арестован шайкой пьяных солдат, не имевших ни ордера, ни иных полномочий и совершенно меня не знавших и никогда в лицо не видевших. Причины ареста – мои отставные генеральские погоны и малиновая подкладка моего пальто. В тюрьме я пробыл 11 дней. Меня допрашивали, но никаких обвинений не предъявляли: ч[е]рез 11 дней освободили, обязав подпиской являться дважды в неделю в Чрезвычайку, что я и исполняю с 7 декабря. Впрочем, теперь мне разрешили являться только один раз в неделю. В чрезвычайке я расписываюсь и ухожу – вот и все, по чистой совести» [23].

Причиной благоприятного для ученого исхода инцидента стало, в большой мере, заступничество коллег и руководства архивного ведомства. Однако, даже, ходатайства об освобождении содержат данные о мрачных реалиях революционного времени. Так заведующий Главархивом Д. Б. Рязанов, убеждая псковских чекистов в лояльности Окулич-Казарина, писал: «Деятельность его (Окулич-Казарина. – *А. М.*) в Пскове также лишена была какой бы то ни было политической окраски. <…> Его племянник – офицер гвардии – расстрелян в Петрограде. Но этот племянник никогда в Пскове не живал и не бывал и не имеет ничего общего с дядей» [23].

По выходу из тюрьмы, Н. Ф. Окулич-Казарин не отказался от своих принципов: заниматься, прежде всего, сохранением исторических памятников. Он согласился возглавить в губернии архивную службу, принимал меры для спасения ценностей из разоряемых крестьянами помещичьих имений.

По свидетельству коллег, ученый также активно работал над мемуарами. Уже после смерти Окулич-Казарина, краевед А. К. Янсон в посвященном ему очерке особо отметил значение этих мемуаров для науки, но, при этом, им характеристику в духе официальной советской идеологии. «Благодаря связям своей семьи – писал Янсон, он (Окулич-Казарин. – *А. М.*) имел возможность наблюдать в интимной обстановке таких деятелей, как Вышнеградский, Милютин, Т. Филиппов, гр. Адлерберг и др. <…> Слушая чтение его мемуаров, мы видели воочию затхлую среду питерских военных, разврат с потугами на утонченность салонных львиц средней руки, самодурство и невысокий ум разных придворных фаворитов, попавших в фавор большей частью «серальными услугами», нудную канцелярщину своеобразного военно-судного ведомства, серенькую, пошленькую, гаденькую атмосферу бюрократии 70, 80, 90-х годов» [24].

С большой долей вероятности можно предположить, что в действительности Н. Ф. Окулич-Казарин не был склонен чернить прошлое страны и государство, которому служил долгие годы. Рассуждения насчет «серальных услуг» и «гаденькой атмосферы», скорее всего, плод вымысла Янсона, который стремился таким способом заинтересовать советских руководителей в трудах царского генерала. К сожалению, самим мемуары Окулича-Казарина были утеряны.

В мае 1919 г. Псков заняли войска буржуазной Эстонской Республики, командование которых затем отдало город в руки белого командира С. Н. Булак-Балаховича. Н. Ф. Окулич-Казарин в это время выехал в Эстонию, в г. Юрьев для лечения и назад уже не возвратился. Он обосновался в маленьком местечке Обер-Пален (Пылтсамаа), участвовал в работе различных эмигрантских организаций, преподавал русский язык в местном реальном училище. 26 апреля 1923 г. Николай Фомич Окулич-Казарин скончался от болезни сердца.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Александров, А. А.** К 70-летию подготовки XVI Археологического съезда // Археология и история Псковской земли. – Псков, 1985. – С. 7–8.

2. **Александрова, Н. В.** Псковские письма Н. Ф. Окулич-Казарина (по материалам архива ГИИМ имени А. С. Пушкина) // Псковский краевед Н. Ф. Окулич-Казарин. – Псков, 2001. – С. 31–56.

3. **Вестник** Псковского губернского земства. – 1908. – 2 марта (№ 9). – С. 15.

4. **Государственный** архив Псковской области (ГАПО). – Фонд 20. – Оп. 1. – Д. 3128. – Л. 73.

5. **Калкин, О. А.** Он спас псковский Кремль // Аргументы и факты. – 1999. – № 48 (Псков. № 33). – С. 12.

6. **Материалы** для археологической карты Псковской губернии // Труды Псковского Археологического Общества. 1913–1914 гг. – Псков, 1914. – Вып. 10. – С. 131–310.

7. **Окулич-Казарин, Н. Ф.** Из военно-уголовной хроники 20-х годов прошлого века // Русский архив. – 1907. – Вып. 5. – С. 81–88.

8. **Окулич-Казаринов, Н. Ф.** Краткий очерк деятельности Псковского Археологического Общества, его музея и мер, принимаемых для охраны памятников старины // Труды Пятнадцатого Археологического Съезда в Новгороде. – М., 1914. – Т. 1. – С. 119.

9. **Окулич-Казарин Н. Ф.** Опись свитков, находящихся в музее Псковского археологического общества // Труды Псковского Археологического Общества за 1906 г. – Псков, 1906. – Вып. 4. – С. 177–191.

10. **Окулич-Казарин, Н. Ф.** Памятники падения псковской независимости // Труды Псковского Археологического Общества 1909–1910 гг. – Псков. – 1910. – Вып. 6. – С. 10–17.

11. **Окулич-Казарин, Н. Ф.** Псковские дворяне в войнах 1806, 1812, 1813 и 1814 г. : (архивная справка). – Псков, 1912. – 68 с.

12. **Окулич-Казарин, Н. Ф.** Псковский ветеран Наполеоновских войн // Труды Псковского Археологического общества, 1911–1912. – Псков, 1912. – Вып. 8. – С. 43–76.

13. **Окулич-Казарин, Н. Ф.** «Слово и дело» в практике Псковской провинциальной канцелярии // Труды Псковского Археологического Общества за 1907–1908 гг. – Псков. – 1909. – Вып. 5. – С. 44–104.

14. **Окулич-Казарин, Н. Ф.** Содействие другим учреждениям и лицам : [из отчета секретаря ПАО за 1908 г.] // Труды Псковского Археологического Общества за 1907–1908 гг. – Псков, 1909. – Вып. 5. – С. 184–191.

15. **Окулич-Казарин, Н. Ф.** Спутник по древнему Пскову (любителям родной старины). – Изд. 2-е, испр. и доп. – Псков, 1913. – С. 183.

16. **Осада** Пскова Густавом-Адольфом в 1615 г. // Труды Псковского Археологического общества. 1915–1916 гг. – Псков, 1916. – Вып. 12. – С. 39–51.

17. **Псковская** жизнь. – 1914. – 19 июля (№ 904). – С. 2.

18. **Псковская** жизнь. – 1914. – 14 янв. (№ 829). – С. 2.

19. **Путеводитель** по музею Псковского Археологического Общества: с четырьмя портретами и видом Поганкиных палат. – Псков. – 1908. – 159 с.

20. **Речь**, сказанная секретарем Псковского Археологического Общества Н. Ф. Окулич-Казариным 12 июля 1914 г. в торжественном соединенном заседании Комитета по постройке храма во имя св. Ольги в Выбуте и Совета Псковского Археологического Общества в присутствии Королевы Эллинов Ольги Константиновны и князей Константина и Игоря Константиновичей // Труды Псковского Археологического общества. 1915–1916 гг. – Псков, 1916. – Вып. 12. – С. 35.

21. **РНБ.** Отдел рукописей. – Фонд 585 (Платонов С. Ф.). – Оп. 1. – Ед. хр. 3710, 5055.

22 **РНБ.** Отдел рукописей. – Фонд 874 (Шубинский С. Н.). – Оп. 1. – Ед. хр. 126.

23. **Седельников, В.** ЧК и Архивы : два эпизода из истории архивного дела в первые годы Советской власти // Звенья. – М., 1991. – Вып. 1. – С. 461.

24. **Янсон, А. К.** Окулич-Казарин // Познай свой край! : сборник Псковского общества краеведения. – 1924. – Вып. 1. – С. 62.

М. Н. Самонова (Гомель)

ПОДВИНЬЕ В КОНТАКТАХ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН СО СКАНДИНАВАМИ

Древнейшими письменными памятниками Скандинавии, отражающими славяно-скандинавские связи эпохи викингов, являются *рунические надписи*. Наибольшее количество надписей с древнерусским материалом обнаружено в Швеции. О хорошем знании скандинавами восточноевропейской территории свидетельствует значительное количество топонимов и этнонимов – около 20. Наиболее подробно скандинавам были известны северо-западные области Восточной Европы: Прибалтика и Северная Русь [12, с. 36]. Территория Руси в рунических надписях представлена наименованием *Garðr*. Около 10 раз встречается выражение «на востоке в Гардах» (*austr i Görðum*), которое можно считать устойчивой формулой. Выделяется только Новгород (*Hólmgarðr*), который упоминается трижды. Далее на юг встречаются единичные упоминания городов Витичев (*Vitahólmr*) и Устье (*Ustahólmr*) на Днепре, днепровских порогов – Айфора (*Aiforr*) и Ровстейна (*Rófsteinn*). Очевидно, что скандинавам были более знакомы ближайшие к скандинавским странам северо-западные области Руси. Однако они также хорошо знали и использовали днепровский путь.

Территория Беларуси представлена в рунических надписях гидронимом Западная Двина (*Dúna*), который встречается в памятнике из Седерманланда – области в Средней Швеции, что около озера Меларен. Рунический камень датируется XI в. [12, с. 69–70]. Интересно, что Западная Двина является единственной восточноевропейской рекой, упоминаемой в рунических текстах. Также отметим то, что скандинавы контактировали с ближайшими соседями Полоцкого княжества на северо-западе, проживавшими в бассейне Западной Двины – земгалами и ливами. Эти народы обозначены в рунических надписях этнонимом *Semgallir* и топонимом *Lifland*. Таким образом, рунические тексты из Скандинавии зафиксировали связи Швеции с Белорусским Подвиньем в XI в., особенно на границе с прибалтийскими землями.

Памятники рунического письма с территории Руси представляют собой в основном надписи на различных предметах, обнаруженные при археологических раскопках древних поселений. Древнейшая руническая надпись эпохи викингов обнаружена в Ладоге и датируется первой половиной IX в. Предложенные интерпретации позволяют рассматривать ее как один из первых памятников древнескандинавской поэзии. Руническая письменность широко использовалась в ритуальной практике [9, с. 211]. При раскопках Верхнего замка, детинца Полоцка XI–XIII вв., было обнаружено несколько игральных костей, на одну из которых были нанесены рунические знаки, читаемые как *kaþi*. Вероятной интерпретацией данного слова является древ-

не исландское *gæði* «удача, везение», что выступает в качестве пожелания удачи владельцу кости [10, с. 187; 11, с. 252].

Находки скандинавских рунических надписей в Восточной Европе не являются редкостью, однако преимущественно это единичные находки. Исключением является большой комплекс фрагментов костей животных и птиц (более 120) с надписями и другими граффити, обнаруженный при раскопках городища у деревни Масковичи Браславского района Витебской области. Поселение существовало в XI–XIII вв. и было одним из форпостов Полоцкого княжества на его северо-западных рубежах. О его военизированном и торговом характере свидетельствует сюжетика рисунков, в которой выделяются изображения кораблей и вооруженных воинов, одетых в шлемы и кольчуги, нередко с мечами в руках [11, с. 216]. Поселение было опорным пунктом на Западно-Двинском пути, в котором размещался варяжский гарнизон, подчиненный полоцкому князю.

Большинство знаков, представленных в масковичском комплексе, соотносится со средневековой рунической письменностью XII–XIV вв. в ее «бытовом варианте» – той форме, которую она имела в надписях на предметах повседневного использования и на случайных предметах (деревянных стержнях, обломках костей, дощечках и т. д.) [8, с. 213]. Е. А. Мельникова выделила специфические особенности масковичского письма в сравнении с аналогами в Скандинавии – использование редких вариантов написания рун, частотность использования некоторых графем [8, с. 214–215]. Она трактует это тем, что носителями рунического письма из Масковичей могли быть славянизированные потомки варягов предшествующего времени, которые уже утратили непосредственные связи со Скандинавией, однако в трансформированном виде сохранили свой язык и письменность. Такая версия, на ее взгляд, может объяснить и наличие в письме из Масковичей кириллических надписей. Специфика надписей и сюжет рисунков могут свидетельствовать о том, что скандинавы проживали здесь долгое время на протяжении многих поколений, основным их занятием было военное дело, при этом процесс их ассимиляции затянулся до XIII в.

Рунические надписи из масковичского комплекса были интерпретированы Е. А. Мельниковой [11, с. 213–247]. Среди читаемых надписей можно выделить скандинавские мужские имена (*Jokell, Gilljotr, Oddi*), магические заклинания; латинские слова, связанные с католической верой (*Ave, curatio*), административно-фискальные термины (*tjáðu* «сообщили, доложили», *tekja* «доход, поступление в казну», *réttu* «решай, суди») и др.

Итак, рунические тексты, выявленные в древнерусских городах и поселениях, позволяют выделить различные уровни скандинаво-славянских контактов на протяжении IX–XIII вв., – от сакрально-магических и поэтических до бытовых и административно-хозяйственных. География находок рунических надписей на белорусских землях свидетельствует об инфиль-

трации скандинавов в Подвинье. Скандинавское присутствие, очевидно, имело постоянный характер: специфика рунического письма с Масковичей свидетельствует о постепенной, на протяжении IX–XIII вв., ассимиляции скандинавов, находившихся в славянском окружении. Таким образом, комплекс рунических надписей с Масковичей противоречит долгое время господствовавшему в отечественной науке тезису о быстрой ассимиляции скандинавов на Руси в течение IX–X вв. В целом количество рунических надписей на белорусских землях не особенно уступает другим землям Руси.

К древнейшим памятникам скандинавской словесности относится *скальдическая поэзия*, зародившаяся и получившая развитие в Норвегии и Исландии в IX–XIII вв. Около 40 скальдических вис, принадлежащих 20 скальдам IX–XII вв., сообщают о поездках (военных и мирных) скандинавских конунгов и ярлов в земли, расположенные за Балтийским морем, или содержат восточноевропейские топонимы [2, с. 420]. Для обозначения территорий, лежащих на восток от Скандинавии, от Восточной Прибалтики до Византии, скальды использовали существительное *austr* «восток» и образованные от него слова *Austrvegr* «Восточный путь», *Austrlönd* «Восточные земли». Русь в большинстве случаев скальды обозначали при помощи словосочетания *austr í Görđum* «на востоке в Гардах», которое также характерно и для рунических надписей. Самое раннее упоминание названия Руси в форме *Garđar* встречается в произведении исландца Халльфреда Трудного Скальда, созданном в 996 г. и посвященном подвигам норвежского конунга Олава Трюггвасона «на востоке в Гардах» [3, с. 89].

Большинство скальдических стихов X – начала XI в., содержащих информацию о военной активности скандинавов на «восточных» землях, фиксируют нападения на Восточную Прибалтику, в частности, на эстонские земли. И только одна виса из поэмы «Бандадрапа» исландского скальда начала XI в. Эйольва Дадаскальда сообщает о нападении норвежского ярла Эйрика на Русь в 997 г. [3, с. 106]. Скальд говорит об «опустошении земли Вальдемара огнем битвы» и разрушении Ладоги (*Aldeigja*). Отметим, что Ладога является единственным древнерусским городом, зафиксированным в скальдических стихах, а Владимир Святославич – единственным древнерусским князем, упоминаемым скальдами. Как видим, в поэзии скальдов в качестве основного объекта грабительских походов скандинавов на восток, осуществлявшихся до начала XI в., были восточноприбалтийские земли.

Непосредственно к белорусским территориям имеет отношение виса Бранда Путешественника, сохранившаяся в тексте «Саги о крещении». В саге содержатся сведения о том, что исландец Торвальд Кодранссон «умер на Руси, недалеко от Полоцка. Там он погребен на одной горе у церкви Иоанна Крестителя, и они называют его святым» [6, с. 195–196]. Для подтверждения достоверности известий о Торвальде автор саги ссылается на слова скальда: «Так говорит Бранд Путешественник: «Пришел я туда, где Торвальду, сыну

Кодрана, Христос дарует покой. Там он похоронен на высокой горе, вверх по Дравну подле церкви Иоанна» [5, с. 195–196].

Современные исследователи полагают, что особенности стихосложения висы свидетельствуют в пользу аутентичности сочинения Бранда и возможной достоверности ее деталей [5, с. 196]. Локализация сюжета висы на территории Руси в окрестностях Полоцка опирается на предшествующий текст саги. Еще в одной саге «Пряди о Торвальде Путешественнике» Полоцк не упоминается, но сообщается о том, что на Руси Торвальд основал монастырь рядом с церковью Иоанна Крестителя, расположенный у подножия горы Древн (*Dröfn*), где и был погребен [5, с. 190–193]. Местонахождение «высокой горы на Дравне/Древне» точно не установлено. Т. Н. Джаксон подчеркивает возможность захоронения Торвальда поблизости поселения у деревни Масковичи [4, с. 139–140]. Как было отмечено выше, на этом поселении на протяжении нескольких веков проживали скандинавы. Вполне вероятно, что именно здесь мог быть погребен их земляк исландец Торвальд. Белорусские историки связывают деятельность Торвальда с Полоцком [7, с. 5]. Подтверждением этого предположения являются сведения о монастыре св. Иоанна, который располагался напротив полоцкого Верхнего замка, на Острове, который, возможно, ранее назывался «Травен» [1, с. 516; 13, с. 31].

В целом отсутствие прямых известий скальдической поэзии о Полоцкой земле свидетельствует о более поздних и менее интенсивных связях Скандинавии с нашей территорией в сравнении с ладожско-ильменским регионом Руси. Рунические надписи с территории Скандинавии также подтверждают это. Тем не менее, виса Бранда Путешественника, зафиксировавшая существование церкви Иоанна на Дравне и погребение при ней исландца Торвальда, может рассматриваться как проявление скандинаво-византийско-славянского взаимодействия в христианизации Полоцкого княжества на рубеже X–XI вв. А комплекс рунических надписей с поселения у деревни Масковичи является доказательством долговременного проживания (до XIII в.) выходцев со Скандинавии в отдельных пунктах Белорусского Подвинья.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Мельникова, Е. А.** Скандинавские рунические надписи : тексты, пер., коммент. / Е. А. Мельникова ; АН СССР, Ин-т истории СССР. – Москва : Наука, 1977. – 276 с.

2. **Лебедев, Г. С.** Эпоха викингов в Северной Европе : ист.-археол. очерки / Г. С. Лебедев. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. – 288 с.

3. **Мельникова, Е. А.** Новые находки скандинавских рунических надписей на территории СССР / Е. А. Мельникова, М. В. Седова, Г. В. Штыхов // Древнейшие государства на территории СССР : материалы и исслед. / АН СССР, Ин-т истории СССР ; отв. ред. В. Т. Пашуто. – Москва : Наука, 1983. – С. 182–188.

4. **Мельникова, Е. А.** Скандинавские рунические надписи : новые находки и интерпретации : тексты, пер., коммент. / Е. А. Мельникова. – Москва : Вост. лит., 2001. – 496 с.

5. **Дучиц, Л. В.** Надписи и знаки на костях с городища Масковичы (Северо-Западная Белоруссия) / Л. В. Дучиц, Е. А. Мельникова // Древнейшие государства на территории СССР : 1980 : материалы и исслед. / АН СССР, Ин-т истории СССР ; [отв. ред. В. Т. Пашуто]. – Москва : Наука, 1982. – С. 185–217.

6. **Глазырина, Г. В.** Скандинавские источники / Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон, Е. А. Мельникова // Древняя Русь в свете зарубежных источников : учеб. пособие / М. В. Бибиков [и др.] ; под ред. Е. А. Мельниковой. – Москва : Логос, 1999. – С. 408–563.

7. **Джаксон, Т. Н.** Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей : X–XIII вв. / Т. Н. Джаксон // Древнейшие государства на территории СССР : 1988–1989 гг. : материалы и исслед. – Москва : Наука, 1991. – С. 5–169.

8. **Древняя** Русь в свете зарубежных источников : хрестоматия / под ред. Т. Н. Джаксон [и др.]. – Москва : Рус. Фонд содействия образованию и науке, 2009. – Т. 5 : Древнескандинавские источники. – 384 с.

9. **Древняя** Русь в свете зарубежных источников : учеб. пособие для студ. вузов / М. В. Бибиков [и др.] ; под ред. Е. А. Мельниковой. – Москва : Логос, 1999. – 608 с.

10. **Джаксон, Т. Н.** Austr í Görðum: древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках / Т. Н. Джаксон. – Москва : Яз. рус. культуры, 2001. – 208 с.

11. **Дук, Д. У.** Полацк і палачане (IX–XVIII стст.) / Д. У. Дук. – Наваполацк : ПДУ, 2010. – 180 с., [22] арк. іл.

12. **Штыхов, Г. В.** Древний Полоцк (IX–XIII вв.) / Г. В. Штыхов. – Минск : Наука и техника, 1975. – 136 с.

13. **Белы, А.** Торвальд Кодрансан / А. Белы, В. Рыч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / гал. рэд. Г. П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск, 2001. – Т. 6, кн. 1 : Пузыны – Усая. – С. 516.

Н. В. Трафімчык (Мінск)

МАТЭРЫЯЛЬНАЕ СТАНОВІШЧА НАСЕЛЬНІЦТВА УШАЦКАГА РАЁНА Ў ПЕРШЫЯ ГАДЫ ПАСЛЯ ВЫЗВАЛЕННЯ АД НАЦЫСЦКАЙ АКУПАЦЫІ

Светлай памяці Р. Барадуліна

Мінулае Ушаччыны – радзімы многіх беларускіх талентаў – заўсёды прыцягвала ўвагу гісторыкаў. З пазіцый сённяшняга дня некаторыя старонкі гісторыі краю патрабуюць пераасэнсавання.

Дадзены артыкул прысвечаны тэме пасляваеннага адраджэння і развіцця раёна і грунтуецца на звестках, якія атрыманы з мясцовай газеты, што тады мела назву «Соцыялістычны шлях». Ва ўвагу прымаліся як бягучыя нататкі ў газеце, так і справаздачы і планы савецкага і партыйнага раённага кіраўніцтва. Артыкулы характарызуюцца рознай ступенню аб'ектыўнасці. У першыя пасляваенныя гады друкаваліся матэрыялы па аднаўленні

гаспадаркі раёна, гучала шмат крытыкі, у тым ліку і ў бок адказных асоб райвыканкама.

Віцебская вобласць, у склад якой да верасня 1944 г. уваходзіў Ушацкі раён, за гады Вялікай Айчыннай вайны панесла цяжкія страты. Шкода, нанесеная грамадзянам, калгасам, дзяржаўным прадпрыемствам і ўстановам мясцовага падпарадкавання была ацэнена ў 25 258 770,8 тыс. рубл. (у цэнах 1941 г.) [2, с. 310]. Мільёны людзей засталіся без прытулку, не хапала адзення, абутку, элементарных рэчаў першай неабходнасці.

У паляпшэнні матэрыяльнага становішча беларускага народа важнае значэнне мелі пастаўкі неабходных тавараў з іншых рэспублік і рэгіёнаў краіны. Гэта былі ў асноўным крупы, мука, тлушч, цукар, соль, кандытарскія вырабы, а таксама абутак, адзенне, тканіна, бялізна. У адпаведнасці з пастановай Савета народных камісараў БССР ад 16 лістапада 1944 г. «Аб дадатковай неадкладнай дапамозе насельніцтву Асвейскага і Ушацкага раёнаў Полацкай вобласці, найбольш пацярпелых ад нямецкай акупацыі», жыхары Ушацкага раёна атрымалі ад розных устаноў, такіх як Чырвоны Крыж, Белкаапсаюз, Наркамгандаль і іншых, адзенне: 250 жаночых, 100 мужчынскіх і 200 дзіцячых паліто, 400 жаночых сукенак, 380 дзіцячых сарафанаў-сукенак, 100 мужчынскіх, 100 дзіцячых кашуль, 100 жаночых блузак, 100 дзіцячых і 50 дарослых шапак-вушанак, 125 пінжакоў, 125 мужчынскіх штаноў, 250 пар дзіцячай бялізны і інш. З тавараў першай неабходнасці было даручана завезці ў раён 30 т солі, 3 т гаспадарчага мыла, 1000 кг цукру і кандытарскіх вырабаў, 12 т мукі, посуду на 3,5 тыс. руб., прамтавараў на 360 тыс. руб. Акрамя таго, для Ушаччыны было выдзелена 5 тыс. драўляных лыжак, 200 відэльцаў, 100 сталовых місак, 250 бляшаных кружак і інш. [2, с. 217–219].

Першы пяцігадовы пасляваенны план аднаўлення і развіцця народнай гаспадаркі рэспублікі прадугледжваў шэраг сацыяльных мерапрыемстваў па разгортванні тавараабароту, павышэнні расходаў на жыллёвае і культурна-бытавое абслугоўванне насельніцтва, павелічэнні заработнай платы і г. д. У выніку планавалася не толькі аднавіць даваенны ўзровень дабрабыту грамадзян, але і перавысіць яго. Аднак рэалізацыя гэтых задач стрымлівалася шматлікімі праблемамі. Развіццё народнай гаспадаркі БССР пасля сусветнай вайны характарызавалася рэзкім паваротам у бок сродкаў вытворчасці. На гэтых напрамках акцэнтавалася ўвага савецкіх і партыйных органаў, сюды накіроўваліся асноўныя людскія і матэрыяльныя рэсурсы, што не магло не адбіцца на развіцці лёгкай прамысловасці і забеспячэнні насельніцтва таварамі масавага спажывання. На дабрабыт жыхароў Беларусі адмоўна ўплывалі і цяжкасці ў развіцці сельскай гаспадаркі. Да таго ж да канца 1947 г. у рэспубліцы, як і ў краіне ў цэлым, захоўвалася сістэма нарміраванага размеркавання важнейшых харчовых і прамысловых тавараў. Усе без выключэння гарады і працоўныя пасёлкі забяспечваліся хлебам па картках. Нормы спажывання былі невялікімі: рабочыя атрымлівалі 500–700 г хлеба, служа-

чыя – 400–500, утрыманцы і дзеці – 300 г. Самыя неабходныя прамысловыя тавары (мыла, скураны абутак, валёнкі, целагрэйкі, шарсцяныя вырабы і г. д.) да снежня 1947 г. выдаваліся па спецыяльных ордэрах і талонах [9, с. 355].

На сялянства сістэма нарміраванага размеркавання харчовых і прамысловых тавараў не распаўсюджвалася. Асноўнай крыніцай матэрыяльнага забеспячэння калгаснікаў з'яўлялася іх асабістая гаспадарка, але яе прадукцыйнасць у цэлым па рэспубліцы была нізкай. Мізэрнай была і аплата працадня калгаснікаў. Ва Ушацкім раёне ў 1945 г. за адзін працадзень выдавалі па 300 г зярна і бульбы [8]. Праўда, нельга не адзначыць, што, згодна са справаздачамі раённага кіраўніцтва, год ад году аплата працадня павялічвалася. Так, у 1946 г. на кожны працадзень выдаткоўвалі «па аднаму кілограму зярна і па 2,3 кілограма бульбы» [8], у 1947 г. – «па 1,2 кілограма зернавых, 3,5 кілограма бульбы і 3 рублі грашыма» [7], а ў 1948 г. вага калгаснага працадня вырасла ў сярэднім па раёне «на 700 грамаў па зерна-бабовых культурах і каля 1 кілограма па бульбе» [4]. А, напрыклад, у калгасе «Перадавы» Гарбаціцкага сельсавета вага працадня ў 1948 г. павялічылася ў параўнанні з папярэднім годам амаль утрая і склала 2 кг зернавых і 6 кг бульбы [4].

У снежні 1947 г. у краіне была адменена карткавая сістэма на харчовыя і прамысловыя тавары, а таксама праведзена грашовая рэформа, што садзейнічала павышэнню пакупніцкай здольнасці насельніцтва [3, с. 77]. Як паведамляла раённая газета Ушаччыны, у 1948 г. агульнае паляпшэнне дабрабыту жыхароў раёна адбілася на росце попыту «на прамысловыя тавары і прадметы шырокага ўжытку. Аб гэтым сведчаць параўнальныя лічбы рэалізацыі тавараў гандлёвымі арганізацыямі. Толькі за тры кварталы бягучага года прададзена насельніцтву хлапчатабумажных тканін на 803 тыс. рублёў больш, чым за увесь 1947 год, шарсцяных тканін і гатовага адзення на 35 тыс. рублёў і абутку на 84 тыс. рублёў» [4]. У наступныя гады, як рапартуе газета, пашыраецца гандлёвая сетка, аб'ём тавараабароту значна павялічваецца. Гэта датычылася не толькі прамысловых, але і харчовых тавараў. Ужо ў 1950 г. у параўнанні з папярэднім годам было рэалізавана ў паўтары разы болей хлеба, у два разы болей солі і кандытарскіх вырабаў, у тры разы болей цукру [6].

Адной з асноўных праблем на вёсцы і ў горадзе быў недахоп жылля. Акупанты знішчылі на нашай тэрыторыі 70 тыс. жылых дамоў, якія належалі дзяржаве, і звыш 391 тыс. дамоў, што былі асабістай уласнасцю грамадзян [5, с. 351]. У кепскім становішчы знаходзілася і тая частка жылфонду, што захавалася, бо ў перыяд акупацыі жыллё не ведала рамонту і належнага догляду.

З першых дзён вызвалення ў Беларусі пачалі ажыццяўляцца захады па аднаўленні жыллёвага фонду. Ва Ушацкім раёне ўжо ў першы пасляваенны

год было пабудавана 340 дамоў для калгаснікаў, пацярпелых ад нямецкай акупацыі – было ўселена 370 сем'яў, якія да гэтага часу жылі ў зямлянках [1].

Заканчэнне вайны дало дзяржаве магчымасць павялічыць капіталаўкладанні ў жыллёвае будаўніцтва, а таксама выдачу крэдытаў насельніцтву на гэтыя мэты, што спрыяла далейшаму пашырэнню будаўніцтва і на Ушаччыне. Так, у 1948 г., як паведамляе раённая газета, «як ніколі… набыло шырокі размах індывідуальнае будаўніцтва. …рабочыя і служачыя, калгаснікі раёна пабудавалі сотні жылых дамоў, плошча якіх складае 6.150 квадратных метраў» [4]. Тым не менш цалкам аднавіць жыллёвы фонд за першую пасляваенную пяцігодку не ўдалося, і патрэбы насельніцтва ў жыллі яшчэ далёка не былі забяспечаны.

Такім чынам, у разглядаемы перыяд дзякуючы самаадданай працы насельніцтва, дапамозе саюзнага кіраўніцтва, дабрабыт беларускага народа хаця і паляпшаўся, але кардынальнага павышэння ўзроўня жыцця насельніцтва ў параўнанні з даваенным часам, як дэманструе прыклад Ушацкага раёна, не адбылося. Мелі месца вялікія недахопы і цяжкасці ў забеспячэнні насельніцтва жыллём, прадметамі шырокага ўжытку, паслугамі.

ЛІТАРАТУРА

1. **Васілевіч, Е.** Год мірнай творчай працы / Е. Васілевіч // Соцыялістычны шлях. – 1947. – 1 студз. – С. 2.

2. **Витебщина** освобожденная, октябрь 1943 – декабрь 1945 : док. и материалы / сост.: Н. В. Воронова [и др.]. – Витебск : Витеб. обл. тип., 2009. – 584 с., [24] с. ил. – (Серия "Памяць Віцебшчыны").

3. **Грузіцкі, Ю. Л.** Грашовая рэформа 1947 г., яе перадумовы і вынікі / Ю. Л. Грузіцкі // З гісторыі эканамічных рэформаў на Беларусі : вучэб.-метад. зб. / Г. П. Бушчык [і інш.] ; пад рэд. В. І. Галубовіча. – Мінск : Экаперспектыва, 1997. – Вып. 2. – С. 70–84.

4. **Качан, В.** Наш раён напярэдадні 30-годдзя БССР / В. Качан // Соцыялістычны шлях. – 1948. – 26 снеж. – С. 1.

5. **Нарысы** гісторыі Беларусі : у 2 ч. / М. П. Касцюк [і інш.] ; Ін-т гісторыі АНБ. – Мінск : Беларусь, 1995. – Ч. 2. – 560 с. : іл.

6. **Павялічыўся** рознічны тавараабарот // Соцыялістычны шлях. – 1951. – 1 студз. – С. 2.

7. **Шалыга, Е.** Калгас "Перадавы" гатоў да выезду ў поле / Е. Шалыга // Соцыялістычны шлях. – 1947. – 23 сак. – С. 2.

8. **Шамук, С.** Работа праўлення прызнана здавальняючай / С. Шамук // Соцыялістычны шлях. – 1947. – 15 лют. – С. 2.

9. **Эканамічная** гісторыя Беларусі : вучэб. дапаможнік / В. І. Галубовіч [і інш.] ; пад рэд. праф. В. І. Галубовіча. – 3-е выд., дап. і перапрац. – Мінск : Экаперспектыва, 1999. – 454 с.

Д. В. Юрчак, С. А. Буйницкий, А. А. Морозов (Витебск)

3D-РЕКОНСТРУКЦИЯ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ КАК ФОРМА ВИЗУАЛИЗАЦИИ ИСТОРИИ (НА ПРИМЕРЕ ВИТЕБСКА)

Мир в условиях развития информационной цивилизации стремительно меняется. На смену печатной информации приходят компьютерные технологии, которые совершили настоящий прорыв в последние десятилетия. При этом не остается в стороне и такая консервативная, на первый взгляд, наука, как история. Все больше внимания уделяется применению разнообразных компьютерных технологий для отражения исторических событий. Для многих это воспринимается как своеобразная возможность оживить историю, сделать ее доступной и понятной для широких масс. Ярким примером этого является реконструкция облика древних людей или известных исторических личностей с помощью компьютерного моделирования (на основе черепов), а также воссоздание облика древних городов, поселений, стоянок (с опорой на данные археологии).

Все это позволяет простому обывателю заглянуть в прошлое и при этом не перечитывать многотомные издания специалистов-историков. На последнее многие люди никогда не решатся, а вот включить компьютер, загрузить видеоролик или специальную программу и увидеть своими глазами исторические события, совершить online путешествие по средневековому городу – это будет под силу практически всем. Более того, подобная возможность, безусловно, вызовет живой интерес среди обывателей, окажется востребованной в сфере образования и туризма. Поэтому в отечественной истории вопрос о 3D-реконструкции является чрезвычайно актуальным и своевременным.

В рамках данной работы мы постараемся рассмотреть вопросы компьютерной реконструкции археологических памятников на примере древнего Витебска. На наш взгляд, для 3D-реконструкции исторического облика средневековых городов должны применяться как методы исторической науки, так и компьютерного моделирования. Работа над проектом реконструкции предполагает первоначальную обработку археологического материала и изучение исторического рельефа. Воссоздание последнего возможно на основе детального анализа результатов археологических раскопок (толщина культурного слоя, расположение материка и т. д.), исторических планов города Витебска, фотографий и рисунков XIX в. (на которых еще можно проследить контуры Замковой горы), геодезических карт с указанием современных абсолютных высот над уровнем моря (включая данные по высотам, зафиксированные на немецких картах 1940-х гг.). В случае отсутствия достоверной информации предполагается использование метода аналогии.

Воссоздание подлинных объектов материальной культуры, относящихся к конкретной эпохе, также возможно только на основе археологических материалов, собранных на конкретном памятнике или аналогичных объ-

ектах. Весь этот материал должен стать основой для создания трехмерной математической модели сцены и объектов в ней (моделирование). Вслед за моделированием следует текстурирование – назначение поверхностям моделей растровых или процедурных текстур (подразумевает также настройку свойств материалов – прозрачность, отражения, шероховатость и пр.). После созданные модели импортируются в «игровой движок» (в данном случае «Cryengine 3 sandbox»). Там идет создание локации «игрового уровня», где эти модели расставляются в пространстве. То есть по ландшафту размещаются дома, предметы, деревья, реки и дороги. В движке строится конечное представление создаваемой локации. Итогом всего этого должна стать трехмерная модель древнего Витебска, позволяющая на основе этого создавать трехмерные картинки (сделанные с любых позиций), видеоролики и даже компьютерные игры на исторические темы. Последнее, на наш взгляд, также должно содействовать популяризации исторических знаний о Витебске и послужить хорошим примером для всех остальных городов.

Подобная методика не нова. В России уже существуют тематические сайты, предлагающие примеры воссоздания исторических объектов [1], а в Московском государственном университете студенты истфака имеют возможность прослушать соответствующий спецкурс [3]. Однако в университетах и научных учреждениях Беларуси о подобных значимых наработках пока не было слышно, чего нельзя сказать об исторических компьютерных играх. В частности, разработчиком одной из самых популярных в мире игры WorldofTanks является белорусская компания «Wargaming.net». Она же предложила геймерам игры WorldofWarplanes и WorldofWarships, воссоздающие события Второй мировой войны на суше, в небе и на море. Положительным моментом игр является то, что авторы постарались оттолкнуться от реальных событий, максимально использовали компьютерные возможности реконструкции моделей ландшафтов и боевой техники военного периода. Это делает саму игру не только развлечением, но и прекрасной возможностью для популяризации исторических знаний. Поэтому целесообразно продолжать активную и совместную работу программистов и историков в этом направлении.

Что же такое 3D-моделирование и как оно может применяться для воссоздания облика древнего Витебска? Сам процесс моделирования – это процесс создания трехмерной модели объекта. Задача 3D-моделирования – разработать визуальный объемный образ желаемого объекта. С помощью трехмерной графики можно создать и точную копию конкретного предмета. В рамках нашей работы предполагается на основе археологических данных воссоздание облика древнего Витебска на различных хронологических отрезках. Среди последних наиболее значимыми и яркими видятся следующие этапы развития города, которые можно представить в 3D-модели:

1) древнее балтское городище на горе Ломиха (ориентировочно IV–V вв., днепро-двинская археологическая культура);

2) город «княгини Ольги» (середина X в., поселение кривичей на Ломихе, Двинской возвышенности и иных участках древнего города);

3) деревянный замок князя Василько Святославича (Верхний замок, созданный в 1132–1140 гг., и городской посад);

4) каменная крепость Ольгерда (1350-е гг., каменные замки (верхний и нижний) и неукрепленная часть города);

5) Витебский замок в середине XVII в. (на основе плана Витебска 1664 г.).

В настоящее время ведется работа по реализации первой части намеченного плана. Выявлено, что среди отечественных археологов нет единого подхода относительно первоначального рельефа города Витебска. Наибольшее число вопросов возникает по существованию в середине первого тысячелетия нашей эры Замкового (Пилатова) ручья, соединяющего р. Дунай и Западную Двину южнее Витьбы, а также изначального русла Дуная (не понятно, впадал ли ручей в Витьбу или шел по руслу Замкового ручья). Тем не менее, есть основания предполагать, что местность в этой части города изначально была низкой и могла затапливаться водой, тем более что в раннем железном веке уровень воды в реках Беларуси был гораздо выше современных среднегодовых показателей. Поэтому в рамках проекта было предложено отобразить все водные объекты в древней части города, существовавшие в последующие эпохи.

Серьезной проблемой для исторической реконструкции является отсутствие научных данных об облике древнего городища на Замковой горе, а также археологического материала по дославянскому периоду существования укрепленного поселения на Витьбе. Вызвано это тем, что в конце XIX в. Замковая гора (Ломиха) в Витебске была практически полностью уничтожена, археологические раскопки на ней проводились только А. П. Сапуновым, а их материалы не сохранились. О наличии поселения балтов на Ломихе свидетельствует керамика типа Тушемля, найденная в начале XX в. А. М. Левданским [2, с. 28]. Исходя из этого, а также с учетом расположения близ Витебска еще трех балтских городищ днепро-двинской археологической культуры, ученые предполагают, что и на Ломихе проживали представители именно племен днепро-двинцев [2, с. 28–29]. В пользу такого утверждения свидетельствует факт гнездового размещения балтских городищ этого периода на северо-востоке Беларуси. Соответственно, именно их материальная культура в сочетании с тушемлянской была положена в основу проекта реконструкции балтского городища.

Значительные проблемы при реконструкции первозданного облика Витебска возникли с конструкциями укреплений на городище, жилых и нежилых построек. Из-за отсутствия достаточного количества информации и серьезных научных наработок пришлось использовать опыт построения деревянных конструкций у иных племен того периода (зарубинецкой, тушемлянской археологических культур; ранние славянские архитектурные традиции). Особо сложными были, например, вопросы конструкции дверей

(железных петель или их аналогов при раскопках на памятниках раннего железного века не обнаружено) и крепления балок (железные гвозди также не использовались). Пришлось предположить, что двери заменяли шкуры животных, вывешенные в проемах в несколько слоев. Для крепления же деревянных конструкций, возможно, применялись деревянные «гвозди», известные в Европе в более ранние периоды истории, и плетеные конструкции.

Довольно сложным представляется и воссоздание самих жилых построек. К сожалению, научных материалов по Замковой горе, как и полностью раскопанных городищ этого периода на Витебщине, практически нет. Поэтому целостной картины о расположении у днепро-двинцев жилых и хозяйственных построек быть не может. Остается только путем аналогии предполагать, что, где и как могло располагаться. В частности, не понятно, использовалась ли в Витебске столбово-кольчатая конструкция жилья или была только столбовая? Какие дома (квадратные по форме или длинные) преобладали? В связи с этим мы разместили на городище разные конструкции, которые могли использоваться в это время. Не совсем понятны и размещение домашних животных, корма для них, хозяйственных построек, запасов дров и т. д. Уместно предположить, что все это также располагалось на городище. Но, к сожалению, доказать подобную гипотезу будет сложно, как и оспорить ее.

Этот пример показывает, что сам процесс 3D-реконструкции весьма сложен и требует как научной основы, так и фантазии, которая позволяет на основе имеющихся данных и жизненного опыта заполнить недостающие элементы в материальной культуре того времени. Радует и другое: на более поздних этапах существования города подобных «белых пятен» будет гораздо меньше. В данный период предоставится возможность воссоздания раскопанных археологами целых кварталов, отдельных архитектурных строений, улиц и т. д.

Таким образом, 3D-реконструкция исторических городов видится перспективным направлением в современной истории. Это позволяет визуализировать историю и создавать мультимедийный продукт, востребованный как в сфере туризма, так и в учебном процессе. Последнее необычайно важно, так как подобная форма предоставления исторической информации способна вызвать живой интерес к отечественной истории и краеведению, а значит, стать основой для патриотического воспитания будущих поколений.

ЛИТЕРАТУРА

1. **3D** реконструкции объектов историко-культурного наследия: компьютерное моделирование // Исторический факультет МГУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://hist.msu.ru/Labs/HisLab/3D/index.html. – Дата доступа: 11.02.2014.

2. **Археология** 3D [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://3darchaeology.3dn.ru. – Дата доступа: 11.02.2014.

3. **Памяць** : гіст.-дак. хроніка Віцебска : у 2 кн. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2002. – Кн. 1. – 648 с.

О. Г. Ященко (Гомель)

БЫТ ЖИТЕЛЕЙ ВИТЕБСКА В НАЧАЛЕ XX в.

Погружение в повседневную жизнь представителей разных исторических эпох во многом дополняет сложившиеся представления об истории народов в прошлом. Актуальность изучению бытового аспекта придает и обращение к материалам, возникшим именно в городской среде, для которой свойственно многообразие проявлений культуры. Города, являвшиеся центрами белорусских губерний Российской империи, демонстрировали типичные черты, характерные для процессов урбанизации, в том числе и в сфере культуры быта. Период кануна Первой мировой войны оказался тем временным отрезком, когда в городском пространстве довольно ярко и убедительно проявились как новации, так и устойчивые линии эволюции в культурных традициях горожан. В этой связи уточнение и расширение сведений о быте населения Витебска в начале XX в. содействуют научному обобщению и анализу развития городской культуры Беларуси в целом.

Основные сюжеты о развитии культуры городского населения Беларуси в прошлом были обозначены в работах этнографов В. Н. Белявиной, Г. И. Касперович, А. В. Гурко и др. К числу наиболее значимых и содержательных изданий можно отнести коллективные монографии «Грамадскі быт і культура гарадскога насельніцтва Беларусі» [3] и «Грамадскія традыцыі» (т. 6) из серии «Беларусы» [1]. Отдельные характеристики городского быта воссозданы автором преимущественно на материалах Могилевской губернии [3].

Одним из важнейших источников, позволяющих раскрыть и образно представить повседневность жителей Витебска на рубеже XIX–XX вв., является, безусловно, работа Н. Я. Никифоровского «Странички из недавней старины города Витебска. Воспоминания старожила» [4], которая содержит богатые сведения о многих аспектах жизнедеятельности витеблян. Вместе с тем представляется обоснованным привлечь к рассмотрению другие источники, в частности материалы местной периодической печати (газеты «Витебский голос», «Витебский курьер», «Витеблянин» и др. [2]). Хроника городской жизни, реклама, отдельные публикации журналистов – свидетелей эпохи – дают основание для воспроизведения детализированной и реальной картины повседневности жителей города, входившего в черту еврейской оседлости в начале XX в.

Обратимся к отдельным аспектам быта, которые дают представление о многообразии городской жизни в Витебске столетие назад: новациям в повседневной практике, сфере бытового обслуживания, системе питания, вопросам ухода за телом и заботы о здоровье, сфере досуга.

Одной из новинок, получившей симпатии горожан на долгие десятилетия, стало приобщение к фотографии. К каждому сезону оптический и фото-

графический магазин А. Гольдмана в Витебске предлагал большой выбор фотоаппаратов и всех принадлежностей известных фабрик для фотографии. Фотобумагу разных фирм в магазин доставляли еженедельно, здесь же торговали усовершенствованными граммофонами «Тонарм», а также грампластинками с записями того времени, причем хозяева заведения указывали на снижение цены при продаже последних. Здесь же к услугам покупателей предлагалась лаборатория (оборудованная темная комната) для фотографических целей.

О широком ассортименте продуктов, включавшихся в рацион состоятельных горожан, свидетельствуют данные о продажах в магазинах города. Так, устрицы, свежая осетрина, судаки и навага выставлялись на продажу в гастрономическом магазине Е. Ф. Реблинга. Вкусные булки, калачи, московские сайки, черный и пеклеванный хлеб хозяйки приобретали в булочной на ул. Офицерской. Кондитерская Л. Шуссер, располагавшаяся на ул. Вокзальной около моста, напротив аптеки Красного Креста, манила любителей сладкого рекламой разнообразных лакомств. Это заведение принимало заказы на изготовление различных тортов, пирамид, мороженого, пломбира, крема. Витебляне могли приобрести пирожные, печенье, сливочные тянучки, шоколадные, марцепанные и помадные конфеты, французские глазированные фрукты, ананасы. В числе выставлявшихся на продажу товаров были шоколад, какао, кофе, чай, молоко, кофе-гляссе, лимонад, морс, мороженое. Зажиточные горожане имели возможность включить в свой рацион различные виды сыра: сливочный бакстейн, русско-швейцарский, голландский эдалер, зеленый, которые можно было приобрести в магазине Я. П. Фрейвальда, находившемся на ул. Грязной. В подобных заведениях торговали и маслом, например коровьим экономичным, сливочным несоленым, предлагали мед. Спектр напитков включал разные виды пива, например рижское и др.

Одними из популярных бытовых забот горожан были пополнение и обновление гардероба. Приобретение меховой одежды осуществлялось в магазине «Кушнер» Шевеля Хайкина, находившемся между костелом Св. Антония и галантерейным магазином С. Рабиновича. Владельцы сообщали о наличии сибирских и американских меховых товаров. Механическая и трикотажная мастерские С. Б. Минца занимались производством мужских, дамских и детских фуфаек и кальсон разных сортов и размеров. Витебляне, как и жители других городов, не только приобретали готовое платье, заказывали пошив одежды в мастерских и у портних, но также, при желании, могли научиться самостоятельно выполнять работы по созданию костюма, например, выписывая соответствующую литературу или пройдя курс обучения. За 4 руб., что составляло немалую сумму для рядового обывателя, можно было посещать курсы кройки и шитья.

В магазинах, торговавших полотном, выставлялись на продажу полотняные и бумажные товары, бумазеи и теплые одеяла. Для обеспечения бы-

товых удобств горожанки покупали гладевые наволочки и сорочки. В магазине ярославского полотна П. Н. Соловьева в 1907 г. витебляне приобретали байковые и шерстяные платки, плюшевые байковые одеяла, здесь имелся большой выбор ярославского полотна, по-прежнему делались поставки от фабрик фирмы «Саввы Морозова сын и К°». Этот магазин обеспечивал большой выбор мужского и дамского готового белья, в нем были представлены вязаные пензенские пуховые и шерстяные платки. При магазине имелась мастерская.

Забота о здоровье, красоте, повышение требований к санитарии и гигиене в начале XX в. занимали все более значимое место в образе жизни горожан. Это повлекло за собой не только увлечение некоторых жителей спортом, но достаточно широко проявилось в использовании разных средств, которые должны были улучшить внешний вид, сделать человека крепче физически. Богатый выбор парфюмерных товаров и лечебных средств для поддержания красоты имелся в аптечных заведениях губернского города Витебска. Эти препараты предназначались как для женщин, так и для мужчин. В перечнях значились помада для лица, средства для смягчения кожи, уничтожения загара, веснушек, красных пятен. Создатели косметических средств утверждали, что их снадобья обеспечат свежесть и красоту. Пудры – белая, розовая и Рошель, крепко державшиеся на коже, – продавались в комплекте с пуховкой или без таковой и должны были придать коже мягкость, эластичность и нежность. Регулярно поступали в продажу и многие иные полезные для поддержания здоровья и внешней привлекательности средства: жидкие румяна, миртовый бальзам, краска для волос, головная помада, жидкости для роста волос и предохраняющие от перхоти, венгерская эссенция для усов. Интересно, что в аптекарских заведениях могли предлагать не только лечебные и косметические средства. Иногда посетитель кроме, например, духов мог приобрести здесь даже елочные игрушки или другие товары, которые не соотносились напрямую с профилем заведения.

Акушерка-массажистка С. В. Ковалевская осуществляла массаж лица, причем предварительно клиенты получали паровые ванны. Целью процедур являлось избавление от угрей, борьба с жирной кожей и краснотой лица и носа, противодействие вялости кожи, избавление от двойного подбородка, рубцов после ожогов, ран или оспы. В городе расширились услуги зубоврачебных кабинетов. Баня «Прогресс» на ул. Трегубской ежедневно (кроме понедельника и праздничных дней) обещала гостям такие виды услуг, как посещение номеров, а также ванны, предлагались общие, дворянские и простые бани, и миква. К числу удобств в банях, по меркам того времени, относились электрическое освещение и паровое отопление.

Праздничные формы проведения свободного времени отличались от повседневных большей пестротой красок. Особенно разнообразие досуга отличало крупные государственные и религиозные праздники. К Новому году

в губернской типолитографии Витебска можно было изготовить нарядные визитные карточки, воспользовавшись не только простой бумагой, но также цветной, с золотым обрезом и фигурными украшениями. К новогодним праздникам расширялся ассортимент товаров, которые горожане могли использовать в качестве подарка. К числу подарочных относились книги, календари – отрывные, настольные, передвижные и карманные. Вошли в моду семейные танцевальные вечера, которые начинались довольно поздно – в 9 часов вечера; кавалеры за вход платили по 50 копеек. Проводились литературно-музыкальные вечера в пользу нуждающихся студентов, окончивших местную гимназию. 29 декабря 1905 г. такой вечер включал типичный для подобного рода мероприятий перечень развлечений: успешное концертное отделение из десяти номеров, буфет и танцы, которые затягивались до 6 часов утра. По завершении вечера студенты с воодушевлением исполняли гимн «Gaudeamus».

В зимнее время в городе заливали катки, один из них работал ежедневно по ул. Канатной. По воскресениям и четвергам катание на коньках дополнялось гуляньем с музыкой. Каток был достаточно хорошо оборудован, имелись теплые комнаты и уборная. Прокатиться по зимнему городу можно было на санях различной конструкции. В объявлениях упоминалось о продаже транспортных средств следующего содержания: «Продаются сани: одиночка русская, парная американка и одиночка американка».

Нередко проживавшие в городе любители охоты содержали собак. Так, щенков сеттера-гордона можно было приобрести у охотника по 5 руб. Отсутствие мира природы в жизни горожанина компенсировало общение с домашними птицами и животными (в случае пропажи любимца предпринимались все меры к поиску, даже давались объявления в газеты о пропаже), а также разведение растений (упоминания цветов в описаниях жилища), покупка цветов в специальных магазинах и пр.

Таким образом, в быт витеблян стремительно вторгались новинки, которые повышали комфорт повседневной жизни. В первую очередь многие из них были обусловлены техническим прогрессом: появлением телефонной связи, расширением телеграфных услуг, электрического освещения. Горожане энергично внедряли в свой быт новые виды транспорта, например велосипеды. На улицах города появились первые автомобили и трамваи; последнее обстоятельство выгодно отличало Витебск от других губернских центров. Музыкальная жизнь была представлена не только индивидуальным и коллективным исполнительством профессионалов и любителей, но также прослушиванием музыкальных произведений в записи. Необычайную популярность приобрели синематографы. Обязательным элементом городского ландшафта стали фотоателье. Значительно повысился интерес к занятиям спортом. Вместе с тем в бытовом срезе жизни оставались неизменными недостаточная благоустроенность улиц и невысокий уровень обе-

спечения уборки города, особенно в дни погодных аномалий. Актуальными являлись различные формы досуга горожан, апробированные в предыдущие десятилетия и прочно сохранявшиеся в культуре жителей Витебска: посещение музыкально-литературных вечеров, концертов, организация маскарадов, чтение, музицирование. В начале XX в. губернский центр на Двине и другие крупные города европейской части России объединяли такие формы времяпрепровождения, как гуляния в зеленых зонах, посещение центров общественного питания и развлечений (трактиров, ресторанов). Преобладала малоэтажная застройка, большим, хотя и не доминирующим, было присутствие каменных строений по сравнению с деревянными. В целом наблюдалось заметное варьирование культурного уровня в разных районах города. Значительный выбор предметов повседневного использования (продуктов и одежды, домашней утвари и пр.), доступ к разнообразным развлечениям, повышенный комфорт в домашнем жилище как факторы развития городского образа жизни реализовывались преимущественно в кругу обеспеченных горожан, стремительно усиливались контрасты в повседневности отдельных социально-профессиональных групп, определенное воздействие на культурно-бытовые процессы оказывал конфессиональный фактор.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Беларусы** : у 10 т. / В. К. Бандарчык, М. Ф. Піліпенка, А. І. Лакотка. – Мінск : Беларус. навука, 1995–2009. – Т. 6 : Грамадскія традыцыі / В. М. Бялявіна [і інш.]. – 2002. – 606 с.

2. **Витебский** голос. – 1905. – 29 дек. – С. 2 ; Витебский голос. – 1905. – 31 дек. – С. 4 ; Витебский голос. – 1906. – 3 янв. – С. 3, 4 ; Витебский голос. – 1906. – 5 янв. – С. 1 ; Витебский курьер. – 1906. – 3 мая. – С. 2 ; Витебский голос. – 1907. – 4 янв. – С. 1, 2, 4 ; Витеблянин. – 1909. – 6 апр. – С. 1 ; Витебский вестник. – 1912. – 1 июля. – С. 1.

3. **Грамадскі** быт і культура гарадскога насельніцтва Беларусі / В. К. Бандарчык [і інш.] ; пад рэд. В. К. Бандарчыка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 248 с.

4. **Никифоровский, Н. Я.** Странички из недавней старины города Витебска : воспоминания старожила / Н. Я. Никифоровский. – Минск : Полымя, 1995. – 149 с.

5. **Ященко, О. Г.** Мир вещей в культуре городского населения Могилевской губернии в начале XX века / О. Г. Ященко // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. Серия, Гуманитарные науки. – 2011. – № 5. – С. 157–165.

ИСТОРИЯ КРАЕВЕДЕНИЯ. БИБЛИОТЕЧНО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ И МУЗЕЙНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ. ЭКСКУРСИОННОЕ ДЕЛО

В. Я. Ашуева (Полацк)

БЕЛАРУСКІЯ ВЫДАННІ КАНЦА XIX – ПАЧАТКУ XX ст. У ФОНДАХ НАЦЫЯНАЛЬНАГА ПОЛАЦКАГА ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНАГА МУЗЕЯ-ЗАПАВЕДНІКА

Важным этапам у развіцці беларускага кнігадрукавання з'яўляецца перыяд XIX – пачатку XX ст. Гэта час станаўлення новай беларускай літаратуры, мэтанакіраванага збірання і вывучэння вуснай народнай творчасці, зараджэння навуковага беларусазнаўства. Кожнае выданне гэтага часу мае сваю каштоўнасць для даследчыкаў і заслугоўвае ўважлівага вывучэння. У фондах Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка (НПГКМЗ) на дадзены момант такіх налічваецца 49 адзінак, з іх 16 – на беларускай мове (надрукаваныя як кірылічным, так і лацінскім шрыфтам), а 33 – на рускай.

Усе выданні на беларускай мове, якія ёсць у нашай калекцыі, адносяцца ўжо да XX ст. Самыя раннія з іх датуюцца 1906 г., калі беларускі друк атрымаў права на легальнае існаванне. Гэта брашуры, выпушчаныя выдавецкай суполкай «Загляне сонца і ў наша аконца», што дзейнічала ў Пецярбургу ў 1906–1914 гг. Першым выданнем суполкі стаў «Biełaruski lementar, abo Pierszaja nawuka czytannia». Лемантар быў надрукаваны лацінкай, меў усяго 24 старонкі, змяшчаў ілюстрацыі, звязаныя з сялянскім бытам. Ёсць у нас таксама і выданне № 3 – той жа «Беларускі лемантар», але надрукаваны кірылічным шрыфтам (абодва прадметы паступілі ў музейны збор з асабістай калекцыі Алеся Матусевіча, аднаго са старэйшых беларускіх журналістаў, які ўсё жыццё збіраў рэдкія кнігі, газеты і часопісы). Кірылічнае выданне амаль цалкам адпавядае лацінскаму, але адрозніваецца некалькі па аб'ёму за кошт уключэння дадатковых прыкладаў, малюнкаў, лацінскага і кірылічнага алфавітаў.

Выдавецтва не мела сваёй друкарні і вымушана было наймаць яе ў польскага выдаўца К. Пянткоўскага. Але супрацоўнічала і з іншымі. Так, зборнік Янкі Купалы «Шляхам жыцця» (1913) быў выпушчаны ў друкарні Н. Ю. Эрліх. Ён меў параўнальна вялікі тыраж – 3000 экз., каштаваў у той

час 1 руб. 25 кап. Кніга мае 264 с., цвёрды пераплёт, змяшчае партрэт аўтара. Дадзены зборнік з'яўляецца адным з самых каштоўных выданняў гэтай калекцыі.

Пераважная большасць выданняў нашай калекцыі выйшла ў Вільні, якая была цэнтрам беларускага кнігадрукавання пачатку XX ст. Менавіта там у 1906 г. пачалі выходзіць першыя легальныя перыядычныя выданні на беларускай мове («Наша доля», затым «Наша ніва»). З 1907 г. газета «Наша ніва» распачала сістэматычны выпуск кніг. У нас азначанае выдавецтва прадстаўлена такой кнігай, як «Karotkaja historyja Biełarusi z 40 rysunkami», якая выйшла ў 1910 г. пад псеўданімам WLAST (Вацлаў Ластоўскі) і была надрукавана, як і большасць выданняў «Нашай нівы», у друкарні Марціна Кухты лацінкай.

У 1908 г. у Вільні з'явілася выдавецтва «Наша хата». Выпусціла яно ўсяго шэсць выданняў, сярод якіх тры пераклады для дзяцей, у тым ліку «Архіп і Лявонка» (1910) («Дед Архип и Лёнька») М. Горкага. Гэтая брашура была перададзена нам у 2000 г. з Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі. Выданне мае прыгожа афармленую вокладку, на якой апрача арнаментальнай рамкі змешчана ілюстрацыя (мастак Яніслаў Валакіта). Пераклад тэксту на беларускую мову зрабіла Тэрэза Гардзялоўская, якая звычайна падпісвалася псеўданімам Зязюля. Дадзенае выданне, як і іншыя пераклады Т. Гардзялоўскай, выйшла на яе сродкі.

Найбольш багата прадстаўлена Беларускае выдавецкае таварыства ў Вільні, якое ўзнікла ў 1913 г. на базе выдавецтва «Наша ніва». На працягу 1914–1915 гг. яно выпусціла 15 кніг, з якіх у нашай калекцыі прысутнічае 8.

Вялікай папулярнасцю карысталіся ў свой час «Беларускія календары», якія пачала выдаваць «Наша ніва». Беларускае выдавецкае таварыства працягнула гэтую традыцыю і выпусціла календары на 1914–1916 гг.

Найбольш цікавым па сваім змесце і афармленні з'яўляецца «Беларускі каляндар на 1914 год». Ён мае 120 ст. і каляровую вокладку з паперы. Апрача неабходных каляндарных звестак выданне змяшчае жарты, прыказкі, прыпеўкі, творы беларускіх пісьменнікаў. Вершы і апавяданні складаюць асобную рубрыку «З роднай нівы». Тут можна знайсці творы Я. Купалы, Я. Коласа, М. Багдановіча, Я. Журбы, К. Буйло, Ц. Гартнага, З. Бядулі, К. Каганца і інш. Ёсць у календары статыстычны, юрыдычны, гаспадарчы раздзелы, закрануты і пытанні грамадска-палітычнага жыцця. Такім чынам, выданне было прызначана для шырокага кола чытачоў, якія маглі знайсці ў ім карысныя звесткі і гаспадарчыя парады, і ў той жа час прапагандавала роднае слова. Дарэчы, каштаваў такі каляндар 15 кап., тыраж яго складаў 6 000 экз.

А вось «Беларускі каляндар на 1915 год» мае тыя ж самыя раздзелы, але прадстаўлены яны больш сціпла. Зменшыліся аб'ём выдання (54 с.) і тыраж (3 000 экз.), кошт стаў 10 кап. Апошні каляндар, на 1916 г., мае ўсяго 14 с. і

ўключае толькі каляндарныя табліцы, у якіх паралельна змешчаны рымска-каталіцкія святы, надрукаваныя лацінкай, і грэка-каталіцкія – кірылічным шрыфтам, а таксама звесткі пра ўсход і захад сонца.

Апрача календароў ёсць яшчэ пяць выданняў Беларускага выдавецкага таварыства ў Вільні: К. Буйло «Курганная кветка» (1914), Я. Лёсік «Ня ўсе-ж разам, ягомосьці» (1914), Пётра Беларус «Якім Бяздольны» (1914), У. Гаршын «Сыгнал» (1914), Сцёпка Бірыла «Стражнік» (1915). У асноўным гэта невялікія, сціпла афармленыя брашуры (у якасці аздаблення ўжываюцца віньеткі на тытуле) у папяровых вокладках. Выключэннем з'яўляецца зборнік Канстанцыі Буйло «Курганная кветка», афармленнем якога займаўся Язэп Драздовіч.

Фігурыруе ў калекцыі і менш вядомае віленскае выдавецтва «Беларус», якое дзейнічала ў 1913–1915 гг. і выпускала ў асноўным рэлігійную літаратуру. Прыкладам падобнага выдання з'яўляецца брашура «Cаławiek na wyżczynie swajej hodnaści» (1915).

У 1917 г. у Мінску выйшла паэма «Тарас на Парнасе». Упершыню гэты твор быў апублікаваны ў газеце «Мінскі лісток» у 1889 г., потым не аднойчы выпускаўся асобным выданнем выдавецтвам «Вольная Беларусь». Яно ўключае не толькі тэкст папулярнай паэмы, але і прадмову, у якой выказваюцца версіі наконт аўтарства твора, невялікі каментарый і спіс ранейшых публікацый. Надрукавана гэтая брашура была ў друкарні Я. Грынблата.

Значную частку калекцыі складаюць выданні на рускай мове, надрукаваныя на тэрыторыі Беларусі. Кнігі гэтыя адрозніваюцца паміж сабой і зместам, і выдавецкім узроўнем, і мэтамі, з якімі яны выдаваліся. Калі выданні на беларускай мове ствараліся перш за ўсё з мэтамі асветніцкімі (таму пераважаюць мастацкія творы і падручнікі), то большая частка рускамоўных тэкстаў гэтага перыяду насіла афіцыйны характар. Але выходзілі таксама кнігі краязнаўчай тэматыкі, публікаваліся помнікі старажытнасці. Усе яны не толькі ілюструюць пэўны этап у развіцці кнігадрукавання, а яшчэ з'яўляюцца і каштоўнымі крыніцамі для даследчыкаў-краязнаўцаў.

Выданняў XIX ст. у калекцыі музея ўсяго сем. Два з іх падрыхтаваны Віленскай археаграфічнай камісіяй: «Акты, издаваемые археографическою коммиссіею, высочайше учрежденною въ Вильне. Томъ II. Акты Брестскаго суда» (Вільня, 1867) і «Акты, издаваемые Виленскою археографическою коммиссіею. Томъ XVI. Документы, относящіеся къ исторіи церковной уніи въ Россіи» (Вільня, 1889). Апошняя кніга належала М. Улашчыку і на шмуцтытуле ўтрымлівае цікавы надпіс: «Кнігу перадала мне жонка профэсар[а] Савіча. Савіч і усярэдзіне XX ст. лічыў уніяцтва нячыстай сілай і колькі мог стараўся скампраметаваць яе. Улашчык» [1].

Выданні такога ж характару выпускаліся і ў Віцебску. Напрыклад, «Историко-юридическіе матеріалы, извлеченные изъ актовыхъ книгъ губерній Витебской и Могилевской, хранящихся въ центральномъ архиве

въ Витебске, и изданные подъ редакціею архиваріуса сего архива Сазонова. Выпускъ осьмой» (1877). На працягу 1871–1906 гг. Віцебскім архівам былі выдадзены 32 тамы гісторыка-юрыдычных матэрыялаў, што стала сапраўднай падзеяй у гісторыі кнігавыдання Беларусі.

Выразны краязнаўчы характар маюць даследаванні А. П. Сапунова, прысвечаныя полацкай зямлі: «Полоцкій Спасо-Евфросиніевскій девичій монастырь» (Віцебск, 1888) і «Полоцкій Софийскій соборъ» (Віцебск, 1888). Большасць віцебскіх выданняў XIX ст., якія ўваходзяць ў калекцыю, пабачылі свет у друкарні Віцебскага губернскага праўлення, што з'явілася яшчэ ў 1797 г. Як ні дзіўна, менавіта ў губернскіх друкарнях, галоўным прызначэннем якіх было друкаванне афіцыйных матэрыялаў, выходзілі выданні па гісторыі і духоўнай культуры беларускага народа. Хаця вельмі часта краязнаўчую літаратуру стваралі і прыватныя друкарні. Напрыклад, невялікая друкарня Г. М. Малкіна, якая выпусціла ўсяго некалькі дзясяткаў кніг, апрача афіцыйнай і рэлігійнай літаратуры друкавала працы А. П. Сапунова.

Рускамоўныя выданні пачатку XX ст. прадстаўлены больш поўна як колькасна, так і тэматычна. У калекцыі прысутнічаюць такія выданні, як «Сборникъ документовъ, касающихся административнаго устройства Северо-Западнаго края при императрице Екатерине II (1792–1796)» (Вільня, 1903), а таксама кніга, складзеная А. Тацішчавым, – «Вильна и Литовскія губерніи въ 1812–1813 гг.» (Вільня, 1913). Цікавую інфармацыю для даследчыкаў утрымліваюць і іншыя віленскія выданні гэтага перыяду: «Виленская губернія. Полный списокъ населенныхъ местъ…» (1905), «Памятная книжка Виленскаго Учебнаго Округа на 1904 годъ» (1914).

Адным з буйнейшых кнігавыдавецкіх цэнтраў на Беларусі ў гэты час стаў Мінск. У нас ён прадстаўлены дзвяццю выданнямі. Праўда, гэта ў асноўным справаздачы, інструкцыі і іншыя афіцыйныя дакументы, якія тады складалі большую частку друкаванай прадукцыі як губернскіх, так і прыватных друкарняў: «Къ вопросу о состояніи плодовыхъ питомниковъ Минской губерніи» (1913), «Докладъ по вопросу объ осуществленіи проекта всеобщаго обученія въ Минской губерніи» (1909) і інш.

Адзінае гродзенскае выданне, якое ўваходзіць у наш збор, прысвечана новай для таго часу тэме. Гэта багата праілюстраваная фотаздымкамі кніга Ф. Андрэева «Современное положеніе вопроса о воздухоплаваніи въ примененіи его къ военному делу» (1912).

Асабліва ж значную частку выданняў пачатку XX ст. складаюць віцебскія і полацкія выданні краязнаўчага характару. Трэба адзначыць, што такая літаратура мэтанакіравана збіралася яшчэ да ўтварэння НПГКМЗ Полацкім краязнаўчым музеем.

У першую чаргу гэта тры тамы «Полоцко-Витебской старины» (1911, 1912, 1916). Падрыхтаваны і выдадзены яны былі Віцебскай вучонай архіўнай

камісіяй, правадзейным членам якой з'яўляўся беларускі гісторык, археолаг і краязнаўца. А. П. Сапуноў.

Выданні, што датычацца Полацка, яго гісторыі і нават прысвечаныя асобным установам (у тым ліку гісторыі Полацкага кадэцкага корпуса) выходзілі не раз. Так, у 1910 г. у Віцебску была надрукавана невялікая брашура «75-тилетіе Полоцкаго кадетскаго корпуса». Гэтай жа навучальнай установе прысвечана і больш грунтоўная кніга П. В. Вікенцьева «Полоцкій Кадетскій Корпусъ. Историческій очеркъ 75-летія его существованія» (Полацк, друкарня Х. В. Клячко, 1910). На с. 295 ёсць цікавы надпіс алоўкам, зроблены ўладальнікам і крытычным чытачом Іосіфам Стаброўскім: «Конст. Ник. Анчутинъ – человекъ наружности мрачной, по виду свирепый, для кадетъ – лучше отца родного, общій ихъ любимецъ, прекрасный педагог. Въ настоящей статье деятельность его слабо оттенена. Кадетъ выпуска 1889 г. Іос. Іос. Стабровскі» [6].

1910 г. азнаменаваўся для Полацка такой падзеяй, як перанясенне мошчаў св. Еўфрасінні Полацкай з Кіева. У сувязі з гэтым былі падрыхтаваны наступныя выданні: брашура Н. Зорына «Минувшее и настоящее г. Полоцка», «Путеводитель по городу Полоцку», а таксама мініяцюрны буклет з відамі горада. Усе яны выйшлі ў мясцовай друкарні Х. В. Клячко [5].

Яшчэ адна полацкая друкарня – Н. А. Сраліовіча – прадстаўлена, на жаль, толькі адным выданнем «Белорусскіе народные разсказы. Сочиненія Іосифа Даниловича Орловскаго» (Т. I, 1908).

Усё вышэйсказанае – агляд каталога выданняў канца XIX – пачатку XX ст., які ўжо знайшоў практычнае выкарыстанне ў філіялах Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка пры падрыхтоўцы выстаў, музейных заняткаў і тэматычных экскурсій. Але гэта толькі невялікая частка каталога беларускіх выданняў, што захоўваюцца ў фондах НПГКМЗ, праца па складанні якога вядзецца супрацоўнікамі Музея беларускага кнігадрукавання.

ЛІТАРАТУРА

1. **Акты**, издаваемые Виленскою археографическою коммиссіею. – Вильна : Тип. А. Г. Сыркина, 1889. – Т. XVI : Документы, относящіеся къ исторіи церковной уніи въ Россіи // Нацыянальны Полацкі гісторыка-культурны музей-запаведнік. – КП4–2084.

2. **Александровіч, С. Х.** Пуцявіны роднага слова : праблемы развіцця беларускай літаратуры і друку другой паловы XIX – пачатку XX ст. / С. Х. Александровіч. – Мінск : Выд-ва БДУ, 1971. – 247 с.

3. **Беларускія** пісьменнікі (1917–1990) : даведнік / склад. А. Э. Гардзіцкі. – Мінск : Маст. літ., 1994. – 653 с.

4. **Бярозкіна, Н. Ю.** Гісторыя кнігадрукавання Беларусі (XVI – пачатак XX ст.) : вучэб. дапам. для студ. гіст. і бібл. спец. выш. навуч. устаноў / Н. Ю. Бярозкіна. – Мінск : Беларус. навука, 1998. – 199 с.

5. **Вазьміцель, А. В.** Друкарская справа ў Полацку ў другой палове XIX – XX стст. / А. В. Вазьміцель // Матэрыялы міжнароднай навуковай гісторыка-краязнаўчай канферэнцыі (да 75-годдзя Полацкага краязнаўчага музея, 18–19 мая 2001 г.). – Полацк, 2001. – С. 17–21.

6. **Викентьевъ, В. П.** Полоцкій Кадетскій Корпусъ : историческій очеркъ 75-летія его существованія / В. П. Викентьевъ. – Полоцкъ : Тип. Х. В. Клячко, 1910 // Нацыянальны Полацкі гісторыка-культурны музей-запаведнік. – КП5–2458.

7. **Кніга** Беларусі, 1517–1917 = Книга Белоруссии, 1517–1917 : зводны каталог / склад. Г. Я. Галенчанка [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1986. – С. 194–199, 274–290.

8. **Півавар, М. В.** Даследчыкі Полацка-Віцебскай даўніны XIX ст. – 1944 г. : даведнік / М. В. Півавар. – Віцебск : Віцеб. абл. друк., 2006. – 176 с.

9. **Подлипский, А.** Педагог Зорин / А. Подлипский // Народнае слова. – 1985. – 9 лют. – С. 4.

И. В. Блажевич (Краков)

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭКСКУРСИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ РАЙОНОВ

Формирование туристической привлекательности района должно основываться на его потенциале как сумме материальных и нематериальных факторов. Туристическая привлекательность «зависит от отношений между доступностью существующих привлекательных объектов и воспринятой важностью таких объектов» [9, с. 301].

По мнению автора, для развития проблемных и депрессивных территорий, не располагающих значительными ресурсами, может выступать ориентация на этнокультурный потенциал. Изучение этнокультурного потенциала позволит сформировать стратегию развития региона с вовлечением культурного наследия в экономический оборот.

Этнокультурный потенциал способствует привлечению в регионы туристов и расширению инфраструктуры в местах проведения мероприятий.

К этнокультурному ресурсу относят наследие, связанное с традициями и культурой конкретного этноса (белорусского, русского, польского, еврейского и т. д.). При правильном и рациональном использовании существующего потенциала можно развивать различные виды туризма (познавательный, ностальгический, фестивальный). Турпродукт, созданный на базе этнокультурного потенциала, может быть дополнительным ресурсом к основной туристической программе в следующих видах туризма: делового, событийного, паломнического, агротуризма.

К важным элементам туристической привлекательности можно отнести фестивали, этнографические праздники и другие мероприятия, которые дополняют программу туристического маршрута.

Разработка туристического маршрута – сложная многоступенчатая процедура, включающая отбор объектов, на основе которых будет построена экскурсия, требующая достаточно высокой квалификации и являющаяся одним из основных элементов технологии создания новой экскурсии [2].

Маршрут экскурсии представляет собой наиболее удобный путь следования экскурсионной группы, способствующий раскрытию темы экскурсии.

В качестве объектов экскурсии, раскрывающих тему наследия конкретного этноса, могут быть элементы этнокультурного потенциала: элементы культурного наследия (объекты материального наследия, объекты нематериального наследия), институции (неформальные правила, формальные правила), институты (социальные, экономические, гражданские, управленческие) [6, с. 319].

Объекты материального наследия – памятники археологии, памятники истории, музеи и музеи-заповедники, этнографические деревни, архитектурные памятники, предметы народного быта и костюмы и другое (по состоянию на 2002 г.: историко-этнографические и краеведческие музеи – 83 объекта; памятники народного зодчества – 87 объектов; дома ремесел, школы народного творчества – 77 объектов; фабрики художественных изделий – 25 объектов) [1, с. 11]. Малые города древнего происхождения, в которых сохранились ценные фрагменты исторической планировки и уникальные ансамбли: Клецк (1127), Рогачев (1142), Новогрудок (1212), Речица (1213), Несвиж (1223), Слоним (1251), Волковыск (1252), Кобрин (1287). На данный момент, по оценкам специалистов, общее количество малых городских поселений, представляющих собой перспективные центры туризма, более 30. Замки и крепости [7, с. 109]:

– Днепровская система замков и крепостей – Дубровно, Орша, Копысь, Шклов, Могилев, Быхов, Рогачев, Стрешин, Горваль, Речица;

замки вдоль русла Западной Двины – Сураж, Витебск, Сорица, Улла, Суша, Гераны, Вороничи, Полоцк, Дисна, Дрисса, Задвинье, Друя, Иказнь;

– крепости вдоль русла Припяти – Брагин, Мозырь, Лельчицы, Туров, Давид-Городок, Пинск, Кобрин;

– замки Поднепровья на фронтальной ориентации рек Сож, Проня, Днепр, Друть.

Объекты нематериального наследия – произведения устного народного творчества и художественной литературы, искусства и религии и др. (по состоянию на 2002 г.: фольклорные коллективы – 27 объектов; традиционные фестивали и ярмарки народного творчества – 16 объектов) [1, с. 11].

Неформальные правила – передаваемые через культуру: обычаи, обряды и празднества; устные традиции и формы их выражения; традиционные и

старинные технологии; виды и формы хозяйствования, быта и природопользования; знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами; религиозные культы и верования; виды и формы традиционного образования, медицины и спорта и др. (белорусский ритуальный обряд «Колядные цари» деревни Семежево Копыльского района). Водные объекты культового поклонения: Полыкавичская криница с часовней недалеко от Могилева, родник Окменица на берегу озера Струсто в Браславском районе, культовый родник у д. Нивки Логойского района, Раковская криница; легенды о культовых озерах (озеро Святое в д. Стрелки в Верхнедвинском районе, д. Микулино в Полоцком районе, вблизи Лепеля, в Чашникском районе) [4, с. 270].

Формальные правила – закрепленные в правовых нормах преференции для национально-территориальных образований или меры по государственной поддержке коренных малочисленных народов и др. (Закон Республики Беларусь от 11.11.1992 «О национальных меньшинствах в РБ», «Палажэнне аб спецыяльных прэміях Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь за выдатныя дасягненні і асабісты ўклад у захаванне і развіцце народных культурных традыцый» ад 28.03.1997 № 4 и др.).

Институты социальные – центры развития традиционных ремесел, фольклорные коллективы и др. Центры развития традиционных ремесел: Гомельская область – Калинковичский район (Калинковичи – костюм, ткачество), Чечерский район (Чечерск – керамика, ткачество); Ветковский район (Неглюбка – костюм, ткачество), Гродненская область – Гродненский район (Гродно, Скидель – керамика); Могилевская область – Могилевский район (Могилев – керамика, костюм), Кричевский район (Кричев – керамика, изразцы), Мстиславский район (Мстиславль – изразцы, керамика) [1, с. 11].

Институты экономические – организации общественного питания, специализирующиеся на национальной кухне; организации по продаже сувенирной продукции, туристические организации и др.

Институты гражданские – национальные общественные объединения и культурные автономии, общины, роды и др. (общественные организации национальных общностей Республики Беларусь).

Таблица 1

Общественные организации национальных общностей Республики Беларусь

Национальность	Область					
	Брестская	Витебская	Гомельская	Гродненская	Минская	Могилевская
Азербайджанцы		1-Орша		1-Гродно		1-Могилев 1-Бобруйск
Армяне				1-Гродно		1-Бобруйск 1-Могилев
Грузины				1-Гродно		1-Могилев
Греки					1-Молодечно	

Нацио-нальность	Область					
	Брестская	Витебская	Гомель-ская	Гродненская	Минская	Могилев-ская
Евреи	1-Барано-вичи 4-Брест 2-Пинск 1-Столин	5-Витебск 2-Орша 2-Полоцк	1-Гомель 1-Мозырь 1-Речица	3-Гродно 1-Лида	1-Борисов 1-Молодечно 1-Слуцк 1-Солигорск	3-Могилев 2-Бобруйск
Латыши		1-Витебск				
Литовцы		1-Браслав		1-Гродно 1-Лида 1-г.п. Островец 1-д. Пелеса 1-г. п. Радунь 2-д. Рымдюны		
Поляки	1-Барано-вичи 1-Береза 3-Брест 1-Кобрин 1-Лого-шин 1-Ляхо-вичи 2-Пинск 1-Пружа-ны	1-Браслав 1-Глубо-кое 1-Докши-цы 1-д. Камаи 1-д. Кара-сино 1-Миоры 1-Поставы	1-Гомель 1-Лельчи-цы 1-Мозырь	1-агр. Большие Эйсмонты 1-Березовка 1-д. Бенякони 1-Волковыск 2-г.п. Вороново 1-д. Гнезно 5- Гродно 1-д. Заболоть 1-д. Залешаны 1-г. п. Зельва 1-Ивье 1-д. Иоткишки 1-г.п. Кореличи 1-д.Камелишки 2 - Лида 1-д. Мижеричи 1-Мосты 1-д. Мстибово 1-д. Новая Ятвезь 1-Новогрудок 2-г.п. Островец 1-Ошмяны 1-г.п. Порозово 1-г.п. Радунь 1-Свислочь 1-д. Солы 2-Слоним 1-Сморгонь 1-д. Фольварки 1-д. Шиловичи 1-Щучин	1-д. Деревная 1-д. Рубеже-вичи 1-д. Снов 2-Вилейка 1-Столбцы 1-Минск 1-Клецк 1-Несвиж 1-Воложин 1-Молодечно	1-Могилев 1-Бобруйск
Русские	1-Брест	4-Витебск		1-Гродно	1-Молодечно	2-Могилев
Татары				1-Гродно		
Украин-цы	1-Брест	1-Витебск	1-Гомель	1-Гродно 1-Лида	1-п. Колоди-щи 1-Молодечно	1-Могилев 1-Бобруйск
Цыгане		1-Витебск	1-Гомель	1-Ошмяны		
Чуваши				1-Гродно		
Итого	21	25	8	59	19	16

Источник: данные Аппарата уполномоченного по делам религий и национальностей [5].

Институты управленческие – министерства культуры, регионального развития, администрации территориальных органов управления (Координационный совет по делам национальных меньшинств при Кабинете Министров РБ, Аппарат уполномоченного по делам религий и национальностей, Республиканский центр национальных культур; Министерство культуры РБ, управления культуры облисполкомов; отделы культуры горисполкомов).

Включение этнокультурного потенциала общественных национальных организаций в экскурсионное обслуживание туристов Гомельской, Гродненской и Могилевской областей Беларуси повысит туристическую привлекательность данных регионов.

Таблица 2

Численность организованных туристов, посетивших Республику Беларусь и обслуженных организациями, осуществлявшими туристическую деятельность, (тыс. человек)

Область	Год				
	2000	2005	2010	2011	2012
Брестская	8,2	11,9	24,4	24,9	20,4
Витебская	4,1	5,1	13,5	11,7	17,0
Гомельская	0,6	1,3	2,5	1,7	1,5
Гродненская	17,2	4,7	1,9	1,3	1,5
г. Минск	29,6	66,5	71,8	69,3	69,7
Минская	0,5	0,6	2,5	4,6	6,6
Могилевская	0,0	0,7	3,6	2,5	2,2

Источник: данные Национального статистического комитета Республики Беларусь [8].

Согласно проведенному исследователями анализу малых городских поселений (МГП) Беларуси, через которые проходят экскурсионные маршруты, были выявлены МГП с низкой оценкой туристической привлекательности: Брестская область (Каменец, Ружаны, Коссово, Столин, Воложин, Давид-Городок), Витебская область (Глубокое, Лынтупы, Бегомль), Гродненская область (Порозово, Ивье, Сопоцкин, Березовка, Кореличи, Ошмяны), Гомельская область (Чечерск, Ветка), Минская область (Свирь, Радошковичи, Смиловичи), Могилевская область (Белыничи) [3, с. 70].

На территориях с исходно низким уровнем развития и доходности коммерческого туризма обращение к инновационным формам, в частности, к этно-культурно ориентированным проектам, может заметно стимулировать туристическую индустрию в целом. Именно этнокультурным и комбинированным турам и программам суждено в скором времени стать катализатором экономического развития некоторых депрессивных территорий. Данные ис-

следования позволили выявить проблемные области и туристические МГП Беларуси. По мнению автора, данные территории могут быть привлекательными благодаря включению в туристический маршрут объектов этнокультурного потенциала, в частности, потенциала национальных общественных объединений. Наиболее широко используется этнокультурный ресурс в комплексном агротуристическом продукте, который создается одной или несколькими агроусадьбами для гостей с длительным сроком пребывания. Если в данной местности нет музеев и домов ремесел, то определенная этнографическая экспозиция может быть создана в самой агроусадьбе.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Гайдукович, Л.** Культурно-историческое наследие Белорусского Полесья как основа развития туризма в регионе / Л. Гайдукович // Фальклор і сучасная культура : матэрыялы III Міжнар. навук.-практ. канф. – Мінск, 2011. – С. 11–13.

2. **Емельянов, Б. В.** Экскурсоведение / Б. В. Емельянов // Советский спорт [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа: http:// tourlib.net/books_tourism/ekskurs.htm. – Дата доступа: 14.02.2014.

3. **Колендо, Е. Т.** Оценка туристской привлекательности малых городских поселений Беларуси / Е. Т. Колендо // Вестник Белорусского государственного университета. Серия, Химия. Биология. География. – 2010. – № 1. – С. 70–76.

4. **Мечковская, О. А.** Экономико-графические тенденции развития международного туризма в странах Центральной и Восточной Европы / О. А. Мечковская // Туризм и региональное развитие : сб. науч. статей. – 2006. – № 4. – С. 270–276.

5. **Общественные** объединения национальных общностей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// www.belarus21.by/. – Дата доступа: 14.02.2014.

6. **Паникарова, С. В.** Структурно-функциональная конфигурация этнокультурного потенциала региона / С. В. Паникарова, Л. В. Анжиганова // Проблемы современной экономики. – 2010. – № 3. – С. 319–323.

7. **Решетникова, А. Н.** Культурно-исторический потенциал водных объектов как туристический ресурс Беларуси / А. Н. Решетникова // Беларусь в современном мире : материалы II Респ. науч. конф., 17–18 дек. 2003 г. / редкол.: А. В. Шарапо [и др.]. – 2004. – С. 109–110.

8. **Туризм** и туристические ресурсы в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://belstat.gov.by/. – Дата доступа: 14.02.2014.

9. **Lovingwood, P. E.** Regional analysis of South Carolina tourism / P. E. Lovingwood, L. E. Mitchell // Annals of Tourism research. – 1989. – Vol 16. – P. 301–317.

М. В. Волчек (Минск)

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСОБИЯ ОБЛАСТНЫХ БИБЛИОТЕК БЕЛАРУСИ ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ

Одним из направлений воспитания молодежи является воспитание патриотизма. Патриотическое воспитание молодежи – это систематическая, целенаправленная деятельность семьи, учреждений образования и культуры, общественных организаций и объединений, органов власти и управления, направленная на «привитие молодежи любви к Беларуси, формирование у нее устойчивого желания способствовать ее процветанию и стремления защищать от врагов» [4, с. 115]. В содержании патриотического воспитания исследователи патриотизма (Н. А. Абрамова, Н. В. Задруцкая, Г. Н. Мусс, В. Г. Паутов и др.) выделяют следующие компоненты: когнитивный (интеллектуальный), ценностный и деятельностный. Некоторые специалисты (Е. В. Лисецкая, И. Фонд Харламов, Н. В. Ипполитова и др.) также включают потребностно-мотивационный и волевой компоненты. «Основу патриотического сознания составляют знания патриотического характера, на основе которых вырабатываются патриотические взгляды и убеждения» [2].

Анализируя направления патриотического воспитания (гражданско-патриотическое, культурно-патриотическое, спортивно-патриотическое, героико-патриотическое, военно-патриотическое), которые отмечены в Концепции патриотического воспитания молодежи в Республике Беларусь, мы можем выделить следующие патриотические знания [4, с. 118–119]:

• знания сущности патриотизма;

• знания исторического прошлого;

• знания о национальных традициях, обычаях, культуре, религиях народов Беларуси;

• знания государственной символики, Конституции Республики Беларусь;

• знания о достижениях в области науки, культуры, спорта;

• знания о современном состоянии промышленности, сельского хозяйства, экономики страны;

• знания о природе и экологическом состоянии страны;

• знания о Вооруженных Силах Республики Беларусь;

• знания о здоровом образе жизни;

• знания о выдающихся личностях Беларуси.

Библиотека как социальный институт выполняет немаловажную роль в формировании патриотических знаний. Педагогическая задача библиотеки – помочь сформировать человеку понятия и представления, связанные с патриотизмом, осмыслить высшие человеческие ценности [3, с. 249].

«Многое связывает человека с местом, где он родился и вырос. Родной край, его люди, природа становятся частью человеческой судьбы. Поэтому главным принципом патриотического воспитания должно быть познание и осознание ими своей малой Родины» [5, с. 216]. Многие библиотеки, прежде всего, публичные (в нашем случае – областные библиотеки) различные формы своей деятельности по патриотическому воспитанию осуществляют в рамках краеведческой деятельности. Ценностное отношение к своей Родине начинает закладываться с любви к месту, где родился, прошло детство. Изучение истории, современного состояния малой родины способствует формированию чувства любви, преданности, бережного отношения к ней. Не владея краеведческими знаниями, невозможно стать истинным патриотом. И «чем ярче и содержательнее знания о родном крае, его людях, прошлом и настоящем, тем более эффективно будет решаться одна из главных наших задач – воспитание патриота своего Отечества» [1, с. 17]. Таким образом, особое место в системе патриотических знаний занимают знания краеведческого характера, которые, на наш взгляд, включают:

• знания исторического прошлого края;

• знания о национальных традициях, обычаях, культуре, религии жителей края;

• знания о достижениях в области науки, культуры, спорта края;

• знания о современном состоянии промышленности, сельского хозяйства, экономическом состоянии малой родины;

• знания о природе и экологическом состоянии края;

• знания о выдающихся уроженцах и жителях края.

Одним из источников краеведческих знаний являются краеведческие информационные ресурсы, составной частью которых являются библиографические пособия. Сегодня при подготовке информационных ресурсов библиотеки отдают приоритет электронным формам, в то же время продолжая создавать библиографические пособия и в традиционном печатном виде.

Проведенный нами анализ библиографических пособий областных библиотек Беларуси за 2005–2013 гг., сайтов областных библиотек позволяет выделить тематические направления печатных краеведческих библиографических пособий патриотического характера.

Особую роль в воспитании патриотизма выполняют исторические знания. В процессе изучения истории формируется ценностное отношение к родине, отечественной культуре. Здесь можно назвать библиографический указатель «Міншчына: дзень за днем, год за годам» (Минск, 2007), который дает возможность познакомиться с историческим прошлым Минщины и современным состоянием области. Также можно отметить библиографический список «Магілеўшчына ў складзе Вялікага Княства Літоўскага» (Могилев, 2010).

В воспитании чувства любви к Родине, по мнению О. И. Урядовой, особая роль принадлежит военной истории, соприкасаясь с которой, человек приобщается к подвигу народа, учится служению Отечеству на героических примерах из жизни великих людей своей страны [8]. Так как события Великой Отечественной войны стали неиссякаемым источником патриотического воспитания, то тематика большинства пособий различных форм и видов посвящена. Все областные библиотеки активно раскрывают данную тематику, в особенности, в связи с юбилейными датами. Областные библиотеки составляют библиографические пособия, посвященные Великой Отечественной войне на территории в целом, отдельным событиям. Примером может служить библиографическое пособие «Вайна ў азерным краі: Віцебшчына ў гады вайны» (Витебск, 2009). Заслуживает внимания библиографический указатель «И помнить страшно, и забыть нельзя» (Витебск, 2009), в котором, стоит отметить, содержатся сведения о документах по патриотическому воспитанию молодежи, отражающих его важность в современном мире, методические рекомендации, опыт.

Удивительные примеры мужества и героизма проявили советские люди в годы Великой Отечественной войны. Учитывая, что патриотическое сознание лучше всего формируется на реальных примерах, составители рекомендуют литературу, которая рассказывает о героизме, подвигах защитников Отечества, чья жизнь является ярким образцом высокого служения Родине. Литературу о героях и их героических поступках раскрывает библиографическое пособие «Освобождение Витебщины: путь мужества и славы» (Витебск, 2005). Изумительную храбрость в годы войны проявили и дети в борьбе с врагом. Для подрастающего поколения Витебская областная библиотека им. В. И. Ленина подготовила библиографический список «Маленькие солдаты великой войны» (Витебск, 2009), который включает два раздела: «Белорусские дети военного времени» и «Юные герои Витебщины». Эти пособия включают литературу о тех, кто показывал образцы героизма, с кого молодежь должна брать пример.

Военный подвиг увековечен в памятниках и мемориальных ансамблях, сооруженных по всей территории Республики Беларусь. Материал о мемориальных памятниках также может служить средством патриотического воспитания молодежи. Так, Минская областная библиотека им. А. С. Пушкина подготовила и издала библиографический указатель «Вечна ў памяці народнай» (Минск, 2009), в котором представлена информация об участниках Великой Отечественной войны и памятниках, посвященных им.

Кроме того, областные библиотеки составляют библиографические пособия, которые посвящены событиям других войн. Так, в 2012 г. Витебская областная библиотека им. В. И. Ленина подготовила библиографический список «Афганистан болит в душе моей» (Витебск, 2012) ко Дню памяти воинов-интернационалистов. В нем представлена информация о воинах-интер-

националистах – уроженцах Витебщины. Также библиотекой подготовлен биобиблиографический указатель «Герои 1812-го: ратные подвиги на Витебщине» (Витебск, 2012), в котором приведены имена участников Отечественной войны 1812 года, чьи подвиги и героизм были проявлены в сражениях за Придвинский край, а также персоналии уроженцев Витебской губернии – участников войны.

Основой патриотического воспитания является привитие уважения к культурному наследию, традициям, обычаям, которые складывались на протяжении многих веков на основе формирования знаний о культуре жителей региона. Данную задачу культурно-патриотического воспитания помогут выполнить пособия, посвященные различным направлениям развития культуры и искусства родного края. Так, был подготовлен библиографический справочник «Лепшы ў Еўропе тэатр» (Могилев, 2008), отражающий деятельность Шкловского театра С. Г. Зорича, а также представляющий актерский состав этого учреждения. Развитию музейного дела посвящены библиографические пособия «Музейная справа вобласці ў друку» в двух частях (Гомель, 2004–2006), «Веткаўскі музей народнай творчасці» (Гомель, 2007), «Культурны набытак Магілева» (Могилев, 2010).

Вместе с тем важную роль в патриотическом воспитании играет формирование у молодежи бережного отношения к родной природе. Витебской областной библиотекой им. В. И. Ленина был подготовлен библиографический указатель «Природа ошибок не прощает: экологическое состояние Витебщины» (2011). Среди экологической тематики актуальна тема Чернобыля: «Четверть века под знаком Чернобыля» (Могилев, 2011), «Белы бусел – чорны цень» (Витебск, 2011).

Особое значение в патриотическом воспитании выполняют пособия, посвященные выдающимся деятелям и уроженцам региона: общественным деятелям, героям, писателям, художникам, музыкантам и др. Предоставляя информацию о роли и месте известных личностей в истории края, библиотека помогает читателю идентифицировать себя с конкретным историческим деятелем. Отдельным направлением можно выделить биобиблиографические пособия, посвященные героям Великой Отечественной войны: «К. Заслонаў» (Витебск, 2005), «Они освобождали Могилевщину. Герои Союза, принимавшие участие в освобождении Могилевской области от немецко-фашистских захватчиков (1943–1944)» (Могилев, 2009). Герою Отечественной войны 1812 года посвящен указатель «Яков Петрович Кульнев» (Витебск, 2008). Среди пособий, посвященных белорусским писателям, деятелям культуры и искусства, ученым, можно отметить «Выдатныя дзеячы музычнага мастацтва Магілеўшчыны» (Могилев, 2005), «Аркадий Михайлович Подлипский» (Витебск, 2006), «Дзеячы тэатра і кінамастацтва Магілеўшчыны» (Могилев, 2007), «Натхнены сын Палесся (да 80-годдзя Г. Х. Вашчанкі)» (Гомель, 2008), «Алексей Парфенович Сапунов» (Витебск,

2009), «Уладзімір Караткевіч у творах мастацтва» (Витебск, 2010), «Слова стала сэнсам яго жыцця: да 70-годдзя з дня нараджэння Мікалая Васільевіча Абабуркі» (Могилев, 2011), «Давид Симанович» (Витебск, 2012), «Жыцце эпохі: Анатоль Багатыроў (1913–2003)» (Витебск, 2013) и др.

Таким образом, можно выделить следующие содержательные аспекты краеведческих библиографических пособий областных библиотек Беларуси патриотической тематики:

• историческое прошлое малой родины;
• развитие культуры и искусства;
• природа и экологическое состояние малой родины;
• выдающиеся уроженцы и жители края.

Отдельным вектором необходимо выделить библиографические пособия, посвященные героическому прошлому. Здесь краеведческие библиографические пособия можно разграничить по следующим тематическим блокам:

• Великая Отечественная война на территории в целом;
• отдельные события периода Великой Отечественной войны;
• участники и герои войны;
• увековечение памяти о войне;
• другие войны, в которых участвовали уроженцы края.

Среди областных библиотек, раскрывающих данную тематику в создаваемых библиографических пособиях, необходимо выделить Витебскую областную библиотеку им. В. И. Ленина, которой издано наибольшее количество библиографических пособий, посвященных Великой Отечественной войне.

Следует отметить, что за рассматриваемый период отсутствуют тематические пособия, раскрывающие современное состояние промышленности, сельского хозяйства, экономического развития региона. Данная тема отражается в библиографических пособиях типа «Литература об … области», «Календарь знаменательных и памятных дат». Также нет библиографических пособий, которые раскрывают культурные традиции, обычаи жителей края, спортивные достижения региона.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что составители краеведческих библиографических пособий не акцентируют внимания на использовании краеведческих материалов в воспитании патриотических качеств личности, важную роль в этом выполняют краеведческие библиографические пособия. Это не только пособия, посвященные Великой Отечественной войне, но и те, которые могут помочь в изучении природы родного края – тем самым привить бережное отношение к ней. Пособия, которые знакомят с национальными традициями и обрядами, формируют глубокое уважение к национальной культуре. Пособия, раскрывающие экономическое состояние малой родины, способствуют воспитанию чувства гордости и заботы об интересах страны в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Буткевич, В. В.** Патриотическое воспитание учащихся: история и современность : пособие / В. В. Буткевич. – Минск : Нац. ин-т образования, 2010. – 208 с.

2. **Ипполитова, Н. В.** Патриотическое воспитание учащихся / Н. В. Ипполитова // Непрерывное педагогическое образование [Электронный ресурс] : научно-педагогический центр. – Режим доступа: http://www.ippolitova.info/index.php?option=com_content&view=article&id=153: 2011-03-16-04-37-32&catid=39:articles&Itemid=67. – Дата доступа: 01.05.2012.

3. **Каменкова, Л.** Как воспитать патриота / Л. Каменкова // Народное образование. – 1999. – № 5. – С. 246–250.

4. **Концепция** патриотического воспитания молодежи в Республике Беларусь // Праблемы выхавання. – 2003. – № 3. – С. 113–119.

5. **Кукушкин, В. С.** Теория и методика воспитательной работы : учеб. пособие / В. С. Кукушкин. – Ростов-на-Дону : МарТ, 2002. – 320 с.

6. **Лисецкая, Е. В.** Актуальные проблемы формирования патриотизма в современном педагогическом пространстве / Е. В. Лисецкая // Интерактивное образование [Электронный ресурс]. – 2007. – № 11 (июнь). – Режим доступа: http://io.nios.ru/old/releases.php?num= 11&div=02&art=02. – Дата доступа: 01.05.2012.

7. **Паказальнік** бібліяграфічных дапаможнікаў Беларусі : дзярж. бібліягр. паказ. / М-ва інфарм. Рэсп. Беларусь ; Нац. кн. палата Беларусі. – Мінск : НКП Беларусі, 2006–2011.

8. **Урядова, О. И.** Не потерянное поколение / О. И. Урядова // Библиотека. – 2005. – № 3. – С. 8–11.

А. В. Ганчарова (Витебск)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННОЙ КОЛЛЕКЦИИ «ВИТЕБЩИНА: ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ» В ПОИСКЕ МАЛОИЗВЕСТНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ФАКТОВ, ВЫЯВЛЕНИИ И ВОЗВРАЩЕНИИ НЕЗАСЛУЖЕННО ЗАБЫТЫХ ИМЕН В ИСТОРИИ КРАЯ

Одно из основных направлений деятельности Витебской областной библиотеки имени В. И. Ленина – формирование и хранение фонда краеведческой литературы. В целях пополнения фонда ценными краеведческими изданиями был составлен договор с Национальной библиотекой Беларуси об оцифровке редких книг XIX – начала XX в.

На основе оцифрованных документов сотрудники Витебской областной библиотеки сформировали полнотекстовую базу данных «Витебщина: документальное наследие». В коллекции представлены книги-юбиляры А. П. Сапунова «Витебская старина» и «Река Западная Двина», а также «Памятные книжки» Витебской, Могилевской, Минской губерний, отчеты, обзоры, до-

клады и другие редкие документы. Электронная коллекция «Витебщина: документальное наследие» насчитывает 1670 изданий.

С 2012 г. ведется работа над созданием справочно-поискового аппарата к электронной коллекции «Витебщина: документальное наследие». Каждый документ просматривается постранично, подбираются и вводятся ключевые слова, отражающие содержание, географические объекты и фамилии персон.

Во время работы над справочно-поисковым аппаратом обратила внимание на редкую фамилию Сабин-Гус, которая значилась во многих списках документов, но информации в энциклопедических изданиях, электронном каталоге и краеведческой картотеке о персоналии не нашлось. С помощью электронной коллекции «Витебщина: документальное наследие» попыталась восполнить этот пробел и составить биографию выдающегося человека, который работал вместе с А. П. Сапуновым и очень много сделал для Витебска.

Иван Юрьевич Сабин-Гус родился 6 октября 1862 г. в Ялте, где успешно окончил гимназию, а затем поступил на исторический факультет Петербургского университета. После его окончания дипломированный специалист был направлен на работу в Виленский учебный округ, где получил ставку преподавателя мужской гимназии в городе Витебске [19].

Иван Юрьевич женился на дочери коллежского советника Ольге Леонтьевне Бобровской. В семье Сабин-Гусов было трое детей: Борис, Анатолий и Елена.

10 августа 1893 г. И. Ю. Сабин-Гус был утвержден штатным преподавателем параллельных классов Витебской гимназии.

Иван Юрьевич вел занятия по географии в обоих отделениях первых и третьих классов и по истории в обоих отделениях третьих, пятых и седьмых классов. В это время в гимназии преподавал русский и латинский языки известный историк А. П. Сапунов [12].

2 сентября 1893 г. с целью сохранения памятников белорусской церковной старины было открыто церковно-археологическое древлехранилище, находившееся в ведении Братства. Правила древлехранилища были утверждены Святым синодом от 27 октября 1895 г. На основании этих правил древлехранилищем заведовала особая комиссия, в состав которой к началу 1897 г. входили священник кафедрального собора отец В. О. Говорский, преподаватели Витебской мужской классической гимназии А. П. Сапунов и Н. Я. Никифоровский и преподаватель Витебской духовной семинарии Д. И. Довгялло. Согласно прошению на имя Его Преосвященства, поданому от 28 августа, А. П. Сапунов был освобожден от заведования музеем в связи с переходом на службу в Москву. И вследствие представления Советом резолюции Его Преосвященства от 4 октября 1897 г. А. П. Сапунову присвоено звание «члена музея» (в первый раз после учреждения музея). В то же время по случаю выхода Алексея Парфеновича Сапунова из состава комиссии по заведова-

нию Витебским церковно-археологическим древлехранилищем на его место был избран Советом Братства преподаватель Витебской мужской гимназии И. Ю. Сабин-Гус.

Деятельность комиссии по заведованию церковно-археологическим древлехранилищем в 1897–1898 гг. была направлена на: 1) составление каталога предметов, хранящихся в музее; 2) составление описания тех же предметов для печати; 3) печатание в «Полоцких епархиальных ведомостях» и «Известиях» [13].

Для обозначенной цели вследствие ходатайства Совета Братства от 19 мая 1898 г., Полоцкая духовная консистория выдала членам древлехранилища Довгялло и Никифоровскому особые свидетельства на предмет беспрепятственного обзора церквей и монастырей.

Обстоятельный обзор подобных посещений и все события из жизни епархиального древлехранилища с начала 1898 г. записывались в «Летопись древлехранилища». Член комиссии И. Ю. Сабин-Гус делал фотоснимки предметов древности и составлял альбом к описанию данных артефактов [14].

27 декабря 1897 г. состоялось открытие общества взаимного вспомоществования учителям и учительницам народных училищ Витебской губернии. Оно было создано по инициативе директора народных училищ Витебской губернии, действительного статского советника Д. И. Тихомирова. Устав общества утвердил 3 апреля 1897 г. Министр народного просвещения. Деятельность общества была направлена на оказание благотворительности ученикам и учителям учебных учреждений Витебской губернии. Был избран личный состав общества. И. Ю. Сабин-Гус стал кандидатом в члены ревизионной комиссии [15].

Иван Юрьевич проработал в обществе до 1903 г. 7 февраля он отказался от звания члена Правления Общества по причине сложности своих обязанностей в должности Витебского Городского Головы. Для пополнения состава Правления в его члены были выбраны новые кандидаты. Ими стали М. Д. Салтыков – председатель Правления, А. П. Сапунов – член Правления. К концу года А. П. Сапунов выбыл из состава Правления Общества [18, с. 2–4].

Активная позиция и трудолюбие И. Ю. Сабин-Гуса стали заметны местному обществу, и 3 апреля 1903 г. он был избран на должность Городского Головы Витебской городской управы вместо исполняющего делами депутата, Городского Головы С. Ф. Савчука. Витебская городская управа являлась распорядительным и исполнительным органом городского хозяйства [8].

Городской Голова И. Ю. Сабин-Гус продолжал заниматься благотворительностью. Например, он предоставил в распоряжение надзирательницы интерната М. П. Бобровской свою ложу в городском театре на дневные и праздничные спектакли, и благодаря этому воспитанники имели возможность бесплатно посещать дневные спектакли [18, с. 9–10].

После избрания на должность Городского Головы надворный советник И. Ю. Сабин-Гус вошел в состав членов Витебского губернского статистического комитета. Секретарем комитета и действительным членом являлся статский советник Алексей Парфенович Сапунов. Деятельность комитета состояла в сборе, проверке и составлении статистических данных о Витебской губернии. Были составлены и напечатаны «Обзоры Витебской губернии за 1902–1903 гг.», изданы «Памятные книжки Витебской губернии» в 1903 г. на 1904-й г. и в 1904 г. на 1905-й г. К последнему из изданий приложены план Витебска с пояснительным текстом к нему и статья «Периодическая печать в Витебской губернии» [11].

24 сентября 1905 г. коллежский советник И. Ю. Сабин-Гус был назначен начальником Алексеевской женской гимназии, которая находилась на ул. Замковая в доме Х. Гуревича [2; 20].

«5 марта 1908 года Городской Думой были произведены выборы Городского Головы на остальной срок четырехлетия с 1907 года по 1911 год, на должность которого был избран И. Ю. Сабин-Гус, и тогда же Дума выразила пожелание, чтобы должность Председателя Сиротского Суда на оставшийся срок четырехлетия принял на себя вновь избранный Городской Голова И. Ю. Сабин-Гус, на что последний согласился» [4].

В Отчете Витебской городской управы за 1908 г. он писал: «В своем стремлении увеличить городские доходы не путем налогов, а путем хозяйственно-коммерческих предприятий Витебское Городское Самоуправление уже сделало крупное начало – возбудило ходатайство о выпуске облигационного займа в 1,5 миллиона рублей. Нет сомнения, что разумное употребление этой суммы значительно увеличит городские доходы, не говоря уже о других, например, санитарных последствиях сосредоточения в руках города таких предприятий, как водопровод, торговые ряды на базар и др., на что преимущественно и предназначается этот заем» [22].

В этом же году Городской Думой возбуждено ходатайство об открытии в Витебске Учительского института, причем Дума ассигновала в помощь казне на содержание института по 2500 руб. в год с отводом под институт бесплатных земель [21].

21 ноября 1910 г. состоялось торжественное открытие Витебского учительского института. На открытии присутствовали многие почетные гости, среди которых был и Городской Голова И. Ю. Сабин-Гус [6].

И. Ю. Сабин-Гус являлся председателем Витебской Городской Санитарной Комиссии. В своем отчете за 1908 г. он писал о мерах, которые были приняты по организации медицинской помощи городскому населению: «До настоящего года для бедного городского населения не существовало доступной врачебной помощи, ни стационарной, ни амбулаторной, ибо существующие в городе лечебные заведения Губернская Земская Больница и Лечебница Красного Креста хотя и обслуживали в значительной степени городское на-

селение, но не бесплатно. Чтобы восполнить такой пробел, с отчетного года Городская Дума, согласно докладу Санитарной Комиссии, начала выдавать субсидию Губернской Земской Больнице и амбулатории Еврейской Больницы с тем, чтобы в их амбулаториях оказывалась бесплатная врачебная помощь всем бедным городским жителям без различия национальностей с бесплатной выдачей лекарств.

С 23 сентября на средства, ассигнованные Городской Думой, были устроены ночные дежурства врачей при аптеке О-ва пособия бедным больным евреям, предоставившей для этого подходящее помещение на Суворовской улице» [7].

10 сентября 1909 г. состоялось открытие Витебской Ученой Архивной Комиссии. К 31 мая 1910 г. был определен личный состав комиссии. И. Ю. Сабин-Гус состоял действительным членом Витебской Ученой Архивной Комиссии. В этом же году выбыл из состава членов комиссии А. П. Сапунов, который являлся Почетным членом Витебской Ученой Архивной Комиссии [3].

В «Отчете Витебской городской управы за 1912 год» написано, что «в отчетном году состав Управы был следующий: Городской Голова Статский Советник Иван Юрьевич Сабин-Гус, в должности с 8 мая 1908 года. Выбыл за переходом на службу Директором Александровской Ялтинской гимназии с 1 сентября 1912 года» [10].

Иван Юрьевич свою жизнь посвятил делу просвещения, много лет занимался бескорыстной общественной деятельностью, был членом многочисленных государственных и общественных комиссий. При этом он не забывал «малую родину» и совмещал работу Городского Головы Витебска с должностью директора Ялтинской гимназии.

Во время отдыха императора Николая II в 1909 г. в череде обычных дел известен прием в Ливадийском дворце депутации ялтинцев от Ялтинского отделения Крымско-Кавказского горного клуба. Председатель ялтинского отделения клуба А. Т. Тянков и директор Ялтинской Александровской мужской гимназии И. Ю. Сабин-Гус преподнесли императору рельефную карту Южного берега Крыма, напомнив о том, что Крым является одним из лучших украшений короны его Величества. Николай Александрович подробно расспросил о тропах и высотах крымских гор, поблагодарил за подарок и «пожелал преуспения клубу» [23].

Высокопоставленный родственник предоставил Ивану Юрьевичу личный вагон, на котором он ездил из Ялты в Витебск, где жила его семья.

Во время Первой мировой войны, когда немцы приблизились к границам Витебской губернии, И. Ю. Сабин-Гус с семьей покинул город, вернувшись в Ялту, где продолжал работать директором Ялтинской мужской гимназии. Известно, что в декабре 1920 г. семья проживала в здании гимназии в Ливадии.

С приходом в Крым Красной армии начались репрессии против интеллигенции и не уехавших за границу дворян. С 7 декабря 1920 г. в Ялте про-

ходили расстрелы в порядке проведения «красного террора». Удрис, председатель ялтинской Чрезвычайной «тройки», на дела арестованных из одной странички накладывал резолюцию за резолюцией – «Расстрелять» [5].

Все судопроизводство было сведено до минимума. Все держалось в строжайшей тайне. 8 декабря 1920 г. Ивана Юрьевича арестовали, а еще 7 числа были составлены расстрельные списки. В списках его анкета значилась под номером 189:

«Сабин-Гус Иван Юрьевич, 1862 г. р., уроженец и житель Ялты, директор Ялтинской мужской гимназии. Окончил исторический факультет Петербургского университета, дворянин, всю свою жизнь посвятил делу просвещения народа. Много лет занимался бескорыстной общественной деятельностью, был членом многочисленных государственных и общественных комиссий Крыма. Имеет троих детей. Проживает по адресу: Ялта, Ливадия, гимназия. 8.XII.20 г.».

И. Ю. Сабин-Гус анкету заполнил 8 декабря 1920 г., а свое постановление «тройка» вынесла 7 декабря 1920 г. Скорее всего, «тройка» анкету Сабин-Гуса вообще не читала и решение по ней не принимала. Похоже, что чекисты просто включили его при подготовке в общий список 8 декабря 1920 г. Он был расстрелян вместе с большой группой интеллигенции Ялты на даче Фролова-Багреева. Это место сегодня печально известно как «Багреевка». В 2006 г. в память о погибших была построена часовня [1].

В заключение отмечу, что массив редких документов, собранных в электронной коллекции «Витебщина: документальное наследие» государственного учреждения «Витебская областная библиотека имени В. И. Ленина», дает возможность узнать историю не только забытых имен, но и историю города, историю государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Абраменко, Л. М.** Багреевка. Судный день 7 декабря 1920 года / Л. М. Абраменко // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Москва, 2007. – Режим доступа: http://swolkov.org/doc/yalta/02-3.htm, свободный. – Загл. экрана.

2. **Адресная** и справочная книга города Витебска. – Витебск, 1907. – С. 78.

3. **Арсеньев, В. С.** Личный состав Витебской Ученой Архивной Комиссии к 31 мая 1910 года (Отдельные оттиски из «Трудов Витебской Ученой Архивной Комиссии») / В. С. Арсеньев. – Витебск : Тип. Насл. М. Б. Неймана, 1910. – С. 8, 15.

4. **Витебская** Городская Дума // Отчет Витебской городской управы за 1908 год. – Витебск : Тип. Насл. М. Б. Неймана, 1910. – С. 5.

5. **Галиченко, А.** Крымские новомученики, Ялта в омуте истории / А. Галиченко, Т. Романова // МИЛОСЕРДИЕ. RU [Электронный ресурс] : православный портал о благотворительности и социальной деятельности / гл. ред. Ю. Данилова. – Электрон. дан. – Москва, 2012. – Режим доступа: http://www.miloserdie.ru/articles/krymskie-novomucheniki-yalta-v-omute-istorii, свободный. – Загл. с экрана.

6. **Открытие** Витебского учительского института. – [Витебск, 1910]. – С. 1.

7. **Отчет** Витебской Городской Санитарной Комиссии за 1908 год. – Витебск : Типолитография П. А. Подземского, 1910. – С. 3, 49–52.

8. **Отчет** Витебской городской управы за 1903 год. – Витебск : Типолитография Бр. Подземских, 1904. – С. 1–2, 4–5.

9. **Отчет** Витебской городской управы за 1911 год. – Витебск : Тип. Насл. М. Б. Неймана, 1912. – С. XXIV–XXVII, XLII.

10. **Отчет** Витебской городской управы за 1912 год. – Витебск : Типолитография П. А. Подземского, 1913. – С. XLVIII.

11. **Отчет** о деятельности Витебского Губернского Статистического Комитета за 1903–1904 гг. – Витебск : Губерн. типолитография, 1905. – С. 2.

12. **Отчет** о состоянии Витебской Гимназии за 1894–1895 учебный год / сост. В. К. Соколов. – Витебск : Губерн. тип., 1896. – С. 12.

13. **Отчет** о состоянии деятельности Витебского Свято-Владимирского братства за 1897 год (десятый год существования Братства). – Витебск : Губерн. типолитография, 1898. – С. 48.

14. **Отчет** о состоянии деятельности Витебского Свято-Владимирского братства за 1898 год (одиннадцатый год существования Братства). – Витебск : Губерн. типолитография, 1899. – С. 15–16.

15. **Отчет** Общества взаимного вспомоществования учителям и учительницам народных училищ Витебской губернии за 1898 год. – Витебск : Губерн. типолитография, 1899. – С. 3–9.

16. **Отчет** Общества взаимного вспомоществования учителям и учительницам народных училищ Витебской губернии за 1900 год. – Витебск : Губерн. типолитография, 1901. – С. 4.

17. **Отчет** Общества взаимного вспомоществования учителям и учительницам народных училищ Витебской губернии за 1901 год (четвертый год существования). – Витебск : Губерн. типолитография, 1902. – С. 4, 25.

18. **Отчет** Общества взаимного вспомоществования учителям и учительницам народных училищ Витебской губернии за 1903 год (шестой год существования). – Витебск : Губерн. типолитография, 1904. – С. 2–4, 9–10.

19. **Памятная** книжка Виленского учебного округа, 1902/1903 учебный год. – Вильна, 1902. – С. 32.

20. **Памятная** книжка Витебской губернии на 1908 год. – Витебск : Губерн. тип., 1908. – С. 69.

21. **По народному** образованию // Отчет Витебской городской управы за 1908 год. – Витебск : Тип. Насл. М. Б. Неймана, 1910. – С. 18.

22. **Результаты** по исполнению сметы доходов и расходов за 1908 год // Отчет Витебской городской управы за 1908 год. – Витебск : Тип. Насл. М. Б. Неймана, 1910. – С. 12.

23. **Романовы** и Ялта // Первый Ялтинский [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Ялта, 2008–2014. – Режим доступа: http://www.1-yalta.com/yalta-history-6.html, свободный. – Загл. с экрана.

Д. В. Кепин (Киев)

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КРАЕВЕДЧЕСКИХ МУЗЕЕВ В УКРАИНЕ

Музеи как полифункциональные социокультурные институции сохраняют и экспонируют различные категории источников. В современной музеологии активно развиваются новые направления, которые ведут к разработке научных концепций по созданию различных типов музеев.

В Украине по состоянию на 1 января 2013 г. в системе Министерства культуры функционировало 550 музеев, из них приблизительно половина – это исторические и комплексные (краеведческие) музеи. Именно краеведческим музеям отведена важная роль в обществе – как одним из главных координирующих центров по исследованию и популяризации памятников природного и культурного наследия того или иного региона, населенного пункта. А это в свою очередь будет способствовать уважительному отношению местного населения к музейным ценностям.

Успешное развитие краеведческих музеев во многом зависит и от развития краеведения как науки. Отметим, что среди исследователей идут дискуссии о статусе самого краеведения, его объекте и предмете [1]. В этом отношении большую роль сыграла I Всесоюзная конференция по историческому краеведению, проходившая в 1989 г. в Киеве (Историческое краеведение в СССР: вопросы теории и практики : сб. ст. / отв. ред. П. Т. Тронько. – Киев, 1991) (см. доклады Д. С. Лихачева, Л. А. Донских, П. Т. Тронько, Я. Е. Водарского, А. В. Санцевича, С. О. Шмидта, Н. П. Ковальского). Так, академик Д. Лихачев краеведение отнес к комплексным наукам. На тесные связи краеведения с музееведением, в частности музейным делом, указали Л. А. Донских и Н. П. Ковальский. По мнению Н. П. Ковальского, объектом исторического краеведения является комплекс исторических источников по истории местного края с древнейших времен до современности.

Историк С. З. Заремба отнес краеведение и историческое краеведение к фундаментальным наукам [3, с. 19–20].

Представляют интерес разработки музеолога профессора Ю. А. Омельченко. Он также относит краеведение к комплексным наукам. В качестве объекта данной науки выступают природа, история, население, хозяйство, культура, а предметом – «край», условное понятие, зависящее от того, кто и с какой целью его изучает. Исследователь по предметной направленности работы выделяет географическое, историческое, художественное, литературное и другое краеведение. Под историческим краеведением понимается отрасль знаний и учебная дисциплина, изучающая историю, теоретические основы, содержание и методику комплексного исследования прошлого определенной территории. Историческое краеведение входит в состав общего

краеведения [6]. В другой своей работе ученый для исторического краеведения выделил объект исследования – «край», условное понятие, а предметом этой науки является природа, топонимика, история, состав населения, хозяйство, культура [7].

Среди направлений музееведения исследователи предлагают выделять краеведческое музееведение [8].

По нашему мнению, краеведение тесно связано со многими науками как гуманитарного, так и естественного циклов (схема 1).

В рамках краеведческого музееведения в последнее время в Украине активно развивается естественнонаучное направление. На базе Национального научно-природоведческого музея НАН Украины (Киев), который является координирующим музеологическим центром естественнонаучных музеев, с 2009 г. регулярно проводятся конференции и семинары для сотрудников таких музеев и специалистов отделов природы краеведческих музеев. В рамках проведения международной конференции «Практические вопросы естественнонаучной музеологии» (Киев, 24–25 октября 2013 г.) проводились мастер-классы – практические занятия по изготовлению и реставрации экспонатов. Так, Н. П. Скрипкина (Ботанический музей им. профессора Д. М. Доброчаевой) ознакомила сотрудников краеведческих музеев с изготовлением объемной фитоэкспонатуры, в частности гербариев, а Л. С. Шевченко (Зоологический музей им. член-кор. НАН Украины, проф. Н. Н. Щербака) – с сохранением и чисткой чучел и шкур меховых млекопитающих в условиях фондов и экспозиции. Также рассматривались вопросы о создании единой учетной документации для фондовых коллекций и экспозиций отделов природы краеведческих музеев.

По инициативе доктора геологических наук Е. И. Деревской, зав. отделом «Геологический музей», с 2012 г. действуют школа геологии и палеонтологический кружок, где слушателями могут быть не только дети, учащиеся и студенты, но и взрослые, – все, кто интересуется естествознанием и геологическим наследием.

С сентября 2012 г. в Киевской школе № 256 Оболонского района функционирует геологический класс-лаборатория для учащихся 8 класса, где читается экспериментальный спецкурс «Недра Земные (Основы геологии)». Для учителей этой школы и учителей географии Оболонского района 28 августа 2012 г. был проведен выездной семинар около с. Новые Петровцы Вышгородского района для ознакомления с геологическим памятником – обнажением горных пород неогенового времени [4; 5]. Разработанная программа по основам геологии для учащихся, дает возможность активизировать их деятельность в области краеведческого музееведения, так как в ходе полевых геологических экскурсий происходит сбор материалов, которые могут стать основой для создания школьного геологического или краеведческого музея.

Многие краеведческие музеи имеют свои филиалы. Одним из интересных реализованных проектов является культурно-археологический центр «Пересопница» (открыт в 2011 г.) в с. Пересопница как отдел Ровенского областного краеведческого музея (создан в 1976 г.). Автор научной концепции академик НАН Украины П. П. Толочко. Комплекс включает частично реконструированное Пересопницкое городище XII–XIII вв., макет-реконструкцию в натуральную величину усадьбы жителя Пересопницы XII в., каменный крест в ур. Пастивник над погребениями XII–XIII вв., музей Первой книги (автор проекта, архитектор В. Ковальчук), деревянную Николаевскую церковь XIX в. На территории «археопарка» проводятся научные конференции и семинары, театрализованные фестивали. Планируется создание постоянно действующей археологической экспедиции, в которой могут принимать участие и посетители музея.

Таким образом, концепция краеведческих музеев постепенно должна трансформироваться через реализацию идеи создания экомузеев. Такие комплексы могут действовать как региональные центры документации и научно-исследовательской работы, информационные и культурные центры, осуществляющие в данном регионе исследования, сохранение и презентацию естественнонаучных и историко-культурных памятников, репрезентирующие местную среду обитания и быт населения с древнейшего времени до современности. Экомузеи можно классифицировать на in situ, экоэтноархеологические и собственно краеведческие.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Верменич, Я.** Краєзнавство історичне / Я. Верменич // Спеціальні історичні дисципліни : довідник : навч. посіб. для студ. вищ. навч. закл. – Київ : Либідь, 2008. – С. 326–334.

2. **Жукова, О. В.** Створення археопарків як елементу музейного ландшафту в Україні (на прикладі культурно-археологічного центру «Пересопниця» / О. В. Жукова // Сіверщина в історії України : зб. наук. пр. – Київ ; Глухів : Центр пам’яткознавства НАН України та УТОПІК ; Нац. заповідник «Глухів», 2003. – С. 17–21.

3. **Заремба, С. З.** Українське пам‘яткознавство: історія, теорія, сучасність / С. З. Заремба. – Київ : Логос, 1995. – 448 с.

4. **Крочак, М. Д.** Від шкільного спецкурсу «Надра Земні (основи геології)» до геологічного ліцею / М. Д. Крочак, Т. П. Марченко // Сучасні проблеми геології : зб. наук. пр. : до 155-річчя з дня народження академіка Павла Аполлоновича Тутковського. – Київ : Фітон, 2013. – С. 36–40.

5. **Лівенцева, Г. А.** Популяризація геологічних знань через просвітницькі проекти Інституту Тутковського / Г. А. Лівенцева // Сучасні проблеми геології : зб. наук. пр. : до 155-річчя з дня народження академіка Павла Аполлоновича Тутковського. – Київ : Фітон, 2013. – С. 42–45.

6. **Омельченко, Ю. А.** Краеведение историческое / Ю. А. Омельченко // Специальные исторические дисциплины : учеб. пособие. – Киев : НМК ВО, 1992. – С. 159–166.

7. **Омельченко, Ю.** Краєзнавство історичне / Ю. Омельченко // Історична наука : термінологічний і понятійний довідник : навч. посіб. – Київ : Вища шк., 2002. – С. 214–215.

8. **Томилов, Н. А.** Музеология как отрасль знаний : избр. лекции для студ. высш. учеб. заведений / Н. А. Томилов. – Омск : Наука, 2012. – 100 с.

М. В. Півавар (Віцебск)

ТРАДЫЦЫІ А. П. САПУНОВА НА ПАЧАТКУ XXI ст.: НЕКАТОРЫЯ ГРАМАДСКІЯ КРАЯЗНАЎЧЫЯ ІНІЦЫЯТЫВЫ Ў ІНТЭРНЭЦЕ

Вядома, што краязнаўчая дзейнасць выдатнага віцебскага гісторыка А. П. Сапунова была аматарскай. На пачатку сваёй дзейнасці ён працаваў настаўнікам у мужчынскай гімназіі, а даследаванні гісторыі горада праводзіў у вольны ад працы час. Гэта цяжкая работа – займацца чым-небудзь, ахвяруючы часам, сіламі, грашыма, увагай і любоўю блізкіх. У той жа час чалавек атрымлівае пэўную асалоду ад таго, што займаецца любімай справай. У гэтым сутнасць краязнаўства: у спалучэнні ахвярнасці, пераадоленні перашкод, любові да пэўнага краю і задавальненні ад зробленага ці нават проста працэсу даследавання.

Такім чынам, карпатлівая праца даследчыка нікім не аплачвалася, вялася па яго жаданні, хаця вымагала не толькі шмат часу і сіл, але і сродкаў. Нават выданне кніг, надзвычай важнае для гарадскіх, губернскіх уладаў, А. П. Сапуноў рабіў за свой кошт. Толькі на выданне чацвёртага і пятага тамоў «Віцебскай даўніны» папячыцелем Віленскай навучальнай акругі М. А. Сергіеўскім было ўжо выдаткавана з казённых сродкаў адпаведна 200 і 300 руб [8]. Але гэтыя сумы не пакрывалі ўсіх растрат аўтара.

Аналіз сучаснага стану краязнаўства паказвае, што ў нашыя дні сітуацыя з вывучэннем гісторыі горада амаль не змянілася. Нягледзячы на тое, што значную краязнаўчую працу робяць у нашы дні дзяржаўныя ўстановы (ВНУ, архівы, музеі, бібліятэкі), большая частка краязнаўчых даследаванняў праводзіцца аматарамі па іх ініцыятыве і за іх кошт. Аднак вынікі і матэрыялы даследаванняў часта ігнаруюцца дзяржаўнымі ўстановамі. Напрыклад, большасць кніг вядомага віцебскага краязнаўцы А. М. Падліпскага пабачыла свет дзякуючы ўласным намаганням аўтара ці пры падтрымцы грамадскіх ініцыятыў.

Часта ў развіцці справы многае вырашае суб’ектыўны фактар. Так, выданне Дзяржаўным архівам Віцебскай вобласці зборнікаў дакументаў і матэрыялаў было прапанавана яшчэ ў канцы 1990-х гг. М. Пішчулёнкам і працягваецца

зараз кіраўніцтвам архіва, якое зацікаўлена ў гэтай справе. Штогадовае правядзенне канферэнцый і выданне зборнікаў матэрыялаў Віцебскім абласным краязнаўчым музеем таксама пачалося з прыходам новага кіраўніцтва. Выдавецкая, асветніцкая дзейнасць Віцебскай абласной бібліятэкі – вынік, на нашу думку, разумнага кіраўніцтва А. І. Сёмкіна. Толькі ад ініцыятывы адміністрацыі кафедры гісторыі Беларусі Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П. М. Машэрава залежыць правядзенне канферэнцый, на якіх абавязкова заяўляецца і ўдзельнічае шэраг краязнаўцаў. У якасці адмоўнага прыкладу прывядзем зніжэнне актыўнасці школьнага накірунку краязнаўства ў сувязі з адыходам з сектара беларусазнаўства і краязнаўства Віцебскага абласнога цэнтра пазашкольнай працы А. В. Куржалава, намаганнямі якога была створана сістэма школьнага краязнаўства Віцебшчыны.

Разгледзім некаторыя краязнаўчыя ініцыятывы, якія з'явіліся і ажыццяўляюцца на энтузіязме грамадзян і грамадскіх арганізацый у нашыя дні. На пачатку XXI ст. важнейшым сродкам камунікацыі (галоўным чынам прэзентацыі вынікаў даследаванняў) з'яўляецца Інтэрнэт.

Да цікавых прапаноў, якія здзейснены грамадзянамі па ўласнай ініцыятыве, можна аднесці стварэнне сайтаў і інфармацыйных рэсурсаў: «Віцебск: электронная энцыклапедыя», «Победа Витебск», сайта «ВитебскСити.Бай», старонкі «Таямніцы Віцебска», «Віцебск. Хронас» і інш. Разгледзім іх больш падрабязна.

Сайт «Віцебск: электронная энцыклапедыя» [2] – вельмі грунтоўны рэсурс з прэтэнзіяй на ўсеахопнасць, мае магчымасць такім стаць, распрацаваны А. Шчалкуновым. Сайт дзейнічае з 14.12. 2008 Структура сайта адпавядае структуры сапраўднай энцыклапедыі, прысвечанай гораду, з ухілам на гуманітарны накірунак. На жаль, адзінае энцыклапедычнае выданне, прысвечанае Віцебску і выдадзенае яшчэ ў 1988 г. [1], састарэла як інфармацыйна, так і ідэалагічна.

Інфармацыю, змешчаную на сайце, можна падзяліць на два раздзелы: *энцыклапедычны* (артыкулы на асобныя тэмы гістарычнага, культурнага, эканамічнага характару) і *даведачны* (дзе адпачыць, як дабрацца, дзе набыць, замовіць і інш.). Структура энцыклапедычнага раздзела амаль бездакорная: «Славутасці Віцебска і наваколляў» (архітэктурныя, мемарыяльныя музеі, улічаны нават фантаны), «Геаграфія» (раёны, вуліцы, плошчы, паркі, вадаёмы, узвышшы, масты, народная тапаніміка), «Геаграфія наваколляў» (населеныя пункты, рэкі і азёры, заказнікі, аўтадарогі, чыгункі, аэрапорт), «Гісторыя Віцебска», «Вядомыя людзі Віцебска», «Рознае».

Даведачны раздзел мае наступную структуру: «Турызм і транспарт» (гасцініцы, гарадскі транспарт, расклад цягнікоў і аўтобусаў, карты, схемы), «Забавы» (начныя клубы, більярд, боўлінг), «Харчаванне» (кафэ, сталовыя, рэстараны), «Сувязь і Інтэрнэт», «Адукацыя» (школы, ВНУ, курсы), «Спорт», «Медыцына», «Нерухомасць».

Аўтарам можа стаць любы чалавек, у тым ліку і ў прапанове ідэй артыкулаў, якія пішуцца на рускай і беларускай мовах. Праўда, ёсць абмежаванне – артыкул на беларускай мове размяшчаецца толькі ў тым выпадку, калі ёсць адпаведнік на рускай мове. Сайт карыстаецца заслужанай папулярнасцю ў наведвальнікаў: турыстаў, студэнтаў, краязнаўцаў, усіх тых, хто неабыякавы да гісторыі горада. На 2013 г. размешчаны 902 артыкулы.

Сайт «Победа Витебск» [6] дзейнічае з 2005 г. Ідэя і распрацоўка сайта належаць С. Берагейку. Ён жа займаўся пошукам, падрыхтоўкай і афармленнем матэрыялаў. Сайт мае раздзелы: «Витебск 1941–1945 гг.», «Небо Витебска», «Город под тенью свастики», «Лица Победы», «Память о прошлом», «Увековечение памяти погибших воинов». Раздзел «На Витебском направлении 1941–1944 гг.» уключае наступныя ўкладкі: «Герои Советского Союза», «Витебская операция», «Боевые донесения и оперсводки», «Отдельные эпизоды», «Карты и схемы».

На сайце маецца асобны раздзел «Фотоархив», у якім па гадах змешчаны здымкі горада з 1941 па 1944 г., а таксама раздзелы «Старый Витебск» і «Лица Победы».

Пры распрацоўцы рэсурса былі выкарыстаны матэрыялы Віцебскага абласнога музея Героя Савецкага Саюза М. П. Шмырова, музея 43-й Арміі (СШ № 36 г. Віцебска), музея 39-й Арміі (гімназія № 5 г. Віцебска), музея 6-га Берлінскага Дальнебамбардзіровачнага авіяпалка (СШ № 13 г. Віцебска), музея 335-й Віцебскай Штурмавой авіяцыйнай дывізіі (СШ № 17 г. Віцебска).

Вялікую ролю адыгралі матэрыялы, якія прапанавалі Л. Н. Бруева – арганізатар пошукавага руху ў Рэспубліцы Беларусь, а таксама А. А. Бурдо, адзін з актывістаў-настаўнікаў Віцебска. У падрыхтоўцы раздзелаў «Витебск в годы оккупации», «На Витебском направлении 1941 г.» значную дапамогу аказаў А. Маршынскі. Ю. Зарычанаў стаў арганізатарам тэхнічнага боку стварэння сайту і яго падтрымкі. Некаторую дапамогу ў пошуках матэрыялаў аказалі А. Гоманаў, І. Сейдаў, І. Злобін.

Цікавасць выклікае яшчэ адзін рэсурс, распрацаваны краязнаўцамі-аматарамі. Гэта група «Таямніцы Віцебска» [7], створаная ў сацыяльнай сетцы «ВКонтакте». На ёй сабраны сотні фотаздымкаў, малюнкаў і іншай графічнай інфармацыі. У раздзеле «Дакументы» змешчаны больш за 70 кніг, артыкулаў, прысвечаных Віцебску, напрыклад, выданні А. П. Сапунова, І. П. Фурмана, М. Я. Нікіфароўскага, А. М. Падліпскага, «Памятныя кніжкі Віцебскай губерні», матэрыялы канферэнцый і іншыя выданні. У раздзеле «Фотаальбомы» здымкі падзелены па катэгорыях: «Дарэвалюцыйныя здымкі», «Міжваенны Віцебск», «Віцебск савецкі», «Віцебск сучасны», «Віцебскія ваколіцы», «Віцебск замежны», «Знакамітыя гараджане» і інш. Усяго ў 26 альбомах змешчана больш за тысячу здымкаў, многія з якіх з'яўляюцца ўнікальнымі. Асабліва важнымі для даследчыкаў уяўляюцца

альбомы «Датуем і вызначаем» і «Параўнанні», дзе можна запытацца і ўдакладніць месцазнаходжанне невядомых аб'ектаў у знаўцаў горада.

Адназначны плюс групы – магчымасць мець стасункі, абмяркоўваць інфармацыю, дадаваць свае меркаванні, заўвагі, новыя здымкі ўдзельнікаў і наведвальнікаў старонкі. Некаторыя актыўныя члены групы з'яўляюцца дасведчанымі спецыялістамі ў краязнаўчай справе і робяць цікавыя эксперыменты. Напрыклад, В. Барысенка бярэ дарэвалюцыйныя паштоўкі з відамі Віцебска, знаходзіць месца, адкуль праводзіліся здымкі, і робіць фотаздымак лічбавай камерай сучаснага стану месца. Такія параўнанні яскрава сведчаць аб зменах у вобліку горада, выклікаюць павагу да гісторыі, любоў да роднага горада, адказнасць за ўчынкі. Некаторыя ўдзельнікі групы, якія добра ўмеюць працаваць з праграмай «Фоташоп», робяць графічныя рэканструкцыі з мэтай аднаўлення выгляду месца ў тым выпадку, калі б помнікі архітэктуры (цэрквы, касцёлы, грамадзянскія будынкі) не былі знішчаныя ці былі б адноўленыя ў нашы дні.

Найкаштоўнейшыя матэрыялы змяшчае ў сваім блогу даследчык архітэктуры, які хаваецца пад псеўданімам darriuss. Вандруючы па гарадах Еўропы, у тым ліку і па Беларусі, ён ажыццявіў вывучэнне горада. Віцебску прысвечаны досыць грунтоўны нарыс, у якім змяшчаюцца апісанне, аналіз, інтэрпрэтацыя архітэктуры горада па наступных серыях: «1. Станция "Витебск". 2. Южное Задвинье. 3. Северное Задвинье. 4. Городской силуэт. 5. Площадь Тысячелетия. 6. Ратуша: обзорная площадка. 7. Площадь Свободы. 8. Старый город. 9. Улица Ленина. 10. Площадь Победы. 11. Спальные районы.» [10]. Матэрыял падаецца простай мовай, багата ілюстраваны.

Першым сайтам, які быў прысвечаны гісторыі горада, па меркаванні яго стваральнікаў, з'яўляецца сайт «Віцебск. Хронас». Ён з'явіўся ў 2005 г. і быў распрацаваны ўдзельнікамі гуртка «Спадкаемцы» пад кіраўніцтвам Л. І. Беліцкай [3]. Інтэрнэт-рэсурс створаны пры дапамозе Віцебскага ІАТР-цэнтра, які, у прыватнасці, аказаў кансультацыйную і тэхнічную падтрымку, а таксама хостынг у межах праекту «Internet–5» праграмы развіцця ААН.

У структуры сайта маюцца раздзелы: «Археология города», «Средневековый город», «Позднее средневековье», «В составе России», «События прошлого века», «Современный Витебск», «История культуры в Витебске», «Персоналии города», «Этногенез города», «Форум». На жаль, апошнія чатыры раздзелы так і не былі распрацаваныя, а папярэднія ўяўляюць сабой храналагічную табліцу падзей, якія адбываліся ў заяўленыя перыяды. Інфармацыя і меркаванні досыць смелыя, у некаторых месцах нават авантурныя. Напрыклад, заява аб тым, што «VIII век – *Первое упоминание Витебска, как места, в европейских (византийских) летописях времен византийского императора Льва Исавра, в связи с моровой язвой в городе*» выглядае вельмі смелай, але не даказальнай. Таксама як і сцвярджэнне,

што ў 944 і 946 гг. адбылося «*посещение* Ольгой Киевской *Витебска по дороге на печенегов и половцев.».* Гісторыкі і зараз не заўсёды ўпэўнены ў самім візіце Вольгі і заснаванні горада, а «Спадкаемцы» смела завяраюць, што яна рабіла гэта аж два разы. На з'яўленне сайта адгукнуўся партал «Навіны.бай» [4]. Нягледзячы на тое, што інфармацыя, змешчаная на сайце, не заўсёды дакладная, як і вывады аўтараў, ён адыграў пэўную ролю ў фарміраванні краязнаўчага вобліку горада на пачатку XXI ст. Фактычна сайт быў сапраўды першым у Інтэрнэт-прасторы краіны, прысвечаным гісторыі горада.

Пэўная інфармацыя, якая датычыцца Віцебска і ўтрымлівае цікавую інтэрпрэтацыю гісторыі горада, змяшчаецца на сайце «ХРОНОС», які дзейнічае з 20.01.2000 [9]. Рэдактар сайта – Вячаслаў Румянцаў.

Сайт «Vitebsk4.Me», ці «Культурная прастора Vitebsk4.Me» [5], знаёміць з навінамі культурнага жыцця, культурнымі праектамі, якія ажыццяўляюцца ў горадзе. Карысная інфармацыя, якая патрэбна не толькі гасцям горада, але і яго жыхарам змешчана ў раздзелах: «Музыка», «Кино», «Дизайн и Арт», «Общество», «Наука и технологии», «Молодежь», «Места», «Спорт», «Театр», «Литература», «Мінулае». Асаблівую цікавасць выклікае праект «Віцебск: папулярнае мінулае». Простай мовай з выкарыстаннем цікавых фактаў і вялікай колькасцю ілюстрацый распавядаецца пра арыгінальныя месцы горада і наваколляў, якія малавядомыя гараджанам, пра павучальныя старонкі гісторыі Прыдзвінскага горада.

Адным з найлепшых, на нашу думку, сайтаў, які ўтрымлівае рэсурсы краязнаўчага характару, з'яўляецца сайт Віцебскай абласной бібліятэкі. Сайт – не грамадская ініцыятыва, бо распрацоўваецца, напаўняецца інфармацыяй дзяржаўнай ўстановай. Аднак і іншыя дзяржаўныя арганізацыі і ўстановы павінны мець свае рэсурсы, змест якіх, адміністраванне, абнаўленне звестак вельмі часта знаходзяцца на нізкім узроўні. Электронная база даных «Прыдзвінскі край: гісторыя і сучаснасць», якая распрацавана і пастаянна развіваецца не толькі па загадах кіраўніцтва, але і па добрай волі, грамадзянскім сумленні адміністрацыі і супрацоўнікаў Віцебскай абласной бібліятэкі, з'яўляецца адной з лепшых у краіне.

Краязнаўства – як дзяржаўная, так і грамадская справа, асноўная задача якой трансляцыя гістарычных ведаў ад пакалення да пакалення для таго, каб не перарывалася іх сувязь. Дзяржаўныя ўстановы горада робяць сур'ёзную справу на ніве краязнаўства. Але, як і раней, значная колькасць краязнаўцаў робіць нават больш істотную частку працы. Такія дзеянні спрыяюць распаўсюджванню ведаў пра гісторыка-культурныя каштоўнасці Віцебска, патрыятызм і гонар за гісторыю і культуру рэгіёна, фарміруюць пазітыўны вобраз горада.

ЛІТАРАТУРА

1. **Витебск** : энцикл. справочник / редкол.: И. П. Шамякин [и др.]. – Мінск : БелСЭ, 1988. – 408 с.

2. **Хмяльніцкая, Л. У.** Гісторык з Віцебска : жыццяпіс Аляксея Сапунова / Л. У. Хмяльніцкая. – Мінск : Энцыклапедыкс, 2001. – 256 с.

3. **Витебск.** Хронос [Электронный ресурс]. – Режим доступа: hronos.iatp.by.

4. **Витебск** : электронная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: evitebsk.com.

5. **З'явіўся** першы сайт пра гісторыю Віцебска [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: naviny.by/rubrics/computer/2005/05/17/ic_news_128_243112.

6. **Культурная** прастора Vitebsk4.Me [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: vitebsk4.me.

7. **Победа.** Витебск [Электронный ресурс]. – Режим доступа: pobeda.witebsk.by.

8. **Таямніцы** Віцебска [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: vk.com/tayamnicy_vicebska.

9. **ХРОНОС** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.hrono.ru/land/russ/vitebsk.

10. **Livejournal** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: darriuss.livejournal.com/624340.html?thread=7519956#.

С. Н. Поясок, Д. В. Булгак (Минск)

РАЗВИТИЕ КРАЕВЕДЕНИЯ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Краеведческое движение в Беларуси, прерванное фашистской оккупацией, возобновилось сразу же после окончания Великой Отечественной войны. Оно развивалось по двум направлениям – государственное краеведение и школьное краеведение.

Огромная роль краеведения в учебной и внеклассной работе школ была отмечена на съезде учителей Беларуси, состоявшемся в 1945 г. Съезд призвал педагогические коллективы республики снова ввести в практику обучения и воспитания молодого поколения такие формы и методы краеведческой работы, как экскурсии, прогулки, поиск и изучение местных памятников истории, собирание фольклора, предметов культуры и искусства, создание краеведческих кружков, музеев.

Летом 1946 г. по инициативе московских пионеров и школьников тысячи учащихся нашей страны совершили путешествие по родному краю. Походы и экскурсии вылились в массовое движение краеведов по изучению истории Беларуси, ее неисчерпаемых природных богатств.

Весной 1947 г. в БССР был создан Республиканский совет по организации и проведению походов и экскурсий, в который вошли виднейшие уче-

ные Беларуси, представители Министерства просвещения БССР. Совет наметил ряд республиканских маршрутов, опубликованных в газетах «Піянер Беларусі», «Зорька» и связанных с изучением историко-археологических памятников края, героической борьбы нашего народа с иностранными захватчиками в далеком прошлом, в годы гражданской и Великой Отечественной войн. Кроме того, была издана специальная карта с обозначением исторических мест, природных богатств, промышленности Беларуси. Отдельные маршруты разработали Могилевский институт усовершенствования учителей, Минский Дворец пионеров, органы народного образования и дома пионеров на местах.

Летом 1947 г. в походы и экскурсии по родному краю отправилось свыше 100 тыс. пионеров и школьников Беларуси. В это число не вошли участники однодневных путешествий, которые проводило большинство школ. Туристические группы и отряды возглавляли учителя, пионервожатые, комсомольцы, научные работники [1, с. 101].

Дальнейшему развитию школьного краеведения способствовало постановление Коллегии Министерства просвещения БССР «О состоянии и мерах улучшения преподавания истории и Конституции СССР в школах Барановичской и Витебской областей» от 11 декабря 1947 г., которое призывало шире применять наглядность на уроках истории и Конституции, чаще практиковать экскурсии в исторические музеи, места памятных событий.

Количество юных путешественников в 1948 г. возросло до 140 тыс. В одних только многодневных походах на большие расстояния участвовало свыше 30 тыс. школьников страны. Изучая родной край, ребята побывали на новостройках пятилетки, промышленных предприятиях, в колхозах, совхозах своих районов, областей, местах исторических сражений Советской Армии и партизан в годы Великой Отечественной войны, осмотрели партизанские стоянки, ознакомились с историческими местами, памятниками истории и культуры республики. Для школьников были организованы встречи с научными работниками, деятелями искусств, передовиками производства. Краеведы собирали коллекции для школ, делали зарисовки, описания, записывали воспоминания участников революции, героев войны и труда.

Интересную краеведческую работу проводил исторический кружок Сутковской средней школы Лоевского района Гомельской области под руководством учителя истории. Члены кружка собирали материалы о революционном движении в Лоевском районе, деятельности Лоевской группы РСДРП, партизанском движении на территории района в годы Великой Отечественной войны, принимали участие в археологических раскопках, проводимых в районе Институтом истории материальной культуры СССР, совершали походы по историческим местам.

На базе исторических кружков в результате поисково-исследовательской деятельности, проводимой в походах и на экскурсиях, были созданы истори-

ко-краеведческие музеи и уголки в Юровичской средней школе Калинковичского района Гомельской области, Валевской средней школе Кореличского района Гродненской области, Лоевской средней школе и др.

С 1960 г. школы перешли на новые программы, которые строились на краеведческой основе. Передовые учителя республики начали широко применять на уроках фактический материал из истории своего села, района, города, характеризующий достижения материальной и духовной культуры белорусского народа, революционные, боевые и трудовые подвиги земляков. Постепенно в работу по использованию краеведческого материала в преподавании истории и воспитании учащихся на героических традициях советского народа, партии и комсомола стали включаться все школы Беларуси.

Большое значение в развитии краеведения Беларуси сыграло постановление ЦК КП Беларуси и Совета Министров БССР от 19 июня 1965 г. «О создании Белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры» – массовой общественной организации, призванной содействовать осуществлению мероприятий партии и правительства по охране памятников истории и культуры и использованию их в деле коммунистического воспитания советского народа, повышения его образования и культуры. I Учредительный съезд Белорусского добровольного общества состоялся 7 декабря 1966 г. В его работе приняли участие представители общественности, видные деятели науки и искусства, ответственные руководители министерств и ведомств.

4–5 октября 1971 г. состоялся II съезд Белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры. К этому времени в республике функционировало 6 областных и Минская городская (на правах областной) организации, 140 районных и городских советов, 7156 первичных организаций, объединяющих 967 292 члена. Со времени учредительного съезда количество членов общества возросло в 9 раз. На съезде в устав общества были внесены дополнения, учитывавшие опыт, накопленный местными организациями за время работы.

К III съезду (ноябрь 1976 г.) Белорусское добровольное общество было уже одной из массовых организаций республики, насчитывавшей, по данным на 1 января 1976 г., в 9903 первичных организациях 1 535 829 членов: рабочих, колхозников, инженерно-технических работников, военнослужащих, учащуюся молодежь; 5800 промышленных предприятий, учреждений, колхозов, учебных заведений являлись коллективными членами общества. При первичных организациях общества действовало 5200 юношеских групп, которые объединяли свыше 1 млн учащихся средних и восьмилетних школ, техникумов, профтехучилищ, студентов высших учебных заведений.

В течение десятилетия были отремонтированы и благоустроены сотни памятников революционной, боевой и трудовой славы, сооружены тысячи мемориальных знаков на местах воинских и партизанских захоронений.

В 1974 г., в канун празднования 30-летия освобождения Советской Беларуси от немецко-фашистских захватчиков, при участии местных советов общества в республике было упорядочено 3906 мест захоронений, отремонтировано свыше 400 и сооружено 20 новых памятников на могилах воинов Советской Армии и партизан [2, с. 25].

Активную краеведческую работу проводили также комсомол и первичные организации общества охраны памятников истории и культуры средних и высших учебных заведений республики. Во многих учебных заведениях действовали клубы революционной и боевой славы. Студенты собирали богатый материал о прошлом своих учебных заведений, городов, областей, героической борьбе и самоотверженном труде советских людей, создавали музеи при вузах, техникумах, комнатах славы [1, с. 112].

Большую поисковую работу вели студенты Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина. Здесь был создан клуб «Поиск», члены которого устанавливали имена студентов, преподавателей и сотрудников, отдавших жизнь в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

Туристский клуб «Горизонт» Минского педагогического института им. А. М. Горького, начиная с 1967 г. ежегодно, проводил «звездные походы» по Беларуси. Цели походов были самые разные, в том числе охрана и пропаганда памятников истории, революционной, боевой и трудовой славы белорусского народа. Такие походы имели большое политическое и воспитательное значение: юноши и девушки встречались с ветеранами революции, войны и труда, собирали ценные материалы. По материалам поиска студенты писали рефераты, курсовые работы. Итоги походов неоднократно демонстрировались на всесоюзных и республиканских смотрах-конкурсах, посвященных знаменательным и памятным датам. В институте работали постоянный семинар инструкторов по туризму и экскурсиям, отделение по подготовке экскурсоводов. Члены студенческих лекторских групп систематически читали лекции на предприятиях, в школах, студенческих аудиториях [3, с. 228].

Большие возможности для дальнейшего совершенствования краеведческой работы открывали курсы экскурсоводов и школы юных историков, созданные на общественных началах при исторических факультетах вузов, вечера встреч поколений, тематические вечера, всесоюзные и республиканские конкурсы студенческих научных работ.

Краеведение прочно вошло в учебную программу вузов республики. В Белорусском государственном университете им. В. И. Ленина, Гродненском государственном университете им. А. М. Горького, Минском педагогическом институте и в ряде других высших учебных заведений читались курсы истории БССР, археологии, этнографии, вспомогательные исторические дисциплины – историческое краеведение, историческая география, нумизматика, топонимика и др.

Важное место в работе краеведов Беларуси занимала агитационно-массовая работа. Сразу же после создания Белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры при Гомельском и Витебском областных советах и некоторых городских и районных отделениях были организованы на общественных началах бюро пропаганды, работа которых строилась в тесном контакте с городскими и районными организациями «Знание». В 1973 г. бюро были созданы при Центральном и всех местных советах общества. В их работе принимали активное участие работники научных учреждений, преподаватели учебных заведений, партийные, советские, комсомольские работники, журналисты, ветераны войны и труда, работники учреждений культуры.

Пропаганда памятников истории и культуры и в целом краеведения широко проводилась на страницах республиканской и местной печати, радио и телевидении. Активное участие в этом принимали многотиражки крупных промышленных предприятий и учебных заведений. Повсеместно использовались такие массовые формы работы, как факультеты знаний о памятниках истории и культуры при народных университетах культуры, лектории, кинолектории, передвижные выставки, конкурсы на лучший рисунок, фото, сочинение, тематические вечера, викторины [4, с. 135].

Опыт работы юных краеведов и их успехи в изучении славных страниц истории белорусского народа регулярно обобщались на республиканских и областных слетах туристов. Действенным средством популяризации движения следопытов являлась периодическая печать. На страницах детских и молодежных газет и журналов публиковались программы экспедиций, военно-спортивных эстафет, игр, конкурсов, помещались методические разработки краеведческого характера, материалы, свидетельствовавшие о большом размахе и высокой результативности изучения края.

Большую работу по пропаганде поисковой деятельности пионеров и школьников проводили школьные музеи. В 1958 г. в Беларуси их было свыше 400. А через 15 лет насчитывалось 3500 музеев, уголков и залов, посвященных жизни и деятельности В. И. Ленина, около 3000 музеев и комнат революционной, боевой и трудовой славы, свыше 1000 мемориальных музеев, 2500 историко-краеведческих музеев и кружков. В школьных музеях проводились торжественные линейки и пионерские сборы, прием в пионеры, уроки встречи с ветеранами войны и труда, тематические и обзорные уроки по истории и другим учебным дисциплинам. Многие школьные музеи республики получили право называться народными [2, с. 226].

Все это вместе взятое, несмотря на послевоенное время, воспитывало у населения чувство гордости, любви к своему краю, вдохновляло на новые идеи и свершения.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Даринский, А. В.** Краеведение : пособие для учителя / А. В. Даринский. – Минск : Просвещение, 1987. – 159 с.

2. **Загорульский, Э. М.** Историческое краеведение Белоруссии : учеб. пособие для вузов / Э. М. Загорульский. – Минск : БГУ, 1980. – 264 с.

3. **Зарубов, А. И.** Географическое краеведение и школьный туризм : учеб.-метод. пособие / А. И. Зарубов, Н. В. Гракова. – Минск : БГПУ, 2012. – 328 с.

4. **Мешечко, Е. Н.** Географическое краеведение : учеб. пособие / Е. Н. Мешечко. – Минск : Экоперспектива, 2002. – 335 с.

І. М. Сімакова (Мінск)

ВЫВУЧЭННЕ ЭТНАКУЛЬТУРНАЙ СПАДЧЫНЫ МУЗЕЯМІ БЕЛАРУСІ (НА ПРЫКЛАДЗЕ МУЗЕЙНЫХ ВЫДАННЯЎ 1991–2011 гг.)

Дзейнасць музея як сацыякультурнага інстытута цесна звязана з навукай. Музейныя ўстановы не толькі захоўваюць крыніцы розных профільных дысцыплін, але і ажыццяўляюць іх першасную навуковую апрацоўку і інтэрпрэтацыю, уводзяць у навуковы ўжытак новыя даныя, робяць вынікі ўласных даследаванняў даступнымі для грамадства.

Кірунак навуковай дзейнасці, які звязаны з даследаваннямі ў галіне профільнай дысцыпліны (у дадзеным выпадку этнаграфіі), патрабуе прыцягнення да музейнай работы высокакваліфікаваных кадраў – этнографаў. Звычайна профільныя даследаванні базіруюцца на калекцыях, што захоўваюцца ў музеі. Аднак у час, што разглядаецца далёка не кожны этнаграфічны музей Беларусі, нават пры наяўнасці багатых і разнастайных калекцый, быў забяспечаны спецыялістамі, якія мелі адпаведную адукацыю, здольнасці да навуковай работы, а таксама матывацыю [5, с. 114].

Важным паказчыкам эфектыўнасці дзейнасці музейных устаноў з'яўляюцца музейныя выданні, дзе падаюцца вынікі вывучэння этнакультурнай спадчыны: манаграфіі, зборнікі навуковых артыкулаў, матэрыялы музейных канферэнцый, каталогі і альбомы калекцый, даведнікі.

Значным вынікам навуковых даследаванняў музеяў з'яўляецца выданне манаграфій. Рэалізацыя такіх праектаў магчыма пры наяўнасці ў музеі кваліфікаваных кадраў і сродкаў на выдавецкую дзейнасць. Гэтыя перадумовы былі ў Веткаўскім музеі народнай творчасці, дзе выйшла некалькі манаграфій. Вынікам шматгадовай работы музея па вывучэнні семантыкі традыцыйнага арнаменту стала калектыўная манаграфія «Арнаменты Падняпроўя» (2004) [2]. У рабоце даецца параўнальная характарыстыка

лакальных асаблівасцей ткацтва рэгіёна, аналізуюцца арнаментальныя элементы, якія ўжываліся на Падняпроўі, іх мясцовыя назвы, кампазіцыі, тэхнікі вырабу. Мастацкай культуры і традыцыям вёсак Веткаўскага рэгіёна, якія зніклі з геаграфічнай карты краіны ў выніку трагедыі на Чарнобыльскай АЭС, прысвечана кніга «Голоса ушедших деревень» (2008) [10]. Гэтае выданне прысвечана аналізу кніжнай культуры рэгіёна, іканапісу стараабрадцаў, народнай іконы, узорнага ткацтва, разьбы, фальклору, абрадаў, міфалогіі.

Формай прэзентацыі навуковых дасягненняў з'яўляюцца навуковыя канферэнцыі, што праводзіліся ў шэрагу музеяў рэспублікі. Тэматычна яны ахоплівалі разнастайныя пытанні, у тым ліку і праблемы вывучэння этнакультурнай спадчыны. Рэгулярна падобныя канферэнцыі адбываліся на базе Беларускага дзяржаўнага музея народнай архітэктуры і побыту [1; 14; 26]. Вялікая колькасць матэрыялаў па вывучэнні этнакультурнай спадчыны змяшчалася ў зборніках штогадовых справаздачных канферэнцый Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка [17]. Значная частка музейных пасяджэнняў была прымеркавана да юбілейных дат. У якасці прыкладу можна прывесці канферэнцыю, праведзеную з нагоды 90-годдзя Віцебскага абласнога краязнаўчага музея (2009). Вынікам яе работы стала выданне зборніка матэрыялаў [1]. На базе Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка ў час, што разглядаецца рэгулярна ладзіліся ўнутрымузейныя справаздачныя канферэнцыі, па выніках якіх публікаваліся зборнікі матэрыялаў. У акрэслены перыяд канферэнцыі адбываліся не толькі ў буйных, але таксама невялікіх раённых музеях. Напрыклад, Горацкі гісторыка-этнаграфічны музей сумесна з Беларускай дзяржаўнай сельскагаспадарчай акадэміяй, аддзелам культуры Горацкага райвыканкама і раённым краязнаўчым таварыствам ладзіў краязнаўчыя канферэнцыі «Бацькаўшчына» [3]. У Браслаўскім раённым музейным аб'яднанні праходзілі навукова-краязнаўчыя канферэнцыі «Браслаўскія чытанні» [4].

Важнымі падзеямі ў навуковым жыцці музеяў сталі канферэнцыі, праведзеныя па ініцыятыве Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь, Беларускага камітэта Міжнароднага савета музеяў ICOM, Інстытута культуры Беларусі: «Музей на мяжы стагоддзяў» (1997) [21], «Музей і культурная спадчына як частка глабальнай інфармацыйнай прасторы» (2002) [18], «Музеі Літвы і Беларусі» (2007) (сумесна з Міністэрствам культуры Літоўскай Рэспублікі, Нацыянальным камітэтам ICOM Літвы, Нацыянальным гістарычным музеем Літвы, Тракайскім гістарычным музеем) [19], падчас якіх узнімаліся пытанні этнаграфічнага музеязнаўства. Асобная тэма абмеркавання этнакультурнай спадчыны прагучала на I Міжнароднай канферэнцыі «Музей і традыцыйная культура Беларусі», праведзенай у Гомельскім палацава-паркавым ансамблі ў 2011 г. [20].

Крытэрыем ацэнкі эфектыўнасці навукова-даследчай дзейнасці музеяў можа служыць наяўнасць зборнікаў прац музейных супрацоўнікаў. Яскравым прыкладам гэтага з'яўляецца выданне Беларускага дзяржаўнага музея народнай архітэктуры і побыту, дзе акрамя ўласных даследаванняў змяшчаюцца артыкулы навукоўцаў іншых устаноў краіны [12]. Зборнікі навуковых прац супрацоўнікаў выдаваліся Веткаўскім музеем народнай творчасці. Публікацыя першага такога навукова-метадычнага зборніка была прымеркавана да дзесяцігоддзя адкрыцця першай пастаяннай экспазіцыі. У 2001 г. па ініцыятыве Інстытута культуры Беларусі ён быў дапоўнены і перавыдадзены [9]. Другі калектыўны зборнік быў падрыхтаваны ў 2004 г. да 25-годдзя заснавання музея. Пры разглядзе разнастайных пытанняў музейнай дзейнасці аўтары артыкулаў удала скарысталі комплексны падыход да аналізу рэчавага фондавага матэрыялу ў кантэксце духоўнай культуры [25]. Магілёўскі абласны краязнаўчы музей імя Е. Р. Раманава выдаваў гісторыка-краязнаўчы зборнік «Магілёўшчына». На старонках нумароў IX і X друкаваліся матэрыялы, якія адлюстроўвалі ступень вывучанасці асобных калекцый музея і даследаванні па асобных тэмах этнаграфічнай навукі. Дзякуючы дадзенаму выданню ў навуковы ўжытак былі ўведзены звесткі, што адлюстроўваюць спецыфічныя асаблівасці рамесных промыслаў, народнага касцюма Падняпроўя [15; 16]. Навуковыя выданні Гродзенскага дзяржаўнага гісторыка-археалагічнага музея выходзілі пад назвай «Краязнаўчыя запіскі». Змешчаныя тут артыкулы, прысвечаныя этнаграфіі, даюць уяўленне аб гісторыі фарміравання калекцый музеяў г. Гродна [13]. На старонках выдання Нацыянальнага гістарычнага музея Рэспублікі Беларусь «Музейны веснік» [22] змяшчаліся агляды ўласных этнаграфічных калекцый: керамікі, саломапластыкі, рытуальна-святочных сальніц, а таксама публікаваліся матэрыялы па гісторыі фарміравання фонду.

Артыкулы, што апублікаваны ў зборніках матэрыялаў канферэнцый і зборніках навуковых прац музейных супрацоўнікаў, даюць падставы меркаваць аб стане вывучанасці тых ці іншых калекцый, правядзенні даследаванняў па пэўных кірунках профільнай дысцыпліны. Так, большая частка работ, якія змяшчаюць аналіз калекцый, прысвечана гаспадарчым, прамысловым і рамесным заняткам. Абумоўлена гэта тым, што рэчавы матэрыял, які суправаджаў рамесную дзейнасць або быў яе вынікам, з'яўляецца асновай фарміравання этнаграфічных музейных калекцый. Усе дзяржаўныя этнаграфічныя музеі Беларусі ў складзе фондаў утрымлівалі матэрыялы, што выкарыстоўваліся ў земляробстве, ткацтве, ганчарстве, кавальстве, дрэваапрацоўцы, рыбалоўстве, бортніцтве і г. д. Калекцыі музеяў не абыходзіліся без узораў народных строяў (або іх фрагментаў). Дадзеныя музейныя прадметы вывучаліся і апісваліся музейнымі супрацоўнікамі. Значна менш работ музейных супрацоўнікаў прысвечана нематэрыяльным праяўленням народнай творчасці.

Увесці ў навуковы ўжытак інфармацыю, атрыманую ў выніку навукова-фондавай работы, дазваляюць таксама каталогі калекцый і альбомы. Прыкладам плённай дзейнасці па стварэнні ілюстраваных альбомаў калекцый можа служыць Веткаўскі музей народнай творчасці. Вынікам вывучэння і сістэматызацыі ўласных фондаў стала публікацыя ў 1991 г. спачатку зборніка выяўленчага матэрыялу [8], а ў 1994 г. альбома, дзе былі прадстаўлены лепшыя прадметы розных калекцый [6]. У 2001 г. з друку выйшла яго 3-е выданне, у якім было змешчана 116 фотаздымкаў найбольш каштоўных помнікаў: рукапісаў, старадрукаў, абразоў, узораў народных строяў, рушнікоў. У спісе ілюстрацый была прыведзена кароткая атрыбуцыйная інфармацыя [7].

Музейныя даведнікі і дапаможнікі для наведвальнікаў можна разглядаць як сродак папулярызацыі этнаграфічнай спадчыны і адначасова вынік навукова-даследчай дзейнасці музея. Не з'яўляючыся грунтоўнымі навуковымі выданнямі, даведнікі ўяўляюць своеасаблівыя справаздачы музея аб экспазіцыйна-выставачнай дзейнасці і абагульняюць вынікі музейных даследаванняў у галіне навуковага праектавання экспазіцый.

Такога кшталту выданні былі выпушчаны Музеем старажытнабеларускай культуры Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Першае з іх было апублікавана яшчэ ў 1983 г. [24]. Другое выданне дапаможніка для наведвальнікаў выйшла ў 1998 г. Яго раздзелы адпавядалі тэматычнай структуры экспазіцыі: археалогія, этнаграфія, народнае мастацтва (кераміка, касцюм, рушнік і г. д.), жывапіс, скульптура, гравюра, старадрукі, помнікі этнаграфіі і народнага мастацтва Чарнобыльскай зоны [23, с. 3]. Даведнік Музея народнай культуры Мазыршчыны «Палеская веда» (1999) [27] з'яўляўся тэарэтычнай мадэллю экспазіцыі. Выданне раскрывала ідэйную задуму музея і асноўныя аспекты вобразна-сюжэтнага экспазіцыйнага рашэння. Дапаможнік апісваў тэатралізаваныя паказы, якія разгортваліся ў межах музейнай прасторы, даваў да іх тлумачэнні. Такі падыход адлюстроўваў, па-першае, новыя тэндэнцыі ў стварэнні экспазіцыі этнаграфічнага музея, а па-другое, новае стаўленне да наведвальніка як самастойнага ўдзельніка музейнага дзеяння. Гэтае выданне прадэманстравала дасягненні музея ў выкарыстанні вобразных метадаў пабудовы экспазіцыі і вывучэнні тэорыі музейнай камунікацыі.

Такім чынам, выдавецкую дзейнасць музеяў можна разглядаць у якасці найважнейшага паказчыка навукова-даследчай работы музеяў як у межах профільных дысцыплін (у дадзеным выпадку этнаграфіі), так і ў галіне музеязнаўства. Галоўнай прычынай, што стрымлівала навукова-даследчую дзейнасць у музейных установах, была іх нізкая ўкамплектаванасць прафесійнымі кадрамі. Але некаторыя музеі дэманстравалі ў перыяд, які даследуецца, пэўныя поспехі. Манаграфіі, зборнікі навуковых артыкулаў, каталогі і альбомы, даведнікі даюць магчымасць скласці ўражанне пра колькасныя і якасныя паказчыкі навуковай дзейнасці. У 1991–2011 гг. назіралася

імкненне музеяў да абмену вопытам, што знайшло ўвасабленне ў арганізацыі шматлікіх навуковых канферэнцый. Увага музейных супрацоўнікаў была сканцэнтравана на вывучэнні ўласных калекцый, іх апісанні і стварэнні каталогаў. Найбольш распрацаванай у музеях этнаграфічнай тэмай былі традыцыйныя рамёствы. Сярод іх, у сваю чаргу, найбольш вывучанымі аказаліся тканыя вырабы, пра што сведчаць шматлікія навуковыя артыкулы. У іх багата прадстаўлены аналіз лакальных асаблівасцей (тэхналогій і арнаментацыі) ткацтва. Акрамя ткацкага рамяства аўтары звярталіся таксама да вывучэння ганчарства, салома- і лозапляцення, разьбярства. Распрацоўваліся і тэмы, звязаныя з нематэрыяльнымі праяўленнямі народнай творчасці. У пазначаны перыяд пашыраліся межы выкарыстання ўнутрымузейнай інфармацыі праз яе публікацыю; вынікі музейных даследаванняў рабіліся даступнымі для грамадскасці і шырокага кола навукоўцаў.

ЛІТАРАТУРА

1. **Актуальныя** тэндэнцыі развіцця сучаснага музея : матэрыялы навук.-практ. канф., Мінск, 23 лістап. 2007 г. / уклад.: С. Б. Маеўская. – Мінск : Беларус. дзярж. музей нар. архітэктуры і побыту, 2009. – 161 с.

2. **Арнаменты** Падняпроўя / аўт. тэксту Г. Р. Нячаева [і інш.] ; навук. рэд. Я. М. Сахута. – Мінск : Беларус. навука, 2004. – 606 с.

3. **Бацькаўшчына** : матэрыялы дак. і паведамленняў раён. краязн. канф., Горкі, 2003 г. / Беларус. дзярж. с.-г. акадэмія, Аддзел культуры Горацкага райвыканкама, Горацкі гіст.-этнагр. музей ; рэдкал.: У. М. Ліўшыц [і інш.]. – Горкі : Беларус. дзярж. сельскагаспадарчая акадэмія, 2004. – 93 с.

4. **Браслаўскія** чытанні : матэрыялы VI навук.-краязн. канф., прысвеч. 150-й гадавіне з дня нараджэння браслаўскага лекара, грамадскага дзеяча Станіслава Нарбута (1853–1926), Браслаў, 7–8 мая 2003 г. / склад. К. Шыдлоўскі. – Браслаў : Браслаўскае музейнае аб'яднанне, 2003. – 122 с.

5. **Бяспалая, М. А.** Навукова-даследчая дзейнасць цэнтральных музеяў Беларусі: агульнае і асаблівае / М. А. Бяспалая // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры. – 2010. – № 2. – С. 112–117.

6. **Веткаўскі** музей народнай творчасці : альбом / склад. Г. Р. Нячаева ; аўт. уступ. арт.: Г. Р. Нячаева, С. І. Лявонцьева. – Мінск : Беларусь, 1994. – 167 с.

7. **Веткаўскі** музей народнай творчасці = Ветковский музей народного творчества / склад.: Г. Р. Нячаева [і інш.] ; аўт. уступ. арт.: Г. Р. Нячаева, С. І. Лявонцьева. – 3-е выд. – Мінск : Беларусь, 2001. – 118 с.

8. **Веткаўскі** музей народнай творчасці [Выяўленчы матэрыял] = Ветковский музей народного творчества / аўт. тэксту: Г. Р. Нячаева, С. І. Лявонцьева. – Мінск : Полымя, 1991. – 28 с.

9. **Веткаўскі** музей народнай творчасці : навук.-метад. зб. / Беларус. ін-т праблем культуры ; уклад. І. Ю. Смірнова ; навук. рэд. А. Б. Сташкевіч. – Мінск : БелІПК, 2001. – 143 с.

10. **Голоса** ушедших деревень / Г. Г. Нечаева [и др.] ; под общ. ред. Г. Г. Нечаевой. – Минск : Беларус. навука, 2008. – 342 с.

11. **90 год** Віцебскаму абласному краязнаўчаму музею : матэрыялы навук. канф., Віцебск, 30–31 кастр. 2008 г. / рэдкал.: Г. У. Савіцкі [і інш.]. – Мінск : Медысонт, 2009. – 424 с.

12. **Зборнік** навуковых прац, прысвечаны дваццаціпяцігоддзю стварэння музея і пятнаццацігоддзю экспазіцыі беларускага скансэна / Беларус. дзярж. музей нар. архітэктуры і побыту ; рэдкал.: Г. А. Ткацэвіч [і інш.]. – Мінск : ІВЦ Мінфіна, 2001. – 134 с.

13. **Краязнаўчыя** запіскі : зб. арт. / Упр. культуры Гродзен. аблвыканкама, Гродзен. дзярж. гіст.-арх. музей ; уклад. В. М. Царук. – Гродна, 2003. – Вып. 6. – 198 с.

14. **Культурная** спадчына, менеджмент, маркетынг : іх роля ў развіцці музея : матэрыялы навук.-практ. канф., Мінск, 1 снеж. 2009 г. / Беларус. дзярж. музей нар. архітэктуры і побыту ; уклад. С. Б. Маеўская. – Мінск : Беларус. дзярж. музей нар. архітэктуры і побыту, 2010. – 187 с.

15. **Магілёўшчына** / Магілёўскі абл. краязн. музей імя Е. Р. Раманава ; рэдсавет.: А. А. Седзін [і інш.]. – Магілёў, 2007. – Вып. 9. – 215 с.

16. **Магілёўшчына** / Магілёўскі абл. краязн. музей імя Е. Р. Раманава ; рэдсавет.: А. А. Седзін [і інш.]. – Магілёў, 2009. – Вып. 10. – 211 с.

17. **Матэрыялы** навукова-практычнай канферэнцыі : па выніках навук.-даслед. работы ў 2006 г. / Нац. Полацкі гіст.-культурны музей-запаведнік ; склад. Т. А. Джумантаева. – Полацк : НПГКМЗ, 2007. – 164 с.

18. **Музеі** і культурная спадчына як частка глабальнай інфармацыйнай прасторы : матэрыялы Міжнар. канф., Мінск–Полацк, 8–11 крас. 2002 г. / Беларус. камітэт ІКОМ ; уклад.: А. Б. Сташкевіч, Т. А. Джумантаева. – Наваполацк : Наваполацк. друкарня, 2002. – 211 с.

19. **Музеи** Литвы и Беларуси: пути и перспективы развития в XXI в. : материалы конф., Минск–Вильнюс–Тракай, 2006–2007 / сост.: Е. Матевосян, В. Повилюнас, А. Сташкевич. – Минск [и др.], 2007. – 111 с.

20. **Музей** і традыцыйная культура Беларусі : матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., Гомель, 17–18 мая 2011 г. / рэдкал.: С. В. Разанаў [і інш.]. – Гомель : ГДУ, 2011. – 89 с.

21. **Музей** на мяжы стагоддзяў: традыцыйнае і новае ў канцэптуальных падыходах : матэрыялы навук.-практ. канф., Мінск, 11–12 снеж. 1997 г. / рэд. савет: Л. Мяртвішчава [і інш.]. – Мінск : Анікеенка, 1998. – 101 с.

22. **Музейны** веснік / Нац. музей гіст. і культуры Беларусі. – Мінск : ЮНІПАК, 2005. – Вып. 2. – 160 с.

23. **Музей** старажытнабеларускай культуры : дапам. для наведвальнікаў / НАН Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы ; навук. рэд. В. Фонд Шматаў. – Мінск : Беларус. навука, 1998. – 233 с.

24. **Музей** старажытнабеларускай культуры : каталог экспазіцыі / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ; В. В. Церашчатава [і інш.] ; рэд. С. Ю. Марцэлеў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1983. – 176 с.

25. **Навуковыя** запіскі Веткаўскага музея народнай творчасці : зб. арт. супрацоўнікаў музея да 25-годдзя заснавання Веткаўскага музея народнай творчасці / Упр. культуры Гомел. аблвыканкама, ГДУ імя Фонд Скарыны, Веткаўскі райвыканкам ; навук. рэд. Г. Р. Нячаева, уклад. Г. І. Лапацін. – Гомель : Гомел. дзярж. ун-т, 2004. – 303 с.

26. **Народнае** дойлідства Беларусі: праблемы захавання, выкарыстання і інтэрпрэтацыі : матэрыялы навук.-практ. канф., Мінск, 27–28 верас. 2006 г. / Беларус. дзярж. музей нар. архітэктуры і побыту ; уклад. В. У. Мірончык. – Мінск : А. М. Вараксін, 2007. – 163 с.

27. **Палеская** веда: музей народнай культуры Мазыршчыны : пуцяводнік / А. Б. Сташкевіч. – [Мазыр : Узбуйн. друк]. – 15 с.

Е. Г. Терех, Д. В. Булгак (Минск)

РОЛЬ МУЗЕЕВ В ВОСПИТАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ВОЕННЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Важнейшей составной частью воспитательного процесса в современной армии является формирование патриотизма и культуры межнациональных отношений, которые имеют огромное значение в социально-гражданском и духовном развитии личности военнослужащего. Только на основе национальных святынь и возвышающих чувств патриотизма укрепляется любовь к Родине, появляется ответственность за ее могущество, честь и независимость, сохранение материальных и духовных ценностей общества, развивается достоинство личности. Как основное направление в системе патриотического воспитания в военных учреждениях образования можно выделить историко-краеведческое воспитание военнослужащих, которое представляет собой систему мероприятий по патриотическому воспитанию, направленному на познание историко-культурных корней, осознание неповторимости Отечества, его судьбы, неразрывности с ним, формирование гордости за сопричастность к деяниям предков и современников и исторической ответственности за происходящее в обществе.

Воспитание в военно-учебном заведении – это процесс целеустремленного и организованного взаимодействия и воздействия должностных лиц военного управления, профессорско-преподавательского состава на сознание, чувства, волю военнослужащих и воинские коллективы в целях формирования у них высоких морально-боевых, психологических и профессиональных качеств, эстетического отношения к действительности, развития и совершенствования духовных и физических сил.

Воспитание издавна относилось к разряду самых трудных и важных дел. «Два человеческих изобретения можно считать самыми трудными, – писал И. Кант, – а именно, искусство управлять и искусство воспитывать …» [1, с. 56].

Многократно возрастает значение воспитания в подготовке офицерского состава. Не случайно со времен Петра I воспитанию уделялось огромное внимание в русской военной школе. Наиболее характерными чертами системы воспитания здесь являлись: опора на национальные традиции и обычаи,

широкое использование воинских ритуалов; умелое сочетание воинского и религиозно-нравственного воспитания; бережное отношение к истории регулярной армии, пропаганда героического прошлого; привитие прогрессивных демократических традиций во взаимоотношениях начальников и подчиненных; использование лучших традиций русской армии.

А. В. Суворов писал: «Не руки, не ноги, не бренное человеческое тело одерживают на войне победу, а бессмертная душа, которая правит и руками, и ногами, и оружием – и если душа воина велика и могуча, не предается страху и не падает на войне, то победа несомненна, а потому нужно воспитывать и закаливать сердце воина так, чтобы оно не боялось никакой опасности и всегда было неустрашимо и бестрепетно!» [2, с. 23].

Проблемы, связанные с воспитанием гражданского самосознания и высокой духовности детей и молодежи, становятся наиболее злободневными в последние годы, и их не решить отдельными акциями и мероприятиями. Здесь необходима продуманная система, обеспечивающая слаженную деятельность педагогов, семьи, общественности, других социальных институтов, нацеленная на социализацию ребенка. Особое место в воспитании военнослужащих должна занять работа по сохранению и развитию культурно-исторического наследия, отечественных традиций, и понимание этой реалии особенно важно в современных условиях. Существенную помощь в расширении познавательных возможностей военнослужащего призван сыграть музей военного учреждения, в котором важнейшим источником информации и восприятия являются предмет, вещь, нечто осязаемое, средообразующее.

В данный момент именно краеведение как форма научно-познавательной деятельности поможет эффективному и целенаправленному воспитанию военнослужащих.

Краеведческую работу на базе музея военного учреждения можно рассматривать как комплексное средство обучения и воспитания военнослужащих, при котором выстраивается устойчивая схема организации краеведения, состоящая из нескольких взаимосвязанных элементов:

1. Программное краеведение, предусматривающее использование краеведческих данных при изучении определенных тем и предметов боевой подготовки.

2. Самостоятельная работа, предполагающая коллективные исследования военнослужащих по одной или нескольким краеведческим темам. В процессе самостоятельной работы военнослужащие проходят специальную подготовку к практической краеведческой деятельности, изучая основы краеведения и методики различных научных дисциплин, необходимых в процессе исследовательской краеведческой деятельности.

3. Внеказарменная краеведческая работа, которая по методам и содержанию практически не отличается от самостоятельной работы, но организована за ее пределами по месту жительства, при государственных музеях, библиотеках и т. п.

4. Участие в полевых выходах, выполнение краеведческих заданий преподавателей, учреждений образования как формы объединения программного, самостоятельного и внеказарменного краеведения.

Использование краеведения в системе военного образования опирается чаще всего на педагогику развития творческих потребностей военнослужащих. В этом случае военнослужащие узнают об истории, культуре, природе своего края не только из книг и лекций педагогов, но и в процессе его изучения активными средствами: во время походов, полевых выходов, краеведческих наблюдений и т. п.

Для того чтобы вырастить из военнослужащих настоящих мужчин, нужно решить следующие проблемы:

– воспитание патриотизма и гражданственности;

– воспитание семьянина, включение семьи в систему воспитательной работы;

– развитие духовной культуры и нравственности личности;

– повышение эрудиции, расширение кругозора;

– оптимальное раскрытие творческого потенциала;

– формирование здорового образа жизни, общефизическое развитие;

– профессиональное самоопределение.

Музей военного учреждения является структурным подразделением и неотъемлемой частью единого воспитательного пространства, отвечая его потребностям, а потому правомерность существования и эффективность деятельности музеев военных учреждений определяется степенью включения в его работу военнослужащих, использования его материалов в учебно-воспитательном процессе.

Таким образом, роль музеев в воспитании военнослужащих определяется в формировании у них научного мировоззрения, готовности к освоению военной профессии, верности воинскому долгу и войсковому товариществу, дисциплинированности и на этой основе в достижении высокого уровня морально-психологического состояния личного состава, сплоченности коллективов и способности подразделений успешно решать практические задачи учебно-воспитательного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Романцов, М. Г.** Из наследия Иммануила Канта (1724–1804). О педагогике и немножко о здоровье / М. Г. Романцов // Фундаментальные исследования. – 2006. – № 7. – С. 91–93.

2. **Ростунов, И. И.** Генералиссимус Александр Васильевич Суворов : жизнь и полководческая деятельность / И. И. Ростунов. – Москва : Воениздат, 1989. – 495 с. : 14 л. ил. : карт.

3. **Чумалова, Т. В.** Музейная педагогика как новая образовательная технология: проблемы и пути их решения / Т. В. Чумалова // Музей и общество: проблемы взаимодействия. – Москва, 2001. – С. 30–34.

Д. В. Юрчак (Витебск)

ДВИНА А. П. САПУНОВА В УСЛОВИЯХ СТРОИТЕЛЬСТВА КАСКАДА ГИДРОЭЛЕКТРОСТАНЦИЙ (СОХРАНЕНИЕ ОБЛИКА РЕКИ ДЛЯ ПОТОМКОВ)

В 1893 г. в Витебске в типолитографии Г. А. Малкина была напечатана одна из наиболее значимых работ А. П. Сапунова «Река Западная Двина», представляющая собой подробное историко-географическое описание одной из самых крупных (17-й по протяженности) рек Европы. Учитывая то, что Витебск сформировался на берегах этой важной водной артерии, данный труд стал значимой вехой для витебского краеведения, а сам Алексей Парфенович по праву прославился среди горожан как «летописец Витебщины».

В названной работе автор рассматривает место реки в истории Витебщины и иных регионов, расположенных вдоль ее берегов, приводит подробное описание истока и многочисленных притоков, геологический очерк берегов Двины, рассматривает развитие судоходства на реке, специфику рыбной ловли. Особое внимание уделяется подробному описанию самой реки: ее ширины и глубины, скорости течения. В деталях показываются пороги, мели, острова и крупные валуны в русле реки [3]. Такая информация уникальна сама по себе и дает нам возможность в деталях представить, как выглядела Западная Двина более 100 лет назад.

Однако с течением времени облик «Двины Сапунова» существенно изменился. Обусловлено это как природным (изменение фарватера, размывание островов, подмывание берегов и т. д.), так и антропогенным воздействиями. Следует признать, что именно деятельность человека, в первую очередь, привела к изменению облика берегов: очистка русла реки для судоходства оказывала влияние на расположение фарватера и т. д. Менялась Двина и по причине развития гидроэлектроэнергетики в регионе. Строительство каскада ГЭС (Плявиньская, Рижская, Кегумсская, а также недостроенная Даугавпилсская) в Латвии привело к тому, что первозданную реку мы теперь можем только представлять благодаря старым фотографиям и книге Алексея Парфеновича.

К сожалению, подобная судьба может ожидать и белорусский участок реки (328 километров из 1020). Это связано с планами руководства республики по активному развитию гидроэлектроэнергетики в стране, что позволило бы увеличить долю дешевой электроэнергии в общем объеме годового потребления. В частности, на реке Западная Двина специальным проектом предусматривается создание каскада из четырех ГЭС – Бешенковичской, Витебской, Полоцкой и Верхнедвинской. На первом этапе будет возведена Полоцкая ГЭС. Ее мощность составит 21,75 МВт. Ежегодное производство

станцией электроэнергии составит 112 млн кВтч [4]. Полоцкую ГЭС планируют сдать в эксплуатацию в 2015 г., а Витебскую, к строительству которой подключены китайские подрядчики, – в 2017 г. [1].

Прогресс не остановить, а отказаться от дешевых источников электроэнергии в условиях постоянного возрастания потребностей в ней мы также не можем. Поэтому приходится смириться с тем, что через несколько лет мы навсегда потеряем первозданную Двину, вокруг которой веками текла размеренная жизнь наших предков.

Но, на наш взгляд, не все так безнадежно. Современные технологии позволяют максимально собрать информацию о том облике реки, который вскоре исчезнет. В первую очередь, стоит обратить особое внимание на возможности фото- и видеофиксации берегов Двины, валунов и отмелей, островов и порогов, которые после поднятия уровня воды и образования водохранилищ, согласно заявленным планам строительства, окажутся на дне и будут доступны только дайверам.

Также особое внимание стоит обратить на тщательное изучение тех мест, где когда-то могли быть расположены пристани и переправы. Здесь уместно вести речь о необходимости комплексной работы профессиональных дайверов и археологов. Последние при использовании металлодетекторов при низкой воде смогут отыскать немало значимых исторических артефактов, которые после запуска ГЭС могут оказаться недоступными для исследователей.

Что же необходимо сделать для сохранения облика реки для потомков? По нашему мнению, следует организовать экспедицию, которая смогла бы провести комплексное исследование реки и составить ее подробное описание с использованием современных методов фиксации информации. Желательно, чтобы в экспедиции приняли участие специалисты разных сфер: историки, биологи, профессиональные фотографы, операторы и др.

Итогом экспедиции могло бы стать создание электронного архива материалов, включающего в себя текстовую информацию, фотографии, видеоматериалы, на основе которых в перспективе можно было бы подготовить новые географические описания реки, издать ряд иллюстрированных альбомов по Западной Двине, подготовить видеофильм или цикл передач о главной водной артерии Витебщины. Кроме того, для популяризации полученной информации можно широко использовать Интернет посредством создания тематических сайтов (например, виртуального музея Двины) и групп в социальных сетях, где также может быть размещена полученная информация.

Главной проблемой для организации подобной экспедиции является финансирование, так как, в первую очередь, для исследования реки необходимо наличие соответствующих плавательных средств, амуниции и техники для фото- и видеофиксации. Конечно, могут быть задействованы видеокамеры,

фотоаппараты и даже лодки самих участников экспедиции, но стоит учитывать, что далеко не у всех специалистов они имеются. Поэтому на основе только общественной инициативы развернуть подобный проект будет очень сложно.

Второй проблемой при его организации может стать время. Во-первых, это касается участка затопления в районе создания водохранилища Полоцкой ГЭС, введение в эксплуатацию которой планируется в 2015 г. Поэтому на исследование участка от Витебска до деревни Лучно под Полоцком (где и ведется строительство станции) остается не так и много времени. А учитывая то, что экспедиция может быть организована только по низкой воде, когда все пороги, отмели, валуны и острова не затоплены, то пройти на этом участке Двины она может только летом 2014 г. (возможно, и 2015), но при наличии благоприятных природных условий. Если же погода не позволит это сделать и воды будет больше минимального летнего уровня, то придется довольствоваться только тем материалом, который можно получить в существующих на тот момент условиях.

Что же касается Витебской ГЭС, то здесь в распоряжении имеется гораздо больше времени для исследования участка реки от Велижа до Лужесно. Но лучше было бы провести такую экспедицию за один год на всем белорусском участке, а остальное время использовать для обработки и популяризации полученной информации.

Ключевыми историческими источниками, которые могут быть использованы для организации экспедиции, должны стать подробнейшие описание и характеристика Западной Двины и ее притоков, приведенные в работе А. П. Сапунова «Река Западная Двина». По сути, пока еще есть уникальная возможность провести инвентаризацию всех указанных в работе Алексея Парфеновича отмелей, порогов, островов, валунов и т. д., а также зафиксировать их современный облик. Поэтому подготовка экспедиции должна начинаться с тщательного изучения данного источника и привязывания имеющейся историко-географической информации к современным картам. В итоге участники экспедиции будут иметь возможность четко представлять, что их ожидает на том или ином участке реки.

Основой для нанесения информации могут стать снимки русла реки, выполненные со спутника и размещенные в поисковых системах Яндекс, Google и Bing. Анализ качества спутниковых фотографий на участке выше Витебска позволяет признать, что все они выполнены летом, когда прекрасно читаются острова, отмели, пороги, то есть те объекты, которые исчезнут в случае строительства ГЭС. При этом качество снимков в системе Яндекс превосходит все остальные. Вторым по качеству является Bing. Но стоит учитывать, что не все участки реки могут быть представлены в одинаковом качестве в разных системах. Поэтому целесообразно использовать одновременно несколько вариантов спутниковых снимков, что позволяет сей-

час сделать уникальный проект «Машина времени» (на сайте «Витебская энциклопедия»), способствующий совмещению различных карт (включая исторические) в окрестностях Витебска и переключению с одной на другую одним кликом мышки [2].

Благодаря всему вышеназванному участники экспедиции сумеют сопоставить исторические и географические данные, выполнить фото- и видеофиксацию значимых объектов, осуществив одновременно их четкую географическую привязку. Все это даст уникальную возможность собрать богатейший материал краеведческого характера, проиллюстрировать работу А. П. Сапунова и сохранить современный облик Западной Двины для потомков.

Таким образом, приходится констатировать, что пока у нас есть время для осуществления этого социально значимого и уникального проекта. Насколько он осуществим на практике, мы узнаем в ближайшем будущем, хотя для его частичной реализации достаточно несколько энтузиастов и базовое оборудование.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Бегунова, Е.** И в глубине Двины степенной … / Е. Бегунова // Рэспубліка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.respublika.info/5869/Energy/article65351. – Дата доступа: 11.12.2013.

2. **Машина** времени – старые карты Витебска // Витебская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://map.evitebsk.com/. – Дата доступа: 11.12.2013.

3. **Сапунов, А.** Река Западная Двина / А. П. Сапунов. – Витебск : Типолитография Г. А. Малкина, 1893. – 512 с.

4. **Строительство** Полоцкой ГЭС на реке Западная Двина // Евразийский банк развития [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eabr.org/r/projects/example-projects/index.php?id_4=287. – Дата доступа: 11.12.2013.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ПОДВИНЬЯ. ЦЕРКОВНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

В. В. Бараненка (Мінск)

КАМПАНІЯ ПА ВЯРТАННІ ПРАВАСЛАЎНЫХ ХРАМАЎ У 1930 г. (НА ПРЫКЛАДЗЕ ВІЦЕБСКАЙ АКРУГІ)

Курс на рэзкае фарсіраванне тэмпаў калектывізацыі быў узяты пасля лістападаўскага (1929 г.) Пленума ЦК УКП(б). У палітычнай барацьбе прыхільнікі новай эканамічнай палітыкі пацярпелі паразу. Узяты курс на суцэльную калектывізацыю не мог абысціся без сілавых метадаў. У вёскі накіроўваліся групы ўпаўнаважаных, якія дзейнічалі рознымі метадамі: ад агітацыі і ўгаворванняў да пагроз і арыштаў. На пачатку правядзення калектывізацыі ўзмацніўся кантроль з боку Аб'яднанага дзяржаўнага палітычнага ўпраўлення за ўсімі працэсамі, звязанымі з рэлігійным жыццём грамадства.

Падпарадкаванне вёскі і атрыманне з яе сродкаў для патрэб індустрыялізацыі толькі адна з прычын калектывізацыі. Для стварэння таталітарнай дзяржаўнай сістэмы была патрэбна адпаведная сацыяльная база. У асноўным сялянства было супраць згортвання НЭПа. Таму большасць рэпрэсій падчас калектывізацыі была накіравана супраць значнай часткі насельніцтва вёскі.

Дадзеная барацьба ішла і па ідэалагічнай лініі. Рэлігія была фактарам, які аб'ядноўваў сялянства, адной з умоваў яго самасвядомасці як адзінага сацыяльнага пласта. Без разбурэння рэлігійнасці немагчыма было знішчыць сялянства як самастойную частку грамадства. Менавіта на Рускую Праваслаўную Царкву прыйшоўся асноўны ўдар бязбожнай улады, як на найбольш распаўсюджаную канфесію на тэрыторыі БССР. І не выпадкова Е. Яраслаўскі адносіў пераможнае завяршэнне наступу на царкву да таго ж часу, калі планавалася канчатковая калектывізацыя ўсіх пакінутых аднаасобных гаспадарак – да канца 1930-х гг .

Для будучага камуністычнага грамадства быў патрэбны новы чалавек з новай сістэмай каштоўнасцяў, у якой рэлігія адсутнічала.

Надыходзіць працяглы этап сістэматычных ганенняў не толькі на праваслаўную царкву, але і на ўсе канфесіі ў СССР. Згодна з ідэяй, якую выказаў І. В. Сталін, класавая барацьба павялічваецца па меры будаўніцтва сацыялізму і камунізму. На яго думку, "продвижение к социализму не может

не вести к сопротивлению эксплуататорских элементов этому продвижению, а сопротивление эксплуататоров не может не вести к неизбежному обострению классовой борьбы” [14, с. 172].

З сярэдзіны 1929 г. правядзенне палітыкі калектывізацыі на тэрыторыі БССР значна актывізавалася, акрамя эканамічных метадаў пачалі ўжывацца метады адміністрацыйнага прымусу. З 1 чэрвеня да канца снежня колькасць калектывізаваных сялянскіх гаспадарак павялічылася з 12,9 тыс. да 165,3 тыс., а працэнт калектывізацыі ўзрос з 1,4 да 20,9 [6, с. 18]. Па Віцебскай акрузе на кастрычнік 1929 г. налічвалася 237 калгасаў [5, с. 48].

Як вядома, да эксплуататараў, паводле дактрыны марксізму-ленінізму, адносілася і духавенства. У першую чаргу гэта выявілася ў закрыцці храмаў, не зважаючы на тое, да якой царкоўнай плыні яны належалі. Так, калі да рэвалюцыі ў Віцебску і ў Віцебскай епархіі (без уліку Полацкай акругі) было адпаведна 31 і 124 храмы, то на 15 сакавіка 1929 г. колькасць цэркваў склала адпаведна 20 і 116 [4, арк. 162].

Падчас кампаніі па закрыцці храмаў вялікая частка закрытых цэркваў была проста разгромлена, запасныя Святыя Дары часта раскідваліся па падлозе і папіраліся нагамі, антымінсы рваліся на шматлікія кавалкі, посуд, начынне, уборы рабаваліся, а кнігі і абразы знішчаліся на месцы. Святарства закрытых цэркваў знаходзілася ў турмах, ссылках, на прымусовай рабоце, некаторыя беглі, ніхто не прымаў сан [2].

У цэлым па Віцебскай акрузе ў выніку адмовы саміх веруючых было закрыта 7 храмаў, адміністрацыйным шляхам – 11, па прычыне адсутнасці святароў – 100. Дзейнічала толькі 2 праваслаўныя храмы ў Гарадоцкім і Межанскім раёнах. Са 120 цэркваў, якія не функцыянавалі, 71 не выкарыстоўвалася, 12 – перададзены пад клубы, 35 – выкарыстоўваліся для захоўвання збожжа, 4 – перададзены калгасам і выкарыстоўваліся для іх патрэб [3, арк. 338]. Такім чынам, да пачатку 1930 г. з 155 цэркваў, якія былі ў Віцебскай акрузе да рэвалюцыі, функцыянавалі толькі 14 (па іншых звестках – 12) [12, с. 8].

2 сакавіка 1930 г. у газеце «Праўда» быў надрукаваны артыкул І. В. Сталіна «Галавакружэнне ад поспехаў». Першы генеральны сакратар ЦК УКП(б) звярнуў увагу на правядзенне калектывізацыі, а менавіта на «перагібы на месцах», якія нібыта былі памылкамі мясцовых улад [13, с. 191–199].

Для паспешнага выпраўлення становішча ў БССР былі прызнаны некаторыя з дапушчаных памылак. У пастанове ЦК КП(б)Б «Аб калектывізацыі», прынятай 17 красавіка 1930 г., адзначаўся небальшавіцкі падыход да серадняка. У дакуменце была зроблена спроба апраўдаць рашэнні студзеньскага (1930 г.) Пленума ЦК КП(б)Б аб фарсіраванні калектывізацыі. Ва ўсіх перагібах абвінавачваліся мясцовыя партыйныя арганізацыі, у першую чаргу Мазырскай, Магілёўскай, Віцебскай акруг [7, с. 243–247].

Колькасць калгасаў на тэрыторыі Беларусі рэзка зменшылася: калі да сакавіка 1930 г. па рэспубліцы было створана 3665, то да чэрвеня іх колькасць скарацілася да 3021. Ад калектыўных формаў вядзення гаспадаркі адмовіліся 370,2 тыс. сялянскіх гаспадарак, або 48,9%. Працэнт калектывізацыі паменшыўся з 58 да 11,1 [1, с. 38–39], на тэрыторыі Віцебскай акругі з 66,2 да 12,3 [5, с. 48].

Падчас правядзення кампаніі па закрыцці храмаў таксама мелі месца так званыя перагібы. Шматлікія цэрквы падвяргаліся спусташэнню. Выломваліся дарагія іканастасы, спальваліся і ламаліся абразы і г. д. Такія выпадкі былі зафіксаваны ў мястэчках Астроўна, Старое Сяло Віцебскага раёна; Мішневічы і Роўнае Сіроцінскага раёна; Новікі Бешанковіцкага раёна; Веляшкевічы Лёзненскага раёна; Віроўля, Балецк, Обаль, Футравае, Халамер'е Гарадоцкага раёна і інш. Характэрна тое, што падчас адваротнага руху за адкрыццё цэркваў веруючыя сталі патрабаваць тлумачэнняў ад вінаватых у іх разгроме. У адказ на гэтыя патрабаванні пераважна ўсе нізавыя працаўнікі тлумачылі, што яны не вінаватыя, што іх прымушалі гэта рабіць зверху [4, арк. 163].

Арыштаваны 24 сакавіка 1931 г. архіепіскап Мікалай (Пакроўскі) так сведчыў пра падзеі тых гадоў: «...Частка закрытых сельскіх цэркваў разгромлена, званы зняты і вывезены, алтары апаганены, святыя сасуды і царкоўная маёмасць раскрадзены, іканастасы разламаны і раскіданы, святары закрытых прыхадскіх цэркваў ці трымаюцца ў турмах, ці знаходзяцца ў ссылках, іншыя знаходзяцца на цяжкіх прымусовых работах. З адбыўшых пакаранне ніводны не вярнуўся ў прыход» [8, с. 28].

Кампанія па закрыцці храмаў выклікала хвалю пратэстаў з боку насельніцтва. Магчыма, такі рэзкі ўсплеск рэлігійнай актыўнасці быў выкліканы незадаволенасцю сялян палітыкай органаў савецкай улады ў цэлым і калектывізацыяй у прыватнасці. У архіўных дакументах зафіксаваны шматлікія патрабаванні веруючага насельніцтва вярнуць закрытыя храмы. З данясення акруговага аддзела ДПУ Віцебскаму акруговаму аддзелу партыі пра маральна-палітычнае становішча ў акрузе зазначаецца, што у найвялікшай ступені рух за адкрыццё цэркваў быў распаўсюджаны ў Лёзненскім раёне. Ініцыятарамі гэтага руху ў большасці выпадкаў з'яўляліся былыя «царкоўнікі» (царкоўны стараста, вартавыя, члены царкоўных саветаў і іх блізкія) і заможныя сяляне. Яны, па меркаванні партыйных работнікаў, выкарыстоўвалі веруючае насельніцтва для сваёй антысавецкай барацьбы. У некаторых сельскіх саветах праходзіў збор подпісаў для рэгістрацыі царкоўна-прыходскіх абшчын з мэтай адкрыцця царквы [3, арк. 364]. Масавы характар гэты рух набыў у Сіроцінскім раёне, дзе не засталося ніводнага праваслаўнага прыхода. Нярэдка збор подпісаў арганізоўваўся непасрэдна на кірмашовым пляцы. У гэтым руху бралі ўдзел розныя пласты насельніцтва як заможнага, так і бядняцка-серадняцкага, асабліва важную ролю адыгрывалі жанчыны.

Для таго каб вярнуць закрытыя храмы, веруючыя выкарыстоўвалі розныя метады: нелегальныя сходы (досыць шматлікія – ад 300 да 600 чалавек), звароты ў сельсаветы і раённыя выканаўчыя камітэты. У асобных выпадках, жадаючы вярнуць царкву, сяляне нават пагражалі мясцовым партыйным кіраўнікам. Так, 12 сакавіка 1930 г. у с. Веляшкевічы Лёзненскага раёна натоўп у колькасці каля 500 чалавек амаль не забіў настаўніка і рабочых, якія перабудоўвалі царкву пад клуб. Яны патрабавалі ад сельсавета вяртання царквы і пакарання тых працаўнікоў, якія выступалі на сходзе за закрыццё цэркваў, а таксама і тых, хто працавалі рабочымі ў царкве па ўладкаванні сцэны. Гэты ж натоўп людзей разагнаў усіх працаўнікоў сельсавета і іншых актывістаў, калгаснікаў, разламаў дзверы, зайшоў унутр, зламаў тое, што было зроблена рабочымі, пасек сякерамі кажухі рабочых, валёнкі, паламаў інструменты і потым пачаў збіваць палкамі тых сялян, якія згаджаліся на сходах аб адняцці царквы ад веруючых [9, арк. 134]. У выніку гэтага ў некаторых раёнах Віцебскай акругі (Віцебскім, Сіроцінскім) мясцовыя ўлады змушаны былі вярнуць цэрквы.

Новая хваля рэлігійнай актыўнасці назіралася ў сувязі з надыходам Вялікадня. У адрозненне ад папярэдніх гадоў было зафіксавана актыўнае наведванне цэркваў веруючымі. У Высачанскай царкве падчас начной службы 23 красавіка 1930 г. прысутнічала каля 3000 чалавек [3, арк. 415], у Віцебскай Сямёнаўскай – 300 [3, арк. 417]. У сельскай мясцовасці, дзе цэрквы былі закрыты, вернікі збіралі грошы на дарогу для дэлегатаў, якія запрасілі б святара правесці службу ў велікодныя святы. Нярэдка ў гэтыя дні сяляне збіраліся каля цэркваў. Напрыклад, у тым жа 1930 г. у г. Сянно з'ехаліся людзі не толькі з блізкіх вёсак, але і з Віцебскага і Чашніцкага раёнаў.

Узмацніўся рух за вяртанне культавых будынкаў. Калі раней ён быў распаўсюджаны ў Лёзненскім, Віцебскім і Сіроцінскім раёнах, то зараз таксама ім былі ахоплены Гарадоцкі і Бешанковіцкі раёны. Там, дзе цэрквы былі вернуты, святары нават прад'яўлялі іскі сельсаветам за пашкоджанне царкоўнай маёмасці. Не жадаючы абвастраць сітуацыю, кіраўніцтвам БССР было дадзена распараджэнне ў некаторых месцах не перашкаджаць веруючым карыстацца тымі цэрквамі, аб зачыненні якіх няма пастановы ЦВК.

Аднак адкрыццю новых храмаў заміналі супрацоўнікі ДПУ. Так, у Балецкім прыходзе Гарадоцкага раёна пачаўся рух за адкрыццё царквы, кіраўнікамі якога былі былыя члены царкоўна-прыходскага савета. Там на месцы было праведзена некалькі сходаў вернікаў. Дазнаўшыся пра гэта, райкам вырашыў узяць ініцыятыву ў свае рукі для таго, каб не застацца ў хвасце руху. З боку Віцебскага акружнога аддзела ДПУ былі пярэчанні наогул супраць такой пастаноўкі пытання і, у прыватнасці, супраць адкрыцця гэтай царквы. Усё ж райкам накіраваў туды двух членаў на адзін са сходаў вернікаў, які быў скліканы без дазволу адміністрацыйнай часткі. На гэтым сходзе

па ініцыятыве члена райкама было абрана 12 упаўнаважаных ад вернікаў, з якімі яны вырашылі пытанне аб адкрыцці царквы. Адначасова з гэтым ДПУ вяло працу па раскладанні гэтага руху. Напрыклад, супрацоўнікі ДПУ дамагліся далучэння групы веруючых да Гарадоцкай царквы, не адкрываючы царквы ў Балецку, патлумачыўшы гэта тым, што адлегласць да Гарадка не перавышала 6 км [4, арк. 162].

У 1930 г. улады пайшлі на частковыя ўступкі ў адносінах да духавенства і веруючых. Так, памочнік кіраўніка ДПУ Беларускай ваеннай акругі дакладваў аб неабходнасці выпраўлення некаторых искривлений на месцах: «Здзейсніць праверку малітоўных дамоў, зачыненых у стыхійным парадку без зацвярджэння цэнтральнымі органамі, прыняўшы меры па вяртанні вернікам тых дамоў, якія былі закрытыя без згоды насельніцтва, і ў стаўленні якіх вернікі працягваюць настойваць на адкрыцці… Вяртанне афармляць толькі пасля безвыніковасці тлумачальнай працы; выкарыстоўваючы і ў далейшым падатковы прэс на служак культу ў барацьбе з рэлігіяй, даць дырэктыву фінансавым органам пра больш рэальнае вылічэнне прыбытковасці служак культу і ўсталяванні ставак падаткаў, адпаведна з прыбытковасцю; даць дырэктыву фінансавым органам аб разглядзе апеляцый царкоўнікаў, відавочна пераабкладзеных, зменшыўшы падаткі да рэальных магчымасцяў іх выплаты…» [10, арк. 6].

У тых раёнах, дзе не было ніводнай дзеючай царквы, быў атрыманы дазвол на рэгістрацыю некаторых прыходаў. У выніку чаго за год адкрыліся са штатам духавенства 20 храмаў і абслугоўваліся гэтым жа духавенствам са здзяйсненнем набажэнства больш за 80 храмаў. Епархія мела пяць благачынняў: Віцебскае, Гарадоцкае, Лёзненскае, Суражскае і Бешанковіцкае [11, арк. 1].

Такім чынам, адступленне мясцовых улад у развязанай кампаніі па арганізацыі калгасаў, зробленае пасля сталінскага артыкула, і практыка вяртання храмаў, як часовае адступленне ў рэлігійнай палітыцы ўзаемазвязаны.

Акруговыя і раённыя ўлады ўлічвалі сталінскія ўказанні аб «перагібах на месцах» і збольшага выпраўлялі гэтыя перагібы як у калгасным будаўніцтве, так і ў рэлігійнай палітыцы. Аднак у апошнім выпадку – пад ціскам веруючых. Дадзеныя патрабаванні праяўляліся ў розных формах: збор подпісаў, нелегальныя сходы (досыць шматлікія – ад 300 да 600 чалавек), звароты ў сельсаветы і раённыя выканаўчыя камітэты. У асобных выпадках, жадаючы вярнуць царкву, сяляне нават пагражалі мясцовым партыйным кіраўнікам. Апошнія, у сваю чаргу, у шмалікіх выпадках тлумачылі свае ўчынкі прымусам вышэйшых дзяржаўных органаў.

У выніку выступленняў дзяржаўная ўлада хоць і зрабіла пэўныя ўступкі, аднак нязначныя: веруючыя дамагліся адкрыцця толькі 20 храмаў, што складала 16,67% ад закрытых храмаў. Гэта акалічнасць тлумачыцца тым,

што, нягледзячы на пэўны ўздым праваслаўнага насельніцтва, дзяржаўная ўлада па-ранейшаму не збіралася змяняць сваю палітыку ў адносінах да рэлігіі.

ЛІТАРАТУРА

1. **Врублевский, А. П.** Из истории репрессий против белорусского крестьянства, 1929–1934 гг. / А. П. Врублевский, Т. С. Протько ; под ред. М. П. Костюка. – Минск : Навука і тэхніка, 1992. – 144 с.

2. **Горидовец, В.** Жизнеописание архиепископа Николая (Покровского) / В. Горидовец // Полоцко-Витебская епархия [Электронный ресурс] : статистические сведения о духовенстве и приходах (1861–1990). – Режим доступа: http://www.witebsk.orthodoxy.ru/i2/saint/st/pokrovskijn.html. – Дата доступа: 11.12. 2013.

3. **Дзяржаўны** архіў Віцебскай вобласці. – Фонд 10050-п. – Воп. 1. – Спр. 747.

4. **Дзяржаўны** архіў Віцебскай вобласці. – Фонд 10051-п. – Воп. 1. – Спр. 809.

5. **Дианова, Т. Б.** Сплошная коллективизация сельского хозяйства на Витебщине : итоги и уроки / Т. Б. Дианова // Организационно-правовые аспекты инновационного развития АПК. – Минск, 2007. – С. 46–49.

6. **Калектывізацыя** // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / гал. рэд. Г. П. Пашкоў. – Мінск, 1997. – Т. 4 : Кадэты–Ляшчэня. – С. 17–22.

7. **КП** Белоруссии. Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК : в 6 т. / Ин-т истории партии при ЦК КПБ, фил. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Минск : Беларусь, 1983–1987. – Т. 2 : 1928–1932 / под ред. В. И. Бровикова [и др.]. – 1984. – 511 с.

8. **Криванос, Ф.** Очерк из истории Витебска 20–30-х гг. XX ст. / Фонд Криванос // Витебские епархиальные ведомости. – 2001. – № 1. – С. 23–29.

9. **Нацыяльны** архіў Рэспублікі Беларусь. – Фонд 4-п. – Воп. 1. – Спр. 4592.

10. **Нацыяльны** архіў Рэспублікі Беларусь. – Фонд 4-п. – Воп. 1. – Спр. 5030.

11. **Нацыянальны** гістарычны архіў Рэспублікі Беларусь. – Фонд 2786. – Воп. 1. – Спр. 467.

12. **Православная** церковь на Витебщине (1918–1991) : док. и материалы / сост. В. П. Коханко [и др.]. – Минск : Нац. архив Респ. Беларусь, 2006. – 365 с.

13. **Сталин, И. В.** Головокружение от успехов (к вопросам колхозного движения) / И. В. Сталин // Сочинения : в 13 т. / И. В. Сталин. – Москва, 1949. – Т. 12 : 1929 – июнь 1930. – С. 191–199.

14. **Сталин, И. В.** Об индустриализации и хлебной проблеме : (речь 9 июля 1928 г.) / И. В. Сталин // Сочинения : в 13 т. / И. В. Сталин. – Москва, 1949. – Т. 11 : 1928 – март 1929. – С. 157–187.

А. В. Бараноўскі (Віцебск)

АГЛЯД КРЫНІЦ ПА ГІСТОРЫІ ВЁСКІ БЕЛІЦА СЕННЕНСКАГА РАЁНА І СЯДЗІБЫ СВЯЦКІХ

Напісанне грунтоўнага даследавання гісторыі вёскі Беліца Сенненскага раёна Віцебскай вобласці пачынаецца з аналізу крыніц. Усе крыніцы, на якіх грунтуецца даследаванне, можна сістэматызаваць наступным чынам: дакументы, знойдзеныя ў фондах архіваў, энцыклапедыі і кнігі, інтэрнэт крыніцы, публікацыі ў перыядычным друку, вусныя крыніцы.

У фондах Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі знаходзіцца метрычная кніга царквы Нараджэння Божай Маці. Яна ўтрымлівае звесткі пра царкву, якая дзейнічала ў Беліцы [8].

У працэсе работы ў фондах Занальнага дзяржаўнага архіва ў г. Орша, былі знойдзены ўскосныя дакументы, дзякуючы якім устаноўлена, калі апошнія ўладальнікі маёнтка набылі яго, з указаннем дакладнага дня, месяца і года [6, арк. 11].

Здымкі сядзібы Свяцкіх 1946 г. знаходзяцца ў фондах Беларускага дзяржаўнага архіва-музея літаратуры і мастацтва. Па гэтых здымках мы бачым, у якім стане быў сядзібны дом пасля вайны, а таксама адрозненне яго стану ў параўнанні з ранейшымі здымкамі другой паловы XIX ст. [3, арк. 1–7].

Асноўнымі крыніцамі па гісторыі вёскі і сядзібы Свяцкіх з'яўляюцца выданні Магілёўскага губернскага статыстычнага камітэта. Кожны год камітэт выдаваў «Памятныя кніжкі Магілёўскай губерні». У статыстычным аддзеле ў іх можна знайсці звесткі пра апошніх уладальнікаў маёнтка Беліца – Свяцкіх. Так, мы можам даведацца пра тое, якія пасады займалі яны ў Сенненскім павеце Магілёўскай губерні [10]. Прамысловая і статыстычная характарыстыкі маёнтка Беліца змешчаны ў «Вопыце апісання Магілёўскай губерні», якая была створана ў 1882 г. пад рэдакцыяй А. Дамбавецкага. Аналіз дадзенай крыніцы дазваляе меркаваць пра эканамічны стан маёнтка [9, с. 216–217]. Значную каштоўнасць для даследчыка ўяўляюць звесткі эканамічнага і статыстычнага характару, змешчаныя ў працы краязнаўца К. Анікіевіча «Сенненскі павет Магілёўскай губерні», якая выйшла ў 1907 г. [1, с. 494].

Некаторыя звесткі пра гісторыю вёскі можна адшукаць у энцыклапедыях. Дадзеныя крыніцы характарызуюцца высокай ступенню інфарматыўнасці. У шасцітомнай «Энцыклапедыі гісторыя Беларусі» некалькі артыкулаў прысвечана гісторыі вёскі ад старажытнасці да сучасных дзён [12]. Біяграфічныя звесткі пра ўладальнікаў маёнтка, прадстаўнікоў вядомых беларускіх родаў можна знайсці ў энцыклапедыі «Вялікае Княства Літоўскае» [4].

Цікавыя звесткі па гісторыі вёскі, а таксама пра тых людзей, чый лёс звязаны з ёй, можна знайсці ў кнізе «Памяць: гісторыка-дакументальная хроніка Сенненскага раёна» [11].

Асобны артыкул прысвяціў сядзібна-паркаваму комплексу польскі гісторык Р. Афтаназі ў сваёй кнізе «Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej». Дадзеная крыніца ўтрымлівае цікавыя звесткі пра ўладароў сядзібы, іх заняткі, а таксама дае апісанне сядзібы і парку [13, с. 97–98].

Асобную групу крыніц, што шырока выкарыстаны ў даследаванні, складаюць публікацыі ў перыядычным друку. Іх можна сістэматызаваць па краіне паходжання: беларускія і замежныя. Каштоўную інфармацыю па гісторыі вёскі можна адшукаць у артыкулах сенненскіх краязнаўцаў – В. В. Бандарэвіча, А. Я. Лазюка, якія змешчаны ў раённай газеце «Голас Сенненшчыны»[2; 7]. Цікавыя звесткі пра тое, што скарб Напалеона знайшоў, верагодна, Карл Свяцкі, прыводзіць газета «Комсомольская правда» [5]. Інфармацыя пра шлюб Карла Свяцкага і Марыі Данімірскай змешчана ў польскай газеце «Dziennik Poznański» [16]. Дзякуючы некралогу Карла Свяцкага, які быў змешчаны ў газеце «Słowo Pomorskie» у 1929 г., мы ведаем дакладную дату смерці апошняга ўладальніка маёнтка [15].

Унікальны ілюстрацыйны матэрыял можна адшукаць на сайтах у Інтэрнэце. Так, на сайце Польскай нацыянальнай электроннай бібліятэкі размешчаны фотаальбомы апошніх уладальнікаў сядзібы – Свяцкіх. У гэтых альбомах знаходзяцца вельмі каштоўныя і раней нідзе не апублікаваныя здымкі, якія дазваляюць убачыць, як выглядалі гаспадары маёнтка, інтэр'ер сядзібнага дома, сельскагаспадарчыя пабудовы Беліцы, і не толькі маёнтка, але і суседніх вёсак [14].

Важнай крыніцай па напісанні гісторыі вёскі з'яўляюцца вусныя крыніцы. Падчас падрыхтоўкі выдання былі праведзены інтэрв'ю з работнікамі Сенненскага раённага краязнаўчага музея, старшынёй Беліцкага сельскага выканаўчага камітэта, краязнаўцамі і людзьмі, якія ў той ці іншай ступені дапамаглі ў даследаванні. Гэта К. А. Асіповіч, В. В. Бандарэвіч, М. М. Кротаў, А. Я. Лазюк, С. Ф. Ульянава і некаторыя іншыя.

ЛІТАРАТУРА

1. **Аникиевич, К. Т.** Сенненский уезд Могилевской губернии : опыт описания в географическом, историческом, этнографическом, бытовом, промышленном и статистическом отношениях, с картою уезда, схемою двух озер и рисунками в тексте : репринтное воспроизведение изд. Могилевского губерн. стат. комитета 1907 года / К. Т. Аникиевич. – Витебск, 1990. – 148 с. : ил.

2. **Бандарэвіч, В.** Беліца : з пачатку XIX ст. і да нашых дзен / В. Бандарэвіч // Голас Сенненшчыны. – 1996. – 5 лістап. – С. 2.

3. **Беларускі** дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва. – Фонд 149. – Воп. 3. – Спр. 235.

4. **Вялікае** Княства Літоўскае : энцыклапедыя : у 3 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2005–2010. – Т. 3.

5. **Довнар-Запольский, А.** Клад Напалеона уже найден? / А. Довнар-Запольский // Комсомольская правда. – 2007. – 13 снеж. – С. 36.

6. **Занальны** дзяржаўны архіў у г. Оршы. – Фонд 197. – Воп. 1. – Спр. 208.
7. **Лазюк, А.** Прыватныя інвестыцыі – шанц на адраджэнне / А. Лазюк // Голас Сенненшчыны. – 2009. – 12 мая. – С. 2.
8. **Нацыянальны** гістарычны архіў Беларусі. – Фонд 336. – Воп. 1. – Спр. 1.
9. **Опыт** описания Могилевской губернии. – Могилёв, 1884. – Т. 3.
10. **Памятная** книжка Могилевской губернии. – Могилёв, 1909 ; 1911 ; 1913 ; 1914 ; 1916.
11. **Памяц**ь: Сенненскі раён : гіст.-дак. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / уклад. С. В. Шайко ; маст. Э. Э. Жакевіч. – Мінск : Паліграфафармленне, 2003. – 616 с.
12. **Энцыклапедыя** гісторыі Беларусі : у 6 т. / гал. рэд. Г. П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск : БелЭН, 1993. – Т. 1 : А–Беліца. – 496 с.
13. **Aftanazy, R.** Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej / R. Aftanazy. – Warszawa, 1986. – T. 1.
14. **Album** zdjęć rodziny Świackich z Bielicy // Сайт Нацыянальнай электроннай бібліятэкі Польшчы [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: http://polona.pl/dlibra/doccontent2?id=38609&dirids=23.
15. **Karl** Świacki // Słowo Pomorskie. – 1929. – 9 maja. – S. 13–14.
16. **W kościele** parafialnym w Popowie Toruńskim // Dziennik Poznański. – 1894. – 19 lipiec. – S. 5.

Л. А. Василицына (Витебск)

«ПОЛОЦКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВЕДОМОСТИ» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СВЯТО-УСПЕНСКОГО ТАДУЛИНСКОГО ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ

Во второй половине XIX в. Русская православная церковь (РПЦ) начала издавать в 63 епархиях, в том числе на территории белорусских губерний, епархиальные ведомости. В 1874 г. вышел первый выпуск «Полоцких епархиальных ведомостей» (ПЕВ). Цель работы: оценить потенциал «Полоцких епархиальных ведомостей» как источника по истории Свято-Успенского Тадулинского женского монастыря.

Особенностью структуры издания являлось наличие двух разделов в каждом номере – официального и неофициального. Официальная часть предназначалась для публикации императорских манифестов и указов, касающихся Церкви, указов и распоряжений Святейшего Синода, епархиального начальства, сообщений о перемещениях, вакансиях, извлечений из годовых отчетов консистории, семинарии и других епархиальных учреждений. В неофициальном отделе наряду с отрывками из творений святых отцов, проповедями и сочинениями назидательного характера печатались местные исторические, биографические, краеведческие и библиографические материалы,

описывалась деятельность приходов, монастырей, братств на территории Полоцкой епархии.

Необходимо отметить, что история образования и деятельности обители отражается на страницах издания, начиная с первых организационных мероприятий церковной власти. Официальная часть ведомостей содержит публикации ряда важнейших документов, таких, как указы и распоряжения. Например, указ Святейшего Синода епископу Полоцкому и Витебскому Маркеллу «Об обращении Тадулинского Успенского мужского монастыря в женский»; распоряжение о назначении и. д. настоятельницы монахини Александры (Твердой), об увольнении ее же и назначении на должность настоятельницы монахини Аристоклии (Маевской). Указом о преобразовании предписывалась передача в пользование женскому монастырю всех земельных угодий и денежных сумм, ранее принадлежавших мужскому монастырю. Прежним также оставался штатный оклад в размере 2820 руб. в год. В этом же указе в обязанность монастырскому священнику вменялось состоять законоучителем в монастырском училище. В разделе «Епархиальные распоряжения и известия» содержатся поименные списки монахинь, переведенных из Полоцкого Свято-Евфросиниевского монастыря в Тадулинский. Наличие такого рода документов позволяет детально изучить этап становления Тадулинской женской обители [6; 7; 15].

Представляет интерес для исследователя статья священника Онуфрия Шостака, члена епархиальной комиссии, осуществлявшей контроль передачи имущества мужского Тадулинского монастыря новым насельницам, посвященная 25-летию преобразования обители [16]. О. Онуфрий был командирован архиепископом Полоцким и Витебским Маркеллом в Тадулинский монастырь со специальным поручением – выселить в 24 часа из монастыря всю братию, кроме настоятеля, и подготовить инвентарные книги. В своих воспоминаниях о. Онуфрий в подробностях эмоционально описывает сам процесс передачи: отъезд монахов, приезд монахинь и их настрой, отказ от настоятельства мон. Александры (Твердой) по причине запустения обители, передачу имущества по описям и инвентарным книгам. Немаловажным кажется замечание о состоянии монастыря спустя 25 лет после передачи – «Обитель полна кипучей жизни и труда, везде виден порядок и достаток» [16, с. 21].

Внешний вид монастыря, его строительная деятельность, благоустройство, изменения в штате, порядок и ход богослужений, отношения с местным населением – все это отражено в многочисленных статьях о посещениях обители епархиальными управляющими. На страницах ведомостей описываются визиты в обитель новопоставленных архиереев, предпринимавшиеся ими с ознакомительной целью (о поездке Преосвященного Антонина, «Обозрение церквей Преосвященным Никодимом», «Первое посещение монастыря епископом Владимиром»), и на весеннее празднование дня святителя Нико-

лая Чудотворца, который был особо почитаем в этой обители («Тадулинская женская обитель и архиерейское в ней служение 9 мая» и др.) [8; 9; 10; 14]. Судя по описаниям, на этот праздник стекались богомольцы не только Витебской, но также Псковской и Смоленской губерний. Количество участников праздничных богослужений составляет порядка 7–10 тыс. человек [10].

Среди перечисленных выше статей нужно выделить очерк, повествующий о поездке епископа Никодима по церквям и монастырям епархии 8 мая 1894 г. [8]. Среди прочей информации здесь приведены краткие сведения об истории и штате Тадулинского монастыря, описание Успенской и Александро-Невской церквей, упоминание о часовне в д. Пивовары. Уделено внимание постройке церковно-приходской школы при обители. Представляют интерес описания праздничных крестных ходов, их география. Так, например, выяснилось, что в шествиях на день Святителя Николая принимали участие прихожане Пышняковского, Суражского, Лемницкого, Горалевского, Яновичского, Вымнянского, Котовского и Бабиничского приходов [9]. Крестные ходы соединялись у кладбищенской часовни Пышняковского прихода и направлялись к монастырю. Во время богослужения большая часть народа не вмещалась в Успенский храм, люди стояли во дворе. На праздник служилось 3 литургии [14]. Указанные материалы являются ценным источником статистических сведений о повседневной жизни и деятельности монастыря, дают информацию о традициях проведения престольных праздников в обители, религиозном уровне населения, его отношении к монашествующим и церковной власти.

Интерес представляют материалы, касающиеся образовательных учреждений при обители. Опубликованные документы указывают дату и обстоятельства открытия женского духовного училища, описывают этапы строительства, внешний вид и торжества освящения учебного корпуса. В донесениях настоятельницы Аристоклии указывается, что Тадулинское училище было открыто 1 октября 1890 г., в этот же день освящено его помещение. Здание училища, построенное по проекту епархиального архитектора А. Клементьева, состояло из 2 этажей. Нижний этаж был каменным, на нем располагались столовая, буфет, гардеробная, умывальня, кухня и две комнаты для заведующих училищным хозяйством. На втором, деревянном, этаже размещались спальня воспитанниц, класс и комната для наставницы. По проекту здание длиной 11,5 погонных метра было рассчитано на 20 учениц. Постройка обошлась монастырю в 5000 руб. [3]. Торжество освящения нового здания для училища происходило 1-го октября, в праздник Покрова Пресвятой Богородицы, после богослужения. По окончанию крестного хода и молебна на начало учебного года начались занятия [12]. Опубликованная на страницах ПЕВ речь архиепископа, произнесенная им при открытии училища, отражала значение данного учебного учреждения для Полоцкой епархии. Доклады комиссий и годовые отчеты Полоцкого епархиального

наблюдателя освещают деятельность Тадулинского женского училища и образцовой церковно-приходской школы при нем. Публикации дают критическую оценку учебному процессу и его результатам. Тадулинская церковно-приходская школа перечисляется в числе 16 школ витебского уезда, успехи по пению и славянскому языку в которых были хорошие, в прочих – удовлетворительные [2].

Отдельно следует выделить сведения, которые содержатся в разделе «Награждения». Даты и обстоятельства возведения в сан игуменьи настоятельниц монастыря монахинь Аристоклии (Маевской), ее преемницы Анфисы (Кузмицкой), епископские речи в честь этих событий, награждения монастырских священников – ценные штрихи, составляющая часть монастырской истории [11; 13]. При вручении посоха новопоставленной игуменье Анфисе 14 июня 1915 г. в Витебском кафедральном соборе прозвучали наставления епископа и поучания Владыки быть примером сестрам, строго хранить церковные чинопоследования и монастырский устав, занимать сестер рукоделием, искоренять празднословие, хранить веру и нравственность, помогать нищим [11]. Важными кажутся также данные «о движении и перемещении по службе» священнослужителей, впоследствии ставших служащими священниками Тадулинского монастыря. Так, например, в одном из выпусков ПЕВ встречаются данные о назначении Николая Пригоровского на место псаломщика к Домниковской церкви Полоцкого уезда [5].

Свято-Успенский монастырь поддерживал связи с близлежащими приходскими храмами, нередко богослужение в них совершал монастырский священник. Поэтому для более полного изучения истории монастыря следует обращать внимание также на информацию, связанную с обителью не напрямую, а через призму истории отдельных храмов, приходов, церковно-приходских школ. Привлекает внимание рассказ об окончании ремонта Свято-Георгиевского Вымнянского храма, во время которого главный купол расписывал лично священник Соколов за свои средства в дар храму [4]. Настоятель Котовской церкви описывает, как приглашал архиерея для освящения заказанной им и написанной московским иконописцем иконы Божией Матери Иверской, повествует о приезде архиерея на праздник Вознесения 10 мая 1890 г. после посещения им накануне Тадулинского монастыря. На литургии присутствовала настоятельница монастыря иг. Аристоклия, пел монастырский хор [1].

Таким образом, «Полоцкие епархиальные ведомости» являются значимым источником по истории Свято-Успенского Тадулинского женского монастыря. Опубликованные на страницах этого издания в разные годы документы официального и публицистического характера – указы, распоряжения, донесения, статьи – иллюстрируют историю образования и деятельности обители, ее внешний вид, строительство, благоустройство, изменения в штате, порядок богослужений, повседневную жизнь.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Архиерейское** священнослужение в селе Котове, Витебскаго уезда // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1890. – № 12. – С. 531–536.

2. **Доклад** комиссии по разсмотрению годичнаго отчета Полоцкаго епархиальнаго наблюдателя о состоянии церковных школ за 1911–1912 учебный год // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1913. – № 31. – С. 337–345.

3. **Донесение** Его Преосвященству игумении Тадулинскаго монастыря Аристоклии // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1890. – № 21. – С. 903–906.

4. **Донесения** Его Преосвященству оо. благочинных, причтов церковных и церковно-приходских попечительств // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1889. – № 16. – С. 649–650.

5. **Епархиальные** распоряжения и известия // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1888. – № 17. – С. 425.

6. **Епархиальные** распоряжения и известия // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1888. – № 20. – С. 491.

7. **Епархиальные** распоряжения и известия // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1888. – № 23. – С. 585.

8. **Обозрение** церквей епархии Его Преосвященством, Преосвященнейшим Никодимом, епископом Полоцким и Витебским // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1912. – № 27. – С. 499–506.

9. **Первое** посещение Тадулинского женского монастыря епископом Полоцким и Витебским Владимиром 9 мая 1913 г. // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1913. – № 21. – С. 422–425.

10. **Поездка** Его Преосвященства, Преосвященнейшаго Александра, Епископа Полоцкого и Витебского, в Тадулинский женский монастырь // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1894. – № 11. – С. 468–473.

11. **Речь**, произнесенная Его Преосвященством, Преосвященнейшим Кирионом … при вручении посоха новопоставленной игумении Тадулинскаго женскаго монастыря Анфисе в Витебском кафедральном соборе 14-го июня 1915 года // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1915. – № 26. – С. 462–464.

12. **Речь**, сказанная при открытии женскаго училища (1 октября) при Тадулинском женском монастыре // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1890. – № 22. – С. 950–951.

13. **Список** лиц духовнаго звания, кои, за службу по духовнаму ведомству, награждаются Святейшим Синодом ко дню Св. Пасхи в 1889 г., по епархии Полоцкой // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1889. – № 9. – С. 218.

14. **Тадулинская** женская обитель и архиерейское в ней служение 9 мая // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1890. – № 16. – С. 714–719.

15. **Указ** Его Императорского Величества, Самодержца Всероссийскаго, из Святейшаго Правительствующаго Синода, Преосвященному Маркеллу, Епископу Полоцкому и Витебскому. Об обращении Тадулинскаго мужскаго монастыря в женский монастырь // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1888. – № 19. – С. 469–470.

16. **Шостак, О.** Воспоминания из давно прошедшаго / О. Шостак // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1913. – № 46. – С. 961–965.

С. В. Гаврилова (Полоцк)

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В СУДЬБЕ ПОЛОЦКОГО СПАСО-ЕВФРОСИНИЕВСКОГО ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ

С началом Первой мировой войны привычный уклад жизни Полоцка был нарушен: предприятия и ремесленные мастерские стали работать на нужды армии, ужесточился режим труда, была объявлена всеобщая мобилизация, в город стали прибывать тыловые службы. Накалилась обстановка в обществе: на улицах проводились манифестации, молебны, шествия с иконами и хоругвями, портретами царя, в которых принимало участие как православное, так и католическое и иудейское духовенство.

В первые месяцы войны в Полоцке стали открываться лазареты для больных и раненых воинов. Следуя своему долгу перед Отечеством, уже 1 октября 1914 г. начальница Спасо-Евфросиниевского женского епархиального училища игуменья Нина (Боянус) в своей квартире открыла лазарет на 5 кроватей, который полностью содержала на собственные средства [5]. В январе 1915 г. в гостинице при Полоцком Спасо-Евфросиниевском женском монастыре местным Комитетом Общества Красного Креста был организован лазарет для офицеров. Одной из сестер милосердия в лазарете работала монахиня этого монастыря Фотина [11, л. 82].

Весной-летом 1915 г. под натиском германских войск русская армия вынуждена была отступать, оставив территории Галиции, Прибалтики, Польши. Фронт, постепенно сдвигаясь на восток, приблизился к белорусским землям. В Двинском, Полоцком, Лепельском и Дриссенском уездах была объявлена эвакуация. Полоцк наполнился беженцами и ранеными. В городе развернулось более 10 госпиталей, один из которых разместился в здании Спасо-Евфросиниевского женского училища. Начальница училища игуменья Нина трудилась в госпитале в качестве сестры милосердия и привлекала к делам милосердия своих воспитанниц, которых в училище в начале учебного года числилось более 250. Девочки шили, вязали теплые носки, изготавливали кисеты с образками, крестиками, конвертами, бумагой, карандашами, мылом и откладывали для передачи больным солдатам часть выдававшегося им сахара. В одном из своих писем игуменья Нина сообщала: «...Вернувшись домой, я попала в водоворот той работы, которая идет под началом Эвакуационных Комиссий. В течение трех недель наше училище было занято временным лазаретом, у которого все оборудование и весь персонал заключался в двух врачах. Пришлось немедленно взяться за дело, удовлетворить нуждам свыше 250 раненых, приходилось делать с врачами до 150 перевязок в день. Потом временный лазарет, ставший бесконечно дорогим, прекратил свое существование, а на его место водворились два военных госпиталя – всего с больными у нас квартируется около 600 человек.

Вся жизнь перевернута вверх дном, предполагается открыть занятия только в одном выпускном классе, а в остальных отложить учение до освобождения зданий» [5].

Надеясь на продолжение занятий в 1915/1916 учебном году, Совет училища направил Съезду депутатов духовенства Полоцкой епархии прошение об ассигновании средств на ремонт в училищных зданиях, не занятых военным госпиталем, а также на устройство в училище водопровода. Там же сообщалось, что в новом учебном году предполагались занятия с воспитанницами всех классов, и соответствующие помещения уже были подысканы [2, л. 12].

Однако в сентябре 1915 г. в ходе наступательной операции германским войскам удалось прорвать оборону русских и дойти до Молодечно. Возникла угроза захвата г. Полоцка, началась поспешная эвакуация. Ее организацией в Спасо-Евфросиниевском монастыре занялся специально учрежденный для этого Полоцкий епархиальный эвакуационный комитет, в задачи которого входило уберечь церковные святыни и имущество. В первую очередь из города увезли святые мощи преподобной Евфросинии. Святыню доставили в г. Ростов Ярославской губернии и положили в Богоявленском соборе Авраамиева Богоявленского мужского монастыря. В том же монастыре разместились и сестры во главе с настоятельницей игуменьей Еленой (Екатериной Волковой). Всего же в Ростов было эвакуировано 258 человек. Братия Авраамиева монастыря переселилась в Спасо-Яковлевскую обитель [10, с. 358–359]. В Варницкий Свято-Троице-Сергиев мужской монастырь, находившийся на окраине Ростова, было эвакуировано епархиальное училище. После переезда начальница училища и послушницы продолжили работу сестер милосердия в ростовском Крестовоздвиженском госпитале.

В Полоцке остался только Совет епархиального училища, председателем которого в 1915 г. состоял протоиерей Д. Гнедовский, а членами от духовенства – священник Экиманской церкви В. Смирнов и законоучитель училища священник Спасо-Евфросиниевского монастыря Н. Черепнин. 14 октября 1915 г. на новый трехлетний срок членом Совета от духовенства был избран священник А. Румянцев [2, л. 11].

Монашествующие начали налаживать жизнь на новом месте. В декабре 1915 г. в училище возобновился учебный процесс. В начале следующего года игуменья Нина была отстранена от управления учебным заведением. Место начальницы училища заняла монахиня Вадима. Вести обучение становилось все труднее, со временем прекратилось преподавание рисования, живописи, скрипичной игры и немецкого языка [3, л. 114].

23 мая 1916 г. в день памяти преподобной Евфросинии полоцких сестер в Ростове навестил архиепископ Ярославский и Ростовский Высокопреосвященный Агафангел Преображенский [9, с. 359]. В тот год была предпринята попытка возвращения в Полоцк, не увенчавшаяся успехом.

Затянувшаяся для России война стала одной из причин революционных событий 1917 г., которые община Спасо-Евфросиниевского монастыря встретила вдали от Полоцка. В октябре 1917 г. Ростов покинуло большинство полоцких сестер: из 250 монахинь после 25 октября осталось 70. Уехала и игуменья Елена, вернувшись, вероятно, с частью сестер в Полоцк. Обязанности настоятельницы в Ростове стала исполнять казначея монахиня Ксения (Конжина) [8]. Учащиеся Спасо-Евфросиниевского епархиального училища также возвратились в Полоцк.

Витебский Губернский Совет и Ростовский Уездный Совет рабочих и крестьянских депутатов неоднократно предлагали оставшимся в Ростове сестрам полоцкого монастыря вернуться в Витебск. Но с февраля 1918 г. Полоцк был оккупирован германской армией, и возвращение оставшихся в Ростове монахинь и имущества монастыря стало невозможным.

В январе 1918 г. согласно Декрету СНК РСФСР произошло отделение церкви от государства и школы от церкви. Спасо-Евфросиниевское епархиальное женское училище оказалось под угрозой закрытия. В феврале крестьяне подали заявление в Полоцкий Совет рабочих, крестьянских и батрацких депутатов о сохранении училища для их дочерей. Заведение продолжало свою работу, и летом состоялся очередной выпуск учащихся. После того Полоцкий отдел народного образования предъявил требование о передаче епархиального училища в ведение Комиссариата народного образования. Вероятно, после окончания оккупации Полоцка в ноябре 1918 г. требование было предъявлено повторно. По сообщению инспектора классов Спасо-Евфросиниевского училища Евгения Сабинина, на 3 декабря 1918 г. учебно-воспитательный персонал состоял из 9 человек без начальницы и законоучителя. Материальное состояние заведения было удовлетворительным: кроме самого здания училища, ремонта в котором не требовалось, имелись служебные постройки, но не было парт, все имущество подвергалось разграблению. Учебное заведение имело полный состав учащихся. Только в старших шести классах числилось 265 воспитанниц, большинство из которых не переводилось в другие заведения, а ожидало возобновления занятий [6]. Но уже к 20 декабря 1918 г. училище было передано в ведение Комиссариата народного просвещения, и на его базе была образована Полоцкая единая трудовая советская школа 2-й ступени [7].

Во время оккупации г. Полоцка центр епархиальной жизни переместился в г. Витебск, не занятый германскими войсками. Избранный на Полоцкую кафедру в июне 1918 г. Преосвященный Иннокентий (Ястребов) первым делом посетил г. Ростов, откуда привез ковчег с частицей мощей преподобной Евфросинии и поместил его в кафедральный Свято-Николаевский собор г. Витебска [4, с. 9]. Испугавшись, по одной из версий, запрета преподобной выносить Животворящий Крест из монастыря, игуменья Елена отправила из Полоцка в Ростов за Крестом монахиню Талиду, которая привезла его в ок-

купированный город [9, л. 78]. В апреле 1918 г. в стенах монастыря игуменья организовала и возглавила Спасский детский дом – первый в городе детский приют [1, с. 168]. Со временем к возвратившимся сестрам присоединялись женщины, обитель стала возрождаться.

Таким образом, Первая мировая война стала главной причиной, по которой община Полоцкого Спасо-Евфросиниевского женского монастыря вынуждена была покинуть стены древней обители и спешно эвакуироваться, утратив при переезде часть имущества. Полоцкие сестры смогли в скором времени обустроиться в г. Ростов Ярославской губернии, наладить учебные занятия в эвакуированном туда же Спасо-Евфросиниевском епархиальном женском училище. Они не раз предпринимали попытки возвратиться в Полоцк, но этому мешали различные обстоятельства. После революций 1917 г., когда часть сестер во главе с игуменьей вернулась в Полоцк, монастырь оказался в сложной ситуации, оставшиеся в Ростове члены общины вынуждены были приспосабливаться к жизни в условиях советской власти. Благодаря стараниям настоятельницы монастыря в Полоцк был перевезен Евфросиниевский Крест, в результате чего удалось уберечь святыню от реквизиции в 1920 г., когда в Ростове были вскрыты мощи преподобной Евфросинии Полоцкой.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Гаврилова, С. В.** Спасо-Евфросиниевский монастырь в 1920-х гг. / С. В. Гаврилова // Полацкі музейны штогоднік : (зб. навук. арт. за 2011 г.) / уклад. Т. А. Джумантаева, І. П. Воднева, С. В. Нікалаева. – Полацк : НПГКМЗ, 2012. – С. 168–175.

2. **Журнал** № 16 Полоцкого епархиального съезда духовенства и церковных старост // Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 2531. – Оп. 1. – Д. 90.

3. **Журнал** № 44 Полоцкого епархиального съезда духовенства и церковных старост // Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 2531. – Оп. 1. – Д. 97.

4. **Зайц, К.** Епархиальная жизнь / К. Зайц // Витебское церковно-общественное слово. – 1918. – № 6. – С. 8–12.

5. **Миронова, А.** У Бога все живы и никто не забыт / А. Миронова // Материалы к научно-практической конференции «Семья Боянусов в Кинель-Черкасском районе и в истории России». – Кинель-Черкассы. – 2003. – № 6. – 38 с.

6. **Отчет** Спасо-Евфросиниевского епархиального женского училища в Полоцкий Уездный отдел народного просвещения // Зональный государственный архив в г. Полоцке. – Фонд 54. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 10–11.

7. **Протокол** заседания школьного совета Полоцкой единой трудовой советской школы 2-й ступени (бывшего Спасо-Евфросиниевского епархиального женского училища) // Зональный государственный архив в г. Полоцке. – Фонд 54. – Оп. 1. – Д. 93. – Л. 6.

8. **Сведения** о монастырях Ростовского уезда, их хозяйствах и капиталах // Государственное казенное учреждение Ярославской области «Государственный архив Ярославской области». – Фонд 153. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 2.

9. **Сергия** (Клименко ; монахиня). Минувшее развертывает свиток / монахиня Сергия (Клименко) // «Православная инициатива», закрытое акционерное общество. – 2005. – 142 с.

10. **Спасо-Евфросиниевская** обитель : 1910–2010 // Полоцкое Радование : Свято-Евфросиниевские Торжества 1910 года. – Полоцк : Спасо-Евфросиниевский женский монастырь в г. Полоцке Полоцкой епархии Белорусской Православной Церкви, 2010. – С. 352–427.

11. **Список** лиц, допущенных к лечению и ухаживанию за больными и ранеными воинами в нижеследующих лазаретах, расположенных в г. Полоцке // Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 49010. – Л. 81–82.

А. М. Ізергіна (Полацк)

РЭЛІГІЙНАЕ ЖЫЦЦЁ НАСЕЛЬНІЦТВА ЖАСНЯНСКАЙ ГМІНЫ Ў СКЛАДЗЕ II РЭЧЫ ПАСПАЛІТАЙ (1921–1939)

Структуру рэлігійнага жыцця складаюць рэлігійная свядомасць (рэлігійныя ідэі, уяўленні, пачуцці), рэлігійныя культы (богаслужэнні, пасты, святы, малітвы) і арганізацыі (цэрквы, секты). У межах вылучанай тэмы будуць разгледжаны ўзаемаадносіны паміж дзяржавай, царквой і вернікамі ў міжваенны перыяд на прыкладзе Жаснянскай гміны, якая на працягу 1921–1939 гг. уваходзіла ў склад розных адміністрацыйна-тэрытарыяльных адзінак: Наваградскага (1921–1922) і Віленскага (1922–1939) ваяводстваў, Дунілавіцкага (1921–1926) і Пастаўскага (1926–1939) старостваў [4, л. 2; 10, л. 2].

Рэлігійнае жыццё насельніцтва Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. праходзіла ва ўмовах прыярытэтнага развіцця польскага касцёла [3, с. 68]. Нягледзечы на гэта, грубых парушэнняў правоў вернікаў на тэрыторыі Жаснянскай гміны не было.

Згодна з данымі перапісу 1921 г. на тэрыторыі гміны пражывалі 6 020 чалавек [13, с. 38]. У 1926 г. у Жаснянскай гміне пражывалі 6 388 чалавек, з іх – 3 846 праваслаўных (60,2%), 2503 каталікі (39,2%) [8, л. 84; 12, л. 167]. На працягу наступных шасці год насельніцтва гміны павялічылася амаль на 1 тыс. чалавек: у адпаведнасці з рапартам войта гміны ад 17 чэрвеня 1932 г., які дае інфармацыю пра колькасць насельніцтва (7 268 чалавек) і канфесійны склад: праваслаўных было 4518 (62,2%) і каталікоў – 2687 (37%) [5, л. 62]. Змены ў суадносінах паміж асноўнымі хрысціянскімі канфесіямі на тэрыторыі гміны звязаны са шматгадовымі традыцыямі праваслаўя на дадзенай тэрыторыі, пытаннем становішча канфесій у міжваенны час у II Рэчы Паспалітай. У адпаведнасці са сфарміраваным стэрэатыпам дамінуючае становішча меў каталіцкі касцёл, але ў той самы момант правы праваслаўнага насельніцтва, замацаваныя ў Рыжскай мірнай дамове і Канстытуцыі II Рэчы Паспалітай ад

17 сакавіка 1921 г. [6, с. 12; 11], не былі парушаны. Пацвярджэннем гэтаму з'яўляюцца ўспаміны мясцовых жыхароў: «Мы хадзілі ў Маставікі ў царкву… свабодна, не забаранялі… вайной узарвалі Маставую царкву»[1]. «Палякі не забаранялі ў храм хадзіць… Мы ў Слабаду хадзілі ў царкву... У маі былі маёўкі – мяне сястра вадзіла ў капліцу да пана ў Новай Жосне. Калі ксёндз маліўся, калі самі…»[2]

Мясцовае насельніцтва як каталіцкага, так і праваслаўнага веравызнання з павагай ставілася да рэлігійных свят суседзяў. «Як я была дома яшчэ [не замужам – *А. І.*], дык у нас у вёсцы была часць каталікоў, часць праваслаўных. Ну, але мы адны аднаму памагалі. Не гэта ўжо… еслі ў каталікоў праздзік, то праваслаўныя ўжо нічога не робяць. Можа што ў хаце там, але на поле і не ішлі. Калі ў іх свята – нашы тады ўжо нічога не робяць»[3] «…у нас дома ніколі не рабілі, як у католікаў свята… як там… нельга было… мамка казала, што нельга… стараліся не рабіць.»[4]

На тэрыторыі Жаснянскай гміны звычайнай з'явай былі змешаныя шлюбы паміж каталікамі і праваслаўнымі: «…татка быў праваслаўны, а мамка каталічка. Яны ў нядзельку разам ішлі на службу: бацька ў царкву ў Слабадзе, а мамка ў касцёл у Весялусе… Хто там ужо раней асвабадзіцца: ці татка, ці мамка – адзін аднаго ждалі ўжо назад дамоў ісці… ждалі каля царквы на пагурачку…»[5] «Не забаранялі ў царкву хадзіць… Татка быў праваслаўны, а мамка каталічка.»[6]

Але сустракаліся і такія выпадкі, калі стэрэатып пра «дамінаванне» каталіцкага касцёла ў паўсядзённым жыцці насельніцтва Жаснянскай гміны часам станавіўся вызначальным у адносінах прадстаўнікоў каталіцкай канфесіі да праваслаўных. «…мая падруга ў Кавеляўцаў дружылі… Янінка звалася… любілася ў вёсцы. Ужо тады дайшло і да жаніцьбы. Тады матка будзе казаць: "Лепі б я цябе на куці палажыла (а ён праваслаўны, а яны каталікі), чым за праваслаўнага аддаць". За Польшчу каталічаства тут фігуравала. Матка не аддала… Праваслаўных не любілі. Яны і сёння каталікі выше ставяць.»[7] Пытанне стаўлення сябе-каталіка вышэй над праваслаўным

---

[1] Запісана аўтарам 09.04.2011 г. ад Хацяновіч Улімы Іванаўны, 1922 года нараджэння, вёска Новыя Габы Мядзельскага раёна Мінскай вобласці.

[2] Запісана аўтарам 08.04.2011 г. ад Амельяновіч Яўгеніі Іларыёнаўны, 1931 года нараджэння, вёска Гулі Мядзельскага раёна Мінскай вобласці.

[3] Запісана аўтарам 09.04.2011 г. ад Януковіч Яніны Іосіфаўны, 1925 года нараджэння, вёска Баяры Мядзельскага раёна Мінскай вобласці.

[4] Запісана аўтарам 08.04. 2011 г. ад Амельяновіч Яўгеніі Іларыёнаўны, 1931 года нараджэння, вёска Гулі Мядзельскага раёна Мінскай вобласці.

[5] Запісана аўтарам 08.04. 2011 г. ад Маслоўскай Ганны Уладзіміраўны, 1923 года нараджэння, вёска Канстанцінава Мядзельскага раёна Мінскай вобласці.

[6] Запісана аўтарам 08.04. 2011 г. ад Маслоўскай Ганны Уладзіміраўны, 1923 года нараджэння, вёска Канстанцінава Мядзельскага раёна Мінскай вобласці.

[7] Запісана аўтарам 04.09.2012 г. ад Урбановіч Марыі Іванаўны, 1924 года нараджэння, вёска Зыкава Мядзельскага раёна Мінскай вобласці.

у нейкім сэнсе было абумоўлена гістарычна сфарміраванымі абставінамі: у часы існавання Вялікага Княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай дзяржаўныя пасады займалі палякі-каталікі, а вось прадстаўнікі іншых канфесій мелі менш правоў.

Пытанне хрышчэння дзіцяці залежыла ад жадання бацькоў: «…мяне хрысцілі ў царкве… ніхто не застаўляў… як там бацькі рашаць… Татка праваслаўны, а мамка каталічка… у Слабадзе нас з братам хрысцілі…»[8] «…не застаўлялі… рашаць самі [бацькі. – *А. І.*] так і будзе… мы ў царкву хадзілі… хрысцілі нас у Слабадзе.»[9]

У гміне акрамя асноўных хрысціянскіх канфесій пражывалі прадстаўнікі іншых рэлігійных плыняў. Па стане на 1932 г. на тэрыторыі гміны пражывалі баптысты і складалі каля 0,5% насельніцтва гміны, мусульмане – каля 0,2%, іудзеі – 0,1% [5, л. 62]. Рэлігійныя меншасці і іх дзейнасць на тэрыторыі гміны знаходзіліся пад увагай паліцэйскага пастарунка. У адпаведнасці з лістом да кіраўніка аддзела бяспекі ў Вільні на тэрыторыі Жаснянскай гміны было зафіксавана прапаведніцтва веры евангельскіх хрысціян-баптыстаў, якіх у 1925 г. налічвалася 29 асоб. Згодна з тэкстам ліста архіўнай справы адным з вядомых баптыстаў на тэрыторыі Жаснянскай гміны быў Георгій Дрозд, які з 1921 г. займаўся прапагандай ідэй веры евангельскіх хрысціян-баптыстаў. На тэрыторыі Жаснянскай гміны набажэнствы баптыстаў адбываліся ў прыватных дамах. Дзейнасць хрысціян-баптыстаў на тэрыторыі гміны знаходзілася пад кантролем паліцыі [14, л. 6].

Этнічная меншасць з боку большасці атрымлівае пэўную характарыстыку, часцей за ўсё негатыўную, бо большасць тым самым жадае паказаць сваю адметнасць і вартасць. Фарміруюцца «этнічныя міфы» – вобразы этнасу, этнічныя стэрэатыпы [88], якія з'яўляюцца адным з відаў сацыяльных. Успаміны пра прадстаўнікоў этнічных меншасцей можна падзяліць на канкрэтныя – калі жыхары ўзаемадзейнічалі з імі – і «этнічныя міфы» – агульнапрынятыя вобразы народа.

Як у рэальным, так і ў фальклорным вымярэнні прадстаўнік іншага этнасу ўспрымаецца як «чужы», «іншы». Звычайна ён адрозніваецца ад прадстаўнікоў дамінуючага. Для апошніх могуць быць не зразумелымі яго звычаі, рэлігія, мова, знешні выгляд, паводзіны і інш. [2, с. 167]. «Пабожныя бапцісты былі, нічога благога не рабілі»[10] «Бапцістаў… Нельзя ім аружае браць. За Польшчу ім не давалі. Вот у арміі служаць і аружае не. Якоенібудзь: коні былі там, якое што. Другую работу давалі. Рэлігіі не мешалі…

[8] Запісана аўтарам 08.04. 2011 г. ад Маслоўскай Ганны Уладзіміраўны, 1923 года нараджэння, вёска Канстанцінава Мядзельскага раёна Мінскай вобласці.

[9] Запісана аўтарам 08.04.2011 г. ад Амельяновіч Яўгеніі Іларыёнаўны, 1931 года нараджэння, вёска Гулі Мядзельскага раёна Мінскай вобласці.

[10] Запісана аўтарам 30.03.2012 г. ад Пяткоўскай Яніны Аляксандраўны, 1924 года нараджэння, вёска Красняні Мядзельскага раёна Мінскай вобласці.

Тут папа прышоў са Слабады, ён пеў. І кажыць. Тут паявіліся бапцісты ў Габах… Там лужына такая была – крысцілі ў гэтай лужыне. Крысцілі гэтых бапцістаў, на бапцістаў. Аднаго гэтага бапціста ў Слабодку прыкінулі.»[11]

Але калі ўзаемаадносіны паміж канфесійнымі групамі не выклікаюць канфліктаў і непаразуменняў – адпаведныя ўзнікаюць успаміны. «А што? Яны [яўрэі. А. І.] добрыя… не падманвалі»[12] «Як хто. Дружбу завадзілі. Вообшчам ніхто нічога да іх [яўрэяў. *А. І.*] ня меў. Яны жылі так як і ўсе. Папа з нейкім Агонам дружыў.»[13] «Яйкі мала елі, прадавалі на грошы. А яўрэі куплялі. Гэта ўжо ў Дунілавіч. І ў Слабадзе сядзеў жыдок, а ў яго не знаю. Можа куры былі, што там было. Сядзеў і лаўку меў у Слабадзе. У хахла была хата на два канцы. Багаты быў хахол. Вот выдзеш. А чаму хахлом празвалі – на Украіне пабыў там якое врэмя. Я не знаю. Так яго хахлом называлі. Так гэта, жыд лаўку дзяржаў.»[14]

Агульнапрынятай была характарыстыка іўдзеяў, як хітрых людзей [1, с. 131]. «…любіць не любілі за тое, што жыды хітрыя былі. Яны ашукаваць любілі… А жыды ашуквалі. Хітрыя, хітрасцю вун якія. Тут адзін дружыў з жыдам. А жыд зэрандаваў сад. Сады вялікія. Тады ўжо прадаюць. Па дружбе пытаецца: “Ці вышаў ты на садзе?”– да гэтага жыда. А жыд: “Я выйшаў. А там хто астаўся.” Хітрыя. Ашукаць. Абхітрыць – гэта ў іх спасобнасць. Жыд, ну жыд, канешне не наш чалавек. Але абхадзіліся. Бо бедныя жыды, саўсім бедныя. Рыззё вазілі, збіралі. Ну, што на тых трапках? Дык і заначуіць, і на нач пускалі. Пакормяць. Абхадзіліся як і з людзьмі, а ўсё адно разніца была. Што свой чалавек, а што і другі…»[15]

У параўнанні з цыганамі ўспрыняцце вобраза іўдзея было пазітыўным. «Вот цыганы яны кралі павальна. Вот каб вам расказаць. Быў у Слабодцы смешны случай. Прышоў цыган і цыганка. А во гэдак пад ложкам стаялі кромавыя боты. Гэта ўжо красівыя, дарагія. А гэта, цыган з цыганкай началі вадзіцца. Ён яе начаў біць. Яна тады пад ложак хавацца. Тут смяюцца, што цыган. А яна пад ложак схавалася, боты пад лахманы і пайшла. Глядзяць ботаў нет – ха-ха. Вот і ўсё. Во як кралі цыганы… А жыд украсці не ўкрадзе. Надзёжна. Толькі што ашукаць – ашукаіць…»[16]

---

[11] Запісана аўтарам 04.09.2012 г. ад Урбановіч Марыі Іванаўны, 1924 года нараджэння, вёска Зыкава Мядзельскага раёна Мінскай вобласці.

[12] Запісана аўтарам 09.01.2012 г. ад Яновіч Геновэфы Іванаўны, 1921 года нараджэння, вёска Баяры Мядзельскага раёна Мінскай вобласці, нарадзілася ў вёсцы Лейцы Мядзельскага раёна Мінскай вобласці.

[13] Запісана аўтарам 29.07.2012 г. ад Урбановіч Марыі Іванаўны, 1924 года нараджэння, вёска Зыкава Мядзельскага раёна Мінскай вобласці.

[14] Запісана аўтарам 02.12.2011 г. ад Рагач Веры Уладзіміраўны, 1915 года нараджэння, вёска Старына Мядзельскага раёна Мінскай вобласці.

[15] Запісана аўтарам 29.07.2012 г. ад Урбановіч Марыі Іванаўны, 1924 года нараджэння, вёска Зыкава Мядзельскага раёна Мінскай вобласці.

[16] Запісана аўтарам 29.07.2012 г. ад Урбановіч Марыі Іванаўны, 1924 года нараджэння, вёска Зыкава Мядзельскага раёна Мінскай вобласці.

За сваю адасобленасць татараў называлі «дзікім народам» [1, с. 131]. «Татары гэта саўсім. Іх тут мала і было. Татараў мала было. З татарамі. Іх не любілі. Яны вообшчам народ дзікаваты.»[17] Калі татары і прадстаўнікі іншых канфесій жылі ў адной мясцовасці, вобраз татарына меў канкрэтную характарыстыку. «…Зэнусева хрышчоніца замуж за татарына выйшла… татарын жыў… Барыс яго звалі… вянчаліся яны ў касцёле… іх так вянчалі, ён не пераходзіў… так і жылі… такі добры… папросіш – памагаў…»[18]

У 1932 г. на тэрыторыі гміны размяшчаліся тры парафіі: адна рымска-каталіцкая ў Весялусе і дзве праваслаўныя ў Слабадзе, Старых Габах [12, л. 167]. У адпаведнасці са спісам святароў Віленскай епархіі ад 25 лютага 1927 г. Слабадскую парафію ўзначальваў святар Аляксандр Сінеў, дзякам быў Сямён Бобрыч. Святаром Габскай парафіі быў Свіціч Калінік, а дзякам Урліч Канстанцін [7, л. 1].

Успаміны пра святароў можна ўмоўна падзяліць на катэгорыі на падставе залежнасці чалавека ад дзеянняў святара. Першая група, калі чалавек быў простым вернікам. Тады святар атрымліваў агульнапрынятую характарыстыку ў адпаведнасці са сваім становішчам. «Паважалі бацюшку. Не, ніхто нічога не казаў. Прыдзеш памолішся… У Маставой царкве, там на правы бок была яго хата. Не, нічога благога не казалі.» Другая катэгорыя, калі чалавеку неабходна было адабрэнне яго дзеянняў. Напрыклад, чалавек быў знахарам і неабходна было паразуменне з боку святара на гэты занятак. «І ксяндзы былі ўсякія. І бацюшкі. Быў у нас самы першы. Дык, як сказаць – строгі быў, трэбавацельны. Але так людзям памагаў. Усякія бацюшкі былі. Дажа і такое было. За Польшчу не так, а за царом. Ці хуліў. Ругаў цара – даложаць. І павялі, вот і паспавядаўся. Усякае было. А гэта споведзь нельзя расказываць і так было. Як бацюшка. Мая падруга. У Вільні вострабрама – чула пра такую? Вродзе Спасацельная. Туды ездзілі маліцца пры ўсякіх труднасцях. Ездзілі многа. Наш бацюшка схадзіў. Ці раз, ці два. Дажа не сеў, калі хто прыдлагаў пад'ехаць. Ахвяраваўся. Дык яна пайшла да споведзі. Паехала туды і пайшла да споведзі. Казала стары бацюшка і прызналася яму, што замаўляіць. Мусіць тыя бацюшкі не панімаюць, што замаўляюць, што чарнакніжнікі. Дык казала. Аж піхнуў. І да прычасці не прыняў. Ты чараўніца, калдаўніца. Табе ў цэркаў ісці нельзя. Прыехала і пайшла ў Груздава да бацюшкі, гэта мовіць. Ён кажа: можаш памагаць людзям – памагай. Вот. Відзіш – і бацюшкі: адзін так, другі так. І к людзям. Адзін такі лагодны, раскажыць і папытаецца. Другі глядзіць на людзей з высака. Ксяндзы – праваслаўным як бацюшка. А каталікам – ойчанька наш.»[19] Альбо прадстаўнік іншай канфесіі.

[17] Запісана аўтарам 29.07.2012 г. ад Урбановіч Марыі Іванаўны, 1924 года нараджэння, вёска Зыкава Мядзельскага раёна Мінскай вобласці.

[18] Запісана аўтарам 30.03.2012 г. ад Пяткоўскай Яніны Аляксандраўны, 1924 года нараджэння, вёска Красняні Мядзельскага раёна Мінскай вобласці.

[19] Запісана аўтарам 18.10.2013 г. ад Урбановіч Марыі Іванаўны, 1924 года нараджэння, вёска Зыкава Мядзельскага раёна Мінскай вобласці.

«Не, я ў касцёл хадзіла. Але і ў царкву схажу. Бог адзін. Вот і гэдак. Я. Неяк не было, дык я пашла да бацюшкі да споведзі. Дык ён кажа: “Дзетка, Бог адзін. Ці праваслаўны, ці каталіцкі. Дык я ў католікаў хадзіла, а тады неяк не было, нада было далей ісці, не было там блізка ксяндзоў. “Дык я пашла да бацюшкі. Дык ён кажа: “Дзетка, Бог адзін ці праваслаўны, ці каталіцкі”»[20].

Такім чынам, нягледзячы на тое, што рэлігійнае жыццё насельніцтва Заходняй Беларусі ў 20–30-я гг. XX ст. праходзіла ва ўмовах прыярытэтнага развіцця польскага касцёла, на тэрыторыі Жаснянскай гміны грубых парушэнняў правоў вернікаў не было. Большая частка насельніцтва Жаснянскай гміны з’яўляліся праваслаўнымі вернікамі, якія з павагай ставіліся да рэлігійных свят хрысціян-каталікоў, і наадварот. Мясцовае насельніцтва магло свабодна ўдзельнічаць ва ўрачыстасцях як у царкве, так і ў касцёле. На тэрыторыі Жаснянскай гміны не зафіксаваны выпадкі прыцяснення правоў іншых канфесій. Можна гаварыць пра свабоду веравызнання, кожны чалавек меў магчымасць выбіраць любую рэлігію. У міжваенны перыяд сацыяльна-рэлігійныя ўзаемаадносіны насельніцтва Жаснянскай гміны фарміраваліся на аснове стэрэатыпаў, якія існавалі ў грамадстве, былі сфарміраваны гістарычна, дзяржавай, у выніку ўзаемаадносінаў паміж прадстаўнікамі розных этнасаў і замацаваны традыцыяй. Неабходна адзначыць, што чым больш доўгая гісторыя і вопыт міжгрупавых узаемаадносін, тым больш устойлівымі будуць адпаведныя міжгрупавыя ўяўленні-стэрэатыпы.

ЛІТАРАТУРА

1. **Белова, О. В.** Портрет этнического соседа: евреи глазами славян (по фольклорно-этнографическим материалам с Витебщины) / О. В. Белова // Беларускае Падзвінне : вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў : зб. навук. прац міжнар. навук.-практ. канф., Полацк, 21–23 крас. 2011 г. : у 2 ч. / Полац. дзярж. ун-т ; пад агул. рэд. Д. У. Дука, У. А. Лобача. – Наваполацк : ПДУ, 2011. – Ч. 2. – С. 130–136.

2. **Лобач, У. А.** Вобраз літоўцаў у беларускай народнай культуры / У. А. Лобач, Ю. І. Внуковіч // Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў : зб. навук. прац міжнар. навук.-практ. канф., Полацк, 21–23 крас. 2011 г. : у 2 ч. / Полац. дзярж. ун-т ; пад агул. рэд. Д. У. Дука, У. А. Лобача. – Наваполацк : ПДУ, 2011. – Ч. 2. – С. 167–178.

3. **Навіцкі, У.** Рэлігійнае жыццё Заходняй Беларусі ў міжваенны час (1921–1939 гг.) / У. Навіцкі // Назаўсёды разам : да 60-годдзя ўз’яднання Заходняй Беларусі з БССР. – Мінск : БелЭн, 1999. – С. 68–76.

4. **Протоколы** приемо-передачи Поставского повета с Новогродским воеводством Виленской земле // Зональный государственный архив. – Фонд 2. – Оп. 1. – Д. 113.

[20] Запісана аўтарам 09.01.2012 г. ад Яновіч Геновэфы Іванаўны, 1921 года нараджэння, вёска Баяры Мядзельскага раёна Мінскай вобласці, нарадзілася ў вёсцы Лейцы Мядзельскага раёна Мінскай вобласці.

5. **Рапорт** воеводскому управлению об экономико-политическом состоянии гмины и др. // Зональный государственный архив. – Фонд Р–56. – Оп. 1. – Д. 39.

6. **Рыжская** дамова 1921 г. (Мирный договор между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей – с другой) // Спадчына. – 1993. – № 4. – С. 12–22.

7. **Список** священнослужителей Виленской епархии на 1927 г. // Литовский исторический архив. – Фонд 1004. – Оп. 1. – Д. 43.

8. **Статистические** сведения о собранном урожае // Зональный государственный архив. – Фонд Р–56. – Оп. 1. – Д. 8.

9. **Стефаненко, Т. Г.** Этнические стереотипы – функции и свойства [Электронный ресурс] / Т. Г. Стефаненко. – Режим доступа: http://psyfactor.org/lib/stereotype8.htm.

10. **Dane** statystyczne dotyczoce zaludnienia obszaru i podzialu na gminy woew. Wileniskiego 1927 // Літоўскі цэнтральны гістарычны архіў. – Фонд 51. – Оп. 4. – Д. 915.

11. **Konstytucja** Rzeczpospolitej Polskiej z dnia 17 marca 1921 roku [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://konstytucja.e-studio.biz.pl/konstytucja13.html.

12. **Materiały** informacyjne starostwa Postawskiego // Літоўскі цэнтральны гістарычны архіў. – Фонд 51. – Оп. 1. – Д. 231.

13. **Skorowidz** miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej. – Warszawa, 1923. – T. VII. – 128 s.

14. **Sprawy** wyznan' mniejlicznych // Літоўскі цэнтральны дзяржаўны архіў. – Фонд 51. – Оп. 1. – Д. 2.

К. Р. Карпекін (Віцебск)

ПРАВАСЛАЎНЫЯ ЦЭРКВЫ ЛЁЗНЕНШЧЫНЫ Ў XIX – СЯРЭДЗІНЕ XX ст.

Згодна з вынікамі перапісу 1897 г. у беларускіх губернях Расійскай імперыі пераважная большасць насельніцтва (76,7%) прытрымлівалася праваслаўнага веравызнання [1, с. 98], таму заканамерна, што на тэрыторыі Лёзненшчыны (сучаснага Лёзненскага раёна) знаходзілася значная колькасць праваслаўных цэркваў.

У XIX ст. у згаданым паўночна-ўсходнім рэгіёне дзейнічала 14 храмаў. У такіх населеных пунктах, як Лёзна, Веляшковічы і Дабрамыслі функцыянавала па 2 царквы, што было выклікана пэўнымі абставінамі. У прыватнасці, у Лёзне царква была ўзведзена ў 1786 г. (яна атрымала назву Узнесенскай). Як у самім мястэчку, так і ў некаторых вёсках рэгіёна пражывала значная колькасць латышскага насельніцтва, якое прытрымлівалася праваслаўя. У сувязі з гэтым у 1850 г. у Лёзне была пабудавана латышская праваслаўная царква Святой Марыі Магдаліны [14, арк. 19, 22]. У Веляшковічах з 1820 г. дзейнічала каталіцкая капліца, якая ў 1871 г. была перададзена праваслаўнай абшчыне і асвечана як царква Святых Кузьмы і Дзям'яна. На працягу 1872–1873 гг. у гэ-

тай самай вёсцы была пабудавана царква Святога Міколы, а былая капліца набыла статус прыпісной царквы [9, арк. 17]. Што тычыцца Дабрамысляў, дзе таксама функцыянавалі 2 праваслаўныя храмы, то будаўніцтва першага з іх (Пакроўскага) датуецца 1754 г., а другога (Параскевінскага) – 1850 г. [14, арк. 22].

У такіх вёсках, як Бабінавічы, Высачаны, Добрына, Замшына, Калышкі, Новая Бель (зараз – Яськаўшчына), Пагосцішча і Стасева на працягу XIX – першай трэці XX ст. дзейнічала па адной праваслаўнай царкве. Яны атрымалі наступныя назвы: Святадухаўская, Святадухаўская, Успенская, Пакроўская, Архістраціга Міхаіла, Успенская, Крыжаўздзвіжанская і Пакроўская [14, арк. 19, 22].

6 цэркваў з 14 былі каменнымі. Драўляныя цэрквы на тэрыторыі Лёзненшчыны на працягу 1830–1870-х гг. перабудоўваліся і неаднаразова рамантаваліся [14, арк. 19, 22].

У XIX – пачатку XX ст. у карыстанні праваслаўных абшчын Лёзненшчыны знаходзіліся богаслужбовыя прадметы, якія мелі не толькі рэлігійную, але і вялікую гісторыка-культурную каштоўнасць. Напрыклад, у калышанскай царкве Архістраціга Міхаіла знаходзіліся звон 1727 г. вырабу, распяцці, абразы, аздобленыя разьбой па дрэве, створаныя ў часы існавання царкоўнай уніі, у замшынскай Багародзіцкай царкве – драўлянае распяцце таго ж перыяду, у лёзненскай Узнесенскай царкве – драўляныя скульптуры XVIII ст., у высачанскай Святадухаўскай царкве – 2 абразы XV–XVI стст., прывезеныя з маскоўскага Успенскага сабора, звон 1791 г. [13, арк. 53 адв., 58 адв., 60 адв., 84 адв.]. У веляшковіцкай царкве Святога Міколы захоўваліся два абразы, напісаныя ў часы існавання царкоўнай уніі (на іх былі адлюстраваны Святы Мікола і прарок Ілля). Акрамя таго, у царкоўнай бібліятэцы меліся Апостал, які быў выдадзены ў Маскве ў 1684 г., і Евангелле, якое пабачыла свет у Львове ў 1753 г. [9, арк. 17].

За працяглы час функцыянавання ў праваслаўных цэрквах Лёзненшчыны сабраліся багатыя архівы метрычных кніг (табл.1).

Табліца 1

Метрычныя кнігі праваслаўных цэркваў Лёзненшчыны [6, арк. 50–54]**.**

Назва і месца размяшчэння царквы	Храналагічныя межы метрычных кніг		
	пра нараджэнне	пра шлюб	пра смерць
Узнесенская царква, м. Лёзна	1808–1919 гг.	1848–1919 гг.	1808–1872, 1880–1919 гг.
Царква Святой Марыі Магдаліны, м. Лёзна	1885–1891, 1895–1919 гг.	1885–1899, 1911–1918 гг.	1885–1918 гг.
Успенская царква, в. Новая Бель	1839–1919 гг.	1849–1871, 1888–1918 гг.	1856–1881, 1888–1918 гг.
Царква Архістраціга Міхаіла, м. Калышкі	1862–1917 гг.	1862–1918 гг.	1860–1888, 1902–1915 гг.

Назва і месца размяшчэння царквы	Храналагічныя межы метрычных кніг		
	пра нараджэнне	пра шлюб	пра смерць
Пакроўская царква, в. Замшына	1835–1843, 1846–1918 гг.	1865–1883, 1886–1914 гг.	1827–1871, 1874–1879, 1887–1913 гг.
Пакроўская царква, м. Дабрамыслі	1835–1865, 1871–1918 гг.	1841, 1859–1888, 1890–1900, 1910–1911 гг.	1841–1871, 1880–1897, 1902–1918 гг.
Царква Святога Міколы, в. Веляшковічы	1829–1897, 1901–1917 гг.	-	1835–1840, 1851–1881, 1889–1894, 1898–1918 гг.

Кожная царква з'яўлялася цэнтрам прыхода. Вёскі, якія належалі да таго ці іншага прыхода, знаходзіліся ад храма на адлегласці, як правіла, не больш за 8 км [12, арк. 28–30, 123–127 адв., 255–258 адв.].

Для зацвярджэння дакументаў святары карысталіся пячаткамі. Паводле свайго вонкавага выгляду яны былі дастаткова аднастайнымі: у цэнтры мелася абагуленая выява храма, па перыметры змяшчалася легенда з указаннем назвы царквы і яе месцазнаходжання [5, арк. 98, 142 адв., 170, 233 адв.].

Пасля ўсталявання савецкай улады ў кастрычніку 1917 г. праваслаўныя абшчыны Лёзненшчыны апынуліся ў складаным становішчы, бо ва ўсёй рэспубліцы разгарнулася антырэлігійная палітыка.

Як і на ўсіх культавых будынках Беларусі, на праваслаўных цэрквах Лёзненшчыны непасрэдным чынам адбілася кампанія па канфіскацыі каштоўнасцяў на карысць галадаючых Паволжа 1922 г. З храмаў рэгіёна была вывезена значная колькасць богаслужбовых прадметаў, выробленых з каштоўных металаў. У прыватнасці, з 10 цэркваў было канфіскавана амаль 32 кг срэбра, гэта значыць у сярэднім – каля 3 кг з кожнага храма (Табл.2). Гэта дастаткова высокі паказчык з улікам таго, што ў 1917 г. у межах Віцебскай губерні функцыянавала 425 праваслаўных цэркваў, і з іх у 1922 г. было вывезена амаль 168 кг срэбра (у сярэднім – па 0,4 кг з царквы) [17, с. 157, 161].

Табліца 2

Каштоўнасці, канфіскаваныя з цэркваў Лёзненшчыны ў 1922 г.
[2, арк. 21 адв.–22, 32 адв., 33–34; 4, арк. 3 адв., 4–4 адв.].

Назва і месца размяшчэння царквы	Колькасць і назвы рэчаў	Агульная вага каштоўнасцяў
Святадухаўская царква, м. Бабінавічы	1 чаша, 2 дыскасы, 2 звяздзіцы, 2 лжыцы, 1 пацір, 1 дараносіца, 2 крыжы, 1 лампада, 2 рызы ад абразоў, 2 накладкі на кніжныя вокладкі	4,3 кг срэбра, 3,6 г золата
Царква Архістраціга Міхаіла, м. Калышкі	1 дыскас, 1 звяздзіца, 1 даразахавальніца, 1 дараносіца, 1 карэц, 1 крыж, 2 рызы ад абразоў	2,1 кг срэбра

Назва і месца размяшчэння царквы	Колькасць і назвы рэчаў	Агульная вага каштоўнасцяў
Пакроўская царква, в. Стасева	2 чашы, 2 дыскасы, 2 звяздзіцы, 2 лжыцы, 1 крыж, 4 талерачкі, 1 дараносіца, 1 карэц	1,9 кг срэбра
Святадухаўская царква, в. Высачаны; Успенская царква, в. Добрына	1 чаша, 2 дыскасы, 2 звяздзіцы, 2 лжыцы, 1 даразахавальніца, 1 пацір, 2 крыжы, 1 лампада, 5 талерачак, 5 рыз ад абразоў, 16 накладак на кніжныя вокладкі, 1 карэц, 1 кадзіла	5,8 кг срэбра
Царква Святога Міколы, в. Веляшковічы	2 чашы, 1 даразахавальніца, 1 дараносіца, 2 крыжы, 1 дыскас, 1 звяздзіца, 2 талерачкі, 1 карэц, 3 лжыцы, 5 накладак на кніжныя вокладкі, 2 рызы ад абразоў	7 кг срэбра
Пакроўская царква, м. Дабрамыслі	1 чаша, 2 крыжы, 1 дыскас, 1 звяздзіца, 1 лжыца, 2 талерачкі	1,4 кг срэбра
Узнесенская царква, царква Святой Марыі Магдаліны, м. Лёзна	4 крыжы, 3 чашы, 3 дыскасы, 3 звяздзіцы, 5 лжыц, 2 карцы, 3 талерачкі, 43 накладкі на кніжныя вокладкі, 1 даразахавальніца, 1 кадзіла	6,6 кг срэбра
Пакроўская царква, в. Замшына	2 чашы, 2 дыскасы, 2 звяздзіцы, 2 талерачкі, 2 лжыцы, 3 крыжы, 20 накладак на кніжныя вокладкі	2,7 кг срэбра

Пераважная большасць цэркваў рэгіёна спыніла сваю дзейнасць у 1930 г. Так, 8 студзеня 1930 г. была зачынена царква ў в. Пагосцішча [3, арк. 7], 27 студзеня 1930 г. адмовіўся ад выканання сваіх абавязкаў святар бабінавіцкай царквы [11, арк. 35]. Праваслаўныя храмы ў в. Высачаны, в. Веляшковічы, в. Замшына, м. Дабрамыслі, в. Новая Бель, м. Калышкі былі зачынены ў лютым – пачатку сакавіка 1930 г. [10, арк. 335; 15, арк. 214, 276, 364, 365]. Узнесенская царква і храм Святой Марыі Магдаліны ў м. Лёзна былі выняты з карыстання вернікаў паводле пастаноў Лёзненскага раённага выканаўчага камітэта, што былі прынятыя адпаведна 11 студзеня 1932 г. і 1 лютага 1932 г. [7, арк. 4, 10].

Праваслаўныя вернікі Лёзненшчыны ажыццявілі спробы выказаць незадавальненне закрыццём культавых будынкаў: у канцы сакавіка – пачатку красавіка 1930 г. у шэрагу вёсак групы сялян па 300–500 чалавек патрабавалі ў мясцовых улад вярнуць цэрквы рэлігійным абшчынам. Нягледзячы на масавыя хваляванні, вернікам удалося на непрацяглы тэрмін адчыніць толькі царкву ў в. Высачаны [15, арк. 214, 276, 364, 365, 418].

Будынкі зачыненых праваслаўных храмаў Лёзненшчыны, як і ў цэлым па рэспубліцы, выкарыстоўваліся ў якасці культурна-асветных устаноў і сховішчаў для агародніны. Напрыклад, цэрквы ў в. Веляшковічы, в. Замшына, в. Пагосцішча былі пераабсталяваны ў калгасныя клубы [3, арк. 7; 15, арк. 214; 16, арк. 123]. У цэрквах м. Лёзна на працягу 1930-х гг. размяшчаліся раённы дом культуры і радыёвузел, а ў падвалах захоўвалася гародніна [7, арк. 10; 8, арк. 94].

Да нашых дзён ніводны з праваслаўных храмаў Лёзненшчыны не захаваўся: драўляныя цэрквы былі разабраны па загадзе мясцовых улад ці згарэлі падчас Вялікай Айчыннай вайны, каменную царкву ў Дабрамыслях узарвалі савецкія войскі, бо яна была добрым арыенцірам для нямецкай артылерыі. Адзіным храмам, які ацалеў пасля вайны, была Узнесенская царква ў м. Лёзна, але яе разбурылі ў 1962 г. Зараз убачыць рэшткі царкоўных падмуркаў падаецца магчымым толькі ў в. Веляшковічы і в. Высачаны.

ЛІТАРАТУРА

1. **Верхнее** Поднепровье и Белоруссия : [полное геогр. описание нашего Отечества] / сост. В. П. Семенов (Тян-Шанский) [и др.]. – Минск : БелЭн, 2006. – 456 с. – (Гісторыя Беларусі ў дакументах, манаграфіях, літаратурных помніках).
2. **Дзяржаўны** архіў Віцебскай вобласці. – Фонд 9. – Воп. 1. – Спр. 409.
3. **Дзяржаўны** архіў Віцебскай вобласці. – Фонд 118. – Воп. 1. – Спр. 838.
4. **Дзяржаўны** архіў Віцебскай вобласці. – Фонд 123. – Воп. 1. – Спр. 758.
5. **Дзяржаўны** архіў Віцебскай вобласці. – Фонд 144. – Воп. 1. – Спр. 8.
6. **Дзяржаўны** архіў Віцебскай вобласці. – Фонд 160. – Воп. 1. – Спр. 40.
7. **Дзяржаўны** архіў Віцебскай вобласці. – Фонд 160. – Воп. 1. – Спр. 61.
8. **Дзяржаўны** архіў Віцебскай вобласці. – Фонд 160. – Воп. 1. – Спр. 62.
9. **Дзяржаўны** архіў Віцебскай вобласці. – Фонд 289. – Воп. 1. – Спр. 59.
10. **Дзяржаўны** архіў Віцебскай вобласці. – Фонд 591. – Воп. 1. – Спр. 78.
11. **Дзяржаўны** архіў Віцебскай вобласці. – Фонд 591. – Воп. 1. – Спр. 86.
12. **Дзяржаўны** архіў Віцебскай вобласці. – Фонд 1821. – Воп. 1. – Спр. 193.
13. **Дзяржаўны** архіў Віцебскай вобласці. – Фонд 1947. – Воп. 1. – Спр. 19.
14. **Дзяржаўны** архіў Віцебскай вобласці. – Фонд 2356. – Воп. 1. – Спр. 31.
15. **Дзяржаўны** архіў Віцебскай вобласці. – Фонд 10051-п. – Воп. 1. – Спр. 747.
16. **Дзяржаўны** архіў Віцебскай вобласці. – Фонд 10051-п. – Воп. 1. – Спр. 785.
17. **Канфесіі** на Беларусі (канец XVIII – XX ст.) / В. В. Грыгор'ева [і інш.] ; навук. рэд. У. І. Навіцкі. – Мінск : Экаперспектыва, 1998. – 340 с.

В. А. Космач (Псков)

ПОЛОЦК В «ЗАПИСКАХ НЕМЦА-ОПРИЧНИКА» Г. ШТАДЕНА

В 2002 г. в издательстве «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН) на русском языке вышли «Записки немца-опричника» Генриха Штадена объемом в 240 страниц с интересными и редкими иллюстрациями и историческими картами [2]. Книга немца-опричника содержит описание географии, государственного правления, военного и административного устройства России, быта, нравов и обычаев русских в эпоху Ивана IV Грозного. Автор был свидетелем и участником опричных карательных экспедиций, страшного пожара Москвы и отражения набега хана Девлет-Гирея в

1572 г. и подробно изложил эти события. По своей информативности записки Г. Штадена являются одним из важнейших источников по истории России XVI в. Полоцк на страницах записок Г. Штадена упоминается шесть раз.

В первый раз Г. Штаден назвал Полоцк в связи со своими, говоря современным языком, геополитическими рассуждениями в отношении России XVI в., записав: «Русскую землю, если угодно, чтобы лучше ею управлять, можно разделить на 2 или 3 части, ибо она очень обширна: 600 миль в длину и столько же в ширину. Кто поедет от Колы из Лапландии до Астрахани к Каспийскому морю, то узнает, что это так. Поезжай от Полоцка или Озерища из Польши (uss Polen) до Пустоозера, где самоеды сходятся с русскими и торгуют салом и толокном – найдешь то же самое» [2, с. 32].

Во второй раз в записках Г. Штадена Полоцк упоминается в связи с событиями, связанными с опричниной. «Великий князь, – записал Г. Штаден, – приезжал из Александровской слободы в Москву и убил одного из первых бояр в земщине, а именно Александра Петровича Челяднина: на Москве в отсутствие великого князя был первым боярином и судьей, охотно помогал бедному люду добиваться скорого и правого суда; несколько лет он был наместником и воеводой в Лифляндии – в Дерпте и Полоцке» [2, с. 32].

В третьем случае Г. Штаден описывал Москву и Кремль, владения Ивана IV Грозного. «На улице Варварке, – писал в своих записках немец-опричник, – был выстроен еще большой двор с женской половиной: когда великий князь захватил и добыл Полоцк, здесь были заключены привезенные в Москву Довойна и некоторые другие поляки и их жены» [1, с. 63–64]. Судя по всему, Г. Штаден имел в виду двор бояр Романовых, в XVI в. он принадлежал Н. Р. Юрьеву.

Четвертое, и наиболее подробное, упоминание Г. Штадена о Полоцке связано с событиями Ливонской войны, когда Иван IV Грозный осадил, захватил и жестоко разорил Полоцк в 1563 г. [1, с. 447–448]. «Под Полоцк, – писал Г. Штаден, – великий князь подошел с большим войском и артиллерией. В лагерь к великому князю вышло из города духовенство с крестами, иконами и хоругвями, и город сдали вопреки воле наместника Довойны. Великий князь вызвал из города все рыцарство и воинских людей. Их таким образом разъединили, а затем убили и бросили в Двину. С евреями, которые там были, случилось то же самое, хотя они и предлагали великому князю много тысяч флоринов выкупа. Евреи держат в Литве кабаки и таможни.

Бедный люд замерзал и умирал от голода. Мещане (Burger) вместе с женами и детьми были развезены по нескольким городам Русской земли. Наместник Довойна был отвезен в Москву в тюрьму. Но через несколько лет он был на размен против одного русского князя. Тогда он вырыл тело своей супруги, похороненное на немецком кладбище в Наливках за городом, и увез его с собой в Польскую землю.

Мещане, равно как и многие из дворян, вместе с женами и детьми жили несколько лет по тюрьмам, закованные в железа, залитые свинцом. Когда же

великий князь вместе со своими опричниками осаждал (uberzoh) некоторые города в Лифляндии, все они были убиты вместе с их женами и детьми. И всем еще для устрашения были отсечены ноги, а тела их брошены потом в воду» [2, с. 77].

Станислав Довойна (ок. 1510–1573) – это полоцкий воевода с 1542 г. В 1530 г. – дворянин королевы Боны. Был послом в Москве. В 1554 г. – староста дрынский. В 1563–1567 гг. находился в русском плену. С. Довойна был обменен на князя В. И. Темкина-Ростовского 5 июля, причем за Темкина было доплачено 10 000 золотых угорских [2, с. 210]. Русские документы более подробно рассказывают о судьбе тела жены С. Довойны Петрониллы (урожденной княжны Радзивилл). В начале 1569 г. царю били челом князья Иван и Никита Петровичи Шуйские о том, чтобы царь позволил обменять тело их отца князя П. И. Шуйского, погребенное в Виленском соборе, на тело жены С. Довойны. О том же бил челом Ивану IV Грозному С. Довойна. Московский государь дал свое согласие. Однако обмен не состоялся по не совсем ясным причинам [2 с. 210].

Кладбище «в Наливках», на котором была похоронена жена С. Довойны, является первым известным иноземческим кладбищем в Москве. Оно располагалось в районе современной Конной площади (между ул. Мойкой и Шаболовкой) и известно по многочисленным находкам надгробий с надписями на латыни и других западноевропейских языках, датируемых 1560–1590-ми гг. [2, с. 210]. Что касается фактов массового убийства жителей г. Полоцка, в том числе евреев, о чем писал в своих записках Г. Штаден, то современные белорусские историки считают подобные факты вымыслом и отмечают, что «звесткі пра масавае знішчэнне полацкіх мяшчан і шляхты хутчэй за ўсе з'яўляюцца несапраўднымі» [1, с. 448].

На с. 86 «Записок» Г. Штаден отметил, что «Двина течет от Торопца на города Полоцк и Витебск. Этот город Полоцк теперь взят великим князем» [2, с. 86].

Шестой раз Г. Штаден упомянул Полоцк в своих записках, когда заметил, что «на Москве великий князь пожаловал мне двор; в нем жил прежде один католический священник, который был приведен пленником из Полоцка во Владимир» [2, с. 97].

Что касается Витебска, то он отмечается Г. Штаденом только один раз, на с. 86, в связи с пятым упоминанием г. Полоцка [2, с. 86].

ЛИТЕРАТУРА

1. **Гісторыя** Беларусі : энцыклапедыя: у 6 т. / [рэдкал.: М. Касцюк і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2007—2011. – Т. 2 : Беларусь у перыяд Вялікага Княства Літоўскага / Ю. Бохан [і інш.]. – 2008. – 688 с.

2. **Штаден, Г.** Записки немца-опричника / Г. Штаден ; сост. и коммент. С. Ю. Шокарева. – Москва : Рос. полит. энцикл., 2002. – 240 с.

О. Ю. Лесная (Витебск)

АРХИТЕКТУРНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ КУЛЬТОВЫХ СООРУЖЕНИЙ ВИТЕБСКА В СВЯЗИ С СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИМИ ТРАНСФОРМАЦИЯМИ

Культовая религиозная архитектура, являясь носителем определенных смысловых символов, функций и конструктивных особенностей, в результате социальных изменений подвергалась многочисленным трансформациям, что выражалось как в создании новых храмов, так и в разрушении ранее существовавших построек, не отвечающих установкам политической власти. Существовала огромная зависимость и от господствующего мировоззрения той или иной эпохи, и от архитектурного стиля, который соответствовал требованиям современников. Все это находило отражение в храмовой архитектуре. Целью данной работы явилось изучение эволюции архитектуры культового зодчества города Витебска в связи с социально-политическими трансформациями.

После принятия христианства активно начинается возведение храмов, отвечающих потребностям новой религии. Зарождается монументальное зодчество, что способствует развитию строительной техники, интерьера, применению новых технологий и материалов. Повсеместное распространение получает крестово-купольный тип культового здания. В основном это был небольшой трехнефный храм с одной главой, толстыми стенами и узкими окнами, интерьером, украшенным фресковыми росписями.

Храм постепенно становится не только культовым образованием, но и важным центром политической, религиозной и гражданской жизни. Здесь размещаются ценные документы, казна, хранилище, библиотека.

Анализируя первые церковные строения в Витебске, можно отметить, что храмы строились и развивались под влиянием византийской архитектуры. Однако привнесенные архитектурные формы приобретали также местные черты, сформировав, таким образом, новые архитектурные особенности. Сочетая в себе последние, в Витебске были построены церкви Святого Михаила на Замковой горе (детинец), Благовещенская и Параскевы Пятницы в Нижнем замке (посад).

Строительство этих храмов имело огромное символическое значение для населения города. Так, церковь в честь Святого Михаила была княжеской. Она строилась в начале XII в. по велению витебского князя Святослава. Св. Михаил – помощник в ратных делах, заступник, к которому князь обращался перед началом военных действий. Строительство велось греческими и болгарскими мастерами, чьей главной задачей было возвести храм, не отражавший византийскую или полоцкую архитектурную школу [6, с. 41]. Специально внесенные стилевые отличия, скорее всего, указывают на политическую независимость города и княжества.

Храм Параскевы Пятницы – патрональная церковь торгового ремесла, оберегающая купцов и путешественников. Как правило, в ней хранили городские весы и особо ценный товар [4, с. 214]. Возведение данной церкви подтверждает значительность влияния торговли и торговых связей на жизнь и архитектурный облик города.

Благовещенская церковь являлась главной и наиболее почитаемой. Жители Витебска, покидавшие город, в этом храме брали благословение на дорогу, а по возвращении – благодарили Богородицу за помощь в путешествии. В этом храме наиболее ярко определилась базиликальность: в основе церкви лежит крестово-купольная композиция, вытянутая в плане и расчлененная шестью столбами на три нефа [8, с. 9].

Новый этап в развитии сакрального зодчества Витебска начинается после вхождения города в состав Великого княжества Литовского. Распространенным становится оборонительный тип храма, где четко прослеживается деление на фортификационную и культовую части, что обусловлено военной угрозой со стороны татаро-монгольских захватчиков и ордена крестоносцев. Храм становится местом, которое способно компенсировать внешнюю незащищенность человека, его слабость.

В сложившемся социальном положении, когда большая часть населения стремилась к воссоединению с Россией, а политические устои княжества были непрочны, в храмостроительстве четко прослеживаются тенденции русского и восточноевропейского искусств. Заметно влияние и средневекового Запада, но в незначительной степени [7, с. 9].

В XIII в. большинство культовых построек оставались деревянными и подвергались частым пожарам. Так, был разрушен храм Архангела Михаила, который сгорел либо во время великого пожара 1335 г., либо во время осады Верхнего замка князем Витовтом в 1396 г. [6, с. 42].

К середине XIV в. в Заручевье уже существовала православная церковь Святого Духа. Известна по источникам и православная церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы на Пречистенской горе. В привилее 1503 г. на права и вольности боярам и мещанам Витебска было указано, что церковь Пречистой Богоматери являлась одним из главных храмов, в котором хранились важные городские документы [4, с. 208, 210].

После заключения Кревской унии начинается постепенное проникновение католических элементов в архитектурные формы храмового зодчества. Заключение Городенской унии приводит к увеличению финансирования строительства католических храмов. Распространение получают формы и конструкции западноевропейской готики.

К моменту создания единого государства Речи Посполитой в Витебске появляются монахи различных католических орденов. XVII–XVIII вв. становятся временем строительства монашеских резиденций и костелов, таких, как бернардинский костел Св. Антония, костел иезуитов Св. Иосифа. О пра-

вославии еще можно говорить как о господствующей религии, однако уже намечаются тенденции к распространению других религиозных течений и их влиянию на социальную и политическую жизнь города.

Для протестантов было характерно возведение кальвинистских соборов, для униатов – базиликальный тип планировки. К XVIII в. в городе насчитывалось 14 деревянных униатских церквей и 2 каменные – Воскресенская Рынковая и Успенский собор базиликанского монастыря [2, с. 183]. В целом возведение культовых сооружений и их размещение свидетельствовали о роли различных религиозных направлений в духовной жизни города.

К середине XVIII в. складывается новый архитектурно-художественный стиль в храмовой архитектуре – «виленское» барокко. В этом стиле был создан архитектурный комплекс Ратушной (Рынковой) площади. Единый градостроительный ансамбль площади составляли здание городской ратуши, Воскресенская церковь и костел Св. Антония. Иезуитский мост через р. Витьба вел к Соборной площади, где зеркальную симметрию комплекса бернардинского монастыря с костелом Св. Антония создавал комплекс коллегиума иезуитов с костелом Св. Франциска Ксаверия. Доминирующее положение в системе общегородских вертикалей занимала Успенская церковь. Это была единственная в Беларуси пятинефная крестово-купольная базилика с двухбашенным фасадом [2, с. 168, 183, 185, 240–241].

Это был период утверждения католичества и сосуществования его с православием. Религиозная архитектура носит черты, присущие как католическим, так и православным храмам. Усиление роли католичества и польского духовенства приводит к борьбе за оказываемое влияние.

После присоединения Беларуси к Российской Империи градостроительство вошло в состав российского ведомства. Возвращение в лоно православной церкви побудило к переустройству храмов по православному канону. Рескриптом Павла I от 18 июля 1799 г. Успенская церковь была передана в православное ведомство и стала называться собором. В 1804 г. храм был перестроен в стиле классицизма и занял доминирующее положение в системе общегородских вертикалей. Под управление православного Синода перешел костел иезуитов, переименованный в Николаевский собор и перестроенный в 1843 и 1872 гг. [4, с. 209, 216]. В 1841 г. был разработан проект реконструкции Воскресенской церкви, переданной православным в 1834 г. Над проектом реконструкции с элементами постклассицизма работал полоцкий епархиальный архитектор А. Порт [2, с. 183–184].

Чтобы осмыслить изменения, происходившие в этот период, необходимо понять религиозные ценности, которыми руководствовалось общество. Навязываемая прежде католическая религия утрачивает влияние. Происходит массовый переход обратно в православие. Во многом этому способствует исторически сложившееся восприятие православия и самой Российской Империи в лице императора как спасителя от польского гнета.

На начало XX в. в Витебске действовало 35 церквей, главные из которых – Свято-Покровская, Свято-Николаевский кафедральный собор, Свято-Успенский городской собор, Благовещенская, Богоявленская, Воскресенская, во имя Георгия Победоносца, Свято-Петропавловская и др. Антирелигиозная политика советской власти 1920–1930-е гг. привела к массовому закрытию храмов, преследованию священников и верующих. В 1922 г. проведена кампания по конфискации церковного имущества. Многие предметы культа потеряли свое сакральное значение. Стала иной и внехрамовая деятельность верующих. Так, по опросу населения СССР, 17,5% верующих колхозников молятся вне церкви, 30,1% лишь иногда обращаются к Богу, 23% – только в исключительных случаях, например, во время болезни, 29,4% считают обращение к Богу с просьбами бесполезным занятием [3, с. 193].

Произошедшие изменения в обществе и проводимой государственной политике отразились и на строительстве храмов, которое пришло в упадок. Большинство культовых сооружений было разрушено, проводилась конфискация церковных реликвий и церковного архива, помещения переоборудовались под нужды общества. Так, были уничтожены Николаевский и Успенский соборы, Благовещенская, Воскресенская, Святодуховская церкви, костел Св. Антония, Духовное училище отдано под губисполком.

Политика, проводимая государством, лишила город не просто религиозных построек, а части историко-культурного наследия, которые отражали в себе историю развития города, архитектуру, религию, взгляды общества. При этом осознание обществом утраты не произошло. Большая часть населения считала это решение верным и единственно правильным, ведь храм являлся внешним проявлением религии.

Только к началу 90-х XX в. вновь начинает возрождаться храмостроительство. Государственная политика поддерживает восстановление старых храмов и спонсирует строительство новых. Все восстанавливаемые объекты возводятся согласно их историческому местоположению, архитектурным конструкциям и стилям. Так, в 1998 г. была восстановлена Благовещенская церковь. Новое рождение получили Казанская церковь, построенная в 1760 г., Свято-Покровский кафедральный собор, дата строительства которого относится к 1760 г., костел Св. Варвары, возведенный в 1884–1885 гг. [1]. В течение 10 лет шли разговоры о восстановлении одного из красивейших храмов Витебска – Свято-Воскресенской церкви, работы по реконструкции которой начались в 2001 г. [4]. В 2009 г. храм в честь Воскресения Христова был открыт для прихожан.

Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II был освящен первый камень и заложена капсула с памятной грамотой на восстановление Успенского собора, работы по сооружению которого уже завершены. К середине 1998 г. Благовещенская церковь была полностью восстановлена и открыта для прихожан. Воссоздание храма государством, по словам Алексия II,

«есть пример восстановления исторической справедливости, начавшегося процесса духовного возрождения» [5]. В 2009 г. патриарх Кирилл заложил камень на начало восстановления Николаевского собора. Но для воссоздания истинного исторического облика города остается решить еще один главный вопрос – осуществить реконструкцию костела Св. Антония.

Таким образом, в наши дни произошло понимание утраты не только храмов, но и самой веры, религии. Возможно, в обществе еще не полностью сложилось правильное восприятие и понимание религии, хотя при этом можно говорить о величине значения веры для современного человека. Во многом этому способствует существенно изменившаяся политика, проводимая как церковью, так и государством. Религия, наравне с экономикой, политикой, господствующей идеологией и другими ценностями, влияет на социальную жизнь и человеческую историю. Материальной формой этого проявления становится храм как символ религиозной веры. Исторические процессы, которые происходят в обществе, оказывают огромное влияние на развитие религиозно-культовой архитектуры, в том числе и города Витебска, где ей приходилось постоянно «подстраиваться» под меняющиеся мировоззрения людей, социальные и политические процессы, идеологию. Это привело либо к трансформации культовой архитектуры, либо к уничтожению ее как памятника историко-культурного наследия.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Витебская** епархия // Википедия : свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikipedia. org/wiki/Витебская_епархия. – Дата доступа: 14.02.2009.

2. **Габрусь, Т. В.** Мураваныя харалы : сакральная архітэктура беларускага барока / Т. В. Габрусь. – Мінск : Ураджай, 2001. – 287 с.

3. **Капустин, Н. С.** Особенности эволюции религии : (на материалах древних верований и христианства) / Н. С. Капустин. – Москва : Мысль. – 1984. – 222 с.

4. **Левко, О. Н.** Витебск : [монография] / О. Н. Левко ; НАН Беларуси, Ин-т истории. – Минск : Беларус. навука. – 2010. – 335 с. – (Древнейшие города Беларуси).

5. **Хроника** пребывания Святейшего Патриарха Алексия II в Витебске 25–27 сентября 1998 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:www.vitebsk. orthodoxy.ru/visits/index.shtml. – Дата доступа: 11.02.2009.

6. **Художественная** культура Витебска с древности до 1917 года / А. В. Русецкий, Ю. А. Русецкий. – Минск : БелЭн, 2001. – 288 с.

7. **Чантурия, В. А.** История архитектуры Белоруссии : [учеб. для вузов по спец. 1201 «Архитектура» : в 2 т.] / В. А. Чантурия. – 3-е изд., перераб. и доп. – Минск : Выш. шк., 1985. – Т. 1 : Дооктябрьский период. – 295 с. : ил.

8. **Чарняўская, Т. І.** Архітэктура Віцебска : з гісторыі планіроўкі і забудовы горада / Т. І. Чарняўская. – Мінск : Навука і тэхніка, 1980. – 112 с. : ил.

С. В. Марціновіч (Віцебск)

СУЧАСНЫ «ГАРАДСКІ ФАЛЬКЛОР» ВІЦЕБСКА І ВІЦЕБСКАГА РАЁНА ЯК КРЫНІЦА ПА ГІСТОРЫІ ПАДЗВІННЯ

Спакон вякоў жывуць на беларускай зямлі легенды і паданні. У іх знайшлі адлюстраванне ўмовы жыцця і працы звычайных людзей, любоў да радзімы, барацьба за сацыяльныя правы супраць прыгнятальнікаў, а таксама нязгасная цяга да ўсяго таямнічага, неверагоднага, што можа афарбаваць шэрае будзённае жыццё, вера ў надзвычайныя сілы і іх уплыў на чалавечыя лёсы.

Міфатворчасць не спынілася і ў наш час. На змену старажытным паданням аб узнікненні назваў гарадоў, рэк, мясцін, казкам аб цудадзейных камянях, жывёлах і гэтак далей. прыйшлі розныя байкі, чуткі, «гарадскія легенды». Усё гэта частка сучаснага фальклору, у якім, нібыта ў люстэрку, адлюстроўваюцца рэаліі сучаснага жыцця беларусаў. На іх падставе гісторык-даследчык будучыні зможа аднавіць духоўны воблік чалавека нашай эпохі, яго побыт, праблемы, штодзённыя клопаты, думкі, уяўленні аб шчасці, светапогляд.

У аснову дадзенага даследавання пакладзены публікацыі, змешчаныя на старонках мясцовых і рэспубліканскіх перыядычных выданняў, аб анамальных з'явах, сведкамі якіх былі жыхары горада Віцебска і Віцебскага раёна.

Неверагодныя з'явы назіраліся на нашай зямлі і значна раней. У «Аповесці мінулых часоў» расказваецца аб незвычайным здарэнні ў Полацку ў 1092 г., калі «у наваджэнні д'ябальскім сярод начы быў тупат, стагнала апоўначы, гойсалі, як людзі, д'яблы па вуліцы. Калі хто-небудзь выходзіў з дому, жадаючы паглядзець, дык яго адразу нябачна параджалі д'яблы… Затым жа пачалі днём з'яўляцца на конях, але не бачна іх саміх, а бачны капыты коней, і так паражалі яны людзей у Полацку і яго воласці. Таму і гаварылі людзі: «Мерцвякі… б'юць палачан» [3, с. 38]. Народныя легенды аб розных цудах на Віцебшчыне знайшлі адлюстраванне ў мастацкай літаратуры больш позніх часоў, напрыклад, у апавяданнях «Плачка» і «Валасы, якія крычаць на галаве», якія змешчаны ў «Шляхціц Завальня, або Беларусь ў фантастычных апавяданнях» Яна Баршчэўскага. Такія гісторыі прыцягвалі ўвагу вядомых краязнаўцаў, напрыклад, М. Я. Нікіфароўскага, аўтара зборніка «Нечистики. Свод простонародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе» (1907 г.).

Асаблівую цікавасць да розных незвычайных выпадкаў выказала прэса ў 1990-х – пачатку 2000-х гг. Гэта было выклікана камерцыялізацыяй сродкаў масавай інфармацыі ў постсавецкі перыяд, адыходам грамадства ад матэрыялістычнага светапогляду ў час радыкальных сацыяльна-эканамічных змен. Дзякуючы гэтым публікацыям вера ў надзвычайнае

пракралася амаль у кожны дом, бо газета на той час заставалася асноўным сродкам атрымання інфармацыі, а давер значнай часткі насельніцтва да СМІ заставаўся па-ранейшаму вялікім.

Найбольш цікавым сюжэтам, звязаным з пранікненнем ў паўсядзённае жыццё незвычайных сіл, уяўлялася гісторыя з «матэрыялізацыяй духаў» у вёсках Паддуб'е і Цішкава Віцебскага раёна. Першая публікацыя на гэту тэму была зроблена ў газеце «Рэспубліка» ад 19 чэрвеня 2001 г. пад назвай «А по деревне мертвые с косами идут…, или Массовые «галлюцинации» после сатанинских танцев молодежи на воинском погосте» [7]. Аўтар артыкула, уласны карэспандэнт "Рэспублікі" па Віцебскай вобласці Віталь Фёдараў, распавядаў пра тое, як пасля абраду па «выкліку духаў» на старых ваенных могілках перад групай падлеткаў з'явілася «нечистая сила в виде убитых или искалеченных фашистов». Жудасныя прывіды брели в направлении деревень Тишково и Поддубье… Все стонали и стенали, изрыгали восклицания на разных языках. И только на русском можно было понять, как призраки требовали к себе подростков, которые бесовскими заклинаниями вызвали покойников из истлевших могил».

«Матэрыялізацыя» працягвалася некалькі начэй запар. У аснову артыкула былі пакладзены словы жыхароў вёсак, якія нібыта бачылі ўсё на ўласныя вочы. У наступных артыкулах аб «Паддуб'еўскіх прывідах» [11; 12], змешчаных у «Народнай газеце» ад 3 лістапада 2001 г. і «Віцьбічах» ад 18 студзеня 2002 г., даецца працяг гісторыі. Некалькі жанчын, маці перапужаных падлеткаў, прыехалі ў Віцебск і звярнуліся да святара храма Святой Багародзіцы з просьбай аб асвячэнні вясковых могілак. Пасля абраду «нячыстая сіла» знікла і больш не турбавала сялян.

Праз некалькі год, зноў у газеце «Рэспубліка», быў надрукаваны артыкул таго ж Віталя Фёдарава «Иногда они просыпаются» [8] з новымі «падрабязнасцямі». На гэты раз «дэманы», «выгнаныя» з вайсковых могілак Другой сусветнай вайны, «аблюбавалі» закінуты цялятнік у в. Цішкава. «Кому-то здесь слышится детский плач, кому-то видятся разные тени и силуэты. В летнее время возле телятника тьма-тьмущая комаров в болотце, а в самом здании – ни одного насекомого. А уже в двух-трех метрах рядом кровососы живьем заедали… На снимках, снятых в ночное время, зафиксированы загадочные полупрозрачные силуэты».

Як бачым, гісторыя з прывідамі ў вёсках Паддуб'е і Цішкава вельмі нагадвае сюжэт, апісаны ў «Аповесці мінулых часоў». Хоць розніца ў часе напісання іх складае больш за дзевяць стагоддзяў. Гэта яскрава сведчыць аб захаванні ў грамадстве, насуперак насаджэнню ў савецкія часы рацыяналістычна-матэрыялістычнага светапогляду, вераванняў, якія нашмат старэйшыя за хрысціянства, бо сыходзяць каранямі ў першабытнае паганства.

Другім распаўсюджаным сюжэтам «гарадскіх легенд» Віцебска з'яўляецца міф аб «падземным горадзе». Ён нарадзіўся некалькі стагоддзяў таму

і час ад часу зноў і зноў узнікаў у гісторыі нашага горада. Яшчэ Нікіфароўскі пісаў у «Страничках из недавней старины города Витебска» напрыканцы XIX ст.: «…для отвода подпочвенной воды, возможной виновницы разрушения, проведены были подземные стоки, еще и доселе дающие повод утверждать, будто из Успенского собора и семинарии под Двиной есть ходы на правую сторону реки» [2, с. 47].

Першая публікацыя аб «падземным Віцебску» была зроблена на старонках першага нумара часопіса «Молодежные новости» ў ліпені 1991 г. [1]. У артыкуле распавядалася аб новай маладзёжнай субкультуры – дзігерах, якая ў той час пачала распаўсюджвацца на прасторах былога СССР. Віцебскія дзігеры (фотаздымак іх прыводзіліся) займаліся даследаваннем лабірынтаў «Сістэмы», якая быццам цягнулася ад Віцебска да Полацка. «Это в подвале одного из домов. Вход оказался высотой метра два – два с половиной, шириной до двух метров… Некоторые ходы идут вдоль Двины, в сторону Полоцка… Дело в том, что и в Полоцке есть подземные ходы… они идут в сторону Витебска…» «Сістэма» вельмі прасторная, мае тры ці больш узроўняў: «Только, чтобы попасть на первый уровень, в Систему, надо отдать сутки». З падзямеллямі звязана шмат іншых анамальных з'яў: «Там, внизу, теряешь ориентацию во времени… Спать абсолютно не хочется. Можно сутки, двое бегать. А как устанешь, садишься и мгновенно засыпаешь», «…я еще ни разу не видел, чтобы кто-нибудь прикуривал там от свечки. Считается, прикурил от свечки – потолок рухнет…».

Гэта быў працяг «старых» легенд. Пасля іх «выкрыцця» ў «Віцебскім кур'еры» ў 1997 г. міф здабыў новае аблічча [6]. У артыкуле «Галеты, цыгарэты… Тушонка і згушчанае малако да гэтае пары ляжыць у… падземным Віцебску» [9] В. Фёдараў распавядае пра цэлую «падземную крэпасць», узведзеную гітлераўцамі ў 1944 г. пад сучасным мікрараёнам «Поўдзень». Там меўся свой «падземны аэрадром», «шмат нямецкага ваеннага ўзбраення… непамерная колькасць тушонкі, сыроў, згушчанага малака, галет, шакаладу, цукерак… хлеба выпечкі 1937 г. па спецыяльнай тэхналогіі для шматгадовага захоўвання». У працягу публікацыі, якая называлася «Што рабіў Гітлер у Віцебску» [10], сцвярджаецца аб «вапняковым горадзе» ў нетрах гістарычнага цэнтра Віцебска (галоўным чынам – у раёне пл. Свабоды і пад паркам імя Фрунзэ). Некалі вапняк выкарыстоўвалі для пабудовы дамоў, а потым пячоры, якія ўтвараліся, – пад жыллё і для захоўвання ежы і боепрыпасаў. Легенда эвалюцыянавала на вачах. У «выкрывальных» публікацыях сцвярджалася думка аб немагчымасці падземнага будаўніцтва ў былыя стагоддзі з-за складанага рэльефу Віцебска і прымітыўнай тэхналогіі, зараз жа гэта «абышлі» адкрыццём «вапняковага горада» з «жалезабетоннай» трываласцю. Міф працягвае жыццё!

Значнае месца ў «гарадскіх легендах» займае дзейнасць цудоўных істот, якія маюць роднасць з традыцыйнымі «нячысцікамі». Так, у нататцы «До-

мовичок с ул. Мира», змешчанай у «Віцьбічах» за 25 лютага 1995 г., распавядаецца аб дамавіку, які нечакана ўвайшоў у жыццё галоўнай гераіні і яе маці [5]. Найбольш яскрава характарызуюць эпоху, у якой светапогляд чалавека фарміруе навука, а не рэлігія, апавяданні аб такой з'яве, як палтэргейст (у перакладзе з нямецкай мовы – «шумны дух»). У герояў вялікага артыкула «Сначала появилась вода, летали книги, потом загорелся шкаф» («Віцьбічы», 5 кастрычніка 1996 г.) – звычайнай сям'і з вуліцы Чкалава ў Віцебску – палтэргейст нахабна ўрываецца ў жыццё [4]. Па кватэры лятаюць кнігі, льецца з самых нечаканых месцаў вада, агонь «на глазах, как по дорожке, перебежал узенькой струйкой по дверце на другую половину шкафа, и та мгновенно вспыхнула…». Аўтар артыкула, журналістка Лідзія Паскіна, спалучае «перадавую навуку» са старажытнай містыкай. Матэрыял мае падкрэслена навукападобны выгляд. Даецца класіфікацыя палтэргейстаў, «гіпотэзы» іх паходжання («около двух десятков – от религиозных гипотез до психологического теста, проводимого внеземной цивилизацией, и параллельных миров») і г. д. Такі незвычайны сімбіёз магчымы ў той перыяд часу, калі свядомасць чалавека і грамадства ўжо дастаткова эмансіпіравана і непадуладна традыцыйнай рэлігіі, калі навука цалкам фарміруе жыццё, яе дасягненні ўвайшлі ў кожны дом, але вера ў незвычайнае і яго «жаданасць» засталіся. Гэта хоць і ў меншай ступені, датычыцца і «гарадскіх легенд» аб прывідах з Цішкава і «падземным горадзе».

Сучасны «гарадскі фальклор» мае вялікую каштоўнасць для гісторыкаў і краязнаўцаў, якія займаюцца вывучэннем Віцебшчыны. У ім добра адлюстраваны «прыкметы часу», калі ён быў створаны. У апавяданнях аб «падземным горадзе» катакомбы населены жабракамі, якія пакідаюць пасля сябе бутэлькі ці аб'едкі. Легенды аб «дамавым з вул. Міра» і «палтэргейсце з Чкалава» распавядаюць пра абмежаваныя жыллёвыя ўмовы часткі жыхароў горада (старой жанчыне няма куды паставіць укручванні, бо кватэра малая; дамавік злуецца на рамонт, якім не займаліся занадта доўга; некалькі пакаленняў жывуць «пад адным дахам» і г. д.). Наогул праблемы моладзі адлюстраваны ў сучасным фальклоры вельмі яскрава. Так, падлеткі з «неперспектыўнай» вёскі займаюцца сатанізмам, бо не маюць іншых умоў для «культурнага» адпачынку. Юнакі-дзігеры водзяць дзяўчат на дыскатэкі ў падзямеллі, бо іншага месца, напэўна, няма. Таннай ежы там таксама шмат…

Гэта і многае іншае, безумоўна, зацікавіць будучага гісторыка, які возьмецца даследаваць наш час.

ЛІТАРАТУРА

1. **Зарянкин, В.** Тайны витебских подземелий / В. Зарянкин // Молодежные новости. – 1991. – № 1 (ліп.).

2. **Никифоровский, Н. Я.** Странички из недавней старины города Витебска : воспоминания старожила / Н. Я. Никифоровский. – Минск : Полымя, 1995. – 149 с. : ил. – (Литературные памятники Беларуси).

3. **Памяць** : Віцебскі раён : гіст.-дак. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / уклад. У. І. Мезенцаў. – Мінск : Маст. літ., 2004. – 772 с. : іл.

4. **Паскина, Л.** Сначала появилась вода, летали книги, потом загорелся шкаф / Л. Паскина // Витьбичи. – 1996. – 5 кастр.

5. **Потапенко, Л.** Домовичок с улицы Мира / Л. Потапенко // Витьбичи. – 1995. – 25 лют.

6. **Пушкарский, А.** Подземный Витебск – миф? / А. Пушкарский // Витебский курьер. – 1997. – 23 мая.

7. **Федоров, В.** А по деревне мертвые с косами идут … Или Массовые «галлюцинации» после сатанинских танцев молодежи на воинском погосте / В. Федоров // Рэспубліка. – 2001. – 19 чэрв.

8. **Федоров, В.** Иногда они просыпаются / В. Федоров // Рэспубліка. – 2006. – 27 снеж.

9. **Фёдараў, В.** Галеты, цыгарэты … Тушонка і згушчанае малако да гэтае пары ляжыць у … падземным Віцебску / В. Фёдараў // Рэспубліка. – 2002. – 9 жн.

10. **Фёдараў, В.** Што рабіў Гітлер у Віцебску / В. Фёдараў // Рэспубліка. – 2002. – 13 верас.

11. **Янович, Н.** Как возле деревни Тишково материализовались призраки : (интервью по телефону) / Н. Янович // Народная газета. – 2001. – 3 лістап.

12. **Янович, Н.** Как возле деревни Тишково материализовались призраки : (интервью по телефону) / Н. Янович // Народная газета. – 2001. – 3 лістап. ; Витьбичи. – 2002. – 18 студз. // Витьбичи. – 2002. – 18 студз.

А. О. Овчинникова (Витебск)

ВИТЕБСКИЕ КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в. В ФОНДАХ ВИТЕБСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Витебский областной краеведческий музей является хранителем многих уникальных коллекций. Среди них можно выделить коллекцию «Печатных изданий», которая дает нам возможность узнать интересные факты об известных людях прошедшей эпохи.

Нужно отметить, что после смерти Алексея Парфеновича Сапунова в 1924 г. его библиотека поступила в фонды нашего музея. Среди 575 книг, которые перечисляются в описи, есть ряд изданий по краеведческой тематике, и в том числе издания самого Сапунова [2, с. 206–207, 227–250]. Но в период Великой Отечественной войны все собрание было утрачено. Поэтому формирование коллекции витебских краеведческих изданий началось уже в послевоенное время.

Самые первые поступления связаны с книгами А. П. Сапунова. В 1949 г. у гражданина города Ташкента Парфёнова были закуплены два тома сборника «Витебская старина» (Т. 1 1883 г., кп 7791; Т. 4 1885 г., кп 7790), а также «Река Западная Двина» (1893 г., кп 7792).

В полученном экземпляре 1 тома «Витебской старины» в начале книги привлекают внимание вклеенная фотография с видом на Успенский собор, помещенные цветные литографии с изображением гербов Витебска и Витебской губернии, которые в ряде других экземпляров представлены в монохромной печати.

Книга А. П. Сапунова «Река Западная Двина» интересна тем, что на титульном листе имеется автограф автора: «Высокоуважаемому Александру Ивановичу Успенскому от А. П. Сапунова». А. И. Успенский (1873–1938) – известный историк, искусствовед. По его инициативе в 1907 г. был создан Московский археологический институт, отделение которого в 1911 г. было открыто в Витебске. Известно, что после встречи с Успенским в феврале 1913 г. Сапунов стал преподавателем витебского отделения института [1]. Возможно, именно в это время и была подарена книга.

Об археологических памятниках древнего Полоцкого княжества повествует еще одно издание А. П. Сапунова «Двинские или Борисовы камни» (1890 г., кп 17434), поступившее в музей от жителя г. Ленинграда Г. Г. Коллегаева в 1975 году.

В фондах также хранятся несколько изданий белорусского этнографа и краеведа Николая Яковлевича Никифоровского – человека, посвятившего всю свою жизнь изучению Витебщины. В 1895 г. в Витебске вышло одно из наиболее известных его изданий «Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности» (кп 21791/3).

В книге отражены особенности быта крестьян: описание еды, одежды, жилья, хозяйственных построек, а также ремесел, промыслов и занятий населения. Издание примечательно тем, что на первой странице есть автограф: «Глубокоуважаемому Евфимию Фёдоровичу Карскому, почтительно-усердный дар составителя «Очерков» Николая Никифоровского. Витебск, 3 октября 1895 г.». Таким образом, первым владельцем книги был известный лингвист и этнограф Е. Ф. Карский. В книге также имеются довоенный и послевоенный штампы гродненского музея. Можно предположить, что издание поступило к нам из Гродно.

Особое место в наследии Н. Никифоровского занимает работа «Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах» (1897 г., н/в 9924), где автор представил 2307 описаний разных народных легенд, рецептов народной медицины, ветеринарии, сказаний о происхождении болот, озер, рек и т. д. Приобретено было издание у жителя Витебской области А. Л. Лисовского в 1995 г. На титульном листе книги есть штамп библиотеки Слуцкой гимназии с пометкой «11 октября 1911 г.».

В 1960–1970-е гг. ряд изданий был приобретен у частных лиц. Среди них можно выделить «Памятные книжки Витебской губернии» на 1865 г., 1900 г., 1903 г. (кп 13658, кп 17533, кп 17071). Это справочное и адресное издание, издававшееся в Витебске губернским статистическим комитетом. Большой интерес представляет памятная книжка на 1865 г., которую составлял и редактировал известный историк и краевед Александр Максимович Сементовский (1821–1893). Тут же опубликован его статистический очерк о Витебске.

А. М. Сементовскому принадлежит и другое издание – «Памятники старины Витебской губернии» 1867 г. (кп 20492), которое было прислано в музей из магазина «Букинист» г. Москвы. В нем даны сведения о различных замках, археологических находках вне курганов, а также о христианских древностях Витебской губернии.

Упомянутое выше издание дополняет книга А. М. Сементовского «Белорусские древности» (Вып. 1, 1890 г., кп 20493), переданная из библиотеки нашего музея. В нее вошли разделы о памятниках каменного века, о камнях с древними надписями и древних храмах Витебской губернии.

В 1962 г. от гражданина Сталюкова из Псковской области поступили «Труды Витебской Ученой Архивной Комиссии» (кп 21791/1), изданные в 1910 г. Научное историческое общество «Витебская ученая архивная комиссия» было создано в 1909 г. для изучения и популяризации истории края, охраны памятников истории и культуры. В состав комиссии вошли известные витебские краеведы. Было принято решение издавать труды комиссии, которые с 1911 г. получили название «Полоцко-Витебская старина». Из трех выпусков в фондах имеется первый, который был передан из Смоленского областного краеведческого музея в 1957 г.

Значительный интерес представляет издание «Витебская губерния. Историко-географический и статистический обзор» (1890 г., кп 19348), поступившее в фонды музея от жены скульптора Д. А. Якерсона Елены Аркадьевны Кабищер-Якерсон в 1983 г. В издание вошли разделы по истории, составу населения, географии, народному образованию Витебской губернии. Составителем выступил витебский губернатор Василий Михайлович Долгоруков.

Особенностью экземпляра является то, что в качестве заставок вклеены фрагменты почтовых открыток с видами г. Витебска. На втором форзаце имеются послевоенные штампики букинистических магазинов г. Москвы и дореволюционная наклейка писче-бумажного магазина Г. Росильсона в Витебске.

Из библиотеки Д. А. Якерсона поступила и книга витебского краеведа, искусствоведа И. П. Фурмана «Витебск в гравюрах С. Юдовина» (кп 19640), напечатанная на белорусском языке в 1926 г. Она богато иллюстрирована гравюрами с изображением архитектуры Витебска, занятий горожан и быта еврейской общины.

В 1992 г. из библиотеки областного музея был передан «Віцебскі краёвы слоўнік» (1927 г., кп 21791/2), написанный белорусским краеведом и литературоведом Николаем Касперовичем (1900–1937), внесшим огромный вклад в развитие отечественного языкознания. Словарь является первым подобным изданием в Беларуси и содержит 9703 слова, зафиксированных в 591 населенном пункте Витебского округа. Это издание представляет большой интерес для изучения лексики Витебщины.

В 1986 г. от Нины Вячеславовны Хруцкой, внучки известного историка и краеведа Владимира Гавриловича Краснянского (1863–1930), в музей поступило издание ее деда «Чарцёж места Віцебску 1664 г. як дакументальны помнік да гісторыі беларускага драўлянага будаўніцтва» (кп 20469). Книга была издана в 1928 г. и посвящена уникальному памятнику картографии, чертежу, который дает представление об оборонительных сооружениях Витебска, храмах и застройке города после занятия его русскими войсками во время русско-польской войны 1654–1667 гг. На первой странице дарственная надпись: «Глубокоуважаемому Петру Матвеевичу Красавицкому на его строгий и беспристрастный суд от автора. 8 января 1929 г.». П. М. Красавицкий (1873–1950) – знаменитый краевед, в 1920–1924 гг. работал в Витебском губернском статистическом бюро, институте народного просвещения, являлся членом комиссии по охране памятников старины и искусства.

Таким образом, собрание краеведческих изданий второй половины XIX – начала XX в. нашего музея невелико. Но отдельные издания представляют собой значительный интерес как по своей редкости, так и по имеющимся на них автографам.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Российский** государственный архив литературы и искусства. – Фонд 1348. – Оп. 1. – Д. 796. – Л. 23–24 об.

2. **Хмяльніцкая, Л. У.** Гісторык з Віцебска : жыццяпіс Аляксея Сапунова / Л. У. Хмяльніцкая. – Мінск : Энцыклапедыкс, 2001. – 254 с.

А. В. Петухов (Минск)

ПАВЕЛ ПОРОМЕНСКИЙ (1881–1963) КАК ИСТОРИК И ПЕДАГОГ ПАРИЧСКОГО ЖЕНСКОГО УЧИЛИЩА ДУХОВНОГО ВЕДОМСТВА

Жизненный путь уроженца г. Невеля Витебской губернии Павла Владимировича Пороменского (1881–1963) в целом известен витебским краеведам и исследователям новейшей истории благодаря подвижнической работе В. В. Горидовца [1, с. 18; 2, с. 37; 3, с. 18]. В работах данного церковного исто-

рика рассмотрена деятельность П. Пороменского как педагога и общественного деятеля, в частности отмечена его решающая роль по вопросу переноса мощей Ефросиньи Полоцкой в Полоцк, изучена работа в церковном подотделе Витебской администрации в условиях немецкой оккупации в годы Великой Отечественной войны. Но от ученых ускользнул весьма насыщенный и интересный период его биографии – дореволюционный – период становления его как педагога-профессионала и исследователя.

В данной статье мы остановимся на роли Паричского женского училища духовного ведомства в жизни П. В. Пороменского. Родившись 15 декабря 1881 г. в семье губернского секретаря, полицейского надзирателя 2-го участка города Невеля Владимира Ивановича Пороменского («*Православного исповедания, в должности с 16 июня 1871 г.*»), Павел прошел все ступеньки мужского духовного образования. Поочередно окончил Витебское духовное училище (1897 г.), Витебскую духовную семинарию (1902 г.), Санкт-Петербургскую духовную академию (1906 г.) [3, с. 283–284; 5, с. 180; 14, с. 97]. Помимо прочего, за годы учебы стал действительным членом Императорского Санкт-Петербургского археологического института [13, с. 97].

Первым местом его службы стало женское училище духовного ведомства, существовавшее с 1860 г. в местечке Паричи Бобруйского уезда. Так, в «Памятной книжке Минской губернии на 1908 г.», изданной годом ранее, уже значится: «*Преподаватели и преподавательницы: русской словесности и педагогики IV–VI кл. Пав. Владим.* ***Пороменский***» (курсив наш, выделение полужирным – составителей «Памятной книжки». – *А. П.*) [8, с. 124]. При этом должность преподавателя педагогики в IV–VI классах (позднее IV–VII классах) он исполнял до прихода в училище на работу видного педагога Константина Васильевича Ельницкого в 1910 г., о чем можно судить по скупой формулировке, аналогичной упомянутой выше, в последующих «Памятных книжках» на 1909 и 1910 гг. [9, с. 129–130; 10, с. 123; 13]. В 1910 г., помимо преподавательской деятельности, он исполняет обязанности секретаря правления училища [10, с. 123].

Последнее обстоятельство, а также членство в Императорском Санкт-Петербургском археологическом институте, по-видимому, стали решающими факторами в том, чтобы Павлу Пороменскому поручили составить юбилейный очерк об училище, посвященный 50-летию учебного заведения.

Данная почетная обязанность стала наиболее ярким фактом паричского этапа в биографии Павла Пороменского. «*Паричское женское св. Марии Магдалины училище духовного ведомства (Заметки по случаю 50-го юбилея училища)*» [14], – значилось на титульном листе, а на последней странице мы находим имя и фамилию автора [14, с. 135]. Тем самым П. В. Пороменский заявил о себе как об историке-исследователе. Книга была издана в Санкт-Петербурге в Синодальной типографии, и несколько экземпляров было преподнесено, по традиции, царствующей фамилии, т. к. именно под их по-

кровительством, а также на их ежегодное пособие в 1300 рублей работало Паричское женское училище духовного ведомства.

В книге нашли отражение следующие вопросы: история местечка Паричи и его окрестностей в момент появления училища; личности создательницы и ее мужа; обстоятельства создания училища; основные вехи жизни училища за 50 лет; освещены вопросы о постановке учебно-воспитательной работы, педагогическом составе и окладах жалованья; составе учащихся, условиях содержания учениц; заметки о бывших ученицах [14, с. 2].

Автор хоть и является ярко выраженным представителем школы «западно-руссизма», но весьма убедительно, подробно освещает указанные выше темы. Книга основана на анализе периодической печати, документальных материалов, собранных в архиве и библиотеке училища, училищном совете при епархиальной администрации, ссылки на которые приводятся в тексте работы. Тем самым, не вызывает сомнения то, что П. В. Пороменский провел значительную работу по обобщению материала, проявив все необходимые для историка-профессионала качества и скрупулезность.

Судьба книги, как и самого автора, сложилась трагически: с приходом Советской власти почти все экземпляры книги были уничтожены. На территории Беларуси не сохранилось ни одного (!) оригинального экземпляра работы. В настоящее время два экземпляра книги, распечатанные с микрофильма и склеенные в виде двух частей книги, хранятся в Национальной библиотеке Беларуси (НББ), а также в Светлогорском историко-краеведческом музее. В НББ микрофильм был передан светлогорским краеведом Сергеем Нестеровичем Прачом, отыскавшим микрофильмированный экземпляр в Публичной исторической библиотеке Москвы и сделавшим копию. Об этом свидетельствует благодарственное письмо на гербовом бланке от зав. отделом комплектования Государственной Ордена Трудового Красного Знамени библиотеки БССР им. В. И. Ленина Г. Н. Олейник под № 50 от 25.01.1983 (документ сохранился в фондах Светлогорского историко-краеведческого музея).

Примечательным фактом из «Памятной книжки на 1910 г.» стало появление в числе преподавателей училища брата Павла – Петра Владимировича Пороменского, который преподавал гражданскую историю и географию [10, с. 123]. Брат прошел все те же ступени инициации по линии православного мужского образования, что и Павел Владимирович, только с разницей в 2 года; также был действительным членом Императорского Санкт-Петербургского археологического института [14, с. 97]. К тому же был увлечен этнографией, сотрудничал с Императорским Русским Географическим обществом. В архивах данного общества, если верить известному русскому и советскому этнографу Д. К. Зеленину, сохранились его материалы, собранные в Витебской губернии [4].

Кроме юбилейной книги и памятных книжек, документальным свидетельством пребывания братьев Пороменских в Паричах стал и фотоальбом выпускниц «*XXXIX выпуска Паричского женского училища духовного ведомства*» [15]. Изготовлен фотоальбом в ателье Гирши Ароновича Блюмина в г. Речица Минской губернии, датирован 25 мая 1910 г. Альбом чудом отыскался в частной коллекции в Красноярске в 2013 г. и был передан на хранение в ГУК «Светлогорский историко-краеведческий музей». С фотографий на страницах альбома на нас смотрят уже далеко не безусые парни, а весьма респектабельные, в чем-то даже щеголеватые, преподаватели; имеется портретное сходство. Лишь на глаз можно определить, кто из них Павел, а кто – Петр Пороменский (имя и отчество поданы в подписи лишь инициалами, а они у братьев идентичные). На второй странице, вероятнее всего, фото Павла Владимировича, а на третьей – Петра Владимировича [15, с. 2–3].

В «Памятной книжке на 1911 г.» сведения о братьях Пороменских в Паричском училище еще присутствуют, а вот в книжке на следующий, 1912 год, уже нет [11, с. 139; 12, с. 139–140]. Данное «таинственное» исчезновение объясняется возвращением обоих братьев в г. Витебск. Подтверждением этому факту является «Памятная книжка Витебской губернии на 1912 г.». Коллежский асессор Павел Владимирович работает в должности инспектора классов Полоцкого женского училища духовного ведомства *(в доме на Духовской набережной, телефон 146)* [6, с. 22]. Таким образом, опыт педагогической и административной работы в Паричах дал возможность Павлу Владимировичу занять вторую по значимости должность в училище – инспектора классов.

Переезд можно объяснить желанием быть рядом с уже не молодым отцом. «Памятная книжка на 1912 год» сообщает, что архивариусом Казенной палаты Витебской губернии был «*к[оллежский].а[сессор]. Владимир Ив. Пороменский*» [6, с. 30]. О судьбе младшего из братьев «Памятная книжка», увы, ничего не сообщает.

Два года спустя мы видим, что братья активно работают в 3 учебных заведениях г. Витебска: Павел продолжает работать в Полоцком женском училище духовного ведомства инспектором классов, а Петр совмещает преподавательскую деятельность в частной мужской гимназии И. Р. Неруша и Женской гимназии Ведомства учреждений императрицы Марии [7, с. 38, 41, 43].

Таким образом, Паричское женское училище духовного ведомства послужило своеобразным трамплином в карьере Павла Владимировича Пороменского как педагога-практика и администратора; служба в этом учреждении способствовала также и его научной деятельности, если принимать во внимание то обстоятельство, что юбилейная книга об училище стала его первым и последним научным трудом.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Витебский** мартиролог (1918–1952) / сост. иерей В. В. Горидовец // Труды комиссии по канонизации святых Белорусской Православной церкви. – Витебск, 2008. – 77 с.

2. **Гарыдавец, У. У.** Віцебская духоўная семінарыя: гісторыя і сучаснасць / У. У. Гарыдавец // Беларускі гістарычны часопіс. – 2012. – № 2. – С. 34–38.

3. **Горидовец, В. В.** Церковная жизнь на территории Полоцко-Витебской епархии в период немецкой оккупации в 1941–1944 гг. / В. В. Горидовец // Вестник церковной истории. – 2008. – № 2. – С. 279–284.

4. **Зеленин, Д. К.** Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского Географического Общества / Д. К. Зеленин. – Петербург : Тип. А. В. Орлова, 1914. – Вып. 1. – 1914. – С. 127–145.

5. **Памятная** книжка Витебской губернии на 1881 г. : издание Витебского губернского статистического комитета. – Витебск : Тип. Витеб. губерн. правления, 1881. – Ч. 1 : Отдел календарный. Адрес-календарь. – 221 с.

6. **Памятная** книжка Витебской губернии на 1912 г. : издание Витебского губернского статистического комитета. – Витебск : Тип. Витеб. губерн. правления, 1912. – Ч. 1, отд. 4 : Личный состав правительственных, общественных и частных учреждений Витебской губернии. – 322 с.

7. **Памятная** книжка Витебской губернии на 1914 г. : издание Витебского губернского статистического комитета. – Витебск : Губерн. тип., 1914. – Ч. 1. – 280 с.

8. **Памятная** книжка Минской губернии на 1908 г. : издание Минского губернского статистического комитета. – Минск : Тип. С. А. Некрасова, 1907. – Отд. 1 : Календарные сведения. Адрес-календарь. – 200 с.

9. **Памятная** книжка Минской губернии и календарь на 1909 г. : издание Минского губернского статистического комитета. – Минск : Тип. С. А. Некрасова, 1908. – Отд. 1 : Календарные сведения. Адрес-календарь. – 208 с.

10. **Памятная** книжка Минской губернии и календарь на 1910 г. : издание Минского губернского статистического комитета. – Минск : Губерн. тип., 1909. – Отд. 1 : Календарные сведения. Адрес-календарь. – 192 с.

11. **Памятная** книжка Минской губернии и календарь на 1911 г. : издание Минского губернского статистического комитета. – Минск : Губерн. тип., 1910. – Отд. 1 : Календарные сведения. Адрес-календарь. – 228 с.

12. **Памятная** книжка Минской губернии и календарь на 1912 г. : издание Минского губернского статистического комитета. – Минск : Губерн. тип., 1912. – Отд. 1 : Календарные сведения. Адрес-календарь. – 224 с.

13. **Петухов, А. В.** Константин Васильевич Ельницкий и Мозырь / А. В. Петухов // Мазыршчына: людзі, падзеі, час : матэрыялы рэсп. навук.-практ. канф., г. Мазыр, 6–7 мая 2010 г. / рэдкал.: І. М. Кралевіч [і інш.]. – Мазыр : МДПУ ім. І. П. Шамякіна, 2010. – С. 29–32.

14. **Пороменский, П. В.** Паричское женское Св. Марии Магдалины училище духовного ведомства : (заметки по случаю 50-го юбилея училища) / П. В. Пороменский. – Санкт-Петербург : Синодальная тип., 1910. – 135 с.

15. **Фотоальбом** XXXIX-го выпуска воспитанниц Паричского женского училища духовного ведомства : 25 мая 1910 г. / Г. А. Блюмин. – Речица : фотоателье Г. А. Блюмина, 1910. – 13 с.

Ф. Д. Подберезкин (Минск)

«ВАНДАЛИЯ» АЛЬБЕРТА КРАНЦА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЛИВОНИИ: ИСТОРИЯ ОДНОГО ПОСЛАНИЯ

Немецкое историописание. Во второй половине XV века немецкие гуманисты Герман Корнер, Хартмут Шедель и Альберт Кранц создают фундаментальные хроники, которые в свете гуманистического мировосприятия освещают историю тех или иных частей европейского континента [3; 4; 5]. Эти труды, фактически основанные на сведениях более ранних хроник, а также личных изысканиях авторов, являли собой «немецкий» вариант гуманистического историописания: сохранение в целом средневекового слога наррации в рамках нового, во многом связанного с античностью, концепта. При описании отдаленных от места написания народов использовались в первую очередь региональные хроники, не современные автору. При этом писатель старался сохранять общую концепцию труда, представлявшего, на первый взгляд, противоречивую связь эсхатологического и гуманистического восприятия действительности.

Альберт Кранц и «Вандалия». В начале XVI в. появляется манускрипт «Вандалия» любекского синдика Альберта Кранца. Опубликована «Вандалия» была в 1519 г., уже после смерти автора (1517). Задачей труда было описание истории народов, входивших в «Germania magna» – регионы от Рейна до Дона, по мнению Кранца, связанные с древними вандалами. Таким образом, в основу был положен не этнический, а исторический континуитет [1, Vorwort]. В этом смысле современная автору действительность представлялась диалектически, прошлое и настоящее являлись неразрывным целым, так же как и история регионов «Germania magna», связанных общим прошлым. Об этом позволяет судить параллелизм описания событий из прошлого различных регионов – отсутствие четкого хронологического принципа, перемежевывание событий истории нескольких народов.

В этой связи история Ливонии особенно тесно переплетается с историей Германии, Литвы и Руси. Ниже, на ряде примеров, мы покажем, какое место занимала Ливония в пространственной модели Кранца, а также рассмотрим один из характерных сюжетов «смежной» истории.

Происхождение сведений о Ливонии. Еще исследователи В. Нордман, Э. Шефер и П. Шерффенберг усматривали в текстах «Вандалии», касающихся восточноевропейских регионов, заимствования из хроник продолжателя Детмара, «Хроники новеллы» Германа Корнера, «Хроники Ливонии» Генриха Латвийского и других ганзейских и орденских хронистов [6; 8; 9]. Наряду с широким доступом к письменным хранилищам Альберт Кранц пользовался и личным опытом – должность синдика Любека позволяла ему совершать дипломатические поездки в регионы ганзейской торговли [2, s. 67].

Для описания ливонской истории Кранцем привлекались сведения из более ранней «Хроники новеллы» Германа Корнера, который, в свою очередь, заимствовал информацию из любекской хроники Детмара, а также хроники растенбургского клирика Иоанна фон Позилге. Предположение о том, что для описания деятельности миссионера Мейнарда была использована «Хроника Ливонии» Генриха, было решительно отвергнуто позднейшими немецкими исследователями [8, s. 32]. Географическая точность, с которой Кранц описывал события, позволяет предположить, что он лично бывал в Ливонии, возможно, с различными дипломатическими миссиями. Особенный интерес представляют его сведения о событиях истории Ливонии второй половины XV в., обстоятельства которых могли стать известными посредством очевидцев либо современников событий.

«Kranzyusz». В нашем исследовании я приведу один из сюжетов «Вандалии», которому через полстолетия после публикации труда удалось сыграть определенную роль далеко за пределами Германии.

В дневнике Яна Пиотровского, участника похода польского короля Стефана Батория под Псков, от 22 июля 1581 г. есть такая запись:

«Do tego tyzes my Moskiewskiemu poslali Herbersteina, Gwagnina I kilka rozdzialow z Kranzyusza polacinie, aby sobie poczytal, co jego obyczajach swiat pisze» [7, s. 192].

Итак, среди уже известных творений Сигизмунда Герберштейна («Записки о Московии»), Александра Гваньини («Хроника европейской Сарматии») с идеологической мотивацией Ивану IV были высланы также и главы из некоего «Кранциуша». Перед комментаторами этого отрывка из дневника Пиотровского встал вопрос: кто такой этот «*Kranzyusz*», главы из труда которого были посланы московскому царю?

Кранц или Краузе? Первый исследователь, который в своем труде «Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитой…» коснулся этой проблемы, был В. Новодворский. В своих примечаниях он сомневается, что «*Kranzyusz*» может быть идентифицирован с ганзейским писателем Альбертом Кранцем:

«Это были сочинения Герберштейна, Гваньини и несколько глав из произведения какого-то Кранция или Крауция. Я просматривал произведение Альберта Кранца «Vandalia seu Vandalorim origine etc libri XIV» в издании 1519 и 1575 г., но нашел только несколько строк об опустошении Ливонии русскими при Иоанне III, их жестокостях и о том, что московскому государю опасно доверять, а потому и не берусь утверждать, как это делает издатель «Дневника похода Стефана Батория под Псков» А. Чучинский, что Кранций, упоминаемый Петровским, есть именно Альберт Кранц» [10, с. 219–220].

В современной публикации дневника похода Стефана Батория под Псков комментатор А. А. Михайлов предположил, что под «Кранциушем» можно

понимать Эллерта Краузе, автора «Письма гетману Я. Ходкевичу о тирании Ивана Васильевича» [11, с. 473]. Однако это письмо было опубликовано уже позднее известной посылки Ивану Грозному – в 1582 г.

Альберт Кранц? Для того, чтобы оценить убедительность возможной посылки польско-литовскими дипломатами глав из труда Кранца, необходимо провести выборку текстов из «Вандалии», которые рассказывают о поведении русских в Ливонии. Этими текстами, на наш взгляд, являются XXI глава XIII книги, а также следующий отрывок из I книги (перевод мой. – *Ф. П.*):

«...холодной зимой русские ворвались в Ливонию... они вели себя жестоко, как тираны / садили маленьких деток на колья / отрезали женщинам грудь...» [1, I. II].

XXI главу я цитирую частично, так как вся она посвящена «жестокостям» русских:

«Великий князь московский / о котором мы говорили ранее, что он завоевал Нойгарден / другим ничем не известен / как только что он из города Рима дочь константинопольского императора взял себе в жены: остался (однако) таким же для завоевания (ist nach Eroberung derselben)... обратился в 1481 году в ту самую провинцию (Ливонию. – Ф. П.) / там был смел на жестокости... и большое количество бедных крестьян использовал как скот для чрезвычайных работ. Такое их положение не намного лучше в их (русских. – Ф. П.) собственной стране... (doch war auch ihr Zustand in ihrem eignen Vaterland nicht viel besser) обходятся так с женщинами и детьми / разлучают их и так оставляют. Потому что они как собаки рыскали по Ливонии / и не было им даже малого хлеба чтобы насытиться...» [1, XIII, XXI].

Таким образом, в этом отрывке Кранц имеет в виду, что, несмотря на акцептацию Иваном III византийской традиции, он остается завоевателем и тираном, что подтверждается деяниями русских в Ливонии. Иван и его народ приравниваются – очевидное свидетельство идеологической тенденции сообщения. Возможно, В. Новодворскому эта глава была неизвестна, если он утверждал, что в «Вандалии» есть только несколько строк о Московии. Вся XXI глава XIII книги посвящена «московитам». В свете этого выражение Пиотровского о посланных Ивану IV отдельных главах «Кранциуша» надо понимать так: именно XXI глава, так же, как и сообщение о более раннем походе Ивана III в Ливонию, были посланы царю. Нам не представляется проблематичным и само имя *«Kranzyusz»*: это вполне возможная польская транслитерация немецкой фамилии в родительном падеже.

Вывод: немецкая хроника как идеологическое оружие. Мы не видим оснований для сомнения в том, что именно отрывки из «Вандалии» были посланы в 1581 г. царю Ивану IV в сложное для него время осады Пскова. При этом весьма вероятно, что послана была XXI глава, единственный раздел, тематически посвященный русским. Таким образом, с помощью этих

отрывков Ивана Грозного «проинформировали», что между ним и его «тиранническим» дедом Иваном III нет большой разницы. Для нас также важно и то, что «Вандалия» немецкого хрониста была в числе тех работ, которые были посланы царю Ивану: это указывает нам на то обстоятельство, что как эта хроника, так и сам хронист Альберт Кранц были достаточно хорошо известны в восточной Европе (и, частично, в России) того времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Alberti** Crantzii Wandalia oder Beschreibung wendischer Geschichte. – Lübeck, 1600.

2. **Andemann, U.** Albert Krantz. Wissenschaft und Historiographie um 1500 / U. Andemann. – Weimar : Verlag Hermann Böhlaus Nachfolger. –1999. – 361 s.

3. **Chronik** des franciskanischer Lesemeister Detmar, hsg. von Dr. F. H. Grautoff, erster Theil. – Hambirg : bei Pethes und Besser, 1829.

4. **Hartmund** Schedel. Lieber Chronikarum / Hartmund Schedel. – Augsburg, 1497.

5. **Korner, H.** Die Chronika novella. Im Auftrage der Wedekindischen Preisstiftung / H. Korner ; hgg. V. Jakob Schwalm. – Göttingen, 1895.

6. **Nordman, V.** Die Wandalia des Albert Krantz / V. Nordman. – Helsinki : Annales Academiae Scientiarum Fennicae, B, XXIX. – 1934. – 294 s.

7. **Piotrowski, J.** Dziennik wyprawy Stefana Batorego po Pskow w r. 1581/ J. Piotrowski. – Krakow : Wyd. A. Czuzcynski, 1894.

8. **Schaerffenberg, P.** Die Saxonia des Albert Krantz / P. Schaerffenberg. – Kiel : Meiningen, 1893.

9. **Schäfer, E.** Zur Geschichtschreibung des Albert Krantz. Rostocker Habilitationsschrift / E. Schäfer. – Hamburg, 1898.

10. **Новодворский, В. В.** Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитой (1570–1582) / В. В. Новодворский // Записки историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. – Санкт-Петербург, 1904. – 230 с.

11. **Осада** Пскова глазами иностранцев : дневники походов Батория на Россию (1580–1581 гг.). – Псков, 2005.

О. Л. Помалейко (Минск)

МИССИЯ ЖЕНЩИН В ПРИХОДАХ И МОНАСТЫРЯХ ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.)

В июле 2013 г. в стране прошли торжества по поводу 1025-летия Крещения Руси. В связи с этим нам представляется важным обратиться к некоторым страницам православной истории и посвятить статью миссии женщин в приходах и монастырях.

В приходах важную роль призваны были играть жены священников. Некоторые из них устраивали в собственных домах женские собрания и делились с крестьянками своими знаниями по жизненным вопросам. Сельские матушки обучали девушек рукоделию и шитью, давали наставления по ведению домашнего хозяйства, помогали советами замужним женщинам в их семейной жизни и воспитании детей, оказывали медицинскую помощь. Более того, зачастую заменяли мужей в школах в их отсутствие. Автор статьи «Священник и его жена как приходские деятели», опубликованной в «Вестнике Виленского свято-духовского братства» от 15 ноября 1911 г., утверждал, что знал немало таких женщин. И многое другое делали сельские матушки для народного блага, но деятельность эта, будучи безвестной, не выходила «за пределы захолустной глуши».

Примечателен пример сельской матушки Н. И. Покровской, которая с 1904 г. вела обучение девочек рукоделию в школе Старого Села Витебского уезда. «И так образцово поставила и развила рукодельный класс», что спустя 10 лет более 20 крестьянских девочек, ее учениц, состояли учительницами рукоделия в земских и других школах Витебской и соседних губерний. Работы школы на выставках удостаивались почетных наград. В 1914 г. матушка и попечительница учебного заведения приобрели станки и открыли ткацкую мастерскую. Причем было «все это сделано при отсутствии на бумаге профессионального класса» [1, с. 70].

Некоторые «передовые матушки» публиковали свои размышления на тему роли женщин в приходах. Так, одна из них, описав проблемы крестьянского быта, указала, что «… прекрасной миссией для будущих “матушек” должно быть предоставление здорового и осмысленного труда пастве своего мужа и просвещенное руководительство…». А для большей действенности необходимой помощи предложила матушкам окончить сельскохозяйственную школу [7, с. 176–183].

Однако в большинстве своем жены священников в приходской жизни почти ничем о себе не заявляли, к тому же слишком индифферентно относились к этому общество и само духовенство. Значительная часть обнаруженных публикаций была написана в качестве призывов к женщинам к более активной деятельности: обучению и воспитанию приходских детей в школах,

просвещению крестьянок, устройству яслей, искоренению пьянства. Более того, на Первом Всероссийском съезде по борьбе с пьянством (28 декабря 1909 г. − 6 января 1910 г.) и Всероссийском съезде практических деятелей по борьбе с алкоголизмом (6 августа 1912 г.) были приняты соответствующие документы о роли женщин в борьбе с этой проблемой. Так, в резолюции последнего форума указывалось, что: «Ввиду влияния женщины на семью и общество, съезд находит нужным предоставить ей возможно широкое активное участие в обществах трезвости; в особенности же важно и полезно участие в этом деле жен священников» [2, с. 1368].

Особая роль в православной миссии отводилась и женщине-матери, поскольку в семейной среде при воспитании детей она была первым и главным миссионером. Православные священники на них возлагали большие надежды еще и потому, что прихожанки должны были помочь им в борьбе с раскольничеством.

В мае 1910 г. в Полоцкой епархии прихожанками Спасо-Евфросиниевского монастыря, «отличающимися усердием и любовью к церкви», было образовано содружество религиозно-благотворительного характера − Евфросиниевский кружок. С этого же года в епархии стали появляться так называемые общества «церковниц или любительниц чистоты и благолепия в храмах Божиих». На их необходимость указал на епархиальном съезде Преосвященный Никодим, епископ Полоцкий. Он высказал «непреклонную волю, чтобы союзы эти были открыты во всех приходах, всеми священниками» [3, с. 149]. За их открытие высказался и К. Зайц, автор статьи «Союз благочестивых женщин». Он утверждал: «Давным-давно сознано, что велика сила убежденной женщины-христианки… Но до сего времени, к прискорбию, сила эта в нашей православной Церкви как бы игнорировалась…», в отличие от католицизма, которому «главные трофеи победы» доставляла именно католическая женщина. К. Зайц утверждал, что православная женщина также «может быть столь же мужественна в отстаивании истин православия» и усердна в их распространении, и предложил свое видение задач женских союзов. Среди них: 1) наблюдение за чистотой храма, 2) деятельное участие в церковных торжествах, 3) «благотворительность в приходе. Сестры союза лучше всего могут знать всех истинно нуждающихся в приходе; в пользу таковых они могут, по поручению и с благословения священника, делать сборы пожертвований, приглашать односельчан оказать помощь таковым своим трудом при обработке земли, уборке полей и пр., 4) обучение детей молитвам ..., 5) стояние на страже православия…». Подытожил автор свое размышление следующими словами: «Священник – первый миссионер в приходе, а главное миссионерское средство борьбы с врагами указывается ныне – союз благочестивых женщин» [3, с. 150−151].

Следует отметить, что в рассматриваемый период указанные женские религиозные организации, в состав которых входили «благонравнейшие и

самые религиозные девушки и женщины», принимали участие в церковной службе и оказывали большую помощь священнику в его борьбе с католицизмом и сектантством.

Еще одним направлением деятельности в этом русле было участие женщин в комитетах православного миссионерского общества, основной целью которых было привлечение к православию местных инородцев и иноверцев. Например, согласно отчету Витебского комитета за 1904 г., в нем состояло 8 женщин. В большей степени это выражалось внесением членских взносов. На реализацию целей общества определенные суммы направляли и женские монастыри.

В конце XIX − начале XX в. на территории Витебской губернии функционировали Полоцкий Спасо-Евфросиниевский, Тадулинский Успенский (м. Яновичи, Витебский уезд), Вербиловский Покровский (с. Вербилово, Себежский уезд) женские монастыри. В них отмечался рост числа насельниц. Например, в первом – с 35 в 1878 г. до 118 в 1900 г., во втором – от 37 в 1895 г. до 57 в 1916 г.

Следует обратить внимание на очень важную особенность: многие женские обители были в большей степени, чем мужские, связаны с миром. В частности, они принимали активное участие в деле воспитания и образования подрастающего поколения. Так, в 1891 г. при Свято-Успенском Тадулинском женском монастыре было открыто женское двухклассное училище, впоследствии преобразованное в педагогическую школу. Также при обители действовала образцовая церковно-приходская школа для мальчиков и девочек. Аналогичное учебное заведение было открыто в 1900 г. при Вербиловском монастыре.

Значительных успехов в деле образования достигли в Спасо-Евфросиниевском монастыре в Полоцке. С приходом в него игуменьи Евгении началось возрождение женского училища, основанного в 1847 г., в частности, был предпринят ряд мер по его обустройству. С сентября 1898 г. учебные занятия проходили в новом обширном здании, состоявшем из «трех прекрасных комнат для классов и большой светлой залы». Игуменья «с замечательным сочувствием относилась и ко всяким улучшениям в учебном и воспитательном строе училища». Так, в конце 70-х гг. XIX в. его двери широко открылись для учениц всех сословий (ранее училище имело более замкнутый и сословный характер). Для преподавания были приглашены учительницы, окончившие курс в Витебском духовном училище Мариинского ведомства, затем преподаватели Полоцкого кадетского корпуса. Значительно расширилась учебная программа. Ее рамки охватывали такие предметы, как педагогика, русская история, церковное пение, география, церковно-славянский язык, греческий язык, история русской литературы, физика и гимнастика. С 1900 г. были введены обучение скрипичной игре, преподавание иконописи, первоначальной медицинской помощи и гигиены детского возраста. Помимо этого, обучение рукоделию и домашнему хозяйству получило более практическое на-

правление. В итоге училище «приобрело добрую славу не только в Полоцкой епархии, но и в окружающих ее епархиях Западного края, что выразилось в большом количестве желавших поступить в него» [4, с. 506–528.].

В 1905 г. начальницей монастырского училища была назначена монахиня Нина. Ее усилиями оно в январе 1907 г. было преобразовано из трехклассного в шестиклассное и получило статус епархиального. В результате этого воспитанницы, окончив полный курс и получив звание домашней учительницы, получали большие права и преимущества при назначении на места учительниц начальных школ всех ведомств. Вторым достижением новой начальницы стала постройка в этом же году каменного трехэтажного здания для училища.

Матушка Нина «бесконечно много занималась вопросами образования и воспитания». Сама преподавала ряд дисциплин. При ней в курс обучения были введены иностранные языки и изящные искусства. Воспитанниц стали обучать основам сельского труда и пчеловодства, ведению домашнего хозяйства. В училище устраивались образовательные экскурсии, литературно-музыкальные и танцевальные вечера, ставились спектакли, в том числе и с целью «приучения старших воспитанниц к постановке детских школьных вечеров в предстоящей большинству из них педагогической деятельности». Желая лучше подготовить воспитанниц к жизни, начальница училища вела с ними религиозно-нравственные беседы. В 1913 г. назидания вышли в свет под названием «Наши беседы о жизни». В них немало внимания было уделено основам семейной жизни, нравственной ответственности замужества, причинам несчастных браков. В 1910 г. с целью оказания нравственной и материальной поддержки девушкам, окончившим училищный курс, усердием матушки было учреждено Спасо-Евфросиниевское братство, которое она и возглавила. 14–16 августа 1911 г. состоялось его первое собрание. На нем присутствовали 23 братчицы. Высокопреосвященный Серафим, благословляя их, пожелал «возрастать качественно и множиться количественно, покрывая собой светлыми точками родной Белорусский край» [5, с. 837–842].

Также матушка Нина имела особое попечение о монастырской церковноприходской школе. Для ее учащихся устраивала праздничные вечера, спектакли и рождественские елки. Все дети получали подарки, купленные на ее средства.

Отметим, что востребованность в общественной роли монахинь и послушниц проявлялась и в период стихийных бедствий, в годы войн. Так, с началом Первой мировой войны игуменья Нина устроила в собственной квартире лазарет на 5 кроватей, который содержала на свои средства. Трудилась в нем сестрой милосердия. Более того, в этом же качестве она реализовала себя и в военном госпитале, размещенном немного позже в здании училища. Вот что она писала в своем письме к писателю В. В. Розанову от

29–30 августа 1914 г.: «…Пришлось немедленно взяться за дело. Удовлетворить нуждам свыше 250 раненых, приходилось делать с врачами до 150 перевязок в день. Потом временный лазарет. Ставший бесконечно дорогим, прекратил свое существование, а на его место водворились два военных госпиталя – всего с больными у нас квартируется около 600 человек [,] … несешься по течению событий и, пожалуй, рада, что чувствуешь, живешь одними нервами со страной…» [6, с. 71–72]. К делам милосердия игуменья привлекла и своих воспитанниц, которые шили и вязали теплые вещи, изготовляли кисеты.

Обнаруженные материалы позволили прийти к выводу о том, что главной сферой женских полномочий в приходах и монастырях и применения их инициатив была социальная, где женщина взяла ответственность за деятельность, близкую ее традиционным ролям в семье и обществе. Монахини, помимо основного своего призвания, немало трудились на культурно-просветительской ниве. Они занимались религиозно-нравственным воспитанием детей, развитием и укреплением в их душах добрых христианских настроений и навыков. Стремились дать своим воспитанницам качественное образование.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Витебск** : пример достойный подражания // Вестник Виленского православного Свято-Духовского братства. – 1914. – № 4. – С. 70.

2. **Всероссийский** съезд практических деятелей по борьбе с алкоголизмом // Прибавления к Церковным ведомостям. – 1912. – 27 авг. (№ 34). – С. 1361–1371.

3. **Зайц, К.** Союз благочестивых женщин / К. Зайц // Вестник Виленского православного Свято-Духовского братства. – 1913. – № 7/8. – С. 149–151.

4. **Леонардов, Д.** Памяти настоятельницы Спасо-Евфросиниевского монастыря игумении Евгении / Д. Леонардов // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1900. – № 10. – С. 506–528.

5. **М. Н.** Годовое собрание Спасо-Евфросиниевского училищного братства 15–16 августа 1911 г. / М. Н. // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1911. – № 38. – С. 837–842.

6. **Нина** (Боянус). Наши беседы о жизни : жизнеописание, письма, воспоминания / игуменья Нина (Боянус). – Полоцк : Полоцк. Спасо-Ефросиниев монастырь ; Москва : Изд-во Сретен. монастыря, 2004. – 205 с. : [16] л. ил.

7. **Русская** женщина. Несколько слов о женских сельскохозяйственных школах // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1907. – № 5. – С. 176–183.

Р. І. Попель (Мінск)

КАМЕТА 1211 г. У ХРАНАГРАФІІ АД ЯНА ДЛУГАША ДА МІХАІЛА ПАНЦЫРНАГА: ЛЕГЕНДАРНЫЯ ЗВЕСТКІ І МАГЧЫМАЯ РЭАЛЬНАСЦЬ

Вывучэнне астранамічных звестак у сярэднявечных гістарычных крыніцах дагэтуль з'яўляецца недастаткова распрацаваным полем гістарычнага даследавання, асабліва калі гэта датычыцца рэгіёна Усходняй Еўропы. Пры гэтым адлюстраванне падобных звестак у крыніцах наўпрост залежыць ад асаблівасцяў свядомасці людзей тых часоў і часта знаходзіцца ў рэчышчы ўспрыняцця імі паняцця цудоўнага. «Цудоўнае» ва ўяўленні тагачасных людзей, па трапнай заўвазе Жака Ле Гофа, «знаходзіцца на перакрыжаванні рэлігіі, літаратурна-мастацкай творчасці, мыслення і адчувальнага ўспрыняцця» [1, с. 18]. Гэта ў поўнай ступені датычыцца і астранамічных звестак, а таксама іх інтэрпрэтацыі ў крыніцах часоў Сярэднявечча і Ранняга Новага часу. Відавочна, што на разуменне цудоўнага (у тым ліку і ў астранамічных назіраннях) наклала найвялікшы адбітак хрысціянская рэлігія [1, с. 42–43].

У дадзеным артыкуле робіцца спроба аналізу інфармацыі пра з'яўленне каметы 1211 г. у шэрагу ўсходнееўрапейскіх летапісаў XV–XVIII стст. Знаходзяцца гэтыя звесткі і ў помніку беларускага мясцовага летапісання XVIII ст. – Віцебскім летапісе, у якім інфармацыя пра астранамічныя з'явы сустракаецца 8 разоў. Кароткая класіфікацыя астранамічных звестак з названага летапісу прадстаўлена намі ў табліцы.

Астранамічныя звесткі ў Віцебскім летапісе

Від астранамічнай з'явы	Колькасць узгадак у летапісе	З іх паўтораў адных і тых жа звестак
Камета	4	1
Сонечнае гало	3	–
у тым ліку трайное гало	2	–
у тым ліку сонечны слуп	1	–
«Нябёсная карціна»	1	–
Усяго	8	1

Звернемся падрабязней да ўпамінання пра камету 1211 г., што змешчана ў першай частцы Віцебскага летапісу, якая была напісана Міхаілам Панцырным (зразумела, выкарыстоўвалася кампіляцыя з ранейшых летапісаў) і ахоплівала падзеі за перыяд ад 896 па 1709 г. У паметцы за 1211 г. чытаем:

На мове арыгінала	**На беларускай мове**
«Roku 1211. Była kometa wielka na niebie. Trwaiono dni osimnaście, maionc ogon roztoczony na zachod słońca. Znaczyła tatar pierwsze weyście do Polski i Rusi, ktorych przed to kometo nie bywało» [3, с. 194].	*«У год 1211. Была на небе вялікая камета. Трывала дзён васямнаццаць, мела хвост, скіраваны на захад сонца. Знакавала першае прышэсце татараў да Польшчы і Русі, якіх перад гэтаю каметаю не бывала»* (пераклад аўтара. – *Р. П.*)

Такім чынам, з'яўленне каметы асэнсоўваецца як знак будучага татарскага нашэсця. Да гэтага моманту абавязкова звернемся ніжэй, а зараз паспрабуем прасачыць трансляцыю звестак пра камету 1211 г. ва ўсходнееўрапейскай хранаграфіі. Відавочна, што ў Віцебскі летапіс дадзеная інфармацыя была запазычана з ранейшага летапісання і нават размешчана ў раздзеле пад назвай «Z inszych kronik przepisano» («З іншых хронік перапісана») [3, с. 193]. У якіх жа летапісах і ў якім выглядзе сустракаюцца гэтыя звесткі?

Найбольш ранняй захаванай крыніцай, дзе ёсць інфармацыя пра камету 1211 г., з'яўляецца вялікая праца польскага каноніка Яна Длугаша (1415–1480), што вядома як «Польская гісторыя» (у арыгінале – «Annales seu cronicae incliti Regni Poloniae»). Бясспрэчна, што Длугаш, які жыў праз паўтара стагоддзя пасля гіпатэтычнага з'яўлення каметы, узяў гэтыя звесткі ў нейкіх ранейшых, напэўна, не захаваных да нашых дзён, крыніцах. Пры гэтым даследчыца хронікі Длугаша Н. Шчавелева выказвае меркаванне, што гэта маглі быць пэўныя помнікі рускага летапісання, магчыма, Троіцкі і Сямёнаўскі летапісы [9, с. 448]. У любым выпадку, хроніка Длугаша – першая крыніца, у якой мы можам сустрэць згадку пра камету 1211 г., вытрымкі з якой прапануем:

«У той год у маі месяцы з'явілася зорка-камета, якая, працягнуўшы агністы хвост ад усходу на захад, васямнаццаць дзён знаходзілася вельмі паблізу ад рускіх зямель, прадракаючы паразу, якую яны атрымалі ў наступным годзе ад татараў» (пераклад аўтара з польскага выдання. – *Р. П.*) [13, s. 213].

Такім чынам, з'яўленне каметы непасрэдна звязваецца з прыходам татар, хоць Длугаш і сур'ёзна памыляецца ў датаванні татарскага нашэсця, якое ён адносіць да 1212 г.

Наступным, хто прыгадвае пра камету 1211 г., быў Мацей Мяхоўскі (1457–1523), польскі храніст, прыдворны ўрач караля Жыгімонта I. У сваім

«Трактаце пра дзве Сарматыі» («Tractatus de duabus Sarmatis Europiana et Asiana et de contentis in eis»), які быў выдадзены ў 1517 г., Мацей Мяхоўскі ўспамінае пра камету 1211 г. наступным чынам:

«У год Гасподні тысяча дзвесце адзінаццаты, у месяцы маі, з'явілася вялікая камета, якая заставалася [на небе] васямнаццаць дзён. Яна рухалася над полаўцамі, Танаісам і Русіяй, а хвастом цягнулася на захад, прадракаючы прыход татараў» (пераклад аўтара. – *Р. П.*) [5, с. 98].

Відавочна, гэта інфармацыя была запазычана Мацеем Мехавітам у Яна Длугаша, хаця, магчыма, Мацей Мяхоўскі выкарыстоўваў і пэўныя рускія крыніцы [5, с. 6]. Пра гэта можа сведчыць і тое, што ў інфармацыі пра камету ў Мяхоўскага ёсць звесткі, якіх няма ў Длугаша: згадкі пра тое, што камета рухалася над тэрыторыяй полаўцаў, Танаісам (рака Дон) і Руссю.

Звесткі пра камету 1211 г. пераходзяць і ў іншыя помнікі польскай хранаграфіі: «Пра паходжанне і дзеянні палякаў» («De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX», 1555 г.) Марціна Кромера, «Хроніку польскую» («Kronika polska», 1597 г.) Марціна Бельскага [10; 11]. Тут мы сустракаем амаль поўны паўтор інфармацыі з хронікі Яна Длугаша.

Транслююцца даныя пра камету 1211 г. і ў творах украінскага мясцовага летапісання, такіх, як Густынскі летапіс (пачатак XVII ст.), летапіс Яна Бініві́льскага (сярэдзіна XVII ст.) і інш. [2, с. 71; 4, с. 64]. Для прыкладу прыгадаем адпаведны запіс з хронікі Яна Бініві́льскага:

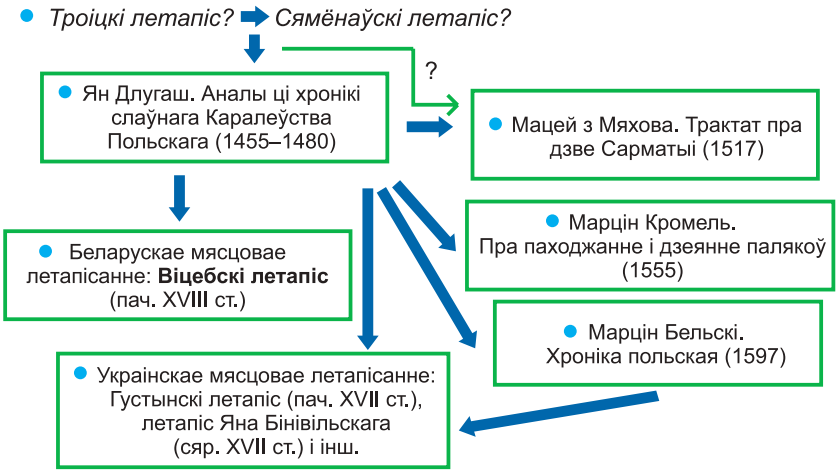
«Року 1211. Того ж року било комета великая, тривала дний 18 м(іся) ця мая на всход слонца. Которая много злого знаменовала н(а)шим краем. Абовем татарове, люде у нас пред тим неслихание, пришедъши тут от всходу слонца и преправившис през реку Волгу» [4, с. 64].

Як бачым, запазычанасць матэрыялу тут (як і ў іншых украінскіх летапісах) відавочная. Выкарыстоўваліся кампіляцыі з тых жа самых Я. Длугаша, М. Бельскага і інш. [4, с. 61]. Выдатна прасочваецца і стабільная асацыяцыя з'яўлення на ўсходзе каметы з будучым прыходам з усходу татарскай навалы.

І, у рэшце рэшт, з хронікі Яна Длугаша – найбольш вядомага твора польскай хранаграфіі – інфармацыя пра камету ў пачатку XVIII ст. транслюецца ў Віцебскі летапіс, пра што падрабязна мы ўжо прыгадвалі вышэй. Такім чынам, трансляцыю звестак пра камету 1211 г. ва ўсходне-еўрапейскай хранаграфіі можна прадставіць у выглядзе складзенай намі схемы (прыведзена ніжэй. – *Р. П.*).

Аднак наколькі можна давяраць скупым узгадкам у крыніцах пра камету 1211 г., калі ўсе яны ўзыходзяць да фактычна адзінай вядомай нам першакрыніцы – хронікі Яна Длугаша, якая была створана толькі ў XV ст.? Да таго ж Длугаш памылкова датуе пачатак татарскага нашэсця 1212 г. і звязвае з'яўленне каметы менавіта з гэтымі падзеямі. Можа Длугаш памыліўся ў датаванні каметы ці наогул яна была «створана» фантазіяй

тагачасных людзей? Дарэчы, фактычна да нашага часу як у астраноміі, так і ў гістарыяграфіі меркаванне пра фантастычнасць каметы 1211 г. было практычна прынятае як правільнае. Яшчэ В. М. Тацішчаў у сваёй працы «История Российская» (друкавалася ў 1768–1843 гг.) выказаў гіпотэзу пра тое, што ніякай каметы ў 1211 г. бачна не было, а Я. Длугаш прыняў за яе з'яўленне каметы Галея ў 1222 г., што было зафіксавана ў шматлікіх крыніцах [8, с. 213, 264].



Трансляцыя звестак пра камету 1211 г. у хранаграфіі Польшчы і Русі

Гэта падмацоўвалася ідэяй пра тое, што першы напад татараў на Русь адбыўся ў 1223 г., на наступны год пасля з'яўлення каметы Галея. Адсюль В. М. Тацішчаў рабіў выснову, што Ян Длугаш проста пераблытаў не толькі год нашэсця татараў, але і год з'яўлення каметы, зрабіў іх больш раннімі на 11 гадоў. Аднак В. М. Тацішчава не бянтэжыла тое, што камета 1211 г. ва ўсіх крыніцах назіралася ў маі, а камета Галея 1222 г. – у верасні [12, р. 208, 209].

Погляды, ідэнтычныя меркаванням В. М. Тацішчава, прадстаўляў і М. Марозаў у сваёй вельмі неадназначнай працы «Христос. История человечества в естественнонаучном освещении» (1924–1932). Ён таксама пагаджаўся, што Длугаш прыняў за камету 1211 г. камету Галея 1222 г., а з 1151 па 1222 г. ніякіх камет бачна не было [6, с. 183]. Нават выдатны рускі астраном і гісторык астраноміі першай паловы XX ст. Даніил Свяцкі ў сваёй грунтоўнай працы «Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения» (1915) наогул не прыгадвае нічога пра камету 1211 г., што можна зразумець, напэўна, як адмаўленне ім праўдападобнасці факта яе з'яўлення [7]. Сучасны расійскі даследчык астраноміі М. Гарадзецкі, што перавыдаў працу Свяцкага ў 2007 г., сумняваецца ў сапраўднасці бачання каметы ў 1211 г. [7, с. 219].

Тым не менш у нас ёсць прычыны лічыць, што сузіранне каметы на тэрыторыі Усходняй Еўропы ў 1211 г. магло быць цалкам рэальным. Яшчэ Р. Секігуці, які ў 1917 г. выдаў першы грунтоўны каталог гістарычных назіранняў камет з далучэннем старажытнакарэйскіх крыніц, указваў, што ў 1211 г. камета назіралася ў Карэі [12, p. 208]. Сучасны амерыканскі даследчык астраноміі Гары Кронк у першым томе сваёй чатырохтомнай працы «Cometography» (1999) прыгадвае фіксацыю ў тагачасных карэйскіх крыніцах каметы, якая была падобна на «белы пар» у небе. За дадзенай каметай сачылі з тэрыторыі Карэі ў чэрвені 1211 г. [12, p. 208]. Улічваючы гэта, мы можам выказаць меркаванне, што гэтая ж камета магла сузірацца і ва Усходняй Еўропе, будучы адлюстраванай у старажытнарускай і польскай хранаграфіях. У пэўнай ступені гэта пацвярджаецца і амаль супадзеннем дат фіксацыі каметы – у карэйскіх крыніцах яна назіралася ў чэрвені 1211 г., у хроніках Польшчы і Русі – у маі таго ж года. Дастаткова цікавым з'яўляецца і тое, што ва ўсіх усходнееўрапейскіх хроніках, пачынаючы ад Длугаша, прыгадваецца, што з тэрыторыі Еўропы камета была бачна менавіта на ўсходзе, у той час дакладна вядома, што яна назіралася ў Карэі.

У святле ўсяго, што было сказана вышэй, ідэя рэальнасці назірання каметы ва Усходняй Еўропе не здаецца такой ужо фантастычнай. Асмелімся выказаць яшчэ адно меркаванне. Мы разумеем, што гэта, безумоўна, немагчыма даказаць, але мабыць, з'яўленне каметы ў 1211 г. ва ўсходняй частцы неба з цягам часу сапраўды было інтэрпрэтавана ў сувязі з прыходам з усходу татар, як папярэджанне пра будучую бяду. А гэта цалкам знаходзіцца ў рэчышчы ўспрыняцця ў тагачасным грамадстве ўяўленняў пра цудоўнае.

ЛІТАРАТУРА

1. **Ле Гофф, Ж.** Средневековый мир воображаемого : пер. с фр. / Ж. Ле Гофф ; под ред. С. К. Цатуровой. – Москва : Прогресс, 2001. – 440 с.

2. **Летопись** Густынского монастыря // ЧОИДР. – 1848. – № 8. – 76 с.

3. **Летопись** Панцырного и Аверки // Полное собрание русских летописей / АН СССР, Ин-т истории. – Москва : Наука, 1965–1980. – Т. 32 : Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца ; Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного / [сост., ред. Н. Н. Улащик]. – 1975. – С. 193–205.

4. **Літопис** Яна Бінвільського // НаУКМА. Наукові записки. Історичні науки / Ю. Мицик. – 2002. – Т. 20, ч. 2. – С. 60–77.

5. **Меховский, М.** Трактат о двух Сарматиях / М. Меховский ; пер., коммент. С. А. Аннинского. – Москва : АН СССР, 1936. – 301 с.

6. **Морозов, Н. А.** Христос. История человечества в естественнонаучном освещении : [в 7 т.] / Н. А. Морозов. – Москва : Крафт+, 1998. – Т. 6.

7. **Святский, Д. О.** Астрономия Древней Руси / Д. О. Святский ; авт. предисл., коммент., доп. М. Л. Городецкий. – Москва : Рус. панорама, 2007. – 664 с.

8. **Татищев, В. Н.** Собрание сочинений : в 8 т. / В. Н. Татищев. – Москва : Наука, 1962–1979. – Т. 3. – 1964. – 340 с.

9. **Щавелева, Н. И.** Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша : кн. 1–6 : текст, перевод, коммент. / Н. И. Щавелева ; под ред. и с доп. А. В. Назаренко. – Москва : Памятники ист. мысли, 2004. – 493 с.

10. **Bielski, M.** Kronika polska / M. Bielski. – Sanok : Nakład i druk Karola Pollaka, 1856.

11. **Kromer, M.** Kronika polska / M. Kromer // Marcin z Błażowa Błażowskiego. – Kraków : Księgarnia J. M. Himmelblaua, 1882. – 1500 s.

12. **Kronk, G. W.** Cometography / G. W. Kronk. – Cambridge University Press. – Volume 1 : Ancient-1799 : a Catalog of Comets. – 1999. – 576 p.

13. **Roczniki**, czyli Kroniki sławnego Królestwa Polskiego : dzeło czcigodnego Jana Długosza : T. 1–11 (ks. 1–12) / przewodniczący Komitetu Redakcyjnego J. Wyrozumski. – Warszawa, 1962–2004. – 1973. – T. 3, ks. 6.

Е. Г. Трусова (Витебск)

ВИТЕБСКИЙ НИКОЛАЕВСКИЙ СОБОР: ИСТОРИЯ УНИЧТОЖЕНИЯ

На протяжении всей истории советского периода церковь была отделена от государства, при этом государство постоянно посягало на ее права. Судьба витебского Николаевского собора типична для того времени. Документы Государственного архива Витебской области позволяют проследить историю последовательного разрушения собора и вместе с тем отношение государства к церкви и культуре в советском обществе.

Наступление на церковь началось с уничтожения ее как экономической силы. Первым шагом в этом направлении были Декрет о земле и Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви, которые провозглашали, что монастырские и церковные земли отчуждаются безвозмездно, никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть имуществом, землей, их собственность является общенародным достоянием. Затем, в 1922 г., началась кампания по конфискации церковных ценностей.

Постановлением Витебского губернского исполнительного комитета от 3 февраля 1922 г. была создана Витебская губернская комиссия по конфискации церковных ценностей. Сначала она провела учет ценностей, а потом, после окончания пасхальной недели, начала их изъятие [1, л. 78].

В соответствии с постановлением Всероссийского Центрального исполнительного комитета конфискации подлежали предметы из золота, серебра, драгоценных камней. Но нередко при этом забирали медные вещи и предметы, которые были необходимы для отправления богослужения. Так, 5 мая 1922 г. настоятель Николаевского собора протоиерей Николай Околович писал в комиссию по конфискации ценностей: «Оказалось, что:

1) из Кафедрального Собора в числе серебряных ценностей и вещей конфискованы 2 медных листа с рисунками. Это штампы для выполнения оттисков антиминсов, которые необходимы архиерею, и сами по себе никакой ценности не представляют; 2) в Кафедральном Соборе оставлены дарохранительницы только на 2-х боковых престолах, а с центрального престола дарохранительница снята. Между тем, по каноническим правилам православной церкви дарохранительница, как крест и Евангелие, являются необходимыми принадлежностями каждого престола; 3) из 10 архиерейских панагий и стольких же архиерейских нагрудных крестов оставлены комиссией только одна старая неиспользуемая панагия и один крест без цепочки, так что Архиерею по необходимости приходится отправлять богослужение без Архиерейского креста и использовать обычный иерейский крест (…). В связи с вышеизложенным прошу комиссию вернуть в Кафедральный Собор 2 медных листа с изображениями – штампы для исполнения оттисков антиминсов, отпустить для Архиерейского богослужения в Собор самое малое одну хорошую панагию, нагрудный архиерейский крест и одну дарохранительницу» [1, л. 342].

Возвращены собору были только два медных листа и одна дарохранительница [1, л. 342]. Всего в Николаевском соборе было конфисковано серебряных предметов весом 1 пуд 19 фунтов 56 золотников [2, л. 20 об.]. Какие предметы были вывезены из храма, видно из описи, составленной 11 июля 1922 г. губернской комиссией по конфискации церковных ценностей [2, л. 20].

№ п/п	Предметы	Материал	Количество	Вес, фунт/ золотник
1	Трикирий и Декирий	Серебро	2	2/73
2	Блюдо большое	-«-	1	10/84
3	Блюда	-«-	1	3/14
4	Поднос	-«-	1	1/1
5	Блюда	-«-	1	2/75 12-й пробы
6	Жбан	-«-	1	2/43
7	Чаша	-«-	3	2/48
8	Дарохранительница	-«-	1	2/60
9	Ковш	-«-	3	–/88
10	Лампада	-«-	1	–/23
11	Дискосы	-«-	2	–/82
12	Звездица	-«-	1	–/54
13	Крест с простыми камнями	-«-	1	1/86
14	Кресты	-«-	2	–/71
15	Тарелочки	-«-	4	–/91

№ п/п	Предметы	Материал	Количество	Вес, фунт/ золотник
16	Кутасики	-«-	2	–/18
17	Илжицы	-«-	6	–/42
18	Украшение с митры	-«-	–	–/62
19	Крест	-«-	1	–/15
20	Крестик с 4 жемчужинами и 4 простыми камнями	-«-	1	–/2
21	Ризы с икон	-«-	3	–/83
22	Украшение Евангелия	-«-	–	–/55
23	Чарочки	-«-	2	–/6
24	Ручка	-«-	1	–/4
25	Часть кутасика	-«-	1	–/1
26	Части от дароносиц	-«-	2	–/8
27	Вотум	-«-	1	–/3
28	Веночек с иконы	-«-	1	1/14
29	Лом	-«-	1	–/10
30	Украшение от митры	-«-	–	1/57
31	Напрестольный крест	-«-	1	3/31

За весь период кампании по Витебской губернии было конфисковано 10 пудов 9 фунтов 52 золотника 70 долей серебра, 1 фунт 93 золотника 10 долей золота, 51 золотник 81 доля драгоценных камней, 725 руб. 25 коп. банковского серебра (Николаевского); 207 руб. 55 коп. разменной серебряной монеты; 985 руб. золотой монеты (Николаевской); 75 трубок парчи, 16 пачек фольги [1, л. 503]. Все это было отправлено в Москву в Госхран. Как видим, одна десятая часть серебра была изъята именно из Николаевского собора.

Конфискация в 1922 г. не была последней для собора. Сохранился акт от 24 января 1930 г. о конфискации церковного архива. «Я, заведующий отделением Центрального архива БССР, – читаем в документе, – на основании свидетельства, выданного Витебским городским Советом от 20.01.30 г. за № 78, произвел обследование и конфискацию церковного архива Николаевского собора в Витебске в присутствии священника этой церкви гр. Костки, представителя 2-го отделения милиции тов. Германенко и архивариуса Витебского архива тов. Сахачевского, причем выявилось следующее: архивный материал за 1923–1926 гг. в количестве 2-х связок находился в шкафу в коридоре Собора, а остальной за неизвестные годы находился в ящиках в чердачном помещении. Выявить, за какие годы и что там находится, не представляется возможным на месте в Соборе, и они конфискованы и переданы в Витебский архив, где будут распакованы и приведены в соответствующий порядок. Всего ящиков 38 штук. О чем и составлен этот акт» [3, л. 4–5].

После уничтожения церкви как экономической силы основной задачей государства стала ликвидация ее как общественно-политической силы. Отличительные черты этой политики – антирелигиозная пропаганда, репрессии против духовенства, закрытие культовых учреждений и использование их зданий в культурно-просветительских целях, а со второй половины 1930-х гг. разрушение культовых сооружений, большинство из которых являлось памятниками истории и архитектуры.

Документов о том, как сложилась судьба Николаевского собора в то время, в частности, когда в нем было прервано богослужение, не сохранилось. Одно только можно сказать, что собору повезло больше, чем Витебской Воскресенской церкви и Успенскому собору, которые были разрушены в 1936 г., несмотря на то, что являлись государственной собственностью БССР [4, л. 99–100]. После уничтожения этих храмов собор простоял более 20 лет.

Великая Отечественная война нанесла большой ущерб культовым сооружениям Витебска, все они понесли потери в той или иной степени. Как свидетельствует список памятников архитектуры города за 1946 г., Николаевский собор в годы войны был разрушен на 40–50%, после войны в нем находился склад отдела социального обеспечения [5, л. 96].

В октябре 1949 г. управлением по делам архитектуры при Совете Министров БССР был составлен новый список памятников архитектуры по г. Витебску, куда Николаевский собор, как и другие 10 церквей, включен не был [6, л. 67].

3 марта 1957 г. Витебский облисполком разрешил Витебскому горисполкому произвести «разборку коробки бывшего Собора» [7, л. 226]. 12 марта были проведены подрывные работы, в результате которых здание собора было разрушено [8, л. 31–32]. Так закончилась история одного из красивейших храмов Витебска.

И последний штрих. 13 апреля 1957 г. председатель Витебского горисполкома дал распоряжение городскому отделу коммунального хозяйства премировать работников, отличившихся при выполнении подрывных работ [8, л. 39].

ЛИТЕРАТУРА

1. **Государственный** архив Витебской области. – Фонд 123. – Оп. 1. – Д. 771.
2. **Государственный** архив Витебской области. – Фонд 123. – Оп. 1. – Д. 758.
3. **Государственный** архив Витебской области. – Фонд 289. – Оп. 1. – Д. 98.
4. **Государственный** архив Витебской области. – Фонд 1947. – Оп. 1. – Д. 69.
5. **Государственный** архив Витебской области. – Фонд 2820. – Оп. 1. – Д. 27.
6. **Государственный** архив Витебской области. – Фонд 2820. – Оп. 4. – Д. 7.
7. **Государственный** архив Витебской области. – Фонд 1966. – Оп. 12. – Д. 535.
8. **Государственный** архив Витебской области. – Фонд 322. – Оп. 7. – Д. 27.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

К материалу В. В. Рогач

Экслибрис А. П. Сапунова

Приложение 2

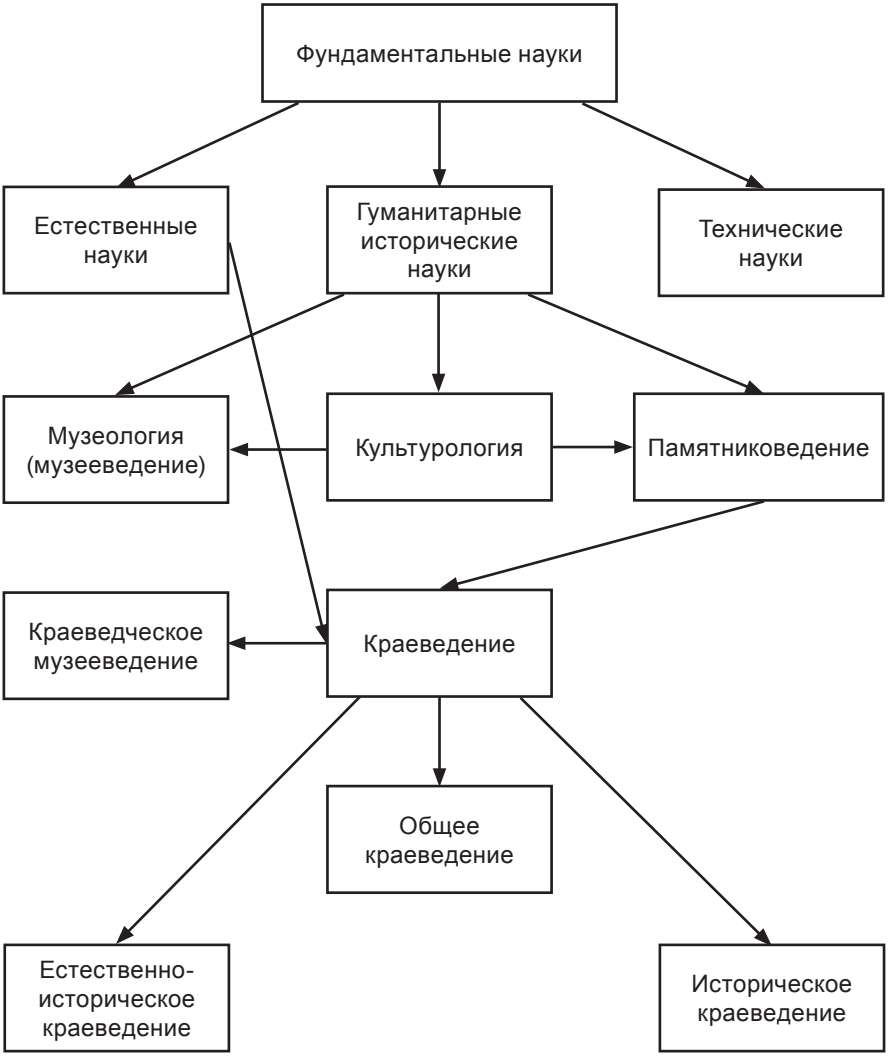
К материалу А. В. Ганчаровой

Иван Юрьевич Сабин-Гус (1897)

Ольга Леонтьевна с дочерью Еленой

Семья И. Ю. Сабин-Гуса

К материалу Д. В. Кепина



Классификационный фрагмент «Краеведение»

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеева Татьяна Владимировна	Старший преподаватель кафедры белорусской литературы УО «Витебский государственный университет им. П. М. Машерова»
Алиева Людмила Владимировна	Кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории ФГБОУ ВПО «Псковский государственный университет»
Афанасенко Юрий Юрьевич	Аспирант ГУО «Республиканский институт высшей школы»
Ашуева Вера Евгеньевна	Старший научный сотрудник Музея белорусского книгопечатания – филиала Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника
Базаревич Анна Хасениевна	Главный хранитель фондов НИУК «Браславское районное объединение музеев»
Бакунова Татьяна Валерьевна	Магистрант кафедры отечественной и всеобщей истории УО «Полоцкий государственный университет»
Бараненко Виктор Викторович	Магистр исторических наук, аспирант ГУО «Республиканский институт высшей школы»
Барановский Александр Викторович	Студент исторического факультета УО «Витебский государственный университет им. П. М. Машерова»
Белоусова Ольга Сергеевна	Ведущий архивист отдела научного использования и публикации документов учреждения «Государственный архив Витебской области»
Блажевич Ирина Владимировна	Магистр, аспирантка Ягеллонского университета г. Кракова
Буйницкий Сергей Александрович	Студент 1 курса физического факультета УО «Витебский государственный университет им. П. М. Машерова»
Буховец Петр Петрович	Магистр исторических наук, аспирант УО «Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка»
Варламова Надежда Петровна	Заведующая научно-экспозиционным отделом УК «Витебский областной краеведческий музей»
Василицына Любовь Александровна	Магистрантка УО «Витебский государственный университет им. П. М. Машерова»
Волчек Мария Викторовна	Магистр педагогических наук, библиограф отдела библиографической обработки документов Национальной библиотеки Беларуси, аспирантка кафедры теории и истории информационно-документных коммуникаций УО «Белорусский государственный университет культуры и искусств»
Восович Сергей Михайлович	Кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-политических и исторических наук УО «Брестский государственный технический университет»

Гаврилова Славина Вячеславовна	Ведущий научный сотрудник Краеведческого музея – филиала Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника
Ганчарова Анжелика Викторовна	Заведующая отделом краеведческой литературы и библиографии ГУ «Витебская областная библиотека им. В. И. Ленина»
Гладкова Анна Александровна	Кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской литературы УО «Витебский государственный университет им. П. М. Машерова»
Дулов Анатолий Николаевич	Кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Беларуси УО «Витебский государственный университет им. П. М. Машерова»
Ерошевич Александр Владимирович	Кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии УО «Белорусский государственный экономический университет»
Жарин Дмитрий Валерьевич	Магистр гуманитарных наук, методист Центра проблем развития образования УО «Белорусский государственный университет»
Зуева Надежда Николаевна	Магистрант факультета белорусской филологии и культуры УО «Витебский государственный университет им. П. М. Машерова»
Иванова Татьяна Петровна	Кандидат исторических наук, доцент кафедры правоведения Витебского филиала УО ФПБ «Международный университет «МИТСО»
Изергина Елена Николаевна	Магистрант УО «Полоцкий государственный университет»
Карпекин Константин Григорьевич	Кандидат исторических наук, главный хранитель фондов учреждения «Государственный архив Витебской области»
Кепин Дмитрий Владимирович	Кандидат исторических наук, научный сотрудник, ученый секретарь отдела культурного наследия Центра памятниковедения НАН Украины и Украинского общества охраны памятников истории и культуры
Корсак Алеся Иосифовна	Кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории УО «Полоцкий государственный университет»
Космач Вениамин Аркадьевич	Доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и музеологии ФГБОУ ВПО «Псковский государственный университет»
Коханко Владимир Петрович	Заведующий отделом использования и публикации документов учреждения «Государственный архив Витебской области»
Крюковский Владимир Дмитриевич	Кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории УО «Белорусский государственный аграрный технический университет»

Кухарик Евгений Александрович	Студент геолого-географического факультета УО «Гомельский государственный университет им. Фонд Скорины»
Лебедева Валентина Михайловна	Старший преподаватель кафедры белорусской культуры и фольклористики филологического факультета УО «Гомельский государственный университет им. Фонд Скорины»
Лесная Ольга Юрьевна	Преподаватель кафедры всеобщей истории и мировой культуры УО «Витебский государственный университет им. П. М. Машерова»
Мартинович Сергей Викторович	Магистр педагогики (история), главный хранитель фондов УК «Витебский районный историко-краеведческий музей»
Михайлов Андрей Александрович	Доктор исторических наук, научный сотрудник Научно-исследовательского отдела (военной истории Северо-Западного региона РФ) Научно-исследовательского института военной истории Военной академии Генерального штаба ВС РФ
Морозов Артем Александрович	Студент 1 курса физического факультета УО «Витебский государственный университет им. П. М. Машерова»
Овчиникова Анна Олеговна	Старший научный сотрудник УК «Витебский областной краеведческий музей»
Пастернак Анна Михайловна	Аспирантка кафедры истории Беларуси УО «Витебский государственный университет им. П. М. Машерова»
Петухов Александр Васильевич	Магистр исторических наук, аспирант кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени УО «Белорусский государственный университет»
Пивовар Николай Васильевич	Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси УО «Витебский государственный университет им. П. М. Машерова»
Подберёзкин Филипп Дмитриевич	Студент исторического факультета УО «Белорусский государственный университет»
Подлипский Аркадий Михайлович	Краевед, журналист
Помалейко Ольга Леонидовна	Старший преподаватель кафедры философии и идеологической работы УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»
Попель Родион Игоревич	Магистр исторических наук, аспирант кафедры историко-культурного наследия Беларуси ГУО «Республиканский институт высшей школы»
Поясок Сергей Николаевич	Курсант факультета внутренних войск УО «Военная академия Республики Беларусь»
Рогач Вера Валентиновна	Старший научный сотрудник УК «Витебский областной краеведческий музей»

Самонова Мария Николаевна	Магистр исторических наук, ассистент УО «Гомельский государственный университет им. Фонд Скорины»
Симакова Инна Николаевна	Магистр исторических наук, методист отдела научно-методического обеспечения развития музейной деятельности ГУО «Институт культуры Беларуси»
Терех Евгений Геннадьевич	Курсант факультета внутренних войск УО «Военная академия Республики Беларусь»
Трофимчик Анастасия Валентиновна	Заведующая отделом научной пропаганды учреждения «Государственный литературно-мемориальный музей Якуба Коласа»
Трусова Елена Григорьевна	Старший преподаватель кафедры философии УО «Витебский государственный университет им. П. М. Машерова»
Цинкевич Алеся Александровна	Магистр исторических наук, аспирантка исторического факультета УО «Белорусский государственный университет»
Шевкун Павел Викторович	Старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук УО «Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет»
Шишанов Валерий Алексеевич	Заместитель директора по науке УК «Витебский областной краеведческий музей»
Юрчак Денис Валерьевич	Старший преподаватель кафедры истории Беларуси, заместитель декана исторического факультета УО «Витебский государственный университет им. П. М. Машерова»
Ященко Оксана Григорьевна	Кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории Беларуси УО «Гомельский государственный университет им. Фонд Скорины»

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

ЖИЗНЬ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А. П. САПУНОВА

Белоусова О. С. Документы в фондах Государственного архива Витебской области об историке и краеведе А. П. Сапунове. 5

Варламова Н. П. О публикациях и рукописях А. П. Сапунова 1918–1924 гг. 9

Коханко В. П. Документы Витебского губернского статистического бюро о деятельности А. П. Сапунова 20

Лебедзева В. М. Кантакты М. В. Доўнар-Запольскага і А. П. Сапунова 26

Пастэрнак Г. М. Гісторыя Віцебскага Свята-Троіцкага Маркава манастыра ў працах А. П. Сапунова. 30

Подлипский А. М. Известные книги Алексея Сапунова 34

Подлипский А. М. Витебский краеведческий фонд имени А. П. Сапунова. 42

Рогач В. В. Экслибрис А. П. Сапунова 46

Цинкевич А. А. Последствия военной кампании 1812 г. для Витебской губернии (по материалам трудов А. П. Сапунова). 49

Шевкун П. В. Церковно-историческая проблематика в научном наследии А. П. Сапунова 52

Шишанов В. А. Материалы об исследовательской и публикаторской деятельности А. П. Сапунова в Российском государственном архиве литературы и искусства 57

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ПОДВИНЬЯ (ОТ ДРЕВНОСТИ ДО СОВРЕМЕННОСТИ)

Алиева Л. В. Переход от общинного землепользования к хуторскому хозяйству (на примере хозяйства крестьянина д. Слободки Стрижевской волости Лепельского уезда Витебской губернии Евстафия Высокогорца) 66

Аляксеева Т. У. Творчая індывідуальнасць Фёдара Палачаніна – драматурга. 69

Афанасенко Ю. Ю. Миссия Иеронима пражского в восточную Европу: к вопросу о визите в Витебск 74

Базарэвіч Г. Х. Отан Гедэман – даследчык гісторыі гарадоў і мястэчак Падзвіння 79

Бакунова Т. В. Ювелірныя ўпрыгажэнні шляхцянак і мяшчанак на тэрыторыі Паўночнай Беларусі ў XVII–XVIII стст. (згодна з актавымі матэрыяламі). 83

Бухавец П. П. Стварэнне сельскагаспадарчых таварыстваў у Віцебскай губерні (2-я палова XIX – пачатак XX ст.) 87

Гладкова Г. А. Вобраз малой радзімы ў паэзіі Ф. Д. Князьніна 91

Дулов А. Н. Проблема датировки легенды об основании Витебска княгиней Ольгой 96

Ерашэвіч А. У. Нядоімкі дзяржаўных падаткаў і земскіх збораў у Віцебскай губерні (1802–1812). 102

Жарын Д. В. Лагістычны аспект ганзейскага гандлю па Заходняй Дзвіне ў XIII–XV стст. 108

Зуева Н. М. Вобраз дзівака ў творчай спадчыне Лукаша Калюгі і Васіля Шукшына 113

Иванова Т. П. Деятельность органов управления Витебской губернии по организации быта горожан в начале 1920-х гг. 117

Корсак А. И. Освобождение Полоцка (29 июня – 4 июля 1944 г.) в воспоминаниях его участников. 122

Крюковский В. Д. Деятельность комсомола и учреждений культуры Беларуси в системе отношений государства и церкви в 70-е гг. XX в. 130

Кухарик Е. А. Природные ландшафты Подвинья: описание, хозяйственное использование, охрана 134

Михайлов А. А. Генерал-лейтенант Н. Ф. Окулич-Казарин: военный юрист, краевед, историк 138

Самонова М. Н. Подвинье в контактах восточных славян со скандинавами 148

Трафімчык Н. В. Матэрыяльнае становішча насельніцтва Ушацкага раёна ў першыя гады пасля вызвалення ад нацысцкай акупацыі. 152

Юрчак Д. В., Буйницкий С. А., Морозов А. А. 3D-реконструкция памятников археологии как форма визуализации истории (на примере Витебска) 156

Ященко О. Г. Быт жителей Витебска в начале XX в.. 160

ИСТОРИЯ КРАЕВЕДЕНИЯ. БИБЛИОТЕЧНО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ И МУЗЕЙНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ. ЭКСКУРСИОННОЕ ДЕЛО

Ашуева В. Я. Беларускія выданні канца XIX – пачатку XX ст. у фондах Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка 165

Блажевич И. В. Этнокультурный потенциал как фактор повышения экскурсионной привлекательности районов 170

Волчек М. В. Краеведческие библиографические пособия областных библиотек Беларуси патриотической тематики 176

Ганчарова А. В. Использование электронной коллекции «Витебщина: документальное наследие» в поиске малоизвестных исторических фактов, выявлении и возвращении незаслуженно забытых имен в истории края 181

Кепин Д. В. Перспективы развития краеведческих музеев в Украине. 188

Півавар М. В. Традыцыі А. П. Сапунова на пачатку XXI ст.: некаторыя грамадскія краязнаўчыя ініцыятывы ў Інтэрнэце. 191

Поясок С. Н., Булгак Д. В. Развитие краеведения в послевоенный период. 196

Сімакова І. М. Вывучэнне этнакультурнай спадчыны музеямі Беларусі (на прыкладзе музейных выданняў 1991–2011 гг.) 201

Терех Е. Г., Булгак Д. В. Роль музеев в воспитательном процессе военных заведений 207

Юрчак Д. В. Двина А. П. Сапунова в условиях строительства каскада гидроэлектростанций (сохранение облика реки для потомков). 210

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ПОДВИНЬЯ. ЦЕРКОВНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

Бараненка В. В. Кампанія па вяртанні праваслаўных храмаў у 1930 г. (на прыкладзе Віцебскай акругі) 214

Бараноўскі А. В. Агляд крыніц па гісторыі вёскі Беліца Сенненскага раёна і сядзібы Свяцкіх 220

Василицына Л. А. «Полоцкие епархиальные ведомости» как источник по истории Свято-Успенского Тадулинского женского монастыря 222

Гаврилова С. В. Первая мировая война в судьбе Полоцкого Спасо-Евфросиниевского женского монастыря. 227

Ізергіна А. М. Рэлігійнае жыццё насельніцтва Жаснянскай гміны ў складзе II Рэчы Паспалітай (1921–1939) 231

Карпекін К. Р. Праваслаўныя цэрквы Лёзненшчыны ў XIX – сярэдзіне XX ст. 237

Космач В. А. Полоцк в «Записках немца-опричника» Г. Штадена. 241

Лесная О. Ю. Архитектурная эволюция культовых сооружений Витебска в связи с социально-политическими трансформациями 244

Марціновіч С. В. Сучасны «гарадскі фальклор» Віцебска і Віцебскага раёна як крыніца па гісторыі Падзвіння 249

Овчинникова А. О. Витебские краеведческие издания второй половины XIX – начала XX в. в фондах Витебского областного краеведческого музея 253

Петухов А. В. Павел Пороменский (1881–1963) как историк и педагог Паричского женского училища духовного ведомства 256

Подберёзкин Ф. Д. «Вандалия» Альберта Кранца как источник по истории Ливонии: история одного послания 261

Помалейко О. Л. Миссия женщин в приходах и монастырях Витебской губернии (конец XIX – начало XX в.) 265

Попель Р. І. Камета 1211 г. у хранаграфіі ад Яна Длугаша да Міхаіла Панцырнага: легендарныя звесткі і магчымая рэальнасць 270

Трусова Е. Г. Витебский Николаевский собор: история уничтожения 275

Приложения 279

Сведения об авторах 283

Научное издание

КНИЖНОЕ НАСЛЕДИЕ А. П. САПУНОВА

МАТЕРИАЛЫ
республиканской научно-практической
конференции к юбилеям издания А. П. Сапуновым книг
«Витебская старина» (т. 1, 1883)
и «Река Западная Двина» (1893)

23 декабря 2013 г.

На русском, белорусском языках

Редакторы Е. М. Бильдюк, Ж. К. Зеневич, О. В. Шарпило
Компьютерная верстка Д. В. Макаревича

Подписано в печать 16.06.2014. Формат 60x84 1/8. Цифровая печать.
Усл. печ. л. 16,97. Уч.-изд. л. 15,73. Тираж 65 экз. Заказ 497.

Издатель и полиграфическое исполнение:
государственное учреждение «Национальная библиотека Беларуси».

ЛИ № 02330/0552578 от 01.10.2009.
ЛП № 02330/0552703 от 30.07.2009.

Пр. Независимости, 116, 220114, г. Минск.
Тел.: (+375 17) 293 27 68, 293 27 60. Факс (+375 17) 266 37 23.
E-mail: edit@nlb.by.